

Министерство внутренних дел Российской Федерации

Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Сборник статей

Орёл
ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова
2025

Министерство внутренних дел Российской Федерации

**Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова**

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

Сборник статей

**Орёл
ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова
2025**

УДК 343.1 + 343.98
ББК 67.99(2)93 + 67.99(2)94
У26

Редакционная коллегия:

В.Н. Чаплыгина (председатель);
А.Н. Сретенцев (заместитель председателя),
Д.А. Бадиков, А.Н. Колычева,
Н.В. Морозова (ответственный секретарь)

У26 **Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью : сборник статей / редкол.: В.Н. Чаплыгина [и др.]. – Орёл : ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2025. – 278 с. ISBN 978-5-88872-356-2**

В сборник включены статьи участников всероссийских научно-практических конференций «Обеспечение прав граждан и юридических лиц в уголовном судопроизводстве» (28.03.2025) и «Актуальные проблемы предварительного расследования в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства» (03.04.2025), состоявшихся в Орловском юридическом институте МВД России имени В.В. Лукьянова.

Материалы представлены в авторской редакции.

УДК 343.1 + 343.98
ББК 67.99(2)93 + 67.99(2)94

ISBN 978-5-88872-356-2 © ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Абрахин В.В., Сотникова К.Г. ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ УЧЁТА ГЕНОМНОЙ ИНФОРМАЦИИ	8
Азанова А.А. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЛИЧНОСТИ ПОДСУДИМОГО	11
Алонцева Е.Ю. ОХРАНА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ	14
Андреева А.В. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЛОВУШКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ДОПРОСЕ	16
Архипова И.А. ТАКТИКА ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА И ОБЫСКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	20
Бадиков Д.А. ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КРАЖИ	25
Барabanова А.А. К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА В ОБЛАСТИ ПСИХИАТРИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ДОПРОСА ЛИЦА, ИМЕЮЩЕГО ПСИХИЧЕСКОЕ РАССТРОЙСТВО (ЗАБОЛЕВАНИЕ) НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ	30
Булыжкин Д.А. ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ	34
Быкова К.А. АКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ: АНАЛИЗ ОПЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	37
Гамзаева А.Б. ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ К СТАНОВЛЕНИЮ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	41
Голубовский В.Ю. АНАЛИЗ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ОБВИНИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ ПРОКУРОРА КАК УЧАСТНИКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	46
Гришин А.В., Чупахина М.Ю. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАЗБОЙ	50
Гущина Ю.В., Морозова Н.В. ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ: СОДЕРЖАНИЕ И УСЛОВИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ	55
Ивашнева А.А. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХУЛИГАНСТВА И ЕГО РАЗГРАНИЧЕНИЕ СО СМЕЖНЫМИ СОСТАВАМИ	60
Демидова А.Е. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ВЕДЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА	66
Дроздова Е.В. ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ПРАВОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УГОЛОВНО-ПРАВОМЕРНОМ ПОВЕДЕНИИ ЛИЧНОСТИ	70

Жамкова О.Е. СТАТУС ПОДОЗРЕВАЕМОГО КАК УСЛОВИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ	73
Жидович А.С. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ОТНОШЕНИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ, БОЕПРИПАСОВ И ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ): СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1930-е – начало 90-х гг. XX в.)	76
Закен С.С. СООТНОШЕНИЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ КАЗАХСТАНА	82
Замуруева Е.Ю. ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ	85
Иванов Е.Е., Роденков Г.Д. ЦИФРОВОЙ СЛЕД КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	89
Ильюхов А.А. ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, ПОДЛЕЖАЩИМ РАССМОТРЕНИЮ СУДОМ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ	95
Калюжный А.Н. ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗЛОЖЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ПРИВЛЕЧЕНИИ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО И ДОПУСКАЕМЫЕ ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ	98
Клементьева Е.С. ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	103
Колмыков И.А., Чаплыгина В.Н. ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ПРОВЕДЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА В ХОДА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕПРАВОМЕРНЫМ ВОЗДЕЙСТВИЕМ НА КРИТИЧЕСКУЮ ИНФОРМАЦИОННУЮ ИНФРАСТРУКТУРУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	107
Колычева А.Н., Ивашева А.А. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СВОЕГО СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ	110
Колычева А.Н., Савченко В.А. ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДОКАЗЫВАНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ В ФОРМЕ МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННОЙ ЦИФРОВОЙ ПОДПИСИ	113
Костенко Н.С. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ УПРОЩЕННЫХ ПРОЦЕДУР НА СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО	117

Кузнецова А.А. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ВЕДЕНИЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ	121
Кунц Е.В. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА ЛИЧНОСТИ НА ЗАЩИТУ ПРИ ВЫНЕСЕНИИ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ	126
Лифанова Л.Г. УСМОТРЕНИЕ ВЛАСТНЫХ СУБЪЕКТОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ДРУГИХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ	129
Лукьянчикова В.В. К ВОПРОСУ О СОБЛЮДЕНИИ ПРИНЦИПА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА	133
Марковичева Е.В. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО С ОСОБЕННОСТЯМИ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	136
Морозова Н.В. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА ВЫЕМКИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	139
Муллахметова Н.Е. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЮ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ УЧАСТНИКАМИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	143
Назарова М.Д. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ СО СТРУКТУРНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОВД И ИНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ	146
Покотиленко Н.А., Якубина Ю.П. ВРАЧ КАК ЛИЦО, ОКАЗЫВАЮЩЕЕ СОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЮ В ОБНАРУЖЕНИИ, ЗАКРЕПЛЕНИИ И ИЗЪЯТИИ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ	149
Прохорова Е.А. О МОДЕРНИЗАЦИИ ФОРМЫ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	153
Пятибратова Н.Д. ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШЕННЫМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ	157
Рудов Д.Н., Новикова Е.А. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ТОЛКОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В МЕДИЦИНСКОЙ СФЕРЕ	161
Савотченко С.Е., Акапьев В.Л. ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ	166
Сезонова Т.В. О РОЛИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	170
Семенов Е.А., Исмаилова Т.С. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	173
Сечина К.В. ВИДЫ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ, ОСТАВЛЯЕМЫХ В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» ПРИ СОВЕРШЕНИИ ДЕЯНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 207.1–207.3 УК РФ	178

Сёмина П.А. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЖИЛИЩА	180
Сретенцев А.Н. НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	186
Сретенцев Д.Н., Жирнов Д.А. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ АЗАРТНЫХ ИГР	189
Стельмах В.Ю. МАРТОВСКИЕ 2025 ГОДА ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ	196
Сучков А.И., Батуева А.Б. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ «УМНОГО ГОРОДА» В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	200
Сучкова Е.Ю. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЗНАЧЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕПРАВОМЕРНОГО ОБОРОТА СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ	203
Таршева М.Н. ПРАВООЩИТНЫЙ КОМПАС: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РФ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	206
Терехова Е.М. ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА	210
Теткин Д.В. К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ СТАТУСЕ ОРГАНОВ И ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ДОЗНАНИЕ КАК ФОРМУ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ	214
Тишков С.А., Догузов Р.Р. НЕКОТОРЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ	218
Тишутина И.В. АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА	221
Трусов А.И. ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРИМЕНЕНИИ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ РАССЛЕДОВАНИИ	226
Фомичев А.А. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ОРУЖИЯ В РОССИИ И МЕРЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯМ	229
Хузиахметов Д.М. К ВОПРОСУ О ПРОВОКАЦИОННЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ОТНОШЕНИИ АДВОКАТА КАК СУБЪЕКТА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	232

Царева Ю.В. ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ НА СТЫКЕ НАДЗОРНОЙ И ОБВИНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИЙ	241
Чаплыгина А.Д. ВНЕДРЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА КАК КЛЮЧ К ОПТИМИЗАЦИИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА	247
Шаров Д.В. «ИНТЕРЕС» КАК ОСНОВНАЯ ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Р. ИЕРИНГА	252
Шатов Н.А. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ОБЛАСТИ ПОРЯДКА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В СУД ХОДАТАЙСТВА ОБ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ	256
Шафоростова И.А. НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ОДИН ИЗ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	259
Шафоростова И.А., Клевцова СЮ. ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В СИСТЕМЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ	263
Шуваева М.С. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ ПРИМЕНЕНИЯ	267
Щеголева Е.А. СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ АДИС НА БАЗЕ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ	274

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ УЧЁТА ГЕНОМНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Абрахин Владислав Витальевич,
*слушатель факультета профессиональной подготовки,
переподготовки и повышения квалификации,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

Сотникова Кристина Геннадиевна,
*слушатель факультета профессиональной подготовки,
переподготовки и повышения квалификации
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

Научный руководитель:
Тишков Сергей Александрович,
*кандидат политических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры криминалистики
и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

В статье рассмотрены некоторые правовые и практические аспекты использования геномной регистрации в практике экспертно-криминалистических подразделений регионального уровня.

Криминалистическая регистрация обладает большим потенциалом для накопления, систематизации и дальнейшего использования в деятельности правоохранительных органов информации, имеющей идентификационную значимость в раскрытии преступлений. В последние десятилетия в МВД России проводится значительная работа по использованию в структуре современных учётов комплексов автоматизированных информационно-поисковых систем.

Значительное время основным направлением использования информационно-поисковых систем в деятельности экспертно-криминалистических подразделений на региональном уровне было развитие автоматизированных дактилоскопических идентификационных систем [1, с. 169]. Однако в настоящее время в связи с развитием потенциала экспертно-криминалистических подразделений отмечается тенденция к изменению структуры изымаемых с мест происшествий следов за счёт постепенного снижения количества изымаемых традиционных следов и увеличения изымаемых биологических следов [2, с. 375]. Данная тенденция актуализирует исследование возможностей использования геномной информации в раскрытии и расследовании преступлений.

На федеральном уровне правовая база для сбора, хранения и использования в целях идентификации граждан биологического материала и содержащейся в нём индивидуальной информации о строении ДНК (геномной информации) сформирована Федеральным законом № 242-ФЗ «О государственной геномной

регистрации в Российской Федерации» [3]. Согласно данному документу, геномная регистрация – это деятельность, осуществляемая государственными органами и учреждениями по получению, учету, хранению, использованию, передаче и уничтожению биологического материала, и обработке геномной информации. Право на использование геномной информации предоставлено судам, органам предварительного расследования, и органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

Обязательной государственной геномной регистрации (далее – ОГГР) подлежат следующие категории граждан:

- осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы за совершение преступления;
- неустановленные лица, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий;
- подозреваемые или обвиняемые в совершении преступлений;
- лица, подвергнутые административному аресту;
- близкие родственники лица, пропавшего без вести.

Иные категории граждан могут пройти добровольную государственную геномную регистрацию (далее – ДГГР) на платной основе.

На ведомственном уровне ведение учёта ДНК было регламентировано приказом МВД России № 70 2006 года [4]. В дальнейшем в связи с развитием возможностей лабораторий ДНК-исследований МВД России был издан приказ № 882 2017 года «Вопросы эксплуатации программного обеспечения для реализации сервиса объединенной поисковой федеральной системы генетической идентификации «Ксенон-2» [5].

Использование программного обеспечения «Ксенон-2» позволило сформировать Федеральную базу данных геномной информации (далее – ФБДГИ) путём систематизации генетических профилей лиц, подлежащих ОГГР и ДГГР.

Генетическая информация, находящаяся в ФБДГИ используется в целях раскрытия и расследования преступлений. Основными задачами ведомственного сервиса «Ксенон-2» являются обеспечение оперативного доступа к информационному массиву с использованием удаленных каналов связи, быстрый поиск и анализ данных ДНК для их идентификации [6, с. 236].

Для постановки образца ДНК, лица подлежащего ОГГР, или проверки по ФБДГИ инициатор проверки должен направить в соответствующее региональное экспертно-криминалистическое подразделение поручение о постановке на учёт, приложив информационную карту «1-ДНК» с установочными данными проверяемого лица (например копия паспорта), образец его буккального эпителия. При постановке на учёт каждому генетическому профилю присваивается индивидуальный номер.

Для регистрации лиц, подлежащих ОГГР, используется карта «2-ДНК». В данную карту включают следующую информацию: сведения о регистрируемом лице (фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, паспортные данные), данные об инициаторе постановки на учёт (территориальный орган), событие (статья УК Российской Федерации), данные об исполнителе (орган, эксперт, дата регистрации), генетический профиль лица.

В ряде случаев использование данного учёта позволяет установить причастность проверяемых лиц к нераскрытым преступлениям прошлых лет.

Например, в ходе проведения расследования было выявлено, что гражданин Н. (далее – обвиняемый) совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 162 УК РФ «Разбой». В соответствии с действующим законодательством следователем Следственного управления Следственного Комитета Российской Федерации по Орловской области в 8-й отдел ЭКЦ УМВД России по Орловской области был предоставлен буккальный эпителий обвиняемого. В результате проверки по ФБДГИ генетического профиля обвиняемого было установлено совпадение с данными следа неустановленного лица, чей биологический материал был изъят с места кражи, совершенной двумя годами ранее на территории Орловской области. Информация о совпадении была направлена инициаторам проверки и назначения биологической экспертизы по факту кражи.

Таким образом, геномная регистрация представляет собой эффективный инструмент, который позволяет достоверно идентифицировать лиц, причастных к преступлениям. В настоящее время в МВД России сформирована необходимая правовая база для использования изъятых с мест происшествий биологических следов для раскрытия преступлений, включая преступления прошлых лет.

1. Синеоков Д.В., Тишков С.А. Современное состояние и перспективы развития автоматизированных дактилоскопических учетов на региональном уровне (на примере Орловской области) // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сб. матер. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2015. С. 169–170. EDN UWIROX.
2. Жидков Д.Н., Остальцов А.А. Современные возможности изъятия объектов ДНК-исследований при раскрытии и расследовании имущественных преступлений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 1 (21). С. 35–47. DOI 10.55001/2587-9820.2022.82.19.004. EDN QUPPSL.
3. О государственной геномной регистрации в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 03.12.2008 № 242-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 10.02.2006 № 70. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Вопросы эксплуатации программного обеспечения для реализации сервиса объединенной поисковой федеральной системы генетической идентификации «Ксенон-2»: приказ от 23.11.2017 № 882. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Москаленко В.Н. Организационно-правовые и информационно-коммуникационные возможности использования генетической информации в системе криминалистических ДНК-учётов. Настоящее и будущее // Криминалистика – наука без границ: традиции и новации: материалы всероссийской научно-практической конференции. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 234–243.

Ключевые слова: геномная регистрация, ДНК, идентификация.
УДК 343.9

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЛИЧНОСТИ ПОДСУДИМОГО

Азанова Анастасия Александровна,

адъюнкт,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,

302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Статья посвящена изучению личности подсудимого в процессе осуществления судебного производства. Автор отмечает, что невозможно принять законные, обоснованные и справедливые процессуальные решения без полного и всестороннего установления и изучения обстоятельств, характеризующих лицо, совершившего противоправное деяние. Исследуется, какие персональные данные необходимо учитывать в обязательном порядке по каждому уголовному делу.

Изучение личности человека представляет собой многогранное, социальное и всестороннее явление. Оно входит в предмет исследования различных отраслей наук, каждая из которых рассматривает данный аспект в соответствии со своими специфическими задачами. В науке уголовно-процессуального права личность лица, в отношении которого осуществляется уголовное судопроизводство, выступает главным объектом познания.

Согласно ч. 2 ст. 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) подсудимым признается обвиняемый, в отношении которого назначено судебное разбирательство. П. 3 ч. 1 ст. 73 Кодекса указывает на то, что обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, входят в предмет доказывания по каждому уголовному делу.

В соответствии со ст. 265 УПК РФ суд на этапе проведения подготовительной части судебного заседания в обязательном порядке устанавливает личность подсудимого путем выяснения его фамилии, имени, отчества, даты и места рождения, место жительства, место работы, семейное положение и иные сведения, касающиеся лица. Ст. 304 Кодекса указывает на необходимость отражения вышеперечисленных данных, во вводной части приговора.

Установление личности обвиняемого, в первую очередь, необходимо для идентификации лица, находящегося на скамье подсудимых, с целью подтверждения его соответствия сведениям, отраженным в принятых процессуальных документах. Помимо отождествления подсудимого, установление личностных данных способствует разрешению комплекса вопросов уголовно-правовой и уголовно-процессуальной направленности. В частности: целесообразность привлечения лица к уголовной ответственности; квалификация совершенного деяния; причины и условия, способствующие преступлению; наличие обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание; вид и размер наказания; выбор меры пресечения, пределы и особенности исследования личности (в рамках суда присяжных) и др. [1, с. 92]

С перечислением персональных данных подсудимого не возникает каких-либо трудностей. Однако, что касается «иных» сведений, относящихся к обвиняемому, то здесь зачастую возникают некоторые трудности. Это обусловлено тем, что законодателем не закреплен минимальный перечень таких сведений, либо

отражены необходимые данные, но в материалах дела они не подтверждены соответствующими документами. Так, наличие у обвиняемого несовершеннолетних детей учитывается судом в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, но такая информация нуждается в подтверждении доказательствами.

Например, Бондарским районным судом Тамбовской области из вводной части приговора мирового судьи судебного участка Бондарского района Тамбовской области был исключен пункт, касающийся наличия у подсудимого на иждивении трех малолетних детей. Данное обстоятельство аргументируется тем, что в материалах уголовного дела отсутствуют доказательства, указывающие на участие виновного в вопросе воспитания и содержания детей, надлежащим образом не был выяснен вопрос возраста детей, являются ли они малолетними, принимал ли виновный непосредственное участие в их воспитании и содержании, оказывал ли детям материальную помощь [2].

В другом практическом примере суд, наоборот, учел наличие у подсудимого малолетних детей в качестве смягчающего обстоятельства ввиду того, что это было подтверждено документально (свидетельство о рождении ребенка; исполнительный лист о взыскании алиментов; справка, подтверждающая совместное проживание с несовершеннолетними детьми сожительницы) [3].

Говоря о перечне сведений, характеризующих личность подсудимого, стоит отметить, что он не может быть исчерпывающим. В первую очередь это связано с тем, что сама по себе личность является многогранным явлением, включающим в себя комплекс социальных, биологических, психологических, биографических факторов [4, с. 136]. В связи с чем содержание персональных данных и глубина их изучения определяется органами предварительного расследования и судом в каждом конкретном случае отдельно. Также не стоит забывать о таком важном принципе, как индивидуализация наказания, соблюдение которого невозможно без учета индивидуальных особенностей личности подсудимого.

Тем не менее с учетом изучения материалов судебной практики можно привести примерный список сведений о личности подсудимого, установление которых имеет значение для разрешения расследуемого производства:

1) наличие либо отсутствие судимости. Важно, как для установления наличия рецидива у лица, что будет служить обстоятельством, отягчающим наказание (п. «а» ч. 1 ст. 63 уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)), так и для назначения справедливой и эффективной меры воздействия;

2) наличие у подсудимого иждивенцев. В дальнейшем может быть учтено как смягчающее обстоятельство, но только при условии документального подтверждения;

3) наличие психического расстройства, степень и характер заболевания;

4) социальное положение (должность, пользование авторитетом в обществе/коллективе);

5) наличие государственных наград, почетных званий, заслуги в определенных сферах жизнедеятельности;

6) наличие тяжелого заболевания, ранения, инвалидность, участие в боевых действиях [5, с. 6].

Широкие возможности по получению данных о личности подсудимого предоставляются суду на стадии проведения судебного следствия. Здесь непосредственно изучаются и исследуются доказательства, собранные органами предварительного расследования в ходе досудебного производства, а также полученные самим судом. Кроме того, методы установления и исследования личностных свойств подсудимого отличаются от методов, применяемых на стадии предварительного расследования, что объясняется наличием стоящих перед судом специфических задач и процессуальных условий ведения судебного разбирательства. Также при осуществлении судебного следствия судом могут быть выяснены новые обстоятельства о подсудимом, которые ранее никому не были известны. В связи с чем может существенно измениться ход дела.

На наш взгляд, для того, чтобы на практике возникало как можно меньше проблем, связанных с личностными характеристиками, предмет доказывания, относительно п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, целесообразно было бы дополнить минимальным перечнем обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого. Поскольку в настоящий момент данный пункт носит открытую формулировку, что порождает определенные проблемы в правоприменении. Помимо анкетных данных, образования, семейного положения, состава семьи, места работы или учебы, места жительства и наличия судимостей необходимо также устанавливать: – имеется ли у обвиняемого тяжелое заболевание или инвалидность. Например, наличие онкологического заболевания может послужить обстоятельством, смягчающим наказание. Однако не всегда запрашиваются медицинские документы, все происходит по усмотрению следователя/дознателя либо суда; – наличие государственных, ведомственных наград. Подтверждают важное социальное положение в обществе/коллективе, что может повлиять на оценку общественной опасности подсудимого. Включение таких данных в обязательный перечень обяжет органы предварительного расследования их устанавливать. Сейчас можно говорить о том, что имеется наличие субъективизма при учете сведений, относящихся к личности лица.

Таким образом, отметим, что установление данных, относящихся к личности подсудимого, играет важную роль при осуществлении уголовного судопроизводства. Их полное и всестороннее исследование позволяет разрешить ряд важных уголовно-процессуальных вопросов, а самое главное назначить обвиняемому, с учетом его личностных особенностей, справедливую меру уголовно-правового воздействия.

1. Васяев А., Устимов М. Установление обстоятельств, характеризующих личность подсудимого // Уголовное право. 2008. № 5. С. 91–93.

2. Апелляционное постановление по делу № 10-2/2017 от 13.06.2017 № 10-2/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xfThBNbSWnrt> (дата обращения: 20.04.2025).

3. Апелляционное постановление по делу № 22-1950/2017 от 11.05.2017 № 22-1950/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mq5q8AYDK75x> (дата обращения: 20.04.2025).

4. Обеспечение прав человека: учебник. 2-е издание, исправленное и дополненное / М.И. Акатнова, А.А. Амирханов, Ю.В. Анохин и др. Барнаул, 2020.

5. Емельянов Д.В. К вопросу об особенностях установления и исследования обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, в ходе судебного разбирательства // Право. 2017. С. 1–9.

Ключевые слова: личность подсудимого, органы предварительного расследования, суд, предмет доказывания, судебная практика.

УДК 343.1

ОХРАНА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Алонцева Елена Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры уголовного процесса,

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,

117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

В статье рассмотрены нормы уголовно-процессуального законодательства, которые позволяют обеспечить охрану прав и свобод личности при производстве следственных действий. В ходе производства следственных действий представляется наиболее сложным гарантировать соблюдение прав и свобод и их защиту ввиду принудительного характера деятельности и допустимости ограничения, установленного законом. Сформулирован вывод о необходимости классификации норм закона по группам, позволяющим обеспечить охрану прав и свобод при производстве следственных действий.

Права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью государства. Данное утверждение провозглашается и гарантируется Конституцией Российской Федерации. Незыблемость уважения прав и свобод подтверждены и другими нормативными правовыми актами. Государство не только провозглашает степень уважения прав, но и полностью обеспечивает их соблюдение и защиту, возлагая данную обязанность на государственные органы и должностных лиц. Это бесспорно позволяет утверждать, что Россия является правовым государством и уровень развития государства определен тем, насколько права и свободы человека и гражданина признаются государством.

Одним из видов государственной деятельности, где могут быть затронуты и существенно ограничены права и свободы человека и гражданина, является производство расследования по уголовному делу. Предварительное расследование осуществляется в рамках досудебного уголовного судопроизводства. Законодатель четко определяет назначение уголовного судопроизводства как защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и обеспечение интересов потерпевшего и возмещение ему вреда, причиненного преступлением (ст. 6 УПК РФ). Назначение уголовного судопроизводства обусловлено и социальным его значением и достижением задач уголовного закона. Уголовное судопроизводство осуществляется путем производства процессуальных и следственных действий, принятия процессуальных решений по делу. Наиболее слож-

ным представляется обеспечение прав и свобод при производстве следственных действий. Процессуальный порядок их производства предусматривает ограничение конституционных прав и свобод граждан, при этом обеспечивается принудительным характером производства.

Прежде всего, речь идет о праве на неприкосновенность жилища, тайну телефонных, телеграфных и иных сообщений, неразглашение сведений, составляющих личную и семейную тайну. Права и свободы личности не ограничиваются исключительно конституционными предписаниями. Нормы отраслевого законодательства также содержат требования, характеризующиеся необходимостью ограничения прав личности в интересах публичного уголовного производства и достижения целей доказывания посредством производства следственных действий. Вместе с тем уголовно-процессуальный закон в ст. 11 УПК РФ, закрепляющий один из принципов, устанавливает обязанность государственных органов и должностных лиц разъяснять лицам, вовлеченным в уголовное судопроизводство их процессуальный статус, круг прав и обязанностей и возможность их реализации. Лица, осуществляющие производство по делу обязаны обеспечить реализацию прав для участников процесса и иных лиц, не имеющих статуса конкретного участника.

Кроме указанного принципа, принцип уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ) полностью соотносится с порядком производства следственных действий. Основания их производства, недопустимости применения насилия угроз, время производства, круг участников следственных действий и порядок фиксации, а также требования ст. 159 УПК РФ об обязательном рассмотрении ходатайств, порядок рассмотрения жалоб и ходатайств (гл. 15, 16 УПК РФ) напрямую обусловлены назначением уголовного судопроизводства и действием принципов уголовного процесса в части охраны прав и свобод при производстве следственных действий.

Наиболее сложным вопросом представляется необходимость сохранения баланса между интересами расследования, целями производства следственных действий и недопустимостью незаконного, необоснованного ограничения прав. А в том случае, когда требования законности и обоснованности выполняются, степени ограничения прав и вторжения в сферу личных интересов. Причем ограничение допустимо не только в отношении подозреваемого и обвиняемого, то есть лиц, совершивших преступление. Права и свобод таких участников уголовного судопроизводства как потерпевший, свидетель также могут быть затронуты, ограничены, либо нарушены в процессе производства следственных действий. По мнению Д.Е. Кун, «ограничение прав человека при производстве следственного действия представляет собой принудительное воздействие, применяемое в отношении участников следственных действий» [1]. Действительно нельзя отрицать, что некоторые из следственных действий (получение образцов для сравнительного исследования, назначение и производство судебной экспертизы, обыск) могут быть произведены принудительно, если этого требуют интересы расследования. Обязанность государственных органов и должностных лиц по производству следственных действий в свою очередь вызывает необходимость создания гарантий для лиц, участников уголовного судопроизводства охраны их прав и свобод. Под такими гарантиями, по нашему мнению, и мнению других

авторов, следует понимать и общие условия производства следственных действий. Полномочия государственных органов и должностных лиц по производству следственных действий порождают гарантии для лиц, участников уголовного судопроизводства охраны их прав и свобод в виде общих условий производства следственных действий [2, с. 47].

Таким образом, независимо от того, в отношении какого участника уголовного судопроизводства следует произвести следственные действия, полагаем необходимым выделить группы норм закона, которые позволяют обеспечить законность и обоснованность производства, регламентируют порядок производства следственных действий и направлены на охрану прав и свобод человека и гражданина: 1) принципы уголовного процесса, 2) общие правила производства следственных действий, 3) процессуальная форма принятия решения о производстве следственного действия; 4) порядок составления протокола следственного действия, 5) судебный порядок рассмотрения ходатайства о производстве следственного действия, 6) право обжалования руководителю следственного органа, прокурору и в суд, 7) порядок согласования обращения в суд с ходатайством о производстве следственных действий, 8) недопустимость разглашения данных предварительного расследования, 9) порядок использования технических средств и хранения видео, аудиозаписей, 10) применение мер безопасности в отношении участников следственных действий, 11) круг участников следственного действия, 12) закрепление следственного действия в УПК РФ, 13) соблюдение норм этики и морали при их производстве.

1. Кун Д.Е. Особенности обеспечения прав участников следственных действий. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-obespecheniya-prav-uchastnikov-sledstvennyh-deystviy/viewer>.

2. Гапонова В.Н., Усенко О.В. Общие условия и общие правила производства следственных действий: теоретико-правовой аспект // Криминалистика вчера, сегодня, завтра. 2024. № 3. С. 45–54.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, права и свободы, следственные действия, предварительное расследование, принципы уголовного процесса.

УДК 341.1

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЛОВУШКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ДОПРОСЕ

Андреева Алина Валерьевна,

*старший научный сотрудник научно-исследовательского
и редакционно-издательского отдела,*

*Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

Статья посвящена исследованию организационно-тактических особенностей производства допроса. Автор отмечает, что допрос является одним из самых трудных следственных действий, требующим от следователя професси-

онализма, гуманности, честности и порядочности. В статье наибольшее внимание автором уделено рассмотрению таких тактических комбинаций, как «психологические ловушки», представляющие собой специальные тактические способы, оказывающие влияние на психическое состояние и поведение подозреваемого или свидетеля во время допроса.

Проблематика производства такого следственного действия как допрос остается неизменной на протяжении многих лет и вызывает интерес ученых, т.к. изучение тактика производства допросов имеет огромное значение для обеспечения справедливости и эффективности допросов, а также для защиты прав и интересов допрашиваемых. Изучение её является актуальным и необходимым как для специалистов в области правоохранительной деятельности, так и для общественности в целом.

Теоретически допрос по нормам процессуального права является важным этапом следственной работы, поскольку от его успешности зависит получение достоверной информации и доказательств [1, с. 84]. Он производится уполномоченным должностным лицом в установленном законом порядке, но в процессе могут использоваться различные психологические приёмы и тактики для воздействия на допрашиваемого и получения желаемых результатов [2, с. 128]. Большое значение в этом процессе уделяется морально-нравственным характеристикам должностного лица, который должен обладать такими качествами, как гуманность, социальная справедливость, благородство, честность, организованность, решительность, мужество, порядочность и честность, высокий уровень волевых качеств [3, с. 94]. Именно такие профессиональные характеристики способствуют качеству проводимых действий, а также повышают уровень общественного доверия, значимости и уважения к профессии. Они формируют основу для комфортной службы и высокого уровня исполнения своего профессионального долга.

Эти критерии относятся и к проведению допроса, который и кажется на первый взгляд простым в проведении, но, по сути, является одним из самых трудных следственных действий. К ним следовательно необходимо тщательного готовиться, анализируя имеющиеся данные, цель допроса, психологические характеристики допрашиваемых лиц и др. На основании изучения всех обстоятельств, необходимо тактически далее продумывать места допроса, способ вызова, а также особенности построения беседы [4, с. 34]. Многие исследователи, отмечают, что допрос, это как особый вид искусства и только продуманные действия могут способствовать сбору максимально полной информации от всех участников.

Допрос бывает разных видов, в зависимости от того, к кому он направлен (потерпевший, свидетель, подозреваемый, эксперт или др.) и тактика проведения по отношению к конкретному человеку также может меняться. Предшествовать следственным действиям должна беседа, с определением всех прав и обязанностей, уточняя функции каждого участника. Далее, для восстановления хода и активизации памяти можно охарактеризовать ситуацию, повторить рассказ, приложить фото/видео материалы. Психологические ловушки следователя при допросе относятся к специальным тактическим способам, оказывающим влияние на психическое состояние и поведение подозреваемого или свидетеля во время

допроса. Довольно полно данную проблематику освещала в своих работах В.Н. Чаплыгина [5, с. 20; 6, с. 402; 7, с. 79].

Психологические ловушки могут включать разные методы. Одним из них является тактика «давления», которая заключается в создании атмосферы стресса, тревоги. Следователь может использовать высказывания, эмоциональные реакции или прессинг вопросы, чтобы добиться желаемого результата. Это может привести к повышению эмоциональной напряженности и стимулировать субъекта к действиям, которые он не был бы готов предпринять при отсутствии давления. Тактически возможно использование «лести» или «сочувствия», для создания состояния понимания и сопереживания. В определённых случаях возможно использование «манипуляцию информацией» для проверки реакции или выявления мнения. Существует действенная тактика «постоянного повторения» вопросов или утверждений, вызывая у подозреваемого раздражение или путаницу, что может привести к изменению получаемых сведений или новых открытий [8, с. 129]. Применение отмеченных методов является дискуссионным явлением. Не всегда это вызывает одобрение, поэтому важно в данном контексте соблюдать установленные правила, не допуская противоправного давления и получения ложных выводов.

Возможность применения психологических ловушек следователями при допросе зависит от различных факторов, первым среди которых важно отметить именно легальность. В разных странах действуют законы и правила, которые регулируют использование тактик и методов в процессе допроса, причем некоторые тактики могут быть запрещены или ограничены. Кроме того, выделяют и этический аспект, связанный с принципами делового поведения или врачебной тайны. Следователь обязан соблюдать уважительное отношение к субъектам допроса и не применять методы, которые могут нанести им психологический или эмоциональный вред, при этом важным критерием является эффективность и результативность применения, которые могут зависеть от индивидуальных особенностей субъектов допроса [9, с. 36]. Некоторые категории более восприимчивы, но есть и более устойчивые индивиды, воспринимающие настороженно любую информацию.

Возможность успешного использования психологических ловушек следователем может быть связана с его опытом, навыками и интуицией в понимании психологической динамики и поведенческих паттернов субъектов. Но в большинстве случаев необходима специальная подготовка. Следователь должен обладать знаниями психологии, понимая, какие факторы влияют на человеческое поведение умело их используя. Его профессиональный опыт должен подсказывать уровень взаимодействия с разными типами личностей, адаптируясь к складывающимся ситуациям. Он также должен обладать навыками эмоционального интеллекта, умея чувствовать эмоциональные состояния субъекта в допросе. Особое значение имеют в данном контексте различные техники коммуникации и установление доверительных отношений [10, с. 96]. Для лучшей подготовки следователя необходима практика и тренировки, также ещё в процессе обучения сотрудников, должны проигрываться ролевые игры, моделирующие допрос, чтобы научиться применять психологические ловушки в реальных ситуациях [11, с. 209]. Это может развить специальные навыки и уверенность в их использовании.

Понимание и осознание психологических ловушек, которыми может пользоваться следователь, важно как для самого допрашиваемого, так и для профессионалов, работающих в правоохранительных органах. Это позволяет предотвратить возможные манипуляции и защитить свои права и интересы во время допроса. Кроме того, осведомленность о таких ловушках помогает развить навыки эффективного ведения допросов и предотвращения неправомерных методов.

В завершении можно повторить, что применение психологических ловушек является спорным и зависит от контекста, законности и этичности. Они должны использоваться с осторожностью и в соответствии с принципами законности и защиты прав субъекта. Важным является наличие у следователя хорошей подготовки и знание психологических аспектов допроса, чтобы минимизировать негативные последствия.

-
1. Морозова Н.В. Некоторые особенности проведения допроса при расследовании страхового мошенничества // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. № 1 (78). С. 83–86.
 2. Чаплыгина В.Н. Проблемы производства дистанционного допроса в досудебном производстве России // Наука и практика. 2015. № 3. С. 128.
 3. Булыжкин А.В., Чаплыгина В.Н. Оценка эффективности следственной деятельности в России: размышления и выводы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 2 (85). С. 91–95.
 4. Проказин Д.Л., Чаплыгина В.Н. Особенности подготовки допроса несовершеннолетних подозреваемых при расследовании преступлений в сфере дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2024. № 3. С. 32–35.
 5. Новикова Е.А., Чаплыгина В.Н. Условия психологического воздействия в сфере уголовно-процессуальных отношений // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 3. С. 19–25.
 6. Чаплыгина В.Н. Разграничение правомерного и неправомерного психологического воздействия на стадии предварительного расследования // Уголовное судопроизводство России: современное состояние и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2020. С. 401–407.
 7. Чаплыгина В.Н., Посохина Д.Г. Психологические особенности профессиональной деятельности следователя // Особенности оперативно-розыскной деятельности ОВД в свете изменяющегося законодательства: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции к 100-летию уголовного розыска России / под редакцией Ю.Н. Савенкова, 2018. С. 77–81.
 8. Колычева А.Н., Хромова Е.П., Новикова Е.А. Тактика проведения допроса потерпевшего и подозреваемого при расследовании нанесения побоев лицом, подвергнутым административному наказанию // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 1 (98). С. 128–137.
 9. Калюжный А.Н., Чаплыгина В.Н. Производство допроса: процессуальные основы и тактические особенности // Адвокатская практика. 2015. № 5. С. 33–38.
 10. Чаплыгина В.Н., Морозова Н.В. Совершенствование практики допроса лиц, обладающих свидетельским иммунитетом // Вестник Орловского государствен-

ного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2 (43). С. 94–96.

11. Семенов Е.А. Развитие процессуальной самостоятельности следователя в условиях цифровизации уголовного процесса // Актуальные проблемы профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Орёл, 22 ноября 2024 года. Орёл: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2024. С. 208–213.

Ключевые слова: допрос, психологические ловушки, метод, допрашиваемый, психология.

УДК 343.9

ТАКТИКА ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА И ОБЫСКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Архипова Ирина Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры криминалистики,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

В статье рассматривается подход к совершенствованию производства отдельных следственных действий при расследовании корыстно-насильственных преступлений. Особое внимание уделено тактике допроса по фактам корыстно-насильственных преступлений.

Тактика производства следственных действий – это один из важнейших разделов криминалистической науки. По мнению В.А. Жбанкова, криминалистическая тактика – это система научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и планированию предварительного и судебного следствия, определению линии поведения лиц, осуществляющих судебное исследование, и приемов проведения отдельных следственных и судебных действий, направленных на собирание и исследование доказательств, на установление причин и условий, способствовавших совершению и сокрытию преступлений [1, с. 129].

Правильная организация и производство следственного действия обеспечивает качественный сбор доказательств. Значение криминалистической тактики проявляется в следующем:

1. Обеспечение законности при производстве следственного действия;
2. Обеспечение правильного поиска, обнаружения и фиксации следов преступления;
3. Установление нормального психологического контакта между участниками следственного действия;
4. Обеспечения эффективного применения процессуальных приемов.

Одним из наиболее важных следственных действий в процессе расследования корыстно-насильственных преступлений является допрос. Допрос – это следственное действие, которое направлено на фиксацию показаний участника уголовного судопроизводства.

С.В. Швец считает, что спецификой допроса является его индивидуальный характер применительно к каждому отдельно взятому участнику уголовного процесса. Одной из наиболее насущных проблем тактики производства допроса до сих пор остается невербальное общение между участниками следственного действия [2, с. 11–14].

К основным уголовно-процессуальным признакам допроса можно отнести следующие:

1. Допрос проводится только после возбуждения уголовного дела;
2. Продолжительность допроса ограничена четырьмя часа подряд, и восьмью часами в сутки для лиц старше 14 лет;
3. Во время проведения допроса следователь не может задавать наводящие вопросы;
4. При проведении допроса подозреваемый/обвиняемый не предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний в отличие от иных участников судопроизводства.

Ученые-правоведы считают, что проведение любого допроса сопряжено с рядом факторов, усложняющих следственное действие. Одним из них является пребывание допрашиваемого в состоянии стресса, невозможность установить нормальный психологический контакт, преднамеренная ложь допрашиваемого и т.д. Во избежание подобных трудностей, криминалистическая наука рассматривает проведение допроса в конфликтной ситуации и в условиях бесконфликтной ситуации.

Бесконфликтная ситуация характерна для допроса свидетелей и потерпевших. Фиксация показаний также носит травмирующий характер, поскольку заставляет лицо описывать механизм и алгоритм совершенного нападения. Однако роль следователя при проведении допроса потерпевшего и свидетеля сводится все же к помощи пострадавшему от преступления лицу или очевидцу посягательства вспомнить обстоятельства и детали преступления. Э.Д. Нагучева считает, что допрос лица, совершившего корыстно-насильственное преступление, должен строиться через тактические комбинации, а также эмоциональное и логическое давление. Ключевыми тактическими приемами в допросе обвиняемого по грабежу или разбою будет являться побуждение к чистосердечному раскаянию, созданию иллюзии собственного неведения об обстоятельствах преступления, убеждение обвиняемого в неправильности занимаемой им позиции и т.д. Одной из главных трудностей в проведении допроса лица, совершившего корыстно-насильственное преступление, является наличие преступного опыта, который позволяет обвиняемому обходить «острые углы» в описании преступления [3, с. 28–32]. Тактика допроса по корыстно-насильственным преступлениям включает три основных этапа: подготовительный, рабочий и заключительный.

Подготовительная стадия допроса включает в себя такие действия, как определение времени, даты и места допроса, определение субъектного состава (например, в случае допроса задержанного подозреваемого следователь обеспе-

чивает участие защитника), вызов на допрос путем вручения повестки или иным способом, составление круга вопросов, которые необходимо выяснить. Также в подготовительную стадию проведения допроса стоит включать предварительное изучение личности допрашиваемого, то есть уточнение его характера и менталитета, социального положения, интересов и хобби.

Рабочая стадия допроса состоит из нескольких подэтапов:

1. Установление личности допрашиваемого, обеспечение психологического контакта и изучение его настроения на предстоящий допрос;
2. Стадия свободного рассказа допрашиваемого;
3. Вопросно-ответная стадия.

Одним из наиболее важных действий следователя перед началом допроса является установление психологического контакта с лицом независимо от его процессуального статуса. Если в условиях бесконфликтной ситуации психологический контакт устанавливается быстро, поскольку потерпевший/свидетель настроен сотрудничать со следствием, то проведение допроса подозреваемого/обвиняемого часто может проходить в условиях абсолютного нежелания допрашиваемого сотрудничать со следствием. Анализируя проведение допроса в условиях конфликтной ситуации, А.В. Сибилькова приходит к выводу, что привычное представление о психологическом воздействии следователя на обвиняемого/подозреваемого не совсем актуально, поскольку довольно часто сам допрашиваемый задает темп и направление следственного действия [4, с. 101–109]. Применительно к корыстно-насильственным преступлениям это проявляется особенно сильно, поскольку наличие преступного опыта, дает возможность обвиняемому быстрее анализировать скрытые «логические ловушки» в вопросах следователя.

Так, описательно-мотивировочная часть приговора № 1-96/2020 от 13.05.2020, вынесенного Сарапульским городским судом, четко излагает доказательственную базу в части совершения подсудимым открытого хищения чужого имущества, с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, то есть преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ. В ходе процессуальных действий было установлено, что подсудимый открыто похитил золотое кольцо из комиссионного магазина, параллельно высказывая в адрес продавца угрозы причинения вреда, которые последний воспринял реально. Одним из доказательств, названный выше приговор, определяет допрос, в ходе которого подсудимый признал свою вину и дал исчерпывающие показания [5]. Таким образом, грамотная работа органа предварительного расследования в выборе тактики допроса обеспечила получение правдивых показаний. Заключительный этап допроса заключается в составлении и оформлении протокола. Протокол следственного действия состоит из трех основных частей: 1. *Вводная* (фиксируется дата и время, разъяснение прав допрашиваемому, круг участников, перечень специальных средств и т.д.); 2. *Описательная* (фиксирует показания данные допрашиваемым); 3. *Заключительная* (фиксирует замечания, жалобы и ходатайства заявленные участниками следственного действия, а также содержит подтверждение факта ознакомления участников следственного действия с документом).

Еще одним следственным действием в ходе раскрытия корыстно-насильственных преступлений является обыск. По мнению Д.Н. Балашова, Н.М. Балашова и С.В. Маликова, обыск – это следственное действие, содержанием которо-

го является принудительное обследование каких-либо объектов или лиц в целях обнаружения и изъятия орудий преступления, предметов, документов, ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела [6, с. 270]. В процессе расследования таких корыстно-насильственных преступлений как грабеж, разбой и вымогательство, производство обыска необходимо всегда, поскольку в большинстве случаев у подозреваемого/обвиняемого изымаются орудия преступления, следы подготовки к нападению, а также следы реализации похищенного имущества.

Э.Д. Нугаева считает, что тактика обыска – это совокупность законных и наиболее эффективных тактических приемов, направленных на обнаружение, исследование и фиксацию доказательств путем принудительного обследования помещений с учетом следственной ситуации и условий обыска [7, с. 57–66].

К основным уголовно-процессуальным правилам производства обыска можно отнести:

1. Обыск проводится только после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела;
2. Фактическим основанием обыска является постановление следователя;
3. Обыск проходит стадию судебного контроля, если объектом исследования является жилое помещение;
4. Обыск подразумевает обязательное участие минимум двух понятых;
5. При производстве обыска охраняется личная и семейная тайна.

Подготовительная стадия обыска включает в себя два подэтапа – до прибытия на место и после прибытия. В.В. Пушкарев считает, что подготовка к обыску включает установление точного адреса места производства следственного действия, подступов в дом, числа этажей, планировку комнат. При планировании времени обыска, следователь ограничен уголовно-процессуальным законодательством, поскольку данное следственное действие может быть проведено только в период с 06 часов 00 минут по 22 часа 00 минут. Также правовед выделяет примерный перечень имущества, которое изымается во время обыска: орудия преступления, похищенные вещи, одежда и обувь, в которой было совершено преступление, средства сокрытия преступления [8, с. 56–61]. Особое внимание на подготовительной стадии обыска стоит уделять изучению личности подозреваемого (психические заболевания, наличие судимостей, постановка на учет в психоневрологический диспансер и т.д.).

После прибытия на место обыска следователю необходимо обеспечить участие понятых. Тактическими приемами обыска являются внезапность, последовательность, использование технико-криминалистических средств. Подготовка технических средств включает транспорт, поисковые средства, средства фиксации.

В подготовительную стадию входит предварительное разъяснение участникам следственного действия целей обыска, порядка производства следственного действия, а также разъяснение прав. Ряд правоведов считает, что подготовительная стадия обыска должна включать составление предварительного плана, в котором следователь описывает роль каждого члена следственно-оперативной группы.

В.А. Жбанков считает, что рабочая стадия обыска начинается с вхождения в помещение и предъявления служебного удостоверения, а также предоставление подозреваемому постановления о производстве обыска. Перед началом

обыска подозреваемому предлагается выдать предметы преступления добровольно. Лица, находящиеся в помещении, должны быть собраны в одном месте. В присутствии понятых им разъясняется порядок поведения во время обыска. Им может быть запрещено покидать помещение, передвигаться по нему без разрешения следователя, принимать пищу, передавать друг другу что-либо, разговаривать и пользоваться мобильными телефонами [1, с. 213]. Рабочий этап обыска состоит из обзорного и детального обследования. Обзорная стадия заключается в визуальном обследовании помещения. При этом следователю важно выяснить, какие предметы в помещении используются лично подозреваемым, а какие – членами его семьи. А.С. Яковлева считает, что при осуществлении поисковой стадии обыска стоит обращать пристальное внимание на поведение подозреваемого, поскольку его неумышленные телодвижения в сторону тех мест, где потенциально находятся следы преступления, могут как помочь следствию обнаружить и изъять предметы, так и, при недостаточном присмотре, уничтожить важные вещественные доказательства [9, с. 97].

Ю.К. Якимович считает, что при производстве обыска важно использовать широкий перечень технико-криминалистических средств. К таковым правовед относит:

1. Средства обнаружения объектов;
 2. Техничко-криминалистические средства изъятия;
 3. Техничко-криминалистические средства доэкспертного исследования
- [10, с. 111–117]. В большинстве случаев, при производстве обыска по делам о корыстно-насильственных преступлениях у подозреваемого изымается орудие совершения преступления – травматическое оружие, дубинки, ножи или иное холодное оружие.

Криминалистическая тактика рассматривает заключительный этап любого следственного действия как составление протокола, однако, поскольку обыск это выездное мероприятие, почти всегда следователь составляет протокол по ходу производства и от руки. Особое внимание необходимо концентрировать на описании орудия преступления и его упаковывании. Обнаруженные предметы сначала фотографируются, затем представляются понятным, а после изымаются. Изъятие происходит всегда в перчатках в целях сохранения следов пальцев рук подозреваемого. Огнестрельное оружие закрепляется на дне коробки. Коробка в обязательном порядке опечатывается отпечатком печати, и сопровождается пояснительной запиской с номером уголовного дела, датой и временем следственного действия, перечнем участников и их подписями.

На заключительной стадии обыска фиксируются результаты следственного действия. Лица, которые знакомятся с протоколом, имеют право вносить в него замечания, ходатайства и жалобы. Также на заключительной стадии обыска целесообразно составить план и схему помещения, где было проведено следственное действие.

1. Криминалистика: учебник / под общ. ред. засл. юриста РФ, д-ра юрид. наук, проф. В.А. Жбанкова. М.: Изд-во Российской таможенной академии, 2012.

2. Швец С.В. Понятие и характеристика допроса на предварительном следствии с участием переводчика // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5.

3. Нагучева Э.Д., Влезько Д.А. Тактические особенности производства допроса обвиняемых по делам о грабежах и разбойных нападениях // Нацразвитие: наука и образование. 2021. № 2.
4. Сибилькова А.В. Психологические аспекты тактики допроса в парадигме развития криминалистики // Труды Академии управления МВД Росси. 2021. № 1 (61).
5. Приговор по делу № 1-96/2020 от 13.05.2020 № 1-96/2020 / Судебные и нормативные акты: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/p1R3kbng6FO/?ysclid=m5wsls56a3632701631> (дата обращения: 10.03.2025).
6. Балашов Д.Н., Балашов Н.М., Маликов С.В. Криминалистика: учебник. М.: ИНФРА-М, 2005.
7. Нугаева Э.Д. Обыск: виды и тактика его производства // Право: ретроспектива и перспектива. 2022. № 3 (11).
8. Пушкарев В.В. Порядок и тактика производства обыска // Эпоха науки. 2017. № 11.
9. Яковлева С.А. Вопросы тактики проведения обыска и выемки // Вестник магистратуры. 2022. № 3-2 (126).
10. Якимович Ю.К. К вопросу о технико-криминалистических средствах производства обыска // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 4 (14).

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая тактика, корыстно-насильственные преступления, тактика производства отдельных следственных действий.

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КРАЖИ

Бадиков Дмитрий Алексеевич,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,

302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье посредством производства анализа стадий осмотра места происшествия и процессуального оформления результатов данного следственного действия рассматривается тактика, цели и задачи осмотра места происшествия при кражах. При этом учитывались актуальные особенности краж, а также меры, направленные на их раскрытие и расследование.

Анализ развития современного гражданского общества Российской Федерации дает основания полагать, что в настоящий период не удалось добиться искоренения преступности как явления, как и в мире в целом, что, несомненно, указывает на актуальность вопросов, связанных с организацией и тактикой производства отдельных следственных действий в процессе расследования уголовных дел, в частности совершенных против собственности.

Произведенный анализ статистических данных информирует, что количественные показатели, характеризующие совокупность преступлений в форме краж в январе–декабре 2024 года, свидетельствуют о том, что половину всех зарегистрированных преступлений (50,5 %) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 499,6 тыс. [1]

Следственная и судебная практика за последние несколько лет демонстрируют то, что уровень данных преступлений ежегодно является доминирующим в отношении остальных регистрируемых преступлений, вместе с тем отмечается, что происходит определенное снижение количества рассматриваемых деяний. Учитывая, что преступления против собственности включают в себя достаточно большое количество составов, важно отметить, что кражи составляют большинство среди регистрируемых преступлений данного вида.

Кража представляет собой совершенное с корыстной целью тайное противоправное безвозмездное изъятие и(или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. В качестве ключевых элементов состава кражи выступают: общественно опасное деяние, общественно опасное последствие, причинная связь между ними, тайный способ изъятия чужого имущества и имущественный ущерб [2, с. 5].

Анализ правоприменительной практики раскрытия и расследования преступлений против собственности дает основания полагать, что осмотр места происшествия является первоначальным следственным действием по исследуемой категории уголовных дел, и при его производстве необходимо учитывать элементы расследуемого состава преступления, поскольку они определяют специфику организации деятельности, ориентированной на обнаружение, фиксацию и изучение информации, которая содержится на месте происшествия [3, с. 194].

В условиях достаточно активного развития науки и техники в специализированных источниках предлагается более уверенно применять в производстве следственных действий, направленных на расследование преступных деяний исследуемого характера современные технические средства, например, дистанционно управляемые летательные аппараты [4, с. 177].

Специфика организации осмотра места происшествия при расследовании краж зависит от вида кражи, обстановки и места ее совершения. Кражи, как правило, совершаются в квартирах, частных домах, предприятиях, транспортных средствах, дачах, гостиницах и общежитиях, магазинах и вокзалах. Совершая данные деяния, преступники стараются получить в свое владение и распоряжение деньги, ценности, автомобили, носильные вещи, средства коммуникации (телефоны, планшеты, ноутбуки и т.д.) и другие товары и изделия. Следует отметить, что обычно преступник старается сбыть похищенное имущество после совершения кражи на рынках, вокзалах, сотрудникам комиссионных магазинов и торговых павильонов.

В процессе осмотра мест совершения краж, как правило, сотрудникам следственно-оперативной группы требуется обнаружить, зафиксировать и изъять отпечатки пальцев рук, следы обуви, наслоения микрообъектов, по возможности следы биологического происхождения, запаховые следы и др. В литературных

источниках отмечается, что в рамках расследования рассматриваемой категории преступлений использование цифровой фотосъемки занимает прочные позиции в криминалистическом обеспечении осмотра места происшествия [5, с. 178]. Методические аспекты решения проблемных вопросов практики объективной фиксации криминалистически значимой информации посредством осуществления фотосъемки в рамках производства осмотра места происшествия являются объектом исследования в настоящее время [6, с. 131].

Посредством реализации осмотра места происшествия следователю необходимо решить ряд задач: получить сведения о механизме преступления; обнаружить следы, имеющие значение для расследования, их исследовать, зафиксировать и изъять; получить данные, на основе которых будут выдвигаться следственные версии; получить информацию, на основе которой будет разрабатываться план оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий; исследовать обстановку места происшествия; выявить детерминанты преступления; ответить на вопрос о том, каким образом преступник воздействовал на окружающую среду; выявить мотивы, которые имели место быть в данном преступлении. По итогам осмотра места происшествия необходимо установить обстоятельства, входящие в предмет доказывания, т.е. имеется ли состав преступления.

Прибыв на место происшествия по факту кражи, следователь должен решить вопрос об участии понятых в осмотре и организовать оцепление с целью предотвращения проникновения посторонних лиц [7, с. 32].

В протоколе осмотра необходимо отразить время прибытия на место происшествия и произвести опрос очевидцев, а также лица, у которого было похищено имущество, в ходе которого необходимо выяснить: какое именно имущество было похищено, какие действия совершал преступник и потерпевший на месте происшествия и т.д.

При осмотре места совершения кражи следует установить границы участка, подлежащего осмотру, определить метод осмотра, который будет использоваться (эксцентрический, линейный или концентрический). Получив определенную информацию на месте осмотра, необходимо начать поиск следов преступления, выдвинуть версии о природе появления данных следов, не исключая возможности инсценировки кражи.

В процессе осмотра места происшествия следователь либо сотрудники экспертно-криминалистических подразделений применяют технические средства фотовидеофиксации. Согласно ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ разрешается проводить осмотр места происшествия без участия понятых, в случае обязательного применения технических средств, для фиксации процесса осмотра и его результатов [8, с. 127].

Следователь имеет право на месте осмотра изымать, упаковывать, опечатывать и удостоверять подписью объекты, которые могут иметь значение по уголовному делу в случае, если производство осмотра может занять продолжительное время или осмотр на месте затруднен согласно ч. 3 ст. 177 УПК РФ. В протоколе осмотра места происшествия необходимо отразить отличительные признаки изъятых объектов. Кроме того, следует сказать, что в протоколе осмотра также описывается непосредственно место, в котором проводился осмотр.

Как уже было отмечено в специализированных источниках, особенности проведения осмотра напрямую связаны с особенностями совершения самого

преступления [9, с. 48]. Так, осмотр жилища производится в соответствии с ч. 5 ст. 177 УПК РФ только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения. Если проживающие в жилище лица возражают против осмотра, то возбуждается перед судом ходатайство о производстве осмотра.

По итогу осмотра у следователя должна сформироваться четкая картина, позволяющая получить ответы на вопросы, имеющие значение для уголовного дела о краже: является ли осматриваемое место происшествия местом совершения преступления; сколько лиц предположительно могло принимать участие в совершении преступления; как долго преступники могли находиться на месте происшествия и т.д. Следует отметить, что обнаружение микрообъектов на месте осмотра играет большую доказательственную роль для расследования уголовного дела о кражах, так как это может помочь быстрее установить виновных лиц. На месте совершения кражи в качестве микрообъектов могут выступать частицы волокон одежды, волосы, частицы кожи и т.д.

Вывод о том, что кража совершена несколькими лицами, обычно получают в результате изучения в процессе осмотра места происшествия орудий, технических и иных средств, которые использовались для совершения преступления, и которые преступники могли забыть на месте совершения кражи; следов пальцев рук, обуви принадлежащих разным лицам, но не из числа потерпевших либо такая информация может быть получена из показаний очевидцев.

Посредством производства осмотра места совершения кражи позволяет установить не только число преступников, принимавших участие в данном преступлении, но и функции, выполняемые каждым из них, а также степень их криминального профессионализма.

Следователь, производя осмотр места кражи, сталкивается с определенными проблемами. Одной из проблем является верное определение пространственных границ осмотра. Следователь, прибыв на место происшествия, мысленно определяет границы осмотра. Правильное определение границ способствует успеху обнаружения достаточного количества следов и выдвижению подходящих версий. Следует помнить, что пространство ограничивается не только плоскостью, но и высотой [10, с. 124].

При осмотре места происшествия в протоколе осмотра следует отражать описание различных объектов: их наименование, материал и назначение, которые не являются очевидными [11, с. 91]. Следовательно, не рекомендуется употреблять такие слова как «кровь», «золото» и т.п. ввиду того, что нельзя говорить о том, что данные объекты являются таковыми до проведения экспертиз. Описываются те признаки объектов, которые непосредственно наблюдались следователем. Что касается объектов, которые нельзя изъять или переместить, то в протоколе описываются только те признаки, которые имеют значение по уголовному делу и которые наблюдаются всеми участвующими в осмотре лицами.

Также необходимо отметить, что эффективность осмотра зависит от психологических отношений между его участниками, поэтому следователю необходимо организовать благоприятную психологическую обстановку [12, с. 29].

Специфика осмотра мест совершения краж определяется криминалистической характеристикой расследуемого преступления, а также зависит от квалификации сотрудников полиции, производящих осмотр.

Роль осмотра места совершения кражи можно раскрыть следующими особенностями, которые характеризуют данное следственное действие:

- следователь непосредственно исследует обстановку и обстоятельства совершенного преступления;
- посредством производства осмотра следователь получает доказательства, представленные в виде следов преступника или преступления, позволяющие изобличить виновных лиц;
- при производстве осмотра имеется возможность широкого применения технических средств.

Подводя итог, следует отметить, что посредством производства осмотра места происшествия по уголовным делам о кражах при надлежащем руководстве членами следственно-оперативной группы следователь получает большой объем информации, имеющей значение для расследования, и от которой он будет отталкиваться для проведения дальнейших следственных действий и производства расследования по уголовному делу в целом.

1. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328> (дата обращения: 11.03.2025).
2. Сретенцев А.Н. Расследование краж автотранспорта: учебное пособие. Орел: ОрЮИ МВД России, 2011. 61 с.
3. Соколов А.Б., Абдулина Е.Б. Закономерности организационно-тактической деятельности по подготовке к производству следственных действий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 3 (92). С. 194–204.
4. Сретенцев Д.Н. К вопросу об использовании дистанционно управляемых летательных аппаратов с камерой в следственном осмотре // Библиотека криминалиста. 2016. № 4 (27). С. 177–180.
5. Сретенцев Д.Н., Шильцов Д.А. Возможности использования современных технических средств в расследовании преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. № 3 (80). С. 177–180.
6. Бадиков Д.А. Некоторые аспекты подготовки иллюстрационной таблицы к протоколу осмотра места происшествия // Закон и право. 2022. № 3. С. 131–133.
7. Бадиков Д.А., Калюжный А.Н., Флоря Д.Ф. Особенности расследования отдельных видов преступлений: курс лекций. Орел: ОрЮИ МВД России, 2008. 166 с.
8. Волкова В.Р., Бадиков Д.А. Проблемы использования цифровых фото-, видео- и аудиосредств при производстве отдельных следственных действий // Закон и право. 2022. № 5. С. 126–128.
9. Морозова Н.В. Общетеоретические аспекты проведения осмотра места происшествия при расследовании преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 4 (89). С. 48–52.
10. Колычева А.Н. Следственные ошибки в стадии предварительного расследования // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 2 (87). С. 124–129.

11. Кириченко Ю.Н., Семенов Е.А. Правовая дефиниция участников уголовного процесса при производстве осмотра трупа: пути совершенствования законодательства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2014. № 3. С. 90–93.

12. Колычева А.Н. Отдельные аспекты организации и производства осмотра места происшествия по отдельным преступлениям против личности // Актуальные вопросы осуществления оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел в современных условиях: сборник статей / редколлегия: Д.Ф. Флоря [и др.]. Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2021. С. 28–32.

Ключевые слова: определение термина «кража», специфика краж, осмотр места происшествия при совершении кражи, протокол осмотра места происшествия.

УДК 343.9

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА В ОБЛАСТИ ПСИХИАТРИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ДОПРОСА ЛИЦА, ИМЕЮЩЕГО ПСИХИЧЕСКОЕ РАССТРОЙСТВО (ЗАБОЛЕВАНИЕ) НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Барабанова Анастасия Александровна,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров,

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,

117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

В статье освещаются специфические аспекты порядка проведения допросов с участием лиц, имеющих психические расстройства (заболевания). Особое внимание уделяется значимости присутствия специалиста в области психиатрии на всех этапах этого следственного процесса. Автор приходит к выводу о важности привлечения специалистов в области психиатрии к допросам лиц, имеющих психическое расстройство (заболевание), на стадии предварительного расследования.

Несмотря на множество научных исследований, которые в той или иной степени касаются вопросов получения показаний в уголовном процессе, задача улучшения качества процессуальных положений по проведению допросов на стадии предварительного расследования продолжает оставаться важной как с теоретической, так и с практической точки зрения. В частности, это касается получения показаний лиц, обладающих определенными когнитивными ограничениями. К данной категории лиц, по нашему мнению, можно отнести несовершеннолетних, лиц страдающих от психических и физических недугов, пожилых и т.д. В России в последние годы наблюдается заметное увеличение числа лиц, страдающих психическими расстройствами (заболеваниями) различной этимологии и тяжести. Закономерно, что некоторые субъекты из данной социальной группы могут быть как потенциальными, так и реальными участниками уголовного процесса. Так, в настоящий момент численность официально зарегистриро-

ванных больных, страдающих психическими расстройствами и расстройствами поведения, в Российской Федерации достигает 3 788 983 [1]. Соответственно, это создаёт дополнительные обязательства для сотрудников правоохранительных органов и требует от них повышенного внимания к особенностям психики и психологии каждого гражданина, с которым они взаимодействуют в ходе выполнения своих служебных обязанностей. В данном случае речь идёт не о психически больных людях с установленным диагнозом психического заболевания, а о тех, кто обнаруживает отдельные психические отклонения, не лишая лицо способности воспринимать и воспроизводить увиденное.

На взгляд автора, привлечение специалиста в области психиатрии при проведении допросов на стадии предварительного расследования с целью качественного и законного проведения следственного действия с лицами, которые обнаруживают психические отклонения, целесообразно и даже необходимо.

В Российской Федерации участие специалиста в уголовном процессе закреплено на законодательном уровне в Уголовно-процессуальном кодексе. Однако это обязательство касается только случаев, когда допрос проводится в отношении несовершеннолетних, которые имеют психические расстройства или отстают в психическом развитии (ч. 1 ст. 191, ч. 1 ст. 280 УПК РФ). В данном случае в качестве специалистов могут выступать педагоги или психологи. Что касается других специалистов, таких как психиатры или психотерапевты, то закон не устанавливает обязательного их участия в допросах. Тем не менее, в нормах уголовно-процессуального закона мы не находим прямого запрета на их участие. Так, содержание ст. 168 УПК РФ, устанавливает полномочие следователя о том, что он вправе привлекать специалистов для участия в следственных действиях. Следовательно, фактически закон не запрещает использовать в ходе расследования и привлекать для участия в следственных действиях специалистов каких-то определённых областей знаний или специальностей. Однако рассматривая обозначенную проблему, автор выступает за обязательность участия специалиста врача-психиатра в допросах с участием лиц, страдающих психическими отклонениями.

В работах таких ученых уголовного процесса и криминалистики, как И.Е. Быховский, Л.Г. Татьяна, М.В. Бочкарев, мы находим схожие идеи о том, что при проведении допросов лиц, имеющих психические расстройства (заболевания) обязательно должны присутствовать психиатры [2, с. 20; 3, с. 40]. К примеру, М.В. Бочкарев в своей работе, посвящённой участию специалиста-психиатра в допросе подозреваемого (обвиняемого), рекомендует отдавать предпочтение тому специалисту, который является лечащим врачом допрашиваемого, либо тому, кто имеет значительный опыт в клинической практике [4, с. 107]. Автор подробно описывает, как следователь и специалист готовятся к допросу, а также демонстрирует в своей работе методику взаимодействия этих профессионалов во время допроса человека с психическими расстройствами.

Бесспорно, участие в допросе лиц, сведущих в психиатрии, действительно значительно улучшает тактические аспекты проведения допроса [5, с. 71]. Психиатр может контролировать процесс допроса, предоставляя тактическую поддержку следователю/дознавателю, особенно в ситуациях, когда возникают трудности в общении с допрашиваемым. Кроме того, с разрешения следователя спе-

циалист может задавать вопросы допрашиваемому, что способствует более эффективному взаимодействию и получению необходимых сведений.

Определённый интерес с процессуальной стороны рассматриваемого вопроса представляет изучение зарубежного законодательства. Так, ст. 210 УПК Республики Казахстан [6], содержащая в себе общие правила проведения допроса на стадии предварительного расследования, закрепляет в ч. 8 следующее правило: «При наличии у допрашиваемого психического или иного тяжкого заболевания его допрос осуществляется с разрешения врача и в его присутствии». Отметим, что положения данной статьи распространяются на подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля. Исходя из положений зарубежного законодателя, возникает вопрос, зачем привлекать к участию в допросе психиатра (или лечащего врача), если у следователя/дознателя есть прямая возможность провести судебно-психиатрическую экспертизу? Да, такая возможность у должностного лица органов предварительного расследования определенно имеется, однако она относится не ко всем участникам уголовного процесса. Так, если у подозреваемого или обвиняемого есть проблемы с психическим здоровьем, которое ставит под сомнение его адекватность или способность самостоятельно защищать свои права и законные интересы, назначается судебно-психиатрическая экспертиза. Результаты этой экспертизы определяют дальнейший ход предварительного расследования и в дальнейшем судебного процесса в соответствии с гл. 51 УПК РФ. Аналогично, если у потерпевшего есть психическое расстройство (заболевание), которое может помешать ему правильно понимать ситуацию и давать показания, экспертиза назначается обязательно в соответствии с п. 4 ст. 196 УПК РФ. Это необходимо для того, чтобы убедиться в достоверности и объективности его показаний и оценить их значимость для дела. Однако, несмотря на то, что процессуальный статус потерпевшего и свидетеля схож, уголовно-процессуальный кодекс не содержит аналогичных норм, касающихся показаний свидетелей.

Стоит с положительной стороны отметить УПК Азербайджанской Республики (далее – УПК АР) [7]. Так, УПК АР и УПК РФ по вопросам регулирования проведения судебно-психиатрической экспертизы на стадии предварительного расследования и в дальнейшем проведения допроса схожи в своем регулировании. Однако для свидетеля азербайджанский законодатель в ч. 2 ст. 229 «Допрос ограниченными зрением, слухом и речью или страдающего иной тяжкой болезнью свидетеля» оговорил правило, согласно которому допрос свидетеля, страдающего психическим или иным тяжким заболеванием, производится по разрешению и с участием врача.

Вне всякого сомнения, предложения о необходимости привлечения специалиста в области психиатрии при проведении допроса лица, страдающего психическим расстройством (заболеванием), следует поддержать по нескольким причинам. Во-первых, психические расстройства могут значительно влиять на восприятие и понимание ситуации человеком. Лица с такими заболеваниями могут не осознавать серьезность своих действий или не способны адекватно оценивать свои поступки. Это может привести к искажению информации, которую они предоставляют, и к неправильным выводам со стороны следственных органов. Во-вторых, допросы могут вызывать у таких людей значительный стресс, что

может усугубить их состояние. Специалист-психиатр способен не только оценить психическое состояние личности, но и создать более комфортные условия для общения, что может способствовать более открытому и честному диалогу. В-третьих, наличие психиатра на допросе может помочь избежать потенциальных правонарушений, связанных с нарушением прав человека.

Таким образом, необходимость привлечения специалиста в области психиатрии при допросе лиц с психическими расстройствами является обоснованной и необходимой практикой, направленной на защиту прав таких людей и обеспечение объективности следственных действий. В связи с вышеизложенным, полагаем целесообразным закрепить на законодательном уровне правило, согласно которому допрос лица, страдающего психическим расстройством (заболеванием), должен производиться с участием специалиста в области психиатрии.

1. Число зарегистрированных больных с диагнозом психического расстройства и расстройствами поведения. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/41706> (дата обращения: 08.03.2025).
2. Быховский И.Е., Глазырин Ф.В., Питерцев С.К. Допустимость тактических приемов при допросе: учебное пособие. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1989. С. 47.
3. Бочкарев М.В. Тактика участия специалиста-психиатра в допросе подозреваемого (обвиняемого), страдающего нарушениями психики // Судебная экспертиза. 2008. № 4. С. 106–111.
4. Татьяна Л.Г. Процессуальные проблемы производства по уголовным делам с участием лиц, имеющих психические недостатки: Вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ижевск, 2004. С. 53.
5. Семенов Е.А. Правовое положение некоторых не указанных в гл. 5–8 УПК РФ субъектов уголовного судопроизводства России // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Всероссийской конференции, Орел, 15–16 октября 2015 года. Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2015. С. 290–297.
6. УПК Республики Казахстан от 04.07.2014 (по состоянию на 26.03.2025). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 18.03.2025).
7. УПК Азербайджанской Республики от 14.07.2000 (по состоянию на 26.03.2025). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280 (дата обращения: 18.03.2025).

Ключевые слова: допрос, процессуальный порядок, следователь, дознаватель, психиатр.

УДК 343.1

ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Булыжкин Даниил Александрович,
курсант 4 курса международно-правового факультета,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

Научный руководитель:
Ефременко Дарья Олеговна,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры философии,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

В статье исследован процесс становления и развития понятия «преступление» в отечественном законодательстве. Выдвинут тезис о том, что эволюция отечественной правовой системы, законодательные новеллы, способствовали тому, чтобы понятие «преступление» прошло длительный путь от простейшей «обиды» до лаконичного и четкого современного термина «преступление».

В основе уголовного права лежат ключевые категории и понятия, в частности понятие «преступление». Для выполнения поставленных задач законодателю необходимо точно определить содержание и формы преступных деяний для того, чтобы разграничить деяния законные и незаконные, определить какое лицо является преступником, какие условия необходимы для того, чтобы привлечь виновного к уголовной ответственности. Это также важно для разграничения преступления от правонарушения. Точное определение необходимо для правильной квалификации преступлений, а в последующем и для правильного выбора наказания.

Стоит отметить, что на всем протяжении развития нашего государства изменения претерпевала и его правовая система, что, несомненно, отразилось и на отрасли уголовного права, в частности и в изменении содержания понятия преступление. Объективными причинами можно считать, во-первых, это различные социальные процессы, которые способствовали развитию уголовного права, как системы норм, отражающих политическое, социально-экономическое состояние государства. Во-вторых, это постоянная трансформация общественных отношений, которые находили отражение в законодательстве с целью более эффективного решения общественных конфликтов в уголовно-правовой области. Следовательно, уголовное право в целом, как и понятие преступления в частности должны соответствовать современному состоянию государства и отвечать потребностям общества, регулируя их отношения в сфере уголовного права. Эволюция отечественной правовой системы, законодательные новеллы, способствовали тому, чтобы понятие «преступление» прошло длительный путь от простейшей «обиды» до лаконичного и четкого современного термина «преступление». Содержание понятия «преступление» развивалось почти тысячу лет. За

этот период оно имело разное толкование, значение и роль в уголовном праве и общественной жизни.

Понятие «преступление» в период феодализма связано с главными правовыми памятниками: Русская Правда, Псковская Судная Грамота, Судебник 1497 года, Судебник 1550 года, Соборное Уложение 1649 года [1, с. 16]. Перечисленные источники права заложили основы уголовного права, определив отдельные признаки деяния, но четкого понятия «преступление» за столь длительный период развития отрасли уголовного права сформулировано не было. Законодателем были представлены альтернативы в виде понятий «обида» и «лихое дело». В первом случае это нанесение ущерба человеку, а во втором – причинение вреда государству или господствующему классу [2, с. 4].

Отечественное законодательство периода Нового времени в отрасли уголовного права претерпело ряд прогрессивных изменений. Именно в этот период развития нашего законодательства впервые появляется термин «преступление», которое было закреплено в Артикулах Воинских Петра I, под которым понималось нарушение закона и воли императора [3, с. 160].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года преступление – это нарушение закона, посягающее на неприкосновенность власти [4, с. 70]. Необходимо отметить, что законодательство в области уголовного права вполне соответствовало своему и периоду и регулировало отношения в сфере уголовного права. В целом же законодательство Нового времени стало базой для развития уголовного права в советское время.

Советское законодательство внесло свой вклад в развитии и становлении понятия преступления. Этот период отличался господствующей идеологией большевиков, что, несомненно, отразилось в законодательстве. В советский период появляются первые уголовные кодексы нашей страны (1922 года, 1926 года, 1960 года). Поначалу понятие «преступление» было своего рода инструментом для становления и укрепления пришедших к власти большевиков [5, с. 182]. Оно было настолько гибким, что иногда неоднозначность трактовки позволяла признать преступлением деяние по косвенным признакам [6, с. 70]. В большей мере, такая практика связана с отсутствием гласности в деятельности правоприменений, нежели с содержанием законодательно закрепленного понятия, что не исключало случаев злоупотребления полномочиями со стороны органов власти во имя господствующей идеологии [7, с. 27]. Затем уголовное право декларирует своей основной задачей – борьбу с антиобщественными элементами, посягающими на советский строй и правопорядок, который был установлен властью на переходный к коммунистическому строю период времени [3, с. 28]. Такое содержание понятия преступления давало законодателю решать, какие деяния посягают на советский строй и представляют наибольшую опасность, а какие нет.

В период гласности, отказавшись от ранее принятых норм, законодатель постепенно уходит от главенствующей роли партии и коммунистической доктрины в уголовном праве. Преступлением считалось общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом. Отдельно стоит отметить, что Уголовный кодекс РСФСР 1960 года, отказавшийся от репрессивных мер, содержательно очень похож на ныне действующий кодекс [8, с. 106].

На современном этапе развития уголовно-правовой терминологии, под преступлением понимается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания [9]. Так выглядит определение понятие «преступление» сегодня. Уголовный кодекс РФ 1996 года является важнейшим источником в истории российского уголовного права. Уголовный кодекс РФ в статье 14 дает довольно четкое, но в то же время краткое понятие преступлению [10, с. 491]. В переходный период от советского законодательства к новой российской реальности, преобразилось понятие «преступление», сместив акценты и обратив внимание на ключевые признаки рассматриваемого деяния: общественная опасность, виновность, отсутствие малозначительности. Понятие «преступление» и содержание его признаков иллюстрируют социально-экономические, идеологические, правовые взгляды в обществе относительно форм и методов борьбы с преступлениями, которые посягают на основные ценности общества. Закрепленное понятие «преступление» соответствует нынешним реалиям, эффективно регулируя общественные отношения в уголовно-правовой сфере. Учитывая постоянные изменения в политической и социально-экономической жизни, можно предположить, что в дальнейшем содержание понятия «преступление» может претерпеть изменения, чтобы эффективно регулировать отношения в области уголовного права.

Являясь антиобщественным, вредным явлением, преступления вызывает отрицательное отношение среди законопослушного населения. Государство обязано вести борьбу с преступлениями для того, чтобы минимизировать наносимый ущерб, обеспечить сохранение общественного порядка и общественной безопасности [11, с. 57]. Понятие «преступление» необходимо отличать от правонарушения или гражданско-правового деликта. Правоприменителям в свою очередь необходимо знать историю появления тех или иных категорий уголовного права, в данном случае понятия «преступление» для того, чтобы осознать его значение в отрасли уголовного права и корректно употреблять в своей деятельности.

1. Аглямев М.И., Мысляева Н.С. Судебник 1550 года // Право и государство: история и современность, перспективы развития: сборник трудов по итогам работы научно-практического семинара / ответственный редактор Е.С. Косых, 2018. С. 15–18.
2. Чаплыгина В.Н. Становление и тенденции развития органов предварительного следствия системы МВД России (функционально-структурный подход): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Акад. упр. МВД РФ. М., 2004.
3. Упоров И.В. УК РСФСР 1922, 1926, 1960 гг.: общеправовая характеристика // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 28.
4. Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Маликов С.В. Руководящие начала по уголовному праву: предыстория разработки, прообраз общей части первого УК РСФСР, значение (к 100-летию принятия) // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 2. С. 106–121.
5. Басан М.С. Основные правовые аспекты УК РСФСР 1922 // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и магистров, 2019. С. 180–183.

6. Биюшкина Н.И. Уголовное законодательство Советских Социалистических Республик в 1920-х гг.: сравнительно-правовой анализ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 6. С. 70–81.
7. Калюжный А.Н., Чаплыгина В.Н. Сравнительный анализ моделей предварительного расследования по Уставу уголовного судопроизводства Российской Империи 1864 г. и по УПК РСФСР 1922 г. // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1 (50). С. 27–33.
8. Федорова А.Н. Понятие и состав преступления по Артикулам Воинским 1715 года // Право и образование. 2012. № 11. С. 156–161.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.
10. Крюкова О.Ю. Ретроспективный анализ понятий «преступление» и «субъект преступления» // Пенитенциарная наука. 2019. Т. 13, № 4. С. 491–497.
11. Обеспечение прав человека: учебник / М.И. Акатнова, А.А. Амирханов, Ю.В. Анохин [и др.]. 2-е издание, исправленное и дополненное. Барнаул: Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. 756 с.

Ключевые слова: понятие, преступление, статья, Уголовный кодекс РФ, история, законодательство.

УДК 343.2

АКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ: АНАЛИЗ ОПЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Быкова Карина Александровна,
следователь отделения по расследованию преступлений,
совершенных на территории Одоевского района,
СО МОМВД России «Белевский»,
301440, Тульская область, п. Одоев, ул. Карла Маркса, д. 26

В данной статье рассматриваются некоторые актуальные способы предотвращения мошенничеств, применяемых в зарубежных странах.

В условиях непрерывного развития технологий, информационной сферы и электронных средств платежа в мировом пространстве наблюдается рост уровня преступности, связанной с их использованием. Этот процесс обусловлен множеством факторов, число которых постоянно увеличивается [1, с. 267]. Об этом свидетельствуют статистические данные Министерства внутренних дел Российской Федерации о состоянии преступности за январь–декабрь 2024 года, согласно которым за указанный период зарегистрировано 379762 мошенничеств, что на 7,5 % превышает показатели аналогичного периода 2023 года [2].

Следует отметить, что первые дистанционные платёжные сервисы начали функционировать в Соединённых Штатах Америки в 1871 году [3, с. 463]. Именно тогда был совершён первый платёж «на расстоянии» с использованием

телеграфной связи, что способствовало дальнейшему развитию этой сферы во всём мире [4].

В разных странах существуют различия в законодательстве, касающемся электронных средств платежа, в силу дифференциации временного распространения этих технологий. Ввиду этого различаются и способы противодействия мошенничествам в данной сфере. В зарубежных государствах нормативная база уголовного законодательства формируется таким образом, что хищения не разделяются на формы и предусматривается единый состав преступления, особенно сопряжённого с использованием электронных средств платежа.

В основном такой подход осуществляется в рамках англо-саксонской и континентальной правовых систем. Например, в Соединённых Штатах Америки предусмотрена уголовная ответственность за мошенничество, связанное с неправомерным доступом к электронным средствам платежа. Однако в данном случае учитывается сумма ущерба, причинённого преступлением, которая должна составлять более одной тысячи долларов. В Федеративной Республике Германия ситуация складывается несколько иначе: ответственность уже предусмотрена за мошеннические действия с банковскими чеками и кредитными картами.

Следует отметить, что такой подход в законодательстве является разумным и целесообразным, поскольку при множестве различных норм, отдельно закрепляющих каждый состав хищения как отдельный, возникает множество проблем, связанных с их квалификацией и разграничением.

Помимо конкретной нормы, важна также санкция за совершаемое преступление, которая в той или иной мере является одним из ключевых аспектов противодействия мошенничеству [5, с. 188]. Например, в Соединённых Штатах Америки и Канаде за мошенничество с использованием электронных средств платежа предусмотрена ответственность в виде штрафа и лишения свободы сроком до 10 лет. В Японии за данное деяние установлен штраф до 1 миллиона иен или лишение свободы на срок до 10 лет [6].

В нормативных правовых актах Австрийской Республики санкция за совершение мошенничества с использованием электронных средств платежа во многом определяется уровнем профессионализма лиц, совершивших указанное преступление, а также их навыков в области информационных технологий [7, с. 163]. В указанном государстве данный аспект учитывается в случае назначения наказания в виде лишения свободы, а именно для определения его срока. Так, например, установленный факт системности и характерности преступных действий влечет за собой наказание в виде 10 лет лишения свободы. Противоположная позиция по определению санкции за совершение указанного вида преступлений существует в Норвегии, где предусмотрен штраф или лишение свободы на срок до двух лет.

В Китайской Народной Республике срок лишения свободы в данном случае пропорционален сумме причиненного ущерба, а также зависит от характера потерпевшего, степени общественной опасности, и может быть назначен от трех лет до пожизненного лишения свободы. Так в случае, если преступные действия направлены на хищение денежных средств государственного бюджета, и ущерб причинен финансовой системе государства, наказание назначается в виде смертной казни или пожизненного лишения свободы с конфискацией имущества.

Кроме того, помимо строгой санкции за совершение мошенничества с использованием электронных средств платежа, в качестве средства противодействия указанному виду преступлений выступает разработка специализированных центров по борьбе с мошенничеством [8, с. 79]. Одним из таковых является Национальный центр по борьбе с мошенничеством Китайской Народной Республики, который создан в 2021 году Государственным Советом Китая. Указанный центр взаимодействует с зарекомендованными разработчиками программного обеспечения и социальных сетей, например с «People's Daily», «WeChat» и другими, с целью публикации и распространения информации для борьбы с мошенничеством.

Национальный центр по борьбе с мошенничеством Китайской Народной Республики (далее – Центр) постоянно публикует фото- и видеоконтент, обучающие статьи о способах совершения мошенничества и противодействия ему, оказывает содействие в раскрытии указанного вида преступлений, сотрудничая с органами внутренних дел и иными государственными ведомствами. Данный центр аккумулирует большой объем информации, который позволяет гражданам самостоятельно определить факт совершения в отношении них противоправных действий и предотвратить их [9].

Для повышения эффективности деятельности Центра 15.03.2021 Министерством общественной безопасности Китайской Народной Республики разработано и опубликовано для загрузки мобильное приложение «Национальный центр по борьбе с мошенничеством», основной задачей которого выступает информирование о мошенническом и вредоносном контенте. Программное обеспечение содержит механизм перехвата подозрительных смс и телефонных звонков, работающий в автоматизированном режиме, который позволяет пользователям получать уведомления о противоправных действиях и распознавать их. Кроме того, приложение инструктирует граждан о схемах онлайн-мошенничества и способах защиты информации и персональных данных, а также предоставляет возможность передавать сведения о потенциальных мошенниках напрямую в Центр.

Отделами по расследованию преступлений Бюро общественной безопасности Китайской Народной Республики на уровне префектур были созданы центры по борьбе с мошенничеством. Указанные центры сотрудничают с банковскими организациями и медиа-компаниями для осуществления совместной деятельности. Их основная задача состоит в анализе, выявлении и расследовании противоправных деяний в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, разработке наиболее эффективных профилактических мер противодействия указанному виду преступлений, а также блокировке банковских счетов мошенников.

Особое значение в работе данных центров уделяется повышению уровня осведомленности населения о различных видах и способах совершения мошенничества, анализу виктимного поведения. Центры, обладая высокоорганизованными техническими возможностями, могут осуществлять блокирование сайтов и сервисов, характеризующихся степенью подозрительной активности и содержащих противоправный контент. Данные функции отражают современный подход государства к борьбе с мошенничеством и обеспечению информационной безопасности населения.

Таким образом, путем анализа законодательства и практического опыта зарубежных стран в сфере противодействия мошенничеству были выявлены различия в определении степени общественной опасности данного деяния и закрепления санкции за совершение указанного преступления. Исходя из рассмотренной деятельности по профилактике мошенничеств в Китайской Народной Республике, можно сделать вывод о целесообразности совершенствования технической составляющей предупреждения данного вида преступлений в России, а также вовлечения общественных организаций в указанную деятельность.

1. Чаплыгина В.Н., Черкасова Е.А., Рудов Д.Н. Особенности расследования мошенничества с использованием электронных средств платежа // Современный ученый. 2023. № 1. С. 267–271.
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–сентябрь 2024 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328> (дата обращения: 10.04.2025).
3. Чаплыгина В.Н., Фомина В.Э. Электронные средства платежа как объект для мошенничества // Актуальные вопросы публичного управления, экономики, права в условиях цифровизации: сборник научных статей Международной научно-практической конференции, Курск, 12 мая 2023 года / Курская академия государственной муниципальной службы. Том 2. Курск, 2023. С. 463–469.
4. Маркова Е.А. Преступления, совершённые с использованием электронных средств платежа, в законодательстве стран англо-саксонской правовой семьи (на примере Великобритании и США) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1. С. 71.
5. Рудов Д.Н., Морозова Н.В. Некоторые аспекты криминалистической характеристики мошенничества в сфере государственного пенсионного обеспечения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 3 (92). С. 187–193.
6. Penal Code of Japan (Act № 45 of 1907). URL: <http://www.cas.go.jp/jp/seisaku/hourei/data/PC.pdf>.
7. Морозова Н.В. Отдельные элементы криминалистической характеристики мошенничества, совершаемого с использованием электронных средств оплаты // Альманах молодых ученых: сборник научных статей. № 1 (3). Н. Новгород: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 162–166.
8. Семенов Е.А., Шайдуллина Э.Д. Уголовно-процессуальный анализ проблем в доказывании современных мошенничеств, совершаемых по принципу «финансовых пирамид» // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. № 2 (79). С. 78–81.
9. Individual Frauds in China: Exploring the Impact and Response to Telecommunication Network Fraud. URL: https://pure.port.ac.uk/Bing_Han_PhD_thesis.pdf (дата обращения: 10.04.2025).

Ключевые слова: мошенничество, предотвращение мошенничества, средства платежа, законодательство.

УДК 343.9

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ К СТАНОВЛЕНИЮ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Гамзаева Асель Бержановна,

адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров,

Академия управления МВД России,

125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

В данной статье рассматриваются исторические и правовые аспекты становления уголовного и уголовно-процессуального законодательства в части касающейся института освобождения. Раскрыты особенности освобождения от уголовной ответственности на разных этапах развития российского общества, а также отражено влияние исторических событий в стране на принятие тех или иных нормативно-правовых актов. В статье обозначены мнения известных правоведов, касаемо изучаемой темы.

Исторические корни института освобождения от уголовной ответственности уходят в глубокую древность. Первоначальные упоминания можно обнаружить в Пространной редакции Русской Правды (Троицкий I список), где изначально закладывались нормы, регулирующие подобные процессы [1, с. 98]. С течением времени эти положения эволюционировали. В значительной степени они были пересмотрены в рамках Устава уголовного судопроизводства 1864 года [2, с. 304] и Уголовного уложения 1903 года [3, с. 607]. Однако, несмотря на наличие нормативных актов, четкость в формулировках и правовом определении понятий, таких как «уголовное преследование», «прекращение уголовного дела» и «освобождение от уголовной ответственности», четко не регламентированы. Эти понятия зачастую были описаны неточно и уклончиво, что создавало трудности в их применении на практике.

В некоторых источниках говорится о том, что институт освобождения от уголовной ответственности начал свое существование с момента возникновения самой уголовной ответственности [4, с. 105], по мнению О.Н. Кузьминой, в дореволюционный период самостоятельный термин «уголовная ответственность» не разрабатывался [5, с. 18], однако факт назначения и исполнения наказания за совершенное противоправное деяние представляет собой одну и ту же реализацию данного феномена, о чем можно сделать вывод, что задатки рассматриваемого нами института встречаются еще в древнерусском законодательстве.

Примечательно, что освобождение от уголовного наказания предусматривалось в Судебнике 1497 года, где поводом служила победа в поединке («поле»), в Судебнике 1550 года – передача на «крепкие поруки», в этом случае обвиняемый, оказавшийся побежденным «в поле», подвергался прилюдному битию кнутом [6].

Как отмечается в Соборном уложении 1649 года, в отношении обвиняемого лица предусматривалось вынесение норм поощрительного характера, к примеру, государево помилование, примирение с потерпевшим (но только по инициативе суда), условно-досрочное освобождение с последующей выдачей на поруки виновных в неуплате иска и заключенных за это в тюрьму [7, с. 343].

Актикул Воинский Петра I 1715 года учитывал возможность освобождения от ответственности в случае «крайней голодной нужды» [8], но данная нор-

ма реализовывалась только в случае совершения кражи, в некоторых источниках указывается, что данное освобождение возникло посредством заимствования норм немецкого права [9, с. 51].

Следующим этапом развития данного института является появление в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года непривлечения к ответственности детей от 7 до 10 лет, в случае совершения ими преступлений, предусматривалась передача под надзор родителей или родственников [10].

В Уложении в ред. 1866 года впервые просматривается важность освобождения от ответственности посредством деятельного раскаяния, виновному, который сам явился с повинной, предусматривалось смягчение наказания [11, с. 120].

Так же, в случае виновного лица, он освобождался только от наказания личного характера, имущественные взыскания в этом случае вычитались из наследства [12, с. 144].

В период после судебной реформы 1864 года принят ряд законодательных актов, установивших как общие, так и специальные виды освобождения от уголовного наказания. При этом многие из них в современном понимании представляют собой именно виды освобождения от уголовной ответственности [13, с. 24].

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 года (далее – Устав о наказаниях), закреплял такие виды освобождения от наказания (ответственности), как смерть осужденного, примирения с обиженным в указанных законом случаях и за давностью (ст. 22) [14].

Согласно ст. 16 Устава уголовного судопроизводства 1864 года [15] судебное преследование в отношении обвиняемого не может быть возбуждено, а начатое подлежит прекращению: 1) за смертью обвиняемого; 2) за истечением давности; 3) за примирением обвиняемого с обиженным в указанных законом случаях и 4) за высочайшим указом или общим милостивым манифестом, дарующим прощение.

В Уложении 1903 года также предусматривалась норма, освобождающая от наказания детей в возрасте от 10, но уже до 17 лет, но в случаях совершения ими тяжких преступлений они могли помещаться в воспитательно-исправительные учреждения, а девушки – в женские монастыри. Здесь же появились новые основания освобождения – болезненное расстройство душевной деятельности, бессознательное состояние или же умственное недоразвитие, произошедшее от телесного недостатка или болезни [16, с. 39].

В советское время данный институт продолжил линию развития. В этот период больше внимания стало уделяться индивидуализации наказания, нежели дифференциации. Это проявлялось, в частности, в существовании аналогии уголовного закона.

Согласно Декрету Совета народных комиссаров (далее – СНК) от 15.02.1918 № 2 «О суде», отменяются тюремные заключения до 17 лет, уголовные дела с участием виновных несовершеннолетних рассматриваются в комиссиях о несовершеннолетних [17].

В 1918 году сфера поощрительных норм и специальных видов освобождения от уголовной ответственности расширилась, в Декрете СНК от 08.05.1918 «О взяточничестве» предусматривалась возможность от наказания, если виновное лицо, давшее взятку, в течение трех месяцев сознается в содеянном. Подоб-

ная же норма закрепились и в постановлении Совета рабочей и крестьянской обороны от 25.12.1918 «О дезертирстве» [18].

Впервые термин «освобождение от уголовной ответственности» встречается в Декрете СНК от 17.10.1921 «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ», где лица, хранившие без надлежащего разрешения оружие и иные взрывчатые вещества, и добровольно сдавшие их, освобождались от наказания. Именно с этого момента можно отследить зарождение рассматриваемого нами института [19].

В УК РСФСР 1926 года появляется новый вид освобождения от ответственности – изменение обстановки, когда деяние, которые в момент совершения считались преступлением, не подлежит наказанию, в случае если оно перестало быть общественно опасным [20].

Впервые как самостоятельный институт Общей части освобождение от уголовной ответственности было выделено Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года (ст. 43) [21]. В УК РСФСР 1960 года [22] были детализированы положения Основ путем выделения конкретных видов освобождения [23, с. 340].

В Особенной части УК РСФСР 1960 года регламентировались специальные виды освобождения от уголовной ответственности. В частности, применительно к даче взятки (ст. 174). Со временем число специальных видов освобождения в законе увеличилось, была закреплена возможность его реализации при совершении терроризма (ст. 213.3), организации или участия в незаконных вооруженных формированиях (ст. 77.2), незаконного ношения, хранения, приобретения, изготовления или сбыта оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ (ст. 218), незаконного изготовления, приобретения, хранения, перевозки или сбыта наркотических средств (ст. 224) и ряда иных деяний.

Определение видов и условий освобождения от уголовной ответственности явилось существенным «прорывом» в развитии института. Перечень видов освобождения был существенно расширен по сравнению с предыдущим законодательством. В дальнейшем Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11.03.1977 были внесены коррективы в редакцию статей о некоторых видах освобождения и введен новый вид – освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности (ст. 50.1). Освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних регламентировалось нормами гл. 3 УК РСФСР 1960 года «О преступлении», остальные его виды – в гл. 5 «О назначении наказания и об освобождении от наказания» (ст. 48, 50, 50.1, 51, 52).

Реформа уголовного законодательства, увенчавшаяся принятием действующего УК РФ 1996 года [24] (далее – УК РФ), внесла значительные коррективы в законодательную регламентацию института освобождения от уголовной ответственности.

Сопоставляя уголовно-процессуальное законодательство, касающееся института прекращения уголовного дела и преследования, можно увидеть, что нормы УПК РСФСР 1960 года, претерпевшие множество изменений и дополнений, стали прочным фундаментом для создания Уголовно-процессуального кодекса РФ [25], принятого в 2001 году. В современном Уголовно-процессуальном кодексе РФ, принятом 18.12.2001, внимание института прекращения уголовного

дела и уголовного преследования уделено в гл. 4, где подробно описаны основания для отказа в возбуждении дела, его прекращения или преследования. Также этому процессу посвящена гл. 29, в которой детализирована процедура прекращения уголовного дела.

Действующая редакция УПК РФ не содержит определений понятий «прекращение уголовного дела» и «прекращение уголовного преследования». Закрепление определений этих понятий в ст. 5 УПК РФ, на наш взгляд, было бы целесообразным.

Изменения в глобальной геополитической обстановке стали катализатором введения режима специальной военной операции (СВО), который оказал значительное влияние на многие аспекты жизни, включая общественные и правовые системы. Эти изменения требовали адаптации законодательства, особенно в области уголовного и уголовно-процессуального права, чтобы надлежащим образом реагировать на новые вызовы. Важным аспектом стало предоставление дополнительных прав лицам, участвующим в СВО, что потребовало законодательных изменений [26].

Эти изменения в законодательстве отражают стремление адаптироваться к условиям, вызванным СВО, и обеспечивают готовность правовой системы поддерживать тех, кто защищает национальные интересы в военное время [27, с. 261]. Закрепление подобных норм помогает сохранять правовую стабильность и обеспечивает баланс между необходимостью обеспечения правосудия и поддержанием национальной безопасности.

Таким образом, законодатель стремится создать юридическую платформу для ситуаций, когда неподтвержденная возможность участия лица в судебном процессе связана с военными обязанностями. Однако новая регламентация вызвала необходимость более глубокого анализа и разработки рекомендаций для практического применения данных положений. Ведь когда подозреваемый или обвиняемый убывает на военную службу или заключает контракт для участия в СВО, это приводит к ряду сложных вопросов. Такие лица, уходя в состав воинских формирований, могут столкнуться с проблемами или оказаться в процессуальных тупиках, связанных с их текущей уголовной ответственностью, наказанием, а также погашением судимости.

1. Русская правда. «Правда Русская»: учебное пособие: [для исторических факультетов, университетов и педагогических институтов] / Акад. наук СССР, Ин-т истории; [отв. ред. Б. Д. Греков]. М., Л.: Акад. наук СССР, 1940. 112 с.

2. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 8. Судебная реформа / под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. Б.В. Виленский. М.: Юридическая литература, 1991. 495 с.

3. Уголовное уложение двадцать второго марта тысяча девятьсот третьего года С мотивами, извлеч. из объясн. записки Ред. комис., представления Мин. юст. в Гос. сов. и журн. – особого совещ., особого присутствия деп. и общ. собр. Гос. сов. / изд. Н.С. Таганцева. СПб.: Гос. тип., 1904. [2], II, 1122 с.

4. Пирогов П.П., Бойко О.Г. Становление и развитие норм российского уголовного права об освобождении от уголовной ответственности // Вестник Международного института экономики и права. 2013. № 2. С. 105.

5. Кузьмина О.Н. Институт освобождения от уголовной ответственности: генезис формирования, современное состояние, перспективы оптимизации: дис. ... канд. юрид. наук. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2020. С. 18.
6. Судебники Иоанна III и Иоанна IV 1497 и 1555 [1550] гг. / текст с указ. напеч. проф. М. Ключковым. Харьков: Тип.и лит. Зильберберг и С-вья, 1915.
7. Памятники русского права: [в... вып.]. Вып. 6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. / под ред. К.А. Софроненко. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1957. 503 с.
8. Артикул воинский (редакции 1715 г.) // Текст печатается по изданию: Артикул воинский купно с процессом, надлежащий судящим. Напечатана повелением царского величества в Санкт-Петербурхе лета Господня 1715 апреля 26 дня. С. 1–152.
9. Гезгиев М.А. Институт освобождения от уголовной ответственности в историческом дискурсе // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2009. № 5. С. 51.
10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845.
11. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Издание двенадцатое, пересмотренное и дополненное / издано Н.С. Таганцевым. СПб., 1904. С. 120.
12. Белогриц-Котляревский Л.С. Очерки курса русского уголовного права: общая и особенная части: лекции. Харьков, Киев, 1908. С. 144.
13. Капитонова Е.А. Современный терроризм: монография. М., 2015. С. 24.
14. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. 1867. [3], II, IV, 201 с.
15. Устав уголовного судопроизводства. 1867. [3], VII, XXV, 523 с.
16. Кашапов Р.М. История возникновения и развития института освобождения от уголовной ответственности // Российский следователь. 2010. № 13. С. 39.
17. О суде: Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 // СУ РСФСР. 1917. № 4, ст. 50.
18. О дезертирстве: постановление Совета рабочей и крестьянской обороны от 25.12.1918 / Сайт музея истории российских реформ имени П.А. Столыпина. URL: <http://museumreforms.ru/load-document/nojs/13767> (дата обращения: 11.04.2025).
19. О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ: Декрет СНК от 17.10.1921 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
20. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года: постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 27.04.1959) // СУ РСФСР. 1926. № 80, ст. 600.
21. Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, утв. Законом СССР от 25.12.1958 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1, ст. 15.
22. Уголовный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27.10.1960 (ред. от 30.07.1996) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст. 591.

23. Кашапов Р.М. История возникновения и развития института освобождения от уголовной ответственности // Российский следователь. 2010. № 13. С. 340.
24. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.
25. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.
26. Решение о проведении специальной военной операции принято в соответствии со ст. 51 части 7 Устава ООН, которая предусматривает неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/chapter-7> (дата обращения: 11.04.2025).
27. Семенов Е.А., Батуева А.Б. Прекращение уголовного преследования в связи с призывом на военную службу в системе альтернативных наказанию мер // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2 (99). С. 258–264.

Ключевые слова: преступность, освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела, противодействие преступлениям, правоохранительные органы.

УДК 343.1

АНАЛИЗ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ОБВИНИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ ПРОКУРОРА КАК УЧАСТНИКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Голубовский Владимир Юрьевич,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД РФ,
123995, г. Москва, ул. Поварская, д. 25

В статье отмечается, что вопрос о положении прокурора в уголовном процессе всегда являлся одним из дискуссионных, что связано с изменениями уголовного процесса в различные исторические периоды развития нашего законодательства. Даже при постоянном совершенствовании законодательства о прокуратуре РФ, уголовно-процессуального закона, а также издании ведомственных актов Генерального прокурора, нормативно-правовое регулирование деятельности государственного обвинителя в части рассмотрения судами уголовных дел в первой инстанции по-прежнему имеет пробелы. Кроме того, возникают вопросы при реализации указанных норм.

Анализ доказательств и их оценка в речи государственного обвинителя составляют основную часть ее содержания. Особое значение приобретают данные проблемы, когда речь идет об обеспечении процессуальных прав сторон уголовного процесса [1, с. 97]. Здесь прокурор подводит итог деятельности по доказыванию виновности подсудимого в совершении преступления. Этот важный элемент речи государственного обвинителя в прениях сторон определяет

достижение цели обвинительной речи. При оценке доказательств в речи, прокурору надлежит руководствоваться принципом свободы оценки доказательств, регламентированным ст. 17 УПК РФ [2, с. 24]. Прокурору следует на данном этапе свое высказывание обосновать только достоверными доказательствами, которые не могут быть подвергнуты сомнениям. Здесь должны быть проанализированы не только доказательства в отдельности, но и в их совокупности.

Прокуроры при избрании тактики поддержания обвинения в прениях планируют речь таким образом, чтобы доказательства были проанализированы в той же очередности, что и на стадии судебного следствия. На психологическом уровне это возвращает судью к этой стадии и как бы повторяет в голове судебное следствие. Другие считают наиболее целесообразным анализировать доказательства в последовательности согласно тому, какие именно обстоятельства должны быть доказаны согласно положениям ч. 1 ст. 73 УПК РФ [3, с. 218].

Центральное доказательство, которое подлежит анализу вне зависимости от признания вины в содеянном, это показания подсудимого. Несмотря на то, что теория формальной оценки доказательств ушла далеко в историю, а на смену ей пришла теория свободной оценки доказательств, подсудимый является важнейшей фигурой в уголовном процессе. В доказанности именно его вины состоит цель всей речи, поэтому очень важно еще раз проанализировать слова подсудимого. Кроме того, право давать показания, установленное в ч. 1 ст. 275 УПК РФ, способ защиты подсудимого от необоснованного обвинения, в чем он не может быть ограничен, поэтому участники процесса должны услышать его позицию. Показания подсудимого, как и других участников производства по делу, подлежат детальной проверке и оценке посредством сравнения их с остальными доказательствами и должны быть либо положены в основу обвинения, либо опровергнуты.

Различие в доказывании вины подсудимого может быть в случае, когда он её признает. Тогда государственный обвинитель подтверждает достоверность этих показаний другими доказательствами. Если же подсудимым виновность в совершенном деянии отрицается, возможны два пути: прокурор умалчивает об отрицании вины, подтверждая вину подсудимого всей совокупностью иных доказательств, что позволит изобличить ложность его показаний; с каждым предъявляемым доказательством обвинитель опровергает отдельные доводы из показаний подсудимого, тем самым, показывая их несогласованность с остальными.

Нельзя забывать о праве подсудимого отказаться от показаний, данных на досудебных стадиях. Подсудимый может утверждать, что его принудили к даче показаний, что в момент допроса на предварительном следствии у него были проблемы со здоровьем. Допросы на стадии досудебного производства формально закреплены в протоколах, которые подписываются обвиняемым, однако это не значит, что все права обвиняемого были соблюдены. В данной ситуации также главный способ доказать виновность подсудимого, это использовать другие доказательства, которые в своей совокупности сделают явным вывод о ложности новых показаний. В качестве примера приведем приговор Басманного районного суда города Москвы по делу № 1-31/2018 от 28.04.2018 [4]. Подсудимый К.М.А.,

обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, в судебном заседании не признал свою вину, в судебном следствии от дачи показаний отказался. В этой связи были оглашены его показания, данные в ходе предварительного следствия. Эти показания подсудимым подтверждены не были. К.М.А. просил доверять своим письменным пояснениям, которые представил через защитника суду. Подсудимый сослался на то, что ему не были разъяснены права подозреваемого и обвиняемого, в связи с чем, он не знал, что может пригласить защитника. На допросе присутствовал неизвестный гражданин, который, со слов подсудимого не представился и не предоставил документы, удостоверяющие его личность и статус защитника. Таким образом, его право на защиту было нарушено, по мнению подсудимого. Суд же, в свою очередь, выразил мнение о том, что, несмотря на пояснения, данные лицом, его вина полностью доказана всеми доказательствами, представленными в ходе судебного следствия – показаниями свидетелей, протоколом личного досмотра, заключением эксперта. Кроме того, отметил, что в ходе предварительного следствия обвиняемый не заявлял о нарушении своих прав и новые показания даны с целью избежать уголовной ответственности.

Имеет значение анализ показаний свидетелей. Несмотря на предупреждение свидетеля об ответственности за дачу ложных показаний в суде перед допросом, их показания также должны быть оценены с позиций достоверности посредством сопоставления их с другими доказательствами. При оценке их достоверности необходимо уточнять их источник, поскольку человеческий фактор играет важную роль, очевидно, у лица могут быть проблемы со зрением, памятью или слухом. Так, расстояние, с которого это лицо увидело те или иные события, не позволяет определить достоверность увиденного с учетом индивидуальных особенностей личности. Кроме того, есть вероятность заинтересованности свидетеля в даче определенных показаний – свидетель может быть родственником, соседом, коллегой или однокурсником подсудимого или потерпевшего. Этот факт может быть установлен в процессе судебного следствия. В связи чем могут быть не только умышленно изменены показания, но и надуманы неумышленно, то есть лицо может выдавать желаемое за действительное, высказывать предположения вместо точных сведений. Также необходимо уточнять, в каких отношениях свидетель находится с лицом, относительно которого он дает показания, чтобы исключить момент личной неприязни и оценить слова свидетеля с точки зрения объективности. Эти факторы важно учитывать и в необходимых случаях относиться к ним критически, если они не согласуются с другими доказательствами.

К иным доказательствам, которые подвергаются анализу прокурором в обвинительной речи, можно отнести и вещественные доказательства, и документы, заключения, показания эксперта. При их оценке обвинителем нужно помнить, что они не являются бесспорным доказательством, они лишь говорят о возможности им совершения преступления, такие доказательства подтверждают определенные факты. Так, в заключении экспертизы указано, что было ножевое ранение, нанесенное лицом сверху вниз. При допросе эксперта в суде им был сделан вывод о том, что преступник был ростом 165-175 см. Рост подсудимого – 187 см. Это напрямую не подтверждает виновность подсудимого,

однако косвенно свидетельствует о том, что он физически мог совершить данное преступление.

Приемы анализа доказательств, так же, как и красноречие, должны быть использованы по принципу разумной достаточности, то есть таким образом, чтобы они были восприняты участниками процесса как собственные, а не как продиктованные кем-либо. Они должны быть емкими, состоять из простых предложений и понятных логических конструкций, чтобы легко воспринимались на слух [5, с. 9]. Задача прокурора здесь – умело сгруппировать доказательства, детально проанализировать их и сделать логически обоснованный вывод, устранив тем самым неточности или сомнения участвующих лиц.

Вопрос анализа доказательств в обвинительной речи является преимущественно тактическим и с точки зрения отечественного уголовно процессуального закона не может быть урегулирован детально, так как порядок и приемы анализа определяет обвинитель самостоятельно, исходя из особенностей дела, своей подготовленности и опыта, ввиду того, что на этапе судебных прений анализ доказательств представляет собой мыслительный процесс по построению системы выводов, где из одних суждений формулируются на законах логики и другие суждения.

-
1. Волынский А.Ф. Стратегическая проблема уголовного процесса и криминалистики: после дифференциации знаний необходима их интеграция // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 75–79.
 2. Семенцов В.А. Аудиовидеозапись в доказательственной деятельности следователя. М., 1997. С. 25.
 3. Болычев В.Г. Основания и процессуальный порядок применения научно-технических средств при производстве следственных действий // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2009. № 2. С. 425–438.
 4. УПК Республики Беларусь от 16.07.1999 (по состоянию на 17.07.2023). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 14.04.2024).
 5. УПК Кыргызской Республики от 28.10.2021 (по состоянию на 16.02.2024). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36639004 (дата обращения: 14.04.2024).

Ключевые слова: допрос, процессуальный порядок, следователь, дознаватель, технические средства.

УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАЗБОЙ

Гришин Андрей Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Чупахина Марина Юрьевна,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Статья посвящена рассмотрению проблематики уголовной ответственности за разбой. Авторами анализируются отдельные проблемы квалификации разбоя, разграничение уголовно-правовой квалификации разбойного нападения от смежных составов, в частности, от грабежа с применением насилия и вымогательства, приводятся примеры из судебной и следственной практики, статистика разбойных нападений за несколько лет.

Статистические данные преступности в Российской Федерации неизменно свидетельствуют о преобладающей доле хищений чужого имущества в общем массиве регистрируемых преступлений, составляя традиционно 50-55 % от общего количества (примерно 1 млн преступлений ежегодно). Большинство из этих преступлений совершаются путем кражи или неуклонно растущих в последние годы различных способов мошенничества, при незначительной доле разбоев, грабежей и иных способов. Несмотря на демонстрируемую в последние годы устойчивую тенденцию положительной динамики снижения количества регистрируемых разбойных нападений (2019 год – 6,7 тыс. (-9,8 % АППГ), 2020 год – 5,3 тыс. (-21,7 % АППГ), 2021 год – 4,4 тыс. (-16 % АППГ), 2022 год – 4 тыс. (-10,5 % АППГ), 2023 год – 3,4 тыс. (-15,4 % АППГ), 2024 год – 2,8 тыс. (-16,3 % АППГ)) [1] они в силу специфики объекта посягательства, затрагивающего зачастую не только и не столько отношения собственности, сколько причиняющее значительный вред жизни и здоровью пострадавших, остаются предметом пристального внимания как правоприменителей, так теоретиков-правоведов, изучающих отдельные аспекты квалификации совершенного уголовно-правового деяния как разбоя по ст. 162 Уголовного кодекса РФ.

Ретроспективный анализ российского уголовного законодательства позволяет установить, что современное понятие разбоя, отраженное в Уголовном кодексе РФ, во многом основано на теоретических разработках ученых и законодательно закрепленных нормах, которые сложились еще в середине XIX века. В XX веке уже в советский период предпринимались попытки интегрировать в определение разбоя элементы, характерные для насильственного грабежа, однако они не были успешными и не прижились в законодательстве.

Разбой, являясь одной из форм хищения, существенно отличается по своим уголовно-правовым характеристикам от иных форм. Эти различия ярко проявляются в составе преступления, и их правильная квалификация особенно важна, когда правоприменители сталкиваются с преступлениями, имеющими сходные элементы, поэтому мы считаем целесообразным рассмотреть не только особенности разграничения разбоя и вымогательства, а также насильственного грабежа.

Для более четкого понимания ключевых различий между этими преступлениями следует рассмотреть несколько критериев:

1. Объект преступного посягательства.

Разбой направлен на имущество жертвы, представляющее собой материальные блага, имеющие определенную хозяйственную ценность. В этом преступлении виновный стремится завладеть имуществом, которое не принадлежит ему по закону и не изъято из гражданского оборота.

Вымогательство отличается тем, что может быть направлено не только на физическое завладение имуществом, но и на получение прав на имущество или на совершение потерпевшим действий имущественного характера в пользу виновного.

В уголовно-правовом контексте термин «имущество» обычно подразумевает материальные объекты, обладающие экономической ценностью, которыми можно владеть, распоряжаться и пользоваться. Однако статья 163 Уголовного кодекса РФ, касающаяся вымогательства, вводит более широкий спектр понятий, в который входят не только имущественные активы, но и действия имущественного характера [2, с. 136]. Именно интерпретация последней категории зачастую вызывает затруднения в судебной практике.

Действия имущественного характера могут включать в себя те из них, которые приводят к улучшению имущественного положения вымогателя без прямого перемещения имущества. Например: вымогатель требует от потерпевшего уничтожить документ, подтверждающий долг, тем самым избавляясь от обязательств его возвращения; потерпевший может быть вынужден оплатить задолженность вымогателя третьим лицам, тем самым улучшая финансовую ситуацию вымогателя; предоставление услуг, транспортных, ремонтных, любых других, безвозмездно, что приносит материальную выгоду вымогателю [3, с. 115].

Как справедливо отмечает А.И. Чучаев, действия имущественного характера могут быть признаны сделками, как в юридическом, так и в фактическом смысле, если они удовлетворяют требованиям и нормам правового поля. Например, если вымогатель принуждает потерпевшего к подписанию контрактов или отмене долговых обязательств, это может быть расценено как фактическая сделка [4, с. 385].

Однако К.А. Волков подчеркивает, что толкование Верховного Суда РФ, приведенное в Постановлении Пленума от 17.12.2015, исключает из понятия действия имущественного характера такие ситуации, как прощение долга, что вызывает разногласия в правоприменительной практике. Позиция данного автора предполагает, что освобождение от имущественных обязательств, как прощение долга, само по себе не подходит под действия имущественного характера вымогательства [5, с. 45].

Тем не менее считаем важным подчеркнуть, что указанный в постановлении перечень носит скорее примерный характер, а не исчерпывающий. Верховный Суд указал, что действия, связанные с исполнением обязательств за виновного, как один из примеров, все же предполагают гибкий подход. Таким образом, правоприменитель может рассматривать и другие формы действий.

2. Форма проявления и цель преступного действия.

В разбое ключевым элементом является насилие или угроза насилия, что позволяет преступнику немедленно завладеть имуществом жертвы.

Вымогательство, напротив, может принимать форму угроз или шантажа с целью влияния на будущие действия жертвы, а не на непосредственное завладение [6, с. 63].

В диспозиции ч. 1 ст. 163 Уголовного кодекса РФ, касающейся вымогательства, формулировка представлена таким образом, что она вызывает трудности с определением, кто именно может стать объектом угроз со стороны вымогателя. Буквальное истолкование этой статьи позволяет предположить, что речь идет только о потерпевшем или его близких, когда упоминается угроза распространения позорящей информации или других сведений, которые могут причинить существенный вред их интересам.

Вместе с тем многие эксперты сужают круг лиц, которым может угрожать вымогатель, сводя его лишь к потерпевшему и его близким. Такое узкое толкование представляется неоправданным по ряду причин.

В частности, угроза расправой над совершенно незнакомыми потерпевшему лицами может быть столь же действенной и вредоносной, как и угроза его близким. Так, если вымогатель угрожает причинить вред ребенку, который формально не относится к числу близких потерпевшего согласно такому суженному толкованию, это не делает действия вымогателя менее общественно опасными.

Отсутствие четкого разъяснения со стороны Верховного Суда РФ в этом вопросе добавляет неопределенности. Пленум ограничивается лишь тем, что объясняет, что именно подразумевается под «угрозой применения насилия», не касаясь вопроса о круге лиц, которым может угрожать вымогатель.

Для решения этой проблемы необходимо разъяснение со стороны Пленума Верховного Суда, которое смогло бы привести к более точному и единообразному применению нормы о вымогательстве. В идеале, следует усовершенствовать или уточнить формулировку законодательства, чтобы устранить многозначность и гарантировать, что все потенциальные формы угроз, направленных на обеспечение выполнения вымогателем своих требований, охватываются этой статьей. Это способствовало бы более справедливому толкованию и применению закона в судебной практике, учитывая реальную общественную опасность подобных деяний.

3. Характер насилия и его интенсивность.

Анализ диспозиций ст. 161, 162 и 163 Уголовного кодекса Российской Федерации позволяет выделить различные формы насилия, которые могут проявляться в преступлениях, таких как грабеж, разбой и вымогательство.

При разбойных нападениях насилие может варьироваться в своей интенсивности и последствиях. В некоторых случаях оно только создает реальную угрозу для жизни или здоровья потерпевшего, но фактически может и не причи-

нять физического вреда [7, с. 150]. Однако, его характер указывает на потенциальную возможность серьезного ущерба. Например, попытка удушения при разбое является актом, который создает опасность для жизни и здоровья.

Важно различать потенциальное насилие от угрозы его применения. Когда речь идет о разбое, угроза насилия также упоминается в ст. 162 УК РФ как способ совершения преступления. Так, в примере с приговором Нововятского районного суда города Кирова, действия подсудимых Машковцева, Лихачева и Иванова продемонстрировали как применение насилия, так и угрозы, создающие такую же опасность [8]. В данном случае насилие включало удары по голове, что само по себе было опасным для жизни и здоровья потерпевших, тогда как угрозы задушить и вывезти в лес явились дополнительной угрозой, дополнительно усиливающей восприятие этого насилия как опасного. Насильственные действия, которые фактически не нанесли вреда, все же могли создать реальную опасность подобного исхода, что было учтено судом при вынесении приговора [9].

Когда речь идет о грабеже с применением насилия, в этом случае, в отличие от разбоя, оно не несет угрозу жизни и здоровью. В случае вымогательства насилие может быть любого уровня опасности, что делает его эффективным средством принуждения потерпевшего к выполнению требований вымогателя. В этом случае оно подкрепляет или усиливает информационную угрозу, которая сама по себе сопровождает любое вымогательство. Таким образом, физическое насилие может служить средством подтверждения угрозы, выраженной вымогателем, и усилить ее воздействие на жертву [10, с. 16].

4. Временная направленность умысла.

При рассмотрении разбоя и насильственного грабежа, важно понимать, что эти преступления имеют одну общую характеристику – стремление злоумышленников немедленно завладеть или удержать чужое имущество. Здесь и сейчас они используют насилие или угрозу насилия, чтобы мгновенно достичь своей цели: забрать у владельца имущество без какого-либо отлагательства, максимально быстро. Наоборот, при вымогательстве целевая установка иная – злоумышленники нацелены на получение имущественной выгоды в будущем, а не мгновенно. Их действия предполагают определенный временной период между предъявлением требований и получением желаемого.

Особенностью вымогательства является то, что, в отличие от грабежа или разбоя, жертве предоставляется некая свобода выбора [11, с. 91]. Пострадавший может решить, как именно он отреагирует на предъявленное требование: он может либо согласиться и исполнить требование вымогателей, либо отказаться. Однако даже в этом случае он все равно остается под давлением – угроза, выдвинутая преступниками, может быть реализована в будущем, и именно эта потенциальная опасность делает вымогательство эффективным с точки зрения злоумышленников.

Таким образом, ключевым различием является временной фактор и свобода выбора у жертвы: при грабежах и разбоях имущество похищается незамедлительно, оставляя потерпевшего без выбора, а при вымогательстве жертва стоит перед выбором до исполнения угрозы.

Итак, каждое из указанных преступлений имеет свои уникальные признаки, которые требуют тщательного анализа и правильной квалификации, что

включает рассмотрение материальных аспектов объекта посягательства, формы проявления насилия и его последствий, а также временной направленности умысла, что в совокупности позволяет разграничить разбой, грабеж и вымогательство в правоприменительной практике.

Изложенное позволяет отметить, что на практике существует значительная сложность в правильной квалификации таких преступлений, как насильственный грабеж, разбой и вымогательство, наличие схожих признаков этих преступлений и неоднозначность их интерпретации, часто приводит к ошибкам при оценке и классификации данных деяний. Видится очевидной необходимость разработки универсального алгоритма, который бы помог разграничивать эти преступления на основе определенных критериев. Использование такого универсального алгоритма позволит значительно снизить вероятность ошибок в квалификации преступлений и облегчить работу органов следствия и суда. Правильная оценка составов с учетом всех необходимых параметров позволит объективно и точно определить характер и степень тяжести совершенного преступления, обеспечив справедливое правосудие.

1. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2019 года. М., 2020. С. 2; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2020 года. М., 2021. С. 6; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2021 года. М., 2022. С. 2; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022 года. М., 2023. С. 2; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2023 года. М., 2024. С. 2; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 года. М., 2025. С. 2.
2. Гришин А.В., Гришина М.В. Преступление или гражданско-правовое нарушение? Актуальные вопросы разграничения уголовной и гражданско-правовой ответственности, а также возмещения вреда, причинённого преступлением // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2018. № 1 (74). С. 134–137.
3. Зацепин М.Н., Зацепин А.М. Объект и объективная сторона вымогательства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 10. С. 114–117.
4. Чучаев А.И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: Проспект, 2022. С. 385.
5. Волков К.А. Разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о вымогательстве // Российский судья. 2016. № 7. С. 41–44.
6. Ситчихин В.Н. Алгоритм квалификации деяния, содержащего признаки разбоя, вымогательства и грабежа, совершенных с применением насилия: критерии и признаки разграничения // Право и общество. 2021. № 3 (4). С. 63.
7. Чаплыгина В.Н., Иванюшин Д.В. Взаимодействие органов следствия с органами дознания на первоначальном этапе расследования грабежей и разбоев // Закон и право. 2021. № 8. С. 149–150.
8. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Кировского областного суда от 27.01.2020 № 22-126. URL: [http:// www.sudact.ru](http://www.sudact.ru).
9. Приговор Нововятского районного суда г. Кирова от 11.11.2019 № 1-171/2019. URL: [http:// www.sudact.ru](http://www.sudact.ru).

10. Буркина О.А. Квалификация имущественных преступлений с применением насилия // Российский следователь. 2008. № 20. С. 14–16.
11. Колычева А.Н. особенности и проблематика взаимодействия следователя и оперативных подразделений при расследовании краж, грабежей и разбоев // Государственная служба и кадры. 2021. № 3. С. 91–92.

Ключевые слова: преступление, квалификация, разбойное нападение, насилие опасное для жизни и здоровья, грабеж, вымогательство.
УДК 343.7

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ: СОДЕРЖАНИЕ И УСЛОВИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Гущина Юлия Владимировна,
*следователь отдела по расследованию преступлений, на территории,
обслуживаемой УМВД России по г. Орлу*

Морозова Наталия Владимировна,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

Авторами рассмотрены теоретические и практические положения относительно понятия, содержания и порядка заключения досудебного соглашения о сотрудничестве на стадии предварительного следствия между подозреваемым (обвиняемым) и стороной обвинения. Особое внимание уделено анализу оснований и условий процедуры заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном процессе России появилось в 2009 году и стало широко распространяться уже в первые годы своего существования. А.С. Александров утверждал, что это новое явление в уголовно-процессуальной практике связано с началом новой стадии процессуального реформирования, которое, по его мнению, должно привести к устранению недостатков уголовно-процессуального законодательства, оставшихся от советской эпохи [1, с. 7].

Тем не менее российские правоведы отнеслись к введению настоящего правового института неоднозначно. Одни считают, что его появление является необходимым, потому что соглашение экономит как финансовые, так и временные ресурсы, расходуемые на досудебные и судебные стадии уголовного процесса.

Другие уверены в том, что досудебное соглашение необходимо улучшить, чтобы не допускать в дальнейшем следующие проблемы: допущение того, «подставной» подозреваемый признается в том, что не совершал и тот будет отбывать наказание за настоящего преступника; далеко не все подозреваемые/обвиняемые способны соблюдать предписания, указанные в досудебном соглашении.

Досудебное соглашение о сотрудничестве, установленное в гл. 40.1 УПК РФ, нацелено на эффективное раскрытие преступлений, в основном совершенных с участием нескольких лиц. При этом главной его целью является предоставление помощи следствию для успешного разоблачения преступления, что может существенно повлиять на вынесение более мягкого наказания субъекту соглашения или даже на его избежание полностью [2, с. 278].

В определении досудебного соглашения о сотрудничестве, содержащемся в п. 61 ст. 5 УПК РФ, говорится о соглашении между сторонами обвинения и защиты, в рамках которого эти стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения [3]. Вопросы о понимании и правовой природе досудебного соглашения о сотрудничестве вызывают большой интерес в правовой теории. Ученые и юристы предлагают различные концепции и подходы к определению данного института.

По мнению А.А. Тимошенко, досудебное соглашение о сотрудничестве является важной формой сотрудничества между лицом, подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления, и правоохранительными органами. Это соглашение представляет собой процессуальную форму, которая стимулируется и поощряется законом [4, с. 108].

С другой стороны, В.В. Колесник определяет досудебное соглашение как сделку между субъектами, которые могут быть неравны в обстоятельствах, но при этом равноправны в процессе ведения дела.

Соглашение выгодно обеим сторонам. Обвиняемый имеет возможность получить снижение наказания или иные льготы в обмен на сотрудничество с следствием или прокуратурой. В свою очередь, правоохранительные органы получают ценную информацию о совершенных преступлениях, которая может помочь в раскрытии других дел и привлечении других лиц к уголовной ответственности [5, с. 12].

Четкое определение участников досудебного соглашения и установление порядка его заключения являются ключевыми аспектами для предотвращения возможных споров в правовой практике.

Важно учитывать, что формулировка условий ответственности в досудебном соглашении должна быть ясной и точной, чтобы избежать недопониманий. Хотя стороны могут согласиться на определенные условия и меры ответственности, окончательное решение о привлечении к уголовной ответственности принимает суд. При этом согласие сторон по условиям сотрудничества не должно заменять его решение, поэтому предложение авторов о включении обязанности прокурора согласовывать решения о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с судом, выглядит логичным и обоснованным.

И. Ткачев и О. Тисен подчеркивают, что досудебное соглашение о сотрудничестве играет важную роль в уголовном процессе. Оно позволяет лицам, совершившим преступление, проявить сотрудничество с правоохранительными органами, что может быть признано в качестве активного раскаяния [6, с. 12]. При заключении такого соглашения наказание обычно снижается до половины максимального срока или размера самого строгого вида наказания, установленного законом.

Однако важно отметить, что если за совершенное преступление предусмотрено пожизненное заключение или смертная казнь, то такие виды наказания не подлежат сокращению посредством досудебного соглашения о сотрудничестве. Данные ограничения направлены на обеспечение справедливости и недопущение смягчения наказания в случаях совершения преступлений, для которых законодательством предусмотрены самые строгие меры ответственности.

Таким образом, подчеркнем, что такое сотрудничество не дает обвиняемому иммунитета от уголовного преследования, а лишь служит основанием для смягчения наказания. Важно отметить, что благодаря такому соглашению не только улучшается положение обвиняемого, но и заметно упрощается и ускоряется процесс судопроизводства. Кроме того, заключение досудебного соглашения способствует экономии судебных издержек.

Важно помнить, что при сотрудничестве со следствием обвиняемый не должен утаивать важную информацию или предоставлять ложные сведения. В случае такого поведения, согласно ст. 63.1 УК РФ, лицо подлежит наказанию.

Условия досудебного соглашения определяют условия, которые стороны соглашения обязаны выполнить для достижения согласия. Они могут включать в себя сроки, обязанности сторон, порядок сотрудничества с органами дознания и следствия, а также другие детали, определяющие характер исполнения соглашения [7, с. 208].

Обязательства же представляют собой самые существенные действия, которые стороны обязаны выполнить в соответствии с условиями досудебного соглашения. Они могут включать в себя признание вины, предоставление информации, сотрудничество с правоохранительными органами и т.д. [8, с. 243]

В ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ говорится о конкретных обязательствах сторон по досудебному соглашению о сотрудничестве, не упоминая явно условий этого соглашения [9, с. 243]. Это может вызывать вопросы относительно разграничения между условиями и обязательствами такого соглашения.

В гражданском праве условия договора обычно делятся на обычные, которые предусмотрены законом и не требуют отдельного согласования сторонами, и случайные, которые могут быть включены в договор по усмотрению сторон. Такой подход предоставляет сторонам возможность регулировать свои правовые отношения более гибко, в зависимости от их индивидуальных потребностей и условий.

Возможно, при разработке уголовно-процессуального законодательства РФ законодатель исходил из иной логики, оставляя условия досудебного соглашения вне круга обязательных согласований сторон. Это может быть обусловлено особыми особенностями уголовного процесса и спецификой заключения подобных соглашений. Тем не менее вопрос о том, можно ли включать условия в текст досудебного соглашения, остается открытым и требует дальнейшего изучения.

Понимание различий между условиями и обязательствами досудебного соглашения является ключевым аспектом для правоприменителя при рассмотрении данного вопроса. Условия досудебного соглашения определяют общие требования, на соответствие которым будет оцениваться сотрудничество сторон и применение специальных правил назначения наказания. В то же время обяза-

тельства представляют собой конкретные действия, которые стороны обязаны выполнить в рамках заключенного соглашения.

При анализе условий досудебного соглашения важно учитывать их соответствие закону, а также возможность их конкретизации в каждом отдельном случае на основе обстоятельств дела. Также следует помнить о том, что нарушение условий досудебного соглашения может иметь серьезные последствия для стороны, не выполнившей свои обязательства.

Подход Т.В. Топчиевой к определению содержания условий досудебного соглашения представляется целесообразным и отражает важные аспекты данного правового института. Определение основных условий, нарушение которых может привести к последствиям для лица, заключившего соглашение, является важным шагом для понимания содержания и особенностей данного правового регулирования. Указанные Т.В. Топчиевой примеры нарушения условий досудебного соглашения являются важными иллюстрациями того, какие действия могут быть рассмотрены как нарушение обязательств, принятых сторонами при заключении соглашения. Например, отказ от предоставления информации о соучастниках преступления или утаивание важных обстоятельств совершения преступления могут рассматриваться как нарушение условий досудебного соглашения [10, с. 31].

Указанные обстоятельства имеют законное обоснование в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, а именно в гл. 40.1 УПК РФ, которая регулирует досудебное соглашение. В соответствии с законом, составление досудебного соглашения включает в себя указание условий, связанных с сотрудничеством обвиняемого, в том числе требования о возможности обнаружения преступлений, возбуждении уголовных дел и значимости этого сотрудничества [11, с. 100].

По нашему мнению, эти условия могут быть дополнены требованиями о необходимости выявления преступлений или возбуждения уголовных дел благодаря сотрудничеству с обвиняемым (п. 3 ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ) и о важности такого сотрудничества (п. 2 ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ), а также условием о передаче обвиняемому информации, неизвестной органам предварительного расследования в соответствии с положениями ч. 5 ст. 317.4 УПК РФ [12, с. 125].

В целом можно отметить, что досудебное соглашение о сотрудничестве предоставляет гражданину возможность исправиться и выразить свое раскаяние, за что государство поощряет его смягчением наказания, но не его полной отменой. Фактически же не всегда сотрудничество с органами предварительного расследования и судом на самом деле связано с искренним раскаянием лица, совершившего преступление. Многие обвиняемые соглашались на такую «сделку» с правосудием исключительно с целью уменьшения срока наказания, а не из-за сожаления о содеянном.

1. Александров А.С. ФЗ-141 принят, что дальше // Досудебное соглашение о сотрудничестве: (правовые и криминалистические проблемы): материалы науч.-практ. конференции (Воронеж, 21–22 декабря 2009 г.). Вып. 6. С. 7.

2. Чаплыгина В.Н. Корреляция института досудебного соглашения о сотрудничестве с иными смежными правовыми институтами // Актуальные проблемы су-

- дебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию образования кафедры уголовного процесса. В 2 частях, Краснодар, 17–18 марта 2022 года / отв. редактор В.А. Семенцов. Ч. 2. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. С. 276–285.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) / Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
 4. Тимошенко А.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: оценка эффективности процессуального института // Уголовное право. 2011. № 4. С. 108.
 5. Колесник В.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в уголовном процессе Российской Федерации: доктрина, законодательная техника, толкование и практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2013. С. 12.
 6. Ткачев И., Тисен О. Применение института досудебного соглашения о сотрудничестве // Законность. 2011. № 2. С. 12.
 7. Земзикова Е.Ю., Бадиков Д.А. Гарантии защиты в отношении подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве // Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов предварительного расследования: сборник статей Межведомственного круглого стола и Всероссийского круглого стола / редколлегия: А.В. Булыжкин [и др.], 2017. С. 70–73.
 8. Морозова Н.В., Сretenцев А.Н. Некоторые вопросы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: Всероссийская научно-практическая конференция, Орел, 27 мая 2016 года. Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2016. С. 207–212.
 9. Семенов Е.А., Казначеева Е.М. Проблемы производства по уголовным делам при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Наука и практика. 2015. № 2 (63). С. 189–192.
 10. Топчиева Т.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2013. С. 31.
 11. Карлов А.Л. Условия и обязательства досудебного соглашения о сотрудничестве // Преимущество и новации в юридической науке: материалы всероссийской научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей / отв. за выпуск И.В. Сидорова. Омск, 2021. С. 100.
 12. Колычева А.Н. Следственные ошибки в стадии предварительного расследования // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 2 (87). С. 124–129.

Ключевые слова: досудебное соглашение, сотрудничество, подозреваемый, обвиняемый, обязательства, условия, преступление.

УДК 343.9

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХУЛИГАНСТВА И ЕГО РАЗГРАНИЧЕНИЕ СО СМЕЖНЫМИ СОСТАВАМИ

Ивашина Анна Александровна,
слушатель 5 курса факультета подготовки следователей,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Научный руководитель:
Гришин Андрей Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В данной статье рассматриваются вопросы квалификации хулиганства и его разграничение со смежными составами преступлений.

Чтобы правильно квалифицировать действия как хулиганство и назначить адекватное наказание, необходимо четко разграничивать его от подобных составов преступлений, что часто сопряжено с трудностями, которые требуют решения, чтобы избежать неправильной юридической оценки и назначения несправедливого наказания виновному.

К смежным с хулиганством преступлениям относятся различные виды преступлений против общественной безопасности и общественного порядка, а также деяния, затрагивающие личные и имущественные права, безопасность транспорта и даже основы конституционного строя.

Например, хулиганство необходимо отличать от **нарушений права на свободу совести и вероисповедания, предусмотренного ст. 148 УК РФ**. В случае хулиганства речь идет о грубом нарушении порядка, в то время как в ст. 148 подчеркиваются публичные действия, что иногда также характерно для хулиганства. Однако публичность не является обязательным элементом хулиганства.

При сравнении хулиганства с **террористическим актом (ст. 205 УК РФ)** можно отметить, что хулиганство не преследует цели дестабилизации органов власти или влияния на их решения, как это происходит в случае террористического акта. Основное различие между хулиганством и терроризмом заключается в мотивации и целях, которые являются ключевыми критериями для их разграничения, особенно когда речь идет о происшествиях на транспорте. Хулиганство, как правило, связано с нарушениями общественного порядка, не имеющими конкретной политической или идеологической цели. В то время как терроризм, напротив, преследует цели запугивания населения или давления на государственные власти для достижения определенных политических или социальных изменений.

Ст. 212 УК РФ устанавливает ответственность за организацию и участие в **массовых беспорядках**, которые могут включать насилие, разрушение собственности, поджоги и другие опасные действия, которые оказывают серьезное

воздействие на общественную безопасность. Массовые беспорядки часто сопровождаются использованием оружия, взрывчатки или других средств, способных нанести значительный вред.

По мнению К.А. Перфилова, массовые беспорядки характеризуются действиями большого числа людей, которые подрывают общественный порядок. Эти события включают агрессию, разрушение, поджоги и вооруженное сопротивление властям. Основным объектом преступления здесь – общественный порядок, но также затрагиваются здоровье людей и право собственности. Важно понимать, что такие действия представляют собой угрозу не только для отдельных граждан, но и для социальной стабильности в целом. Управленческая деятельность властей при этом рассматривается как дополнительный объект [1, с.52].

Хулиганство и массовые беспорядки имеют разное правовое значение и объект преступления. В первом случае жертвами обычно становятся лица, оказавшиеся рядом с преступником, и предмет преступления может включать их имущество, хотя это и не обязательно. Массовые беспорядки, напротив, могут нанести ущерб большому количеству людей и их собственности, даже если они не присутствовали на месте происшествия.

Также стоит отметить, что хулиганство и массовые беспорядки различаются и по своей природе. Хулиганство часто связано с намерением нарушить общественный порядок из хулиганских побуждений, в то время как массовые беспорядки могут носить более организованный характер, влекущий за собой серьезные нарушения общественного правопорядка и угрозы для более широких слоев населения.

Если в ходе массовых беспорядков уничтожается имущество, находящееся в общественных местах, то в категорию пострадавших могут попасть люди, которые не смогут воспользоваться этим имуществом. Характер и способ совершения преступления определяют признаки объекта преступления, так как дело касается общественного порядка [2, с. 315].

Хулиганство, в свою очередь, также бывает демонстративным, и за это его часто сравнивают с массовыми беспорядками. Хулиганство, предусмотренное п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, должно быть совершено с применением или угрозой применения насилия. Если оно сопровождается применением оружия, поступок может квалифицироваться по ч. 2 той же статьи. Впрочем, массовые беспорядки могут также сопровождаться применением оружия.

Деяния, упомянутые в ст. 212 УК РФ, часто происходят в условиях хаотической, дестабилизирующей общественной обстановки, когда происходит массовое вовлечение людей в противоправные действия, а изначально возможно мирные мероприятия могут перерасти в агрессивные. Хулиганство же чаще связано с наличием «зрителей», поскольку его демонстративный характер предполагает, что преступник нуждается в публике.

Согласно законодательству, лицо может быть привлечено к ответственности за хулиганство и участие в массовых беспорядках с 16 лет. Одна из ключевых особенностей массовых беспорядков, которая отличает их от других правонарушений, – участие значительного числа людей. Ст. 212 Уголовного кодекса отдельно предусматривает ответственность за различные формы участия в этих беспорядках: организацию и вовлечение других лиц. Эти действия караются

строже, чем простое участие, что подчеркивает различие ролей в таких преступлениях. Такой подход к разграничению ролей участников не характерен для преступлений, связанных с хулиганством.

С точки зрения субъективной стороны, как массовые беспорядки, так и хулиганство совершаются с прямым умыслом. Отличительной чертой хулиганства является наличие хулиганских побуждений, которые мотивируют преступника. Такие побуждения не всегда присутствуют в массовых беспорядках, но являются обязательным мотивом для хулиганства.

Цель массовых беспорядков заключается в том, чтобы дестабилизировать общество, посеять страх и панику среди людей. Участники таких действий зачастую стремятся противопоставить себя официальным властям, демонстрируя пренебрежение их требованиям и попыткам восстановить порядок [3, с. 285–286].

Отличительной особенностью ответственности за массовые беспорядки является ее дифференциация в зависимости от роли, которую играл каждый участник. Это означает, что закон учитывает степень вовлеченности и влияние каждого преступника, рассматривая их действия не как равнозначные, что не встречается в случае с хулиганством.

Разграничение между **вандализмом (ст. 214 УК РФ)** и хулиганством может быть сложной задачей, потому что они затрагивают сходные общественные отношения, направленные на поддержание общественного порядка. Оба эти преступления совершаются активными действиями, которые наносят вред обществу.

Главное различие между ними заключается в дополнительных объектах, охраняемых законом. При хулиганстве, помимо общественного порядка, затрагивается здоровье и телесная неприкосновенность граждан, а также собственность, вне зависимости от ее формы. Вандализм же сосредоточен на вреде собственности и общественной нравственности.

При определении, с каким именно преступлением мы имеем дело, следует обратить внимание на характер действий. Вандализм чаще всего проявляется через осквернение или порчу имущества – ключевые характеристики, которые выделены в ст. 214 УК РФ. Хулиганство, в свою очередь, может включать агрессивные действия, направленные против людей или их имущества, но не обязательно включает осквернение или порчу как обязательные элементы.

Таким образом, при разграничении этих преступлений важно учитывать не только свойства объектов, против которых направлены действия, но и мотивацию и направленность самих действий, что поможет точно определить правовую квалификацию деяния и выбрать соответствующую статью УК РФ для привлечения к ответственности.

Разграничение между хулиганством и вандализмом основывается на нескольких ключевых аспектах: степени общественной опасности, интенсивности и продолжительности действий, а также на размере причиняемых ими последствий.

Хулиганство представляет собой действия, которые грубо нарушают общественный порядок и сопровождаются явным неуважением к обществу. Они совершаются в публичной обстановке, что предполагает присутствие свидетелей [4, с. 411]. Именно их наличие делает такие поступки более вызывающими и угрожающими. Таким образом, хулиганство акцентируется на демонстрации неуважения к обществу в целом через агрессивное поведение на людях.

Вандализм, в свою очередь, обычно происходит в отсутствие свидетелей и в более уединенной обстановке, часто в ночное время [5]. Это значит, что действия вандала менее направлены на явную провокацию общественного порядка и концентрируются на причинении ущерба имуществу. Вандализм включает порчу или осквернение имущества, что предполагает нанесение осознанного ущерба зданиям, сооружениям или другому имуществу в общественных местах. В некоторых случаях он может затрагивать объекты культурной ценности.

Объективная сторона вандализма предполагает порчу имущества с помощью надписей, рисунков или других символов, которые могут носить циничный или непристойный характер. Для вандализма важно понимание правонарушителем, что его действия сосредоточены на повреждении имущества.

И хулиганство, и вандализм могут быть мотивированы различными факторами, такими как политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть, а также вражда к определенной социальной группе. Таким образом, мотивы могут пересекаться, но проявления акцентируются на разных аспектах правонарушения. В случаях, когда вандализм сопровождается мотивами ненависти, он превращается в более комплексное преступление, хотя и обусловлено схожими мотивами с хулиганством. В таких ситуациях, если к акции вандализма присоединяется хулиганское поведение, которое также регулируется ст. 213 УК РФ, деяния должны быть квалифицированы согласно обеим статьям.

Таким образом, хулиганство направлено против общественной среды в целом и требует публичного контекста для реализации, тогда как вандализм сосредоточен на вмешательстве в целостность и нормальное использование имущества, зачастую без значительного участия общественности; хулиганство прежде всего связано с нарушением порядка и демонстрацией вызывающего поведения, тогда как вандализм фокусируется на физическом ущербе имуществу. Однако при определенных условиях, оба эти преступления могут быть частью более комплексного нарушения, если действия индивидуума подпадают под оба состава одновременно.

Особый интерес представляют примеры судебной практики по п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ и **ст. 267.1 УК РФ (действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств)**.

Так, гражданин З. совершил два различных, но связанных между собой преступления. В первом эпизоде, находясь в состоянии алкогольного опьянения, он, будучи механиком морского буксира, своими действиями создал условия, угрожающие безопасному управлению судном, что могло привести к аварии или кораблекрушению из-за утраты управляемости судном. Вторая часть его действий заключалась в агрессивном поведении на судне: З. выражался нецензурно, хватал окружающих за одежду и применял физическую силу, что создавало угрозу безопасности на борту и нарушало общественный порядок [6].

Эти действия были квалифицированы по двум статьям Уголовного кодекса РФ: ст. 267.1 и п. «в» ч. 1 ст. 213. Хулиганство в данном случае выразилось в том, что действия З. носили агрессивный и демонстративный характер, нарушая общественный порядок на транспортном средстве.

Главное сходство между статьями заключается в том, что обе они предусматривают наличие прямого умысла. Однако разница – в мотивации и цели совершенных действий. Ст. 213 требует наличия хулиганского мотива – явного неуважения к обществу. В свою очередь, ст. 267.1 подразумевает, что действия специально направлены на создание угрозы для безопасной эксплуатации транспорта, что особенно важно, учитывая специальный статус субъекта преступления – человека, в силу должностных обязанностей отвечающего за безопасность эксплуатации транспорта [7, с. 68].

Немало вопросов возникает и при отграничении уголовно наказуемого хулиганства от мелкого хулиганства, ответственность за которое предусмотрена ст. 20.1 КоАП РФ [8]. В первую очередь, трудности возникают при разграничении хулиганства, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ от административно наказуемого хулиганства.

В.Ю. Вержиховский подчеркивает, что мелкое хулиганство непосредственно (вероятно, автор рассматривает составы, относимые к ч. 1, ч. 2 ст. 20.1 КоАП РФ) связано с пребыванием правонарушителя в общественном месте. Однако отечественным законодательством не закреплены ни понятие, ни сущность данной правовой категории, что вызывает определенные трудности при привлечении лица к административной ответственности. Кроме того, по его мнению, ведущими критериями общественного места являются нахождение в нем людей и свободный доступ к нему неограниченного числа граждан [9, с. 105–107].

К числу общественных мест следует относить и социальное пространство в сети «Интернет», где государством также могут устанавливаться определенные правила поведения, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность по чч. 3–5 ст. 20.1 КоАП РФ.

В то же время реализация чч. 3–5 ст. 20.1 КоАП РФ свидетельствует о наличии нормативного диссонанса, возникшего в результате некорректного правотворчества, поскольку речь в указанных нормах идет не о хулиганстве как таковом, а о неуважении именно к власти, где хулиганство выступает мотивом совершения данных правонарушений. При этом сам по себе мотив противоправного деяния не может выступать основанием юридической ответственности [10, с. 434].

Как следует из анализа судебной практики, на сегодняшний день хулиганство, совершенное на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования, с позиций объективной стороны ничем не отличается от мелкого хулиганства, за исключением места его совершения [11, с. 257].

Представляется, что основанием криминализации и разграничения уголовной и административной ответственности за совершение одних и тех же хулиганских действий не может выступать исключительно вид общественного места. Конструктивным признаком хулиганства (и административно-наказуемого и уголовно-наказуемого) выступает общественное место, в связи с чем, при условии совершения виновным лицом одинаковых действий, характер и степень общественной опасности его поведения никак не меняется от того, в каком именно общественном месте он их совершает (улица, парк, помещения мест общего пользования, общественный транспорт и пр.).

Во-первых, помимо транспортных средств общего пользования, существует немало других общественных мест, которые можно охарактеризовать в качестве замкнутого пространства. Например, кинотеатр, музей, бассейн, равно как и практически любое помещение, признаваемое общественным местом.

Во-вторых, не всегда хулиганское поведение влечет за собой создание помех движению или управлению транспортным средством, что было продемонстрировано на примерах из судебной практики, приведенных ранее. Кроме того, противоправное поведение хулигана, которое ведет к обозначенным последствиям, подлежит квалификации по отдельным нормам УК РФ или КоАП РФ, где уже предусмотрена самостоятельная административная или уголовная ответственность за такие деяния – ст. 11.17 КоАП РФ, ст. 12.30 КоАП РФ, ст. 268 УК РФ и др.

Таким образом, статья 213 УК РФ охватывает широкий спектр действий, которые могут иметь пересечения с положениями других преступлений, а также административно наказуемым мелким хулиганством, что порой приводит к неясностям в судебной практике. Чтобы преодолеть существующие проблемы, разъяснения Верховного Суда Российской Федерации могли бы помочь установить более четкие границы между хулиганством и смежными составами преступлений [12, с. 134–137]. Кроме того, целесообразна редакционная переработка ст. 213 УК РФ, что могло бы включать частичную декриминализацию тех признаков хулиганства, которые уже полноценно охватываются другими статьями Кодекса.

1. Перфилов К.А. Объект массовых беспорядков // Российский следователь. 2014. № 5. С. 52.
2. Нечипоренко Р.Ю. Актуальные вопросы квалификации хулиганства // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 2, № 7 (19). С. 315.
3. Лепина Т.Г. Отграничение хулиганства от вандализма и массовых беспорядков по отдельным признакам состава преступления // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9, № 2. С. 285–286.
4. Ерусалимская А.А. Вопросы квалификации и разграничения вандализма и хулиганства // Научные труды студентов горского государственного аграрного университета. Владикавказ, 2021. С. 411.
5. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15.11.2007 № 45 (ред. от 26.11.2024) // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2008. № 1.
6. Приговор Советско-Гаванского городского суда Хабаровского края по делу № 1-99/2018 от 09.06.2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UXrkjleTPnZK> (дата обращения: 28.11.2024).
7. Романова А.С. Отграничение хулиганства от смежных составов // Сибирский юридический вестник. 2020. № 2 (89). С. 68.
8. Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.11.2024) / Опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

9. Вержиховский В.Ю. Административная ответственность за мелкое хулиганство // Меридиан. 2019. № 10 (28). С. 105–107.
10. Новгородов Н.Н. Мелкое хулиганство как социально опасное административное правонарушение // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): сборник статей по материалам международной научно-практической конференции / под общей редакцией А.И. Каплунова, сост.: А.И. Каплунов, А.О. Дрозд, Н.М. Крамаренко, Э.Х. Мамедов. СПб., 2023. С. 434.
11. Фисенко Д.Ю. Проблемы уголовной ответственности за хулиганство // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С. 257.
12. Гришин А.В., Гришина М.В. Преступление или гражданско-правовое нарушение? Актуальные вопросы разграничения уголовной и гражданско-правовой ответственности, а также возмещения вреда, причинённого преступлением // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2018. № 1 (74). С. 134–137.

Ключевые слова: допрос, показания, психология, показания лиц, очная ставка, следственные действия.

УДК 343.1

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ВЕДЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Демидова Алина Евгеньевна,

*адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

В статье представлены рассуждения об уголовно-процессуальном статусе лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, в частности, о праве таких лиц на участие в производстве по уголовному делу. Подтверждается необходимость доработки норм, которые определяют правовое положение лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Уголовно-процессуальный статус представляет собой правовое положение того или иного лица в уголовном судопроизводстве.

Лицо, вовлеченное в уголовно-процессуальную деятельность, обладает процессуальными правами, которые обеспечивают его участие в производстве по уголовному делу, а также оно, как правило, наделяется процессуальными обязанностями и ответственностью за их неисполнение. Совокупность таких прав и обязанностей обычно объединяют в понятие «уголовно-процессуальный статус».

Причем участнику уголовного судопроизводства предоставляются определенные права и обязанности в зависимости от его роли и статуса [1, с. 54], и это совершенно верно, т.к. роль, которую играет лицо в уголовном процессе, и определяет его правовое положение.

Особым процессуальным статусом наделены лица, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Данные лица отличаются от других субъектов уголовного процесса тем, что это психически нездоровые лица, которые не всегда понимают, что происходит вокруг и какова их роль в происходящем, но их вовлечение в уголовное производство неизбежно, так как они совершили деяние, запрещенное уголовным законом, и этот факт подлежит расследованию и судебному разбирательству.

Вопрос об уголовно-процессуальном статусе лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, всегда волновал исследователей. Это связано с тем, что законодатель не выделяет этого субъекта как самостоятельного участника уголовного судопроизводства. Лицо, в отношении которого ведется данное производство, не включено в разд. II УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства», не прописан полный перечень его прав. Вопрос о необходимости регламентации его процессуальных обязанностей тоже подлежит исследованию.

В науке уголовного процесса отношение к пониманию статуса лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, различно.

Ряд авторов говорят о необходимости наделения таких лиц процессуальными правами. А.П. Овчинникова отмечает, что лица, у которых имеется психическое расстройство, могут обладать правами обвиняемого или правами подсудимого [2, с. 27]. О.В. Волынская и Е.В. Семенкова считают необходимым закрепить в отдельной специальной норме права лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, так как их статус отличается от прав подозреваемого, обвиняемого [3, с. 45]. По мнению А.И. Говоруновой, лица с психическими расстройствами имеют право участвовать лично во всех стадиях уголовного процесса, если позволяет их психическое здоровье [4, с. 213]. Б.А. Спасенников тоже отмечает, что лицо, которое совершило запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости или лицо, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение, должно самостоятельно осуществлять свои процессуальные права, если его состояние здоровья позволяет это [5, с. 42]. Ж.А. Бажукова говорит об обязательном присутствии такого лица в судебном заседании для того, чтобы удостовериться в его психическом состоянии и принять справедливое решение [6, с. 29].

Существует и противоположная точка зрения. Так, М.С. Строгович полагает, что лица, имеющие психические расстройства, не могут быть наделены процессуальными правами [7, с. 365]. Аналогичного мнения придерживается Р.Н. Гукасян, говоря об отсутствии интересов вне сознания, следовательно, у лиц с психическим расстройством нет интереса, а значит, нет прав [8, с. 98]. Считаем, что данные подходы подчеркивают полную недееспособность рассмат-

риваемых лиц. Однако важно учитывать характер психического расстройства, длительность состояния невменяемости.

Следует согласиться с мнением С.Н. Шишкова, который отмечает, что психическое расстройство может иметь временное состояние [9, с. 14]. Ведь существует группа временных психических расстройств, которая называется исключительные состояния [10, с. 178]. Ученые отмечают, что такая патология как кратковременное психическое нарушение может приводить к совершению опасных деяний [11, с. 110].

Специалисты в области судебной психиатрии отмечают, что кратковременное расстройство наступает внезапно и длится непродолжительное время (минуты, часы, дни) [10, с. 179]. Поэтому в период производства по уголовному делу лицо, имеющее психическое расстройство, может не иметь полной уголовно-процессуальной недееспособности, а может ее обладать частично, на временной срок. Состояние лица, имеющего длительного психического расстройства может улучшиться из-за ряда причин, например, колебаний между обострениями и ремиссиями. Следовательно, лицо, которое находилось в состоянии невменяемости в период совершения преступления, может в дальнейшем быть способным участвовать в процессуальных действиях.

Отрадно, что Федеральным законом от 29.11.2010 № 323-ФЗ [12] в УПК РФ были внесены изменения, которые улучшили процессуальное положение рассматриваемых лиц, этому способствовали также положения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.04.2011 № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» [13].

Гл. 51 УПК РФ претерпела значительные обновления. Теперь данные лица могут принимать участие в следственных и иных процессуальных действиях лично, их уведомляют о прекращении уголовного дела или о его направлении в суд, вручают данному лицу копии постановления о направлении уголовного дела в суд, они имеют право участвовать лично в судебном заседании, могут обжаловать решение суда. Также появились определенные процессуальные права в решении вопросов о продлении, изменении и прекращении производства о применении принудительных мер медицинского характера. Эти лица могут подать в суд ходатайство об изменении или прекращении применения принудительных мер медицинского характера, а также лично участвовать в его рассмотрении судом.

Однако реализация таких прав возможна, если психическое состояние лица позволяет ему это делать. Это важное условие, которое накладывает на следователя дополнительные обязанности, связанные с общением с лечащим врачом психически больного лица, находящегося «под следствием», и самостоятельной оценкой адекватности такого человека при проведении конкретного процессуального действия.

Тем не менее вопрос об уголовно-процессуальном статусе лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера остается открытым. При его регламентации законодатель делает отсылку к правам подозреваемого и обвиняемого. Но они являются самостоятельными участниками уголовного процесса, их процессуальные права регламентированы в различных нормах УПК РФ и, прежде всего, обозначены в

разд. II УПК РФ. Их процессуальный статус не тождественен правовому положению лица, в отношении которого ведется производство о применении мер медицинского характера, и прежде всего потому, что в отношении последнего не выносятся обвинительное заключение и обвинительный приговор.

Следует признать, что лица, в отношении которых ведется данное производство, обладают особым уголовно-процессуальным статусом и его законодателю следует определить отдельно. Полагаем, что в гл. 51 уголовно-процессуального закона возможно этому посвятить самостоятельную статью, поскольку изложенного в ч. 1 ст. 437 УПК РФ явно недостаточно.

1. Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности. М.: Наука, 1979. С. 54.
2. Овчинникова А.П. Сущность и назначение принудительных мер медицинского характера. М., 1977. С. 27.
3. Волынская О.В., Семенова Е.В. Особенности производства следственных действий с участием лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 44–47.
4. Говрунова А.И. Процессуальные права и законные интересы лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера // Общество и право. 2010. № 2. С. 212–215.
5. Спасенников Б.А. Уголовная ответственность и психические расстройства: сравнительно-правовое исследование // Российский следователь. 2016. № 7. С. 40–44.
6. Бажукова Ж.А. Об уголовно-процессуальных гарантиях прав и законных интересов лица, нуждающегося в принудительном лечении // Адвокатская практика. 2017. № 4. С. 27–31.
7. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958. С. 365.
8. Гукасян Р.Н. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1970. С. 98.
9. Шишков С.Н. Психические расстройства как обстоятельства, подлежащие доказыванию. М., 1982. С. 14.
10. Мисюк М.Н. Судебная психиатрия (бакалавриат, специалитет): учебник. М.: КНОРУС, 2024. С. 256.
11. Гонгадзе М.Г. Факты, лежащие в основе выдвижения версии о совершении преступления лицом в состоянии кратковременного психического расстройства // Территория науки. 2013. № 5. С. 109–117.
12. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 29.11.2010 № 323-ФЗ (ред. от 29.12.2010) // Рос. газ. 2010. 3 дек.
13. О практике применения судами принудительных мер медицинского характера: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 07.04.2011 № 6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ключевые слова: уголовно-процессуальный статус, производство о применении принудительных мер медицинского характера.

УДК 343.1

ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ПРАВОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УГОЛОВНО-ПРАВОМЕРНОМ ПОВЕДЕНИИ ЛИЧНОСТИ

Дроздова Елена Владимировна,

*старший преподаватель кафедры конституционного, административного
и финансового права Юридического института,*

*Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева,
мировой судья в отставке,*

302026, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95

Правовое поведение относится к активному компоненту идентичности. Действия идентичности можно наблюдать посредством повседневного существования. Правовая идентичность автором рассмотрена с учетом поведенческого компонента личности. Поступки человека, попадающие в сферу правового регулирования становятся фактором правовой идентичности и поведение может быть правомерное.

В юриспруденции имеет место понятия неправомерного (противоправного) поведения, выраженное в негативной форме и правомерного поведения, выраженное в позитивной форме. Поведение в соответствии с правовыми нормами – правомерное, а нарушение предписанных правил правовыми нормами будет являться – неправомерным.

Из теоретических основ уголовного права следует изучение уголовно-правомерного поведения, которое влечет соблюдение уголовно-правовых запретов, но предусматривает не соблюдение, например, гражданско-правовых или административно-правовых запретов, которые не влияют на уголовный аспект.

Необходимое, социально допустимое, желательное, поддерживаемое возможностью государственной защиты, осуществляемое в соответствии с правовыми предписаниями, основанное на правовых началах (принципах) и нормах, правореализационная деятельность, осуществляемая субъектами правоотношений в форме исполнения юридических обязанностей, использования своих субъективных прав, соблюдения правовых запретов принято обозначать правомерным поведением [1, с. 63].

О.С. Епифанов сформулировал иное понятие правомерного поведения – это поведение субъектов, соответствующее правовым предписаниям; не противоречащее нормам права; не запрещенное правом; требуемое правовой нормой [1, с. 64].

Деление уголовно-правомерного поведения на уголовно-правовые поступки и на уголовно-правовые акты встречается в правовой теории. Уголовно-правовые акты личности – правомерное использование уголовно-правовых полномочий, выступающих в качестве обстоятельств, исключающих преступность деяния (право на необходимую оборону (ст. 37 УК РФ), крайнюю необходимость (ст. 39 УК РФ), причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ), причинение вреда при обоснованном риске (ст. 41 УК РФ), причинение вреда при физическом или психическом принуждении (ст. 40 УК РФ), причинение вреда при исполнении приказа или распоряжения

(ст. 42 УК РФ)), а также основанную на действующем законодательстве деятельность компетентных правоохранительных органов по применению уголовно-правовых норм, поскольку данные действия совершаются со специальной целью – вызвать уголовно-правовые последствия, определенные нормами уголовного законодательства [1, с. 64].

Черты правомерного поведения в целом можно обозначить следующие: соответствие правовым предписаниям в том смысле, что находится в сфере правового регулирования; социально полезные; подконтрольны сознанию и воле человека [2, с. 40].

В отдельных сложных жизненных ситуациях умышленное причинение вреда не должно наказываться, но поведение человека подлежит правовой оценке в рамках осознанных телесных движений, обладающих общественной опасностью, нарушает права и интересы иных лиц, общества и подпадает под понятие «противоправность».

В условиях реформирования уголовной политики актуально применение понятия правовой идентичности, которая включает в себя правовое осмысление государственного устройства, вопросов жизни общества [3, с. 83].

Правовая идентичность свойственна тому, кто имеет перечень прав и обязанностей, юридически оформленных и официально закрепленных государством и реализует возможность ассоциировать себя с определенной группой и определять свое место и роль там, выделять свои отличительные черты от других.

Н.В. Исаева лаконично дала определение понятию, что правовая идентичность – это качество субъекта права, характеризующее его актуальное состояние посредством юридического самоопределения в категориях прав, свобод, обязанностей и ответственности, воспринимаемых как правовые ценности, обеспечивающие положительное правовое сознание и правовую активность [4, с. 14].

Можно предположить логическую цепочку фаз преобразования идентичности: полученное содержание норм права из внешней среды поступает в сознание человека и происходит осмысление поведения внутри психических процессов, от которых конкретные действия транслируются в окружающий мир, создавая человеческое поведение или действия идентичности, достижение социально-полезного результата. Таким образом, в сферу правового регулирования включаются некоторые поступки из всей жизни человека и становятся фактором правовой идентичности.

Поведенческая черта правовой идентичности в уголовных правоотношениях четко выражена, а вот два компонента правовой идентичности, такие как когнитивный и эмоциональный не актуальны.

Действия идентичности можно наблюдать посредством повседневного существования, коммуникации, договора, словесного взаимодействия (язык правового взаимодействия), конклюдентных действий. Поступки человека, попадающие в сферу правового регулирования становятся фактором правовой идентичности и следовательно, поведение может быть правомерное и противоправное. Должно состояться действие (или бездействие) с участниками, не менее двух, от которых будут исходить реакции направленные друг на друга.

В односторонних актах субъектов права затруднительно наблюдать правовое поведение, поскольку интересы других лиц не затронуты, действие вне социума, предмета правового регулирования нет и отсутствует влияние на правовую идентичность.

Основания для правомерного поведения субъектов права (например, подозреваемых) – это методы убеждения, воспитания и принуждения (например, меры пресечения и меры процессуального принуждения). Однако, происходит же формирование правовой идентичности личности посредством примерки социальной роли, выраженной в юридической форме, проигрывание действий, позволенных правовыми нормами.

Использование участниками судопроизводства принципа состязательности процесса в рамках реализации правомерного интереса, можно наблюдать при условии реализации одной из сторон своих прав формируется не возможность в полном объеме реализации прав и законных интересов другой стороны. То есть стороны располагают равными возможностями по реализации своих законных интересов [5, с. 40].

Примером служит, причинение вреда при крайней необходимости или в состоянии необходимой обороны. Правомерное поведение нормативно закреплено понятие и признаки состава необходимой обороны. Соответственно, при отсутствии превышения пределов необходимой обороны данное явление – правомерное. Крайняя необходимость при отсутствии превышения её пределов так же можно отнести к правомерному поведению [6, с. 6]. Состояние крайней необходимости отсутствует у потерпевшего при вымогательстве, поскольку угроза применения насилия в этом случае не является непосредственной, непреодолимой и у потерпевшего есть выбор и возможность принять меры к своей защите и защите имущества.

В случае хищения чужого имущества, потерпевший в результате разбоя, который под влиянием непосредственной угрозы применения насилия, опасного для жизни и здоровья, отдаёт нападавшему вверенное чужое имущество, уголовная ответственность будет отсутствовать.

Поведенческая черта правовой идентичности в уголовных правоотношениях четко выражена при военной службе, при которой военнослужащий не имеет право обсуждать приказы и распоряжения начальника, вступать в дискуссии или выяснять, полезны приказы или вредны. Нет оправдания к действиям по совершению актов геноцида, оправдания развязыванию войны, зверства по отношению к мирному населению и военнопленным со ссылкой на исполнение приказа высшего командования. Однако приказ сдаться в плен при возможности вести боевые действия явно будет нарушением присяги и военного долга, не исполнение такого приказа будет правомерным и не будет влечь ответственность за нарушение порядка воинской подчиненности.

Качественная характеристика личности находит отражение в особом характере совершаемых действий, направлена на возникновение правовых последствий и относится к правовой идентичности, а ее активным компонентом является правовое поведение. Правовое поведение отражает правовую культуру, формирующую правовую идентичность личности. Деятельность государства, общества и всей системы правоохранительных органов должна строиться на директи-

вах для формирования положительного уголовно-правового сознания и поведения граждан, что приведет к увеличению числа граждан с преобладанием положительного (привычного) уголовно-правомерного поведения.

1. Епифанов О.С. Уголовно-правомерное поведение личности: общетеоретический взгляд // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2020. № 1 (23). С. 62–67.
2. Нагимуллин И.Р. Правомерное поведение обвиняемого: понятие, содержание, значение // Вестник Удмуртского университета. 2005. № 6 (2). С. 191–193.
3. Тлехатук С.А. Правовая идентичность как объект социокультурного анализа // Теория и практика общественного развития. 2016. № 11. С. 81–86.
4. Исаева Н.В. Индивидуальный субъект права как субъект правовой идентичности // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2012. № 3. С. 14–19.
5. Диваев А.Б. Злоупотребление правами участников судебного разбирательства уголовных дел в условиях состязательности // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 35–41.
6. Валиев Р.Г. Нетипичное юридически значимое поведение: к вопросу идентичности и соотношении со смежными категориями // Юридическая наука. 2018. № 5. С. 3–8.

Ключевые слова: идентичность, личность, правовое поведение, правовая идентичность, уголовно-правомерное поведение, ответственность.

УДК 343.3

СТАТУС ПОДОЗРЕВАЕМОГО КАК УСЛОВИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Жамкова Ольга Евгеньевна,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры уголовного процесса,

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,

117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

Статья посвящена исследованию правового значения статуса подозреваемого в уголовном процессе и его влиянию на осуществление процессуальных действий. Рассматриваются ключевые аспекты назначения и реализации статуса подозреваемого, включая условия его возникновения, правовые последствия и гарантии, предоставляемые подозреваемому. Особое внимание уделено роли и обязательности придания лицу соответствующего процессуального статуса перед проведением ряда важных мероприятий, таких как допрос, арест, избрание меры пресечения и привлечение к уголовной ответственности.

Участие лица в уголовно-процессуальной деятельности обусловлено приобретением им определённого процессуального статуса, который ему необходим для реализации полномочий в сфере уголовного судопроизводства. Основания для приобретения или изменения процессуального статуса лица в уголовном де-

ле зависят от роли конкретного участника уголовного процесса, установления его процессуальной правоспособности и необходимого уровня гарантий, что формирует основу для последующего контроля правильности проведённых действий, позволяя участникам процесса оспаривать правомерность произведённых в отношении него решений и действий. Совокупность процессуальных полномочий того или иного участника уголовного дела гарантирует надлежащее осуществление каждой стороной процесса возложенных на него функций.

Анализ норм Уголовно-процессуального кодекса позволяет сделать вывод о том, что отсутствие надлежащего процессуального статуса делает порой невозможным полноценное участие лица в производстве по уголовному делу и лишает его соответствующей юридической значимости совершаемых действий. Практически каждое процессуальное действие обязательно связано с определёнными требованиями к установлению формализованных оснований и условий участия лица в процессуальной процедуре.

Одним из участников уголовного судопроизводства является подозреваемый. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ устанавливает, что значительное количество процессуальных действий, которые могут быть произведены в отношении лица, совершившего деяние, запрещенное уголовным законом, возможны только в том случае, если он уже обладает соответствующим процессуальным статусом. Так, например, подобное требование устанавливается для: задержания, избрания меры пресечения, иных мер процессуального принуждения, применения мер безопасности, заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, прекращения уголовного дела, применения особого порядка судебного заседания и др.

Следует отметить, что подозреваемый – это лицо, которое становится объектом уголовного преследования в связи с наличием достаточных оснований подозревать его в том, что именно он совершило преступление. Этот статус имеет большое значение, поскольку определяет права и обязанности субъекта процесса, содержит гарантии защиты от незаконного привлечения к ответственности и порядок расследования дела.

Как справедливо указывает В.П. Божьев [1, с. 173], «... необходимо отличать лицо, фактически заподозренное следователем или дознавателем в совершении преступления (каковых бывает немало, особенно на первых этапах расследования) от подозреваемого как субъекта уголовно-процессуального права и участника уголовного процесса». То есть для приобретения лицом статуса подозреваемого недостаточно обоснованных подозрений следователя или дознавателя о его причастности к преступлению, даже при условии, что подозрение будет основываться на конкретных фактах и собранных доказательствах, необходим юридически значимый документ, свидетельствующий о появлении такого участника в уголовном деле.

Ещё в советский период известный учёный-процессуалист Л.М. Карнеева [2, с. 36], указала на то, что «пока подозрение является лишь субъективной точкой зрения следователя, не находящее выражение в соответствующем процессуальном документе и не затрагивающее интересы «заподозренного» лица, то невозможно поставить вопрос о наделении последнего определёнными процессуальными правами». Согласно действующему законодательству подозреваем-

мый – лицо, в отношении которого составлен соответствующий процессуальный документ, свидетельствующий о наличии у лица данного процессуального статуса, к которым следует отнести: постановление о возбуждении уголовного дела, протокол задержания, постановление об избрании меры пресечения или уведомление о подозрении. Причём относительно последнего документа следует отметить, что уведомление о подозрении должно быть не только составлено, но и вручено лицу. Факт приобретения статуса подозреваемого появляется у этого лица именно в момент вручения уведомления, в отличие, от иных документов, установленных в ст. 46 УПК РФ. Общеизвестно, что процедура уведомления лица о подозрении существует только применительно к такой форме расследования как дознание. В отличие от дознавателя, следователь не располагает полномочиями для признания лица подозреваемым на основании имеющихся данных (п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ).

Действующий порядок осуществления расследования в форме предварительного следствия допускает присвоение лицу статуса подозреваемого исключительно в определённых ситуациях: когда возбуждается уголовное дело в отношении данного лица, когда это лицо задерживается по подозрению в совершении преступления или когда в отношении этого лица избирается мера пресечения.

Относительно последнего обстоятельства следует остановиться подробнее. Дело в том, что для предварительного следствия появление у лица статуса подозреваемого путём избрания ему меры пресечения довольно затруднительно, поскольку согласно п. 13 ст. 5 УПК РФ данная мера пресечения может быть избрана только лицу, уже имеющему такой статус.

Безусловно, избрание меры пресечения возможно лишь тогда, когда материалы дела содержат достаточно информации, подтверждающей основания для их избрания, а также должно присутствовать достаточно фактов, свидетельствующих о возможном участии конкретного лица в расследуемом событии. Однако, если уголовное дело возбуждено по факту совершения преступления, то для того, чтобы избрать лицу меру пресечения, его сперва необходимо наделить процессуальным статусом хотя бы подозреваемого. Следовательно, для того чтобы следователь мог избрать меру пресечения лицу, которое по уголовному делу ещё не имеет никакого процессуального статуса или возможно привлекалось в качестве свидетеля для дачи показаний, следует сперва задержать это лицо в порядке, установленном ст. 91–92 УПК РФ, о чем составить протокол, который будет свидетельствовать о наличии в уголовном деле подозреваемого. Никакого иного способа придать лицу статус подозреваемого в ходе предварительного следствия закон не содержит. Фактически следует признать, что в случае, если следователь избирает меру пресечения лицу, не имеющему статуса подозреваемого, то такую практику следует признать уязвимой с точки зрения закона.

Разрешение рассматриваемой проблемы видится в том, чтобы внести изменения в действующее законодательство, предусмотрев возможность применения процессуальной процедуры уведомления о подозрении на предварительном следствии. При этом следует исправить положение закона, указав, что статус подозреваемого лицо приобретает с момента составления данного уведомления, а не с момента вручения. Момент вручения уведомления, разъяснения прав подозреваемому и иные процессуальные аспекты должны охватываться процессуаль-

ным порядком данной процедуры, а не являться юридическим моментом, определяющим факт приобретения статуса подозреваемого.

Таким образом, важнейшей гарантией соблюдения прав личности выступает правило, согласно которому совершение определённых процессуальных действий недопустимо вне рамок присвоенного процессуального статуса. Присвоение статуса подозреваемого создаёт основу для принятия дальнейших процессуальных решений и выполнения определённых действий, и, кроме того, именно с момента присвоения статуса подозреваемого начинается реализация комплекса специальных правовых гарантий, предусмотренных для данного лица. В настоящее время следователи ограничены в правовых средствах для придания статуса подозреваемого конкретному лицу при производстве по уголовному делу, что следует считать недоработкой законодателя и требует скорейшего исправления ситуации.

-
1. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012.
 2. Карнеева Л.М. Подозреваемый в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. 1959. № 4. С. 35–38.

Ключевые слова: подозреваемый, процессуальный статус, уголовное судопроизводство, права, обязанности, уведомление о подозрении.

УДК 343.1

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ
НЕЗАКОННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ОТНОШЕНИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО
ОРУЖИЯ, БОЕПРИПАСОВ И ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ):
СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1930-е – начало 90-х гг. XX в.)**

Жидович Артур Станиславович,

*адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

Научный руководитель:

Тишутина Инна Валериевна,

*доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры криминалистики,*

*Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

В данной статье исследуется развитие криминалистического обеспечения расследования незаконных действий в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ в Республике Беларусь в Советский период. Рассматриваются научные изыскания уголовно-правового и криминалистиче-

ского характера по указанной проблематике, а также научные школы этого периода, которые внесли существенный вклад в развитие криминалистического обеспечения и стали прочным фундаментом для исследований на последующих этапах.

Начало этапа корреспондирует с процессом организации первой в СССР криминалистической кафедры, созданной в стенах Петроградского Высшего института фотографии и фототехники [1, с. 90], а также созданием кабинетов научно-судебной экспертизы в Петербурге и Москве [2, с. 20].

В 1929 году практически одним из первых в советском союзе был создан Институт научно-судебной экспертизы в г. Минске (ныне государственное учреждение «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь»), входящий в систему учреждений органов юстиции. В структуру института уже тогда входил в числе других и «отдел баллистических и трасологических исследований (лаборатория судебной фотографии, кабинет судебной баллистики)» [3]. Он сыграл значимую роль в распространении криминалистических знаний, проведении научных исследований, повышении квалификации сотрудников правоохранительных органов, суда и экспертных работников, а также использовании возможностей криминалистической экспертизы в борьбе с преступностью.

Следует отметить, что в целом «период между двумя мировыми войнами для криминалистики был преимущественно временем накопления эмпирического материала, решалась задача распространения криминалистических знаний среди работников правоохранительных органов, создания практических руководств и пособий. Однако с середины 40-х годов XX века в советской криминалистике начался процесс активного формирования частных криминалистических теорий, отражающих различные стороны ее предмета» [4, с. 14–15].

Уже в середине 1950-х годов проводятся научные изыскания по криминалистическому исследованию оружия: Г.И. Рыбников и А.Н. Вакуловский – «Методика установления огнестрельного оружия по выстрелянным пулям» (1954 г.); Б.М. Комаринец – «Криминалистическое отождествление огнестрельного оружия по стреляным гильзам» (1955 г.) [5, с. 71].

В 1956 году Н.П. Косоплечев издает пособие для следователей «Осмотр места происшествия по делам, связанным с применением огнестрельного оружия» [5, с. 60], а в 1961 году по указанной теме защищает диссертацию [6].

Затем в 1961 году Б.М. Комаринец применяя положения теории идентификации в судебной баллистике публикует научный труд «Идентификация огнестрельного оружия по выстрелянным пулям» [2], а в 1962 году Б.И. Шевченко применяет ее положения для разработки основ трасологии и издает работу «Идентификация оружия по пуле в судебной баллистике» [5, с. 32].

В 1963 году выходит подготовленное В.П. Власовым и А.Н. Самончиком методическое пособие – «Использование пулегильзотек при расследовании преступлений», которое стало первым по этой проблематике. В нем освещаются вопросы организации и принципов работы пулегильзотек, порядка направления материалов в них с примерами служебных документов, а также иллюстрируются положительные примеры из практики раскрытия и расследования преступлений с помощью указанных учетов [7].

В конце 1960-х – начале 1970-х М.Н. Шавшин исследует проблемные вопросы расследования незаконного ношения, хранения, изготовления или сбыта оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ [8].

К этому этапу относится развитие взглядов об оружии в уголовно-правовом аспекте.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года предусматривал ответственность за ряд действий, связанных с огнестрельным оружием, взрывчатыми веществами и снарядами. Изучение рассматриваемого нормативного правового акта свидетельствует, что законодатель определил преступность деяния по ст. 220 только за хранение огнестрельного оружия. В тоже время по ст. 93 указал уже несколько вариативных способов (изготовление, приобретение, хранение или сбыт) в отношении взрывчатых веществ или снарядов, а также более суровую санкцию по сравнению с хранением огнестрельного оружия (принудительные работы) в виде реального лишения свободы, и указав только наименьший порог «не ниже шести месяцев» [9]. Представляется, что такой подход властей связан с военно-политическими процессами и террористическими актами, которые имели место в указанный период времени.

Действие Уголовного кодекса РСФСР 1922 года распространено на всю территорию Беларуси, а с 1924 года он стал официально именоваться УК Белорусской ССР [10, с. 142].

23.09.1928 ЦИК БССР на третьей сессии VIII созыва утвердил первый Уголовный кодекс советской Беларуси, который вступил в силу с 15 ноября указанного года. В нем ответственность за незаконные действия в отношении огнестрельного оружия предусматривалась ст. 145 [11, с. 147].

Следует отметить, что рассматриваемый кодифицируемый акт законодательства имел ряд новшеств. Им вводилась ответственность за пересылку по почте и другими способами огнестрельного оружия, а также покупку, хранение и продажу «заведомо похищенного» огнестрельного оружия; указывался открытый перечень взрывчатых и легковоспламеняющихся веществ «как-то: порох, патроны и т.п.»; использовалось понятие «мелкокалиберное огнестрельное оружие», однако не конкретизировался его калибр; наблюдается усиление ответственности – установлен максимальный предел лишения свободы до пяти лет.

Дальнейшее развитие норм, определяющих ответственность за незаконные действия в отношении оружия и взрывчатых веществ, получило в Уголовном кодексе Белорусской ССР 1960 года (вступил в действие с 01.04.1961). Он содержал ст. 212 «Нарушение правил хранения, использования, учета или перевозки взрывчатых и радиоактивных веществ» и 213 «Незаконное ношение, хранение, изготовление или сбыт оружия или взрывчатых веществ» [12, с. 180–181].

В указанном нормативном правовом акте имелось ряд новелл. Так, в ст. 212 использовалось понятие «тяжкие последствия», хотя не раскрывался их перечень. По ст. 213 отмечается уменьшение максимального срока лишения свободы в 2,5 раза (с 5 до 2 лет), а также впервые статьи особенной части кодекса получили название [12].

В последующем по вопросу уголовной ответственности за незаконные действия в отношении огнестрельного оружия в период существования БССР основными новшествами стали – введение института «освобождения от ответст-

венности лиц, добровольно выдавших предметы вооружения», а также «изменение наказаний за деяния: они все время ужесточались, что связано с ростом насильственной преступности в стране и желанием государства путем усиления уголовной репрессии предупреждать соответствующие преступления» [13, с. 20].

Понимается, что история развития криминалистического обеспечения неразрывно связана с созданием и деятельностью кафедр криминалистики, в рамках которых образуются научные школы и проводятся исследования. Среди них важное место занимают кафедры криминалистики Белорусского государственного университета (далее – БГУ) и Академии МВД Республики Беларусь.

Кафедра криминалистики юридического факультета БГУ была образована в 1972 году [14]. Возглавил ее профессор А.В. Дулов [15, с. 14]. Ключевыми векторами научных исследований школы стали в том числе вопросы криминалистического обеспечения расследования преступлений.

Далее 06.05.1976 образована кафедра криминалистики и специальной техники Минской высшей школы МВД СССР (ныне Академия МВД Республики Беларусь) [16], которую возглавил профессор Н.И. Порубов.

Рассматривая ее значимость, профессор Р.С. Белкин указывал: «Заметное место среди кафедр криминалистики высших учебных заведений МВД занимала кафедра Академии МВД Республики Беларусь. Много лет кафедрой руководил мой первый адъюнкт Н.И. Порубов. Он сумел создать на ней высококвалифицированный коллектив и сам активно занимался научными исследованиями, защитив в 1978 году докторскую диссертацию, посвященную различным аспектам допроса» [1, с. 379].

Научный фундамент школы был создан при помощи усилий профессоров Г.И. Грамовича, В.Ф. Ермоловича, Г.Н. Мухина, Н.И. Николайчика, Н.И. Порубова и других.

На протяжении всего периода функционирования кафедры «работа велась в двух основных направлениях: научно-исследовательская деятельность и обеспечение учебно-методического процесса» [17, с. 5]. Одним из ключевых векторов научных исследований представителей Академии МВД Республики Беларусь являются: организационно-тактическое и технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений, организационно-методическое обеспечение деятельности органов уголовного преследования по раскрытию и расследованию отдельных видов и групп преступлений, криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции [16].

На стыке 70–80-х годов XX века на кафедре организации расследования преступлений Академии МВД СССР В.Г. Коломацкий впервые сформулировал и внедрил в научный оборот концепцию «криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений».

Возникновение указанной категории предопределили «назревшие потребности практики борьбы с преступностью в комплексной разработке, внедрении и применении в практической деятельности криминалистических методов, приемов и средств выявления, сбора, исследования и использования криминалистически значимой информации для раскрытия и расследования преступлений» [18, с. 197].

В рамках дальнейшего развития мысли, придав несущественные уточнения, В.Г. Коломацкий скорректировал понятие «криминалистического обеспече-

ния», определяя его как «систему внедрения в практическую деятельность ... криминалистических знаний, воплощенных в умении работников органов внутренних дел использовать научные, методические и тактические криминалистические рекомендации, технико-криминалистические средства и технологии их применения в целях предотвращения, раскрытия и расследования преступлений» [2, с. 62].

Предложенная им идея была принята научным сообществом. Профессор Р.С. Белкин, развивая представление о «криминалистическом обеспечении» сформулировал его как «систему криминалистических знаний и основанных на них навыков и умений сотрудников использовать научные криминалистические рекомендации, применять криминалистические средства, методы и технологии их использования в целях предотвращения, выявления, раскрытия и расследования преступлений». Примечательно, что «он же разработал и ввел трех элементную систему криминалистического обеспечения в виде: знаний, образования и техники» [19, с. 64–69].

Профессор А.Ф. Волынский справедливо заметил несколько несоответствий в концепции В.Г. Коломацкого. Во-первых, «система криминалистических знаний, навыков и умений не существует как данность объективной действительности, изначально их требуется создать, выработать, испытать и только в дальнейшем следует вести речь об их применении; во-вторых, является не совсем корректным «систему криминалистического обеспечения» относить к работе (ведомственной) только органов внутренних дел, «правильнее говорить о правоохранительных органах, поскольку они представляют полисистему» [20, с. 18].

Подводя итог сказанному выше, следует отметить, что научные изыскания уголовно-правового и криминалистического характера, научные школы советского периода внесли существенный вклад в развитие криминалистического обеспечения расследования незаконных действий в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ и стали прочным фундаментом для научных исследований на последующих этапах.

-
1. Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. М.: НОРМА, 1999. 496 с.
 2. Криминалистика. В 3 т. Т. 1: История, общая и частные теории / Т.В. Аверьянов, Р.С. Белкин [и др.], под ред. Р.С. Белкина [и др.]. М.: Акад. МВД России, 1995. 279 с.
 3. Иванов В.П., Штейнгауз М.С. Состояние и перспективы развития судебной экспертизы в Белорусской ССР: материалы к Ученому Совету / В.П. Иванов и М.С. Штейнгауз. Минск, 1983. С. 37–42.
 4. Аверьянова Т.В. [и др.] Криминалистика: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. 944 с.
 5. Белкин Р.С., Винберг А.И. История советской криминалистики: учебное пособие. М.: Акад. МВД СССР, типография им. Воровского, 1983. 77 с.
 6. Косоплечев Н.П. Осмотр места происшествия при расследовании преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1961. 18 с.
 7. Власов В.П., Самончик А.Н. Использование пулегильзотек при расследовании преступлений: методическое пособие. М.: Типография им. Воровского, 1963. 41 с.

8. Шавшин М.Н. Расследование незаконного ношения, хранения, изготовления или сбыта оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ: пособие. М., 1972. 75 с.
9. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года: введ. в действие постановлением ВЦИК, 1 июня 1922 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. Народный Комиссариат Юстиции. 1922. Отд. 1. № 15, ст. 153. С. 201–238.
10. Курс уголовного права. В 5 т. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / С.В. Ананич [и др.]; под ред. И.О. Грунтова, А.В. Шидловского. 2-е изд., доп. и испр. Минск: Изд. центр БГУ, 2019. 860 с.
11. Уголовное законодательство СССР и союзных республик: сборник (основные законодательные акты) / под ред. проф. Д.С. Карева. М.: ГОСЮРИЗДАТ, 1957. 162 с.
12. Уголовный кодекс Белорусской ССР. Минск: Госуд. Издательство БССР, 1961. 212 с.
13. Сосновский А.А. Уголовная ответственность за незаконный оборот оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ: дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2004. 133 с.
14. Кафедра криминалистики БГУ / Белорусский государственный университет. URL: <https://bsu.by/structure/faculties/kafedry/kafedra-kriminalistiki-d/about> (дата обращения: 20.03.2025).
15. Шумаков Г.А. Некоторые направления развития криминалистических учений научной школой кафедры криминалистики Белорусского государственного университета // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: проблемы, перспективы и инновации: материалы междунар. научн.-практ. конф., посвящ. 45-летию каф. Криминалистики юрид. фак. БГУ, Минск, (12–13 окт. 2017 г.) / БГУ; редкол.: В.Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. Минск: Изд. центр БГУ, 2017. С. 14–17.
16. Кафедра криминалистики / Академия МВД Республики Беларусь. URL: <https://www.amia.by/structure/kafedra-kriminalistiki> (дата обращения: 20.03.2025).
17. Порубов Н.И. Кафедре криминалистики Академии МВД Республики Беларусь – 25 лет / Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: сб. материалов научн.-практ. конф. (Минск, 14 июня 2001 г.); под общ. ред. Н.И. Порубова. Минск.: Академия МВД Респ. Беларусь, 2002. С. 4–8.
18. Пацкевич А.П., Лузгин И.И. К вопросу о дефиниции «криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений» // Вестн. Полоцкого гос. ун-та. Серия Д. Экон. и юрид. науки. Криминалистика, судоустройство. 2012. № 13. С. 195–199.
19. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под. ред. Т.В. Аверьяновой и Р.С. Белкина. М.: Новый Юрист, 1997. 400 с.
20. Волынский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учебное пособие. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. 196 с.

Ключевые слова: боеприпасы, взрывчатые вещества, криминалистическое обеспечение уголовный кодекс, огнестрельное оружие, расследование.

УДК 343.9

СООТНОШЕНИЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ КАЗАХСТАНА

Закен Серик Сайлауханулы,
адъюнкт адъюнктуры,
Волгоградская академия МВД России,
400075, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130

Научный руководитель:
Колосович Марина Сергеевна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса УНК по ПС в ОВД,
Волгоградская академия МВД России,
400075, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130

В статье по результатам анализа положений уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан исследовано соотношение гласных и негласных следственных действий. Обозначены основные цели, признаки, особенности следственных действий, что позволило соотнести их с негласными следственными действиями. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что несмотря на поисково-познавательный характер гласных и негласных следственных действий, они имеют существенные отличия по субъектам, методам и порядку проведения, по правовому режиму полученных в ходе результатов. Вместе с тем от предлагаемых в научных кругах определения следственных действий, механизм осуществления негласных следственных действий отличается только субъектами.

В 2014 году принят современный Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – УПК РК), в котором появился новый для уголовного процесса Казахстана правовой институт – институт негласных следственных действий (далее – НСД). На стадии разработки и после принятия УПК РК 2014 года институт НСД являлся и остается одним из самых дискуссионных. Его основная особенность заключается во внедрении методов оперативно-розыскной работы в уголовное судопроизводство. Вместе с тем в числе важных вопросов, поставленных перед теоретиками и практиками с введением института НСД в уголовно-процессуальное право, необходимо отметить вопрос о соотношении гласных и негласных следственных действий.

А.Н. Ахпанов и А.Л. Хан отмечают, что до принятия УПК РК 2014 года определение следственных действий было общепризнанным и стабильным. Между тем, обновление уголовно-процессуального закона изменило отношение к содержанию указанного понятия, поскольку породило необходимость включения в него гласных и негласных следственных действий [1, с. 127].

Профессор А. Гинзбург после введения в уголовный процесс Казахстана института негласных следственных действий отметил, что сложившееся в теории и практике понимание следственного действия допускает внедрение в сферу

уголовного судопроизводства любых иных действий, назвав их следственными. В связи с чем необходимо вновь вернуться к вопросу не только о понятии, но и о структуре следственного действия, о критериях, которым должен соответствовать данный правовой институт [2].

Для более детального анализа понятия следственного действия необходимо выявить его основные признаки, что позволит соотнести его с понятием НСД.

Первый признак: производство следственных действий регламентировано нормами уголовно-процессуального закона, что свидетельствует об их процессуальном характере, а также позволяет отделять их от смежных правовых институтов, таких как оперативно-розыскные и административные мероприятия.

НСД соответствуют данному признаку, поскольку регламентируются гл. 30 УПК РК.

Второй признак: следственные действия производятся только в рамках досудебного расследования. Общие правила производства следственных действий содержатся в гл. 24 УПК РК, определяющей общие условия осуществления предварительного расследования по уголовному делу. В этой главе перечислены уполномоченные субъекты, общие требования к порядку производства следственных действий, требования к оформлению их результатов и прочее. В главах УПК РК, регулирующих порядок судебного разбирательства, не упоминается возможность или порядок производства следственных действий, что свидетельствует о недопустимости их смешивания с судебными действиями.

НСД также проводятся на стадии досудебного расследования, в чем проявляется их схожесть с традиционными следственными действиями.

Третий признак: специальные субъекты осуществления. Положениями гл. 24 УПК РК урегулированы общие условия производства досудебного расследования. В ней определены государственные органы, следователи и дознаватели которых могут осуществлять или досудебное расследование в целом, или неотложные следственные действия в установленных законом случаях. Кроме обозначенных лиц, другими субъектами следственные действия производиться не могут.

НСД проводятся по поручению органа досудебного расследования специально уполномоченным подразделением правоохранительного или специального государственного органа (ч. 2 ст. 232 УПК РК). В связи с чем можно отметить несовпадение гласных и негласных следственных действий по обозначенному признаку.

Четвертый признак: цель следственного действия – через познание обстоятельств случившегося сформировать доказательственную базу по уголовному делу. В рамках следственных действий собираются новые доказательства или осуществляется проверка уже имеющихся в деле доказательств. По мнению О.Л. Васильева, данный признак является основным при отграничении рассматриваемого правового института от каких-либо иных процессуальных действий [3, с. 680].

Исходя из определения НСД, содержащегося в п. 12 ст. 7 УПК РК, цель НСД – установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Следовательно, по указанному признаку понятия следственных действий и НСД совпадают.

Как отмечает С.Б. Россинский, процедуры, производимые в рамках НСД, не ограничиваются только технологиями оперативно-розыскного характера. Для них характерно и наличие отдельных элементов гласности. В частности, осмотр или прослушивание материалов НСД следователем с целью их введения в сферу уголовного судопроизводства в качестве полноценного доказательства – это исключительно процессуальный прием. Через такие приемы результаты НСД становятся пригодными для нужд уголовного судопроизводства, т.е. свойство допустимых доказательств они приобретают через процессуальную, а не оперативно-розыскную деятельность [4, с. 139].

На основе представленных рассуждений названный ученый приходит к выводу, что НСД нельзя признать типичными следственными действиями, но при этом полностью исключить их из общей системы следственных действий нельзя. Правовая природа НСД является комбинированной, синтетической, поскольку объединяет познавательные приемы процессуального и не процессуального характера, интегрирует элементы и следственных действий, и оперативно-розыскных мероприятий [4, с. 140–141].

Разграничивая гласные и негласные следственные действия, необходимо сравнить их по конкретным критериям:

по конфиденциальности проведения: о производстве гласных следственных действий уведомляются заранее все его участники, но до завершения негласного следственного действия сам факт его проведения скрывается от всех участников судопроизводства (ч. 1 ст. 241 УПК РК);

по субъекту осуществления: гласные следственные действия проводятся органом досудебного расследования, а негласные следственные действия – по поручению такого органа уполномоченным подразделением правоохранительного или специального государственного органа (ч. 2 ст. 232 УПК РК);

по методам осуществления: гласные следственные действия проводятся по общим правилам производства следственных действий, а негласные – с использованием форм и методов ОРД (ч. 2 ст. 232 УПК РК);

по основаниям проведения: гласные следственные действия проводятся по любым уголовным делам, а негласные только по делам о преступлениях, за совершение которых максимальное наказание превышает один год лишения свободы, а также о групповых преступлениях (ч. 4 ст. 232 УПК РФ);

по доказательственному значению: результаты гласных следственных действия являются самостоятельным видом доказательств, а результаты негласных следственных действий могут приобрести статус доказательства только после их предварительного исследования на предмет относимости полученных данных к уголовному делу и составления соответствующего протокола органом досудебного расследования, по поручению которого проводилось следственное действие (ст. 238 УПК РК);

по наличию обязанности уведомления лиц, в отношении которых проводилось следственное действие: орган досудебного расследования обязан ознакомить участников уголовного судопроизводства с результатами гласных следственных действий, но не знакомит их с результатами негласных следственных действий, признанными доказательствами (ч. 1-1 ст. 240 УПК РК), а ознакомление с результатами, не приобщенными к уголовному делу, – право уполномо-

ченного органа при наличии ходатайств заинтересованного лица и отсутствии вероятности разглашения при ознакомлении государственной или иной охраняемой законом тайны (ч. 2 ст. 240 УПК РК).

Таким образом, несмотря на поисково-познавательный характер гласных и негласных следственных действий, они имеют существенные отличия по субъектам, методам и порядку проведения, по правовому режиму полученных в ходе результатов. Вместе с тем от предлагаемого в научных кругах определения следственных действий, механизм осуществления НСД отличается только субъектами.

1. Ахпанов А.Н., Хан А.Л. О соотношении гласных и негласных следственных действий в уголовном процессе Республики Казахстан // Вестник Института законодательства РК. 2016. № 4 (45). С. 124–132.
2. Гинзбург А. Понятие и сущность следственного действия и оперативно-розыскного мероприятия (к проекту нового Уголовно-процессуального кодекса РК). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31449570&pos=5;-108#pos=5;-108 (дата обращения: 30.03.2025).
3. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головки. М., 2016.
4. Россинский С.Б. Негласные способы собирания доказательств не соответствуют национальным подходам к концепции построения досудебного производства по уголовному делу // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности: материалы конференции. М., 2023. С. 137–142.

Ключевые слова: следственные действия, уголовное судопроизводство, гласные и негласные следственные действия, орган досудебного расследования.
УДК 343.1

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ

Замуруева Елизавета Юрьевна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье рассматриваются проблемы обеспечения прав участников доследственной проверки. Автором подчеркивается, что проверка сообщений о преступлении является ключевым этапом уголовного судопроизводства, на котором закладываются основы для последующего расследования и судебного разбирательства. Однако, несмотря на важность этого этапа, существует множество правовых и практических пробелов, которые затрудняют эффективную защиту прав участников процесса. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения правовой определенности и защиты конституционных прав граждан на этапе проверки сообщений о преступлении.

Стратегическую важность доследственной проверки в рамках уголовно-процессуального законодательства трудно переоценить. Действия и меры, принятые на этом предварительном этапе, играют ключевую роль в формировании траектории последующей уголовно-процессуальной динамики, инициируемой сообщениями о преступлениях. Эти основополагающие мероприятия играют важную роль в определении процессуального курса и влияют на развитие правовых отношений [1, с. 67]. Тем не менее, при решении вопроса о необходимости возбуждения уголовного дела или отказе в возбуждении, возникает ряд проблем, которые проявляются как на практике, так и в теории. Среди них важный вопрос связан с определением процессуальных ролей и статусов лиц, участвующих при проверке сообщений о преступлениях.

В ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ закрепляется необходимость разъяснения прав и обязанностей лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщений о преступлении [2, с. 152]. Что касается понятых, специалистов, экспертов и переводчиков, то вопросов в этой части не возникает, в силу закрепления их процессуального статуса в УПК РФ. Они находятся соответственно в ст. 60, 58, 57 и 59 УПК РФ. Что же касается других участников доследственной проверки: лиц, пострадавших от преступления; лиц, причастных к совершению преступления; лиц, которым что-либо известно о совершении преступления, то здесь возникает определенная сложность с выполнением данного требования закона о разъяснении им их прав и обязанностей. При детальном изучении данной статьи выявляется законодательный пробел, касающийся процессуального статуса лиц, участвующих в доследственных проверках. В.Н. Чаплыгина в этой связи считает, что этот пробел порождает ряд сложных вопросов, связанных с их процессуальными правами и обязанностями, которые остаются неопределенными без конкретных законодательных указаний [3, с. 24].

Демографический состав лиц на начальном этапе оценки сообщений о преступлениях отличается значительным разнообразием. Подробное изучение раздела II УПК РФ наряду со ст. 144 УПК РФ, позволяет разделить этих лиц на отдельные группы в зависимости от их ролей и взаимодействия в рамках уголовно-процессуальной системы.

Условно их можно поделить на пять групп. К первой группе относятся должностные лица, осуществляющие предварительную проверку сообщения о преступлении – сотрудники правоохранительных органов. Эта группа, в силу своего состава, не включает частных обвинителей, гражданских истцов и их представителей – субъектов, включенных в гл. 6 УПК РФ, – из-за невозможности выполнения своих функций на этапе проверки сообщения о преступлении.

Ко второй группе следует отнести тех лиц, которые непосредственно столкнулись с преступными деяниями. Это касается не только жертв, сообщающих о подобных действиях, но и тех, от чьего имени подаются сообщения о преступлении – заявители.

Мы полагаем, что третья категория должна включать лиц, потенциально связанных с совершением противоправных действий. Как отмечает А.А. Давлетов, подвергнутое проверке лицо, находящееся под пристальным вниманием проверочных мероприятий, часто воспринимается как подозреваемое в причастности к преступлениям [4, с. 62]. Важно отметить, что эти лица не могут быть

отнесены к категории подозреваемых. УПК РФ определяет конкретные предпосылки приобретения статуса подозреваемого. Как правильно отмечается в литературе, в этом контексте более уместным представляется использование термина «лицо, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении» [5, с. 31]. Хотя такие лица вовлечены в уголовно-процессуальную деятельность, они не обладают необходимыми признаками для назначения их подозреваемыми, как это предусмотрено статьей 46 УПК РФ. Примечательно, что во время предварительных проверок эти лица действительно вызывают подозрения правоохранительных органов в отношении их причастности к незаконной деятельности.

В четвертую группу должны быть включены лица, обладающие информацией, имеющей отношение к преступлению. В стадии предварительного расследования эти лица будут иметь статус свидетелей. Термин «очевидец» часто используется в юридическом дискурсе для описания лица, непосредственно осведомленного о преступном деянии.

И, наконец, пятая группа в рамках доследственной проверки должна состоять из лиц, которые помогают в процессе фактологического обоснования сообщений о преступлениях. В эту группу могут входить эксперты, специалисты-криминалисты, переводчики, осуществляющие содействие органам при определении наличия или отсутствия оснований для возбуждения уголовного дела.

Однако стоит отметить, что в четвертую группу также необходимо добавить адвоката, который будет представлять интересы лица до возбуждения уголовного дела.

Правовед А.П. Рыжаков предполагает, что любое действие или решение, ограничивающее способность человека в полной мере осуществлять свои права и свободы, независимо от последующих последствий таких мер, представляет собой нарушение [6]. Крайне важно оценить объем и реализацию процессуальных прав на каждом этапе процесса расследования уголовного дела [7, с. 25], гарантируя, что право на юридическую помощь является не просто процессуальной формальностью, а существенным правом, которое быстро и эффективно реализуется [8, с. 137].

В ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ содержится перечень следственных и процессуальных действий, направленных на установление степени причастности лица к предполагаемой преступной деятельности. Эти действия включают в себя целый спектр мер, таких как получение объяснений, получение образцов для сравнительного анализа, конфискация и извлечение документов и предметов, назначение и проведение судебно-медицинских экспертиз, осмотр мест, документов и останков физических лиц, а также проведение проверок документов, аудитов и экспертиз.

По мере активизации этих процессуальных действий, особенно в результате применения мер, которые фактически ограничивают свободу человека и нарушают его личную неприкосновенность, – мер, которые потенциально могут привести к фактическому задержанию, – на первый план выходит вопрос о процессуальных правах. Крайне важно точно определить момент, когда вступает в силу обязательство по предоставлению возможности юридической помощи лицу [9, с. 104].

С одной стороны, упоминание в ст. 49 УПК РФ лица, в отношении которого проводится проверка в порядке ст. 144 УПК РФ, позволяет сделать вывод о том, что защитник может участвовать и в стадии возбуждения уголовного дела, и действия ст. 49–53 УПК РФ распространяются на проверку сообщений о преступлении. Подобной концепции придерживается и Верховный Суд РФ, который в постановлении Пленума ВС РФ № 29 [10] упоминает о защитнике обвиняемого, а к понятию «обвиняемый» в контексте данного документа отнесены и лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, и любое иное лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются.

С другой стороны, в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ говорится не о защитнике как участнике уголовного судопроизводства, а об адвокате, «защищающем» лицо (представляющем интересы лица), в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Если сравнивать понятия адвоката и защитника, то мы видим, что по закону эти понятия не идентичны. Понятие защитника шире понятия адвоката. Защитниками могут быть как адвокат, так и один из близких родственников подозреваемого или обвиняемого, а также лицо, о допуске которого ходатайствуют они (ч. 2 ст. 49 УПК РФ). Объем процессуальных возможностей данной фигуры на этапе доследственной проверки, как уже отмечалось, до настоящего времени уголовно-процессуальным законом не определен. Полномочия такого адвоката лежат вне процессуальной сферы.

При изучении субъектов, задействованных в рамках уголовного судопроизводства на этапе предварительной оценки сообщений о преступлениях, возникает сложная ситуация, требующая законодательного урегулирования. Такие участники проверки сообщения о преступлении, как «заявитель», «лицо, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении», «очевидец», «адвокат» не имеют процессуальных статусов.

Более того, установление четких правовых норм, регулирующих роли на начальных этапах, могло бы существенно повысить процессуальную эффективность и устранить неясности, которые в настоящее время присутствуют на ранних этапах уголовного судопроизводства.

-
1. Обеспечение прав человека: учебник / М.И. Акатнова, А.А. Амирханов, Ю.В. Анохин [и др.]. 2-е издание, исправленное и дополненное. Барнаул: Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. 756 с.
 2. Булыжкин А.В., Морозова Н.В. Обеспечение прав и законных интересов личности в досудебном производстве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 1 (102). С. 152–160.
 3. Чаплыгина В.Н. Неразрешенные проблемы реализации права на защиту на стадии возбуждения уголовного дела // Научный портал МВД России. 2016. № 3 (35). С. 21–26.
 4. Давлетов А.А. Проблема статуса заподозренного лица в стадии возбуждения уголовного дела // Российский юридический журнал. 2015. № 4. С. 61–67.

5. Семенов Е.А. Участники проверки сообщения о преступлении: проблемы правового регулирования // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (48). С. 30–33.
6. Рыжаков А.П. У лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, может быть защитник. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Семенов Е.А. Правовой статус и правовая регламентация участия специалиста в уголовном процессе (теоретические, процессуальные и организационные аспекты): монография. Орел: ОрЮИ МВД России, 2012. 139 с.
8. Ушаков А.Ю., Чаплыгина В.Н. Проблемы реализации права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела // Аграрное и земельное право. 2019. № 8 (176). С. 136–140.
9. Наумов К.А. О праве на защиту лица, в отношении которого проводится доследственная проверка // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 4 (33). С. 101–106.
10. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 30.06.2015 № 29. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ключевые слова: доследственная проверка, защитник, адвокат-защитник, проверка сообщения о преступлении, процессуальный статус лиц.
УДК 343.1

ЦИФРОВОЙ СЛЕД КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Иванов Евгений Евгеньевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
Тульский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
300026, г. Тула, пр. Ленина, д. 104

Роденков Григорий Дмитриевич,
студент 3 курса,
Тульский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
300026, г. Тула, пр. Ленина, д. 104

В статье рассматривается цифровой след как объект криминалистического исследования; приводятся дефиниции криминалистических понятий:

«трасологии» и «следа»; обращается особое внимание на специфические признаки цифровых следов, а также – на их общепринятую криминалистическую классификацию; устанавливается значимость цифровых следов в процессе раскрытия и расследования преступлений.

Современное общество представляет собой прогрессивную, развивающуюся и технологичную систему, где результаты информатизации, автоматизации и научного прогресса становятся неотъемлемым элементом каждой области знания.

Цифровизация внедряется в повседневные и профессиональные процессы, значительно облегчая жизнь государства и населения. Вместе с тем со стремительным развитием технологий появляются и новые виды преступлений, усложняя процедуру их расследования и затрудняя привлечение виновных лиц к ответственности за совершенное противоправное деяние.

Особо актуальным сегодня представляется изучение цифровых следов ввиду сложности их идентификации и высокого уровня распространения, в том числе в сфере криминалистики.

Следует начать с того, что исследованием следов в рамках вышеуказанной науки занимается раздел трасологии, которую можно определить как область криминалистического знания о следах, отражающих признаки внешнего строения следообразующих объектов, о механизме следообразования, а также о средствах, методах и приемах их обнаружения, фиксации, изъятия, сохранения и исследования в целях установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного судопроизводства [1, с. 130].

Поскольку след выступает основным объектом трасологии, видится целесообразным остановиться на его толковании. В широком смысле след представляет собой любое изменение материальной обстановки и окружающей действительности.

Если обращаться к криминалистической семантике, то Г.Л. Грановский предлагает определять след как «любое материальное отображение свойств вещей и явлений, позволяющее судить об их свойствах и использовать их отражение для решения идентификационных, диагностических, классификационных и интеграционных задач в криминалистике» [2, с. 380].

Интересно, что след может быть дифференцирован на материальный, то есть отраженный в природе, в реальности, в предметной форме, и идеальный – запечатленный в памяти человека образ, который является неразрывно связанным с событием преступления либо несет в себе информацию, имеющую высокую криминалистическую значимость [3, с. 340].

Для трасологии особой ценностью обладают материальные следы, поскольку позволяют решать диагностические и идентификационные задачи в процессе экспертного исследования в рамках расследования и рассмотрения конкретного уголовного дела.

Появление компьютерных технологий повлекло за собой появление и распространение новых видов преступлений, совершенных посредством использования автоматизированных и информационных систем. В связи с этим возросла значимость установления и формирования нового типа следа, который образуется в компьютерном пространстве вследствие совершения противоправного деяния. Более того, задачей ученых-правоведов и специалистов в области криминалистики стало и определение места подобных следов в классификационной системе.

Сложности возникли еще на этапе их именования, поскольку не все представители научного сообщества были единодушны в выборе конкретного обозначаемого понятия.

Например, В.А. Мещеряков, А.Ю. Головин и А.Б. Смушкин предлагали использовать термин «виртуальный след», аргументируя свой подход использованием виртуальной среды для совершения преступления [4, с. 15].

Под виртуальным следом понимались «любые трансформации, преобразования и изменения состояния автоматизированной информационной системы либо образованного ею кибернетического пространства, связанные с событием преступления и зафиксированные в виде компьютерной информации на материальном носителе, в том числе на электромагнитном поле».

В.В. Борисов и Г.М. Шаповалова настаивали на существовании «информационного следа» ввиду того, что они остаются и фиксируются в информационной системе после реализации общественно опасных деяний с применением информационных технологий [5, с. 42]. Информационные следы основаны на преобразовании информационной среды в форме сигналов и кодов на электронных физических носителях.

А.В. Шебалин В.В. Поляков и В.Ю. Вехов предлагают называть следы, оставленные в компьютерном пространстве, «электронно-цифровыми», поскольку их основой являются непосредственно цифровые технологии [6, с. 70].

Семантика электронно-цифрового следа основывалась на его понимании как на любой криминалистически значимой компьютерной информации, существующей в электронно-цифровой форме, зафиксированной на материальном носителе.

Несмотря на дифференциацию представленных дефиниций, семантика вышеприведенных понятий практически аналогична, что говорит о необходимости их наименования единым термином, в рамках которого может существовать классификация, включающая в себя конкретные виды.

Основным отличием приведенных видов является непосредственное местонахождение: электронные следы – в информационном пространстве компьютерных и иных цифровых устройств, их систем и сетей; виртуальные следы – в сетевом виртуальном пространстве; информационные следы – в информационном пространстве в текстовой, графической или звуковой формах.

В рамках настоящей работы следует остановиться на понятии «цифрового следа», под которым понимается «информация, зафиксированная в цифровом формате, содержащаяся в электронно-вычислительных машинах и иных цифровых устройствах, созданных на основе их технологий, в средствах подвижной радиотелефонной связи и на различных носителях цифровой информации, причинно-связанная с событием преступления, позволяющая установить обстоятельства его совершения и преступника» [7, с. 51].

К основным признакам цифрового следа относят следующие положения:

1. Выступает одной из объективных форм существования компьютерной информации;
2. Не может существовать вне материального носителя, то есть опосредовано каким-либо предметом или объектом;
3. Возможность преобразования и модификации формы следы;

4. Простота и легкость копирования как с точки зрения процесса, так и с точки зрения количества копий;

5. Сложность идентификации, вызванная в обезличенности следов, то есть в отсутствии автора и в значительной трудности его установления;

6. Доступность для нескольких субъектов одновременно;

7. Возможность фиксации на нескольких материальных носителях.

Цифровые следы можно классифицировать по нескольким основаниям:

1. По форме носителя:

А. Расположенные на оптических носителях (например DVD, CD);

Б. Расположенные на полупроводниковых носителях (например магнитные носители).

2. По способу доступа:

А. Локальные;

Б. Удаленные;

3. По характеру доступа:

А. Доступный (например электронные документы);

Б. Скрытый (например скрытый файл);

В. Зашифрованный (закрытый путем использования средств аутентификации и идентификации).

4. По характеру происхождения:

А. Непосредственный (оставлен человеком);

Б. Опосредованный (например файлы регистрации).

5. По форме представления:

А. Текстовый;

Б. Звуковой;

В. Графический.

6. По месту нахождения:

А. На устройстве преступника;

Б. На устройстве потерпевшего;

В. На устройстве сторонних (третьих) лиц [8, с. 325].

Важно отметить, что конкретный цифровой след должен быть классифицирован по нескольким основаниям, более того, может подпадать под несколько разновидностей одного основания (например, по месту нахождения).

В процессе раскрытия и расследования преступлений, а также в рамках криминалистического исследования цифровые следы обладают особой значимостью ввиду возможности установления и определения событий, фактов, явлений и вещественных доказательств, непосредственно относящихся к совершенному общественно опасному и противоправному деянию.

Следообразующим объектом в данном случае выступает материальный или виртуальный объект, действие которого создает и формирует цифровой след в цифровом пространстве.

С точки зрения криминалистики следообразующий объект помогает в идентификации следа, поскольку генерирует данные, позволяющие проследить его преобразования и изменения.

Порядок оставления таких следов попробуем разобрать на конкретных примерах: человек в процессе совершения преступления либо в порядке подго-

товки к нему может на различных цифровых устройствах запрашивать интересующую его информацию в браузерах, либо отдельных приложениях, тем самым используя интернет-ресурсы и формируя процесс виртуальной активности, которую можно отследить по оставшейся в системе информации.

Более того, сохранение данных в системе может помочь криминалисту установить местоположение преступника и факт его перемещения из одной локационной точки в другую, в дальнейшем поможет следственно-оперативной группе перейти, например, к допросу свидетелей или изучению записей с камер видеонаблюдения.

Современные технологии, как уже указывалось ранее, значительно облегчают и упрощают повседневную и профессиональную жизнь человека, вследствие чего цифровые следы могут приобретать форму данных о взаимодействии с сетью либо другими устройствами в случае использования атрибутов «умного дома» либо «умных устройств» (камеры, часы, бытовая техника).

Сетевое оборудование, объединяющее всю систему подобных устройств в единый механизм, устанавливает, фиксирует и сохраняется сетевые соединения, ошибки доступа и иные действия, производимые в рамках их эксплуатации.

Еще одним следообразующим элементом могут выступать программные средства, которые отражают историю входа и выхода из программы, отправленные, полученные и удаленные сообщения, порядок взаимодействия с иными пользователями, посещенные веб-сайты, сохраненные файлы cookie.

Соответственно, следообразующие объекты в рамках криминалистических исследований можно охарактеризовать как уникальные, поскольку их цифровые следы используются в процессе расследования преступлений для фиксации связи между таким объектом и его функционированием в цифровом пространстве [9, с. 79].

Следовоспринимающим объектом в криминалистическом исследовании выступают объекты цифрового пространства, которые стали частью совершенного преступления.

Интерес для следствия в данном случае представляют файловые следы, то есть скрытые, зашифрованные или удаленные файлы с текстовой, графической или звуковой информацией, обладающей криминалистической значимостью, которые можно обнаружить и зафиксировать при осмотре и экспертизе компьютерного устройства; сетевые следы, отражающие процесс соединения и взаимодействия устройства с внешними серверами (например трафик, IP-адреса, DNS-запросы); следы операционной системы, то есть общие цифровые и информационные данные, содержащие сведения о последовательности действий и событий, происходящих в системе (например, журналы событий); метаданные – данные о времени и месте формирования, изменения и удаления данных (например, временные метки).

Порядок обнаружения, фиксации и изъятия цифровых следов на месте преступления должен базироваться на нормах уголовно-процессуального законодательства, а одним из условий совершения вышеуказанных действий является участие лица, обладающего специальными данными – экспертом или специалистом.

Фиксация и изъятие информации, имеющей отношение к расследуемому делу, осуществляется посредством ее копирования на специальные устройства –

аппаратные и программные блокираторы записи, особенностью которых выступает исключение изменения сведений и данных на жестком диске при его подключении к стороннему компьютерному устройству для последующего анализа и изучения.

Значение цифровых следов в криминалистических исследованиях при расследовании преступлений достаточно велико, поскольку они позволяют установить хронологию преступления и идентифицировать виновное лицо; определить цели и мотивы совершенного деяния посредством сбора информации о личности потерпевшего и преступника; выявить свидетелей преступления с помощью анализа геоданных по GPS-системе; указать на место сокрытия орудия преступления; сформировать прочную доказательственную базу, позволяющую следствию и суду прийти к обоснованному, аргументированному и справедливому решению.

1. Криминалистика: учебник / под ред. Е.П. Ищенко. М.: Проспект, 2011. 504 с.
2. Грановский Г.Л. Основы трасологии. М.: Мир, 2017. 43 с.
3. Кушнарев А.С. Цифровые следы в криминалистике, их использование при расследовании преступлений // Вопросы российской юстиции. 2024. № 32. С. 338–351. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-sledy-v-kriminalistike-ih-ispolzovanie-pri-rassledovanii-prestupleniy> (дата обращения: 02.04.2025).
4. Кирсанова С.О., Калинина А.А. Виртуальные следы: понятие, сущность, проблемы // Скиф. 2018. № 3 (19). С. 14–17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnye-sledy-ponyatie-suschnost-problemy> (дата обращения: 02.04.2025).
5. Колычева А.Н. Анализ понятийного аппарата следов, образующихся в информационно-коммуникационной среде // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. № 2 (79). С. 41–43. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=bdugox> (дата обращения: 02.04.2025).
6. Иванов В.Ю. К вопросу о классификации электронно-цифровых следов // Национальная безопасность. 2020. № 3. С. 64–70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-klassifikatsii-elektronno-tsifrovyyh-sledov> (дата обращения: 02.04.2025).
7. Бессонов А.А. О некоторых возможностях современной криминалистики в работе с электронными следами // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 3 (55). С. 46–52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotorykh-vozmozhnostyakh-sovremennoy-kriminalistiki-v-rabote-s-elektronnymi-sledami> (дата обращения: 02.04.2025).
8. Закиян А.А. Цифровые следы в криминалистике // Молодой ученый. 2023. № 23 (470). С. 326–328. URL: <https://moluch.ru/archive/470/103827> (дата обращения: 02.04.2025).
9. Хомяков Э.Г. О сущности цифровых следов в криминалистике и их фиксации // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 1 (21). С. 71–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-suschnosti-tsifrovyyh-sledov-v-kriminalistike-i-ih-fiksatsii> (дата обращения: 02.04.2025).

Ключевые слова: виртуальный след, информационный след, классификация, криминалистика, объект, преступление, цифровой след.

УДК 343.9

ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, ПОДЛЕЖАЩИМ РАССМОТРЕНИЮ СУДОМ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Ильюхов Алексей Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса,
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации
имени А.Я. Сухарева,
125167, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 47, с. 1

Статья посвящена анализу правовых основ разбирательства в суде присяжных заседателей, где исследованию подлежит эффективность порядка отбора и формирования коллегии присяжных заседателей, судебного следствия. Констатируется что, указанная форма отправления правосудия привносит в судебную систему живое восприятие, общественное понимание правды и справедливости, исключая профессиональную деформацию, что присутствует в профессиональных судах. Однако и эта форма отправления правосудия нуждается в совершенствовании.

Исследуя правовые основы эффективности судебного разбирательства уголовных дел с участием присяжных заседателей, следует этимологически определиться с понятием эффективность. Часть авторов воспринимает его как качественное соотношение профессиональных и народных начал в ходе отправления правосудия и между которыми разграничены компетенции в рассмотрении вопросов факта и права [1; 2; 3; 4].

Следует заметить, что при незначительном объеме таких уголовных дел процент оправдательных приговоров, постановленных с учетом вердикта присяжных заседателей, выше, нежели чем вынесенных судами без их участия, где он не превышает 0,2 %. В 2019–2022 годах этот показатель составил 10-15 %, а в начальный период деятельности суда присяжных заседателей он достигал 25-30 % [5]. Объясняется это отсутствием опыта работы по подобного рода делам представителей юридического сообщества – следователей, прокуроров, судей, адвокатов.

Как справедливо отмечает Н.А. Колоколов, незначительный уровень оправдательных приговоров без участия присяжных заседателей объясняется склонностью этих судов выносить обвинительные приговоры на доказательствах, которые присяжные заседатели посчитали бы недостаточными [6, с. 33].

Адвокаты более категоричны в своих высказываниях и полагают, что всей российской правоохранительной системе присущ обвинительный уклон, где суду отводится роль пассивного исполнителя формальной процедуры, а качество расследования его не интересует. В свою очередь, и сама судебная система подвержена обвинительному уклону и стороне обвинения отдается большее предпочтение [7].

Противники указанной позиции полагают, что и сами оправдательные вердикты не всегда поддаются какому-либо логическому объяснению, и такое неприятие профессиональным юридическим сообществом суда присяжных засе-

дателей усиливается, если вынесенные вердикты влекут освобождение от уголовной ответственности заведомо виновных лиц. Причины тому разные: неспособность присяжных заседателей объективно оценивать обстоятельства исследуемого события по причине сложности их понимания, слабая позиция государственного обвинителя в суде. При этом присяжные заседатели подвержены влиянию различных внешних факторов – общественного мнения, публикаций в средствах массовой информации, морально-нравственным установкам и др.

В целом же вопрос о присутствии или отсутствии значительного числа достоинств или недостатков суда присяжных заседателей скорее риторичен, поскольку у суда, как с участием присяжных заседателей, так и без их участия они присутствуют в равной степени.

Достоинством суда присяжных выступает отсутствие в его работе принципа «разумного основания», ведущего начало с советской юридической школы [8, с. 98], не позволяющего профессиональному суду объективно, без элементов обвинительного уклона отправлять правосудие. В то время как присяжные заседатели в судебную систему привносят живое восприятие, общественное понимание правды и справедливости, формируемое благодаря жизненному опыту, здравому смыслу, исключающему профессиональную деформацию, которая, возникает благодаря правовым предписаниям, догмам, запретам, формируя обвинительный уклон в ходе принятия процессуальных решений профессиональными судьями [9, с. 32].

Однако следует учитывать то обстоятельство, что значительный процент оправдательных вердиктов обусловлен сложностью в оценке присяжными заседателями обстоятельств по отдельным категориям уголовных дел, где даже профессиональный юрист испытывает трудности. Это обстоятельство следует учитывать, определяя подсудность суда присяжных заседателей так, чтобы они в рамках отправления правосудия могли понимать сущность исследуемых в суде обстоятельств.

В свою очередь и вопросы следует так формировать в вопросных листах, чтобы они им были понятны, и отсутствовало их двоякое толкование. Тактически правильным будет использование метода визуализации в ходе предоставления доказательств в суде и предпочтение отдавать экспертным заключениям, не носящим вероятностного характера, а содержащим категоричные выводы.

В то же время нельзя отвергать и то обстоятельство, что суд присяжных заседателей нуждается в совершенствовании на всех этапах производства – с отбора и формирования коллегии присяжных заседателей и до вынесения приговора. Отбор кандидатов не гарантирует формирование эффективной коллегии присяжных заседателей. Минимизировать риски вхождения в состав коллегии граждан, участие которых способно отрицательно сказаться на ходе судебного разбирательства можно, создав на уровне субъектов Российской Федерации специальный орган – комиссию по составлению и утверждению списков кандидатов в присяжные заседатели. Возглавлять комиссию должен представитель министерства юстиции регионального уровня, участвовать в работе могут сотрудники аппарата суда на уровне субъекта Российской Федерации, представители общественности и специалист-психолог.

Проблемы производства в суде присяжных заседателей присутствуют и в судебном следствии, по причине несовершенства процедуры судоговорения, которая хотя и направлена на реализацию целей уголовного судопроизводства, однако истина в результате может быть и не достигнута, что будет выступать, по мнению А.М. Ларина, оправданием следственных и судебных ошибок [10, с. 84].

Для присяжных же заседателей соблюдение процедуры судоговорения не столь значимо, им важно понять исследуемые обстоятельства, раскрывающие картину произошедшего события. Процедура судоговорения лишь дополняет процедуру исследования обстоятельств совершения преступления, и даже если формально она не была соблюдена, для присяжных истина все равно может признаваться достигнутой.

Присяжными заседателями достигается не объективная (абсолютная) или формальная (юридическая) истина, а истина, которая сформирована на некой условной единице оценки преступления. Влияние на эту оценку оказывают разные факторы: жизненный опыт присяжных, моральные установки, совокупность доказательств по делу и др.

По уголовным делам указанной категории в ходе досудебного и судебного производств для лучшего уяснения присяжными заседателями обстоятельств исследуемого события в ходе осуществления процесса доказывания необходимо соблюдать требования *всесторонности, объективности и полноты расследования*.

В качестве выводов можно констатировать, что эта форма отправления правосудия не оказывает столь значимого влияния на уголовно-правовую политику государства, но суд присяжных заседателей стимулирует органы уголовного преследования на перестройку своей деятельности с учетом особенностей, присущих для этой формы отправления правосудия, ориентируя их на всестороннее и объективное расследование уголовных дел.

1. Ветрова Г.Н. Производство в суде с участием присяжных заседателей. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016. С. 502.
2. Миттермайер К. Европейские и американские суды присяжных, их деятельность, достоинства, недостатки и средства к устранению этих недостатков / под ред. В. Молчанова. М.: Типография А.И. Мамонтова и К. Большая Демитровка, 1869. С. 342.
3. Насонов С.А. Концептуальные основы производства в суде с участием присяжных заседателей: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 184.
4. Семенов Е.А. Современное состояние и перспективы развития суда присяжных в России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2017. № 2. С. 87–90.
5. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2016 г. – 2018 г. / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/OBZOR_sudebnoy_statistiki__2018_g.doc (дата обращения: 21.04.2025).
6. Колоколов Н.А. Суд присяжных: внимание к доказательствам и защита путем обвинения других лиц // Уголовный процесс. 2018. № 5. С. 33.

7. Айдамиров Р. Почему российские суды стали оправдывать еще реже // Адвокатская газ. 2018. 6 апр. URL: <https://www.advgazeta.ru>.
8. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М.: НКЮ СССР, 1941. С.98.
9. Ильюхов А.А. Вопросы повышения эффективности досудебного производства по уголовным делам, подлежащим рассмотрению судом с участием присяжных заседателей. М., 2015. С. 32.
10. Ларин А.М., Мельников Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России: лекции-очерки. М., 1997. С. 83–85.

*Ключевые слова: суд присяжных заседателей, уголовный процесс, отправ-
ление правосудие, эффективность судебного разбирательства.*

УДК 343.1

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗЛОЖЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ПРИВЛЕЧЕНИИ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО И ДОПУСКАЕМЫЕ ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ

***Калюжный Александр Николаевич,**
доктор юридических наук, доцент,
Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации,
302020, г. Орел, Приборостроительная, д. 35;
Орловский юридический институт имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

В статье анализируется содержание постановлений о привлечении в качестве обвиняемого; выделяются характерные уголовно-правовые признаки, требующие обязательного отражения в содержании обвинения; выделяются типичные ошибки, допускаемые в формулировках обвинения; аргументируются возможности судебного устранения, выявленных нарушений.

Несмотря на имеющуюся критику [1, с. 50; 2, с. 8], институт «предъявления обвинения» в современном уголовном процессе занимает одно из ключевых мест, влияя на объем судебного обвинения, квалификацию преступного деяния, возможность переквалификации судом преступного посягательства на менее тяжкое (без возвращения уголовного дела прокурору) и др.

Результаты анализа уголовных дел, находившихся в производстве следователей, а также исследование материалов прекращенных уголовных дел, подчеркнули наличие существенных недостатков, допускаемые субъектами расследования в ходе осуществления уголовного судопроизводства. На это указывают и статистические данные Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации, а также результаты исследований, проведенных иными авторами, подчеркивая, что четверть процента подсудимых оправдываются судами [3], а при производстве судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей доля таковых достигает 20-25 % [4, с. 54–55]. Остается стабильно высокими и показатели возвращения уголовных дел прокурорам, для устранения препят-

ствий их рассмотрения судами [5, с. 26]. Многие из выявленных нарушений касаются содержания постановлений о привлечении в качестве обвиняемого.

Содержание постановления о привлечении в качестве обвиняемого обусловлено качеством проводимого следователем анализа материалов уголовного дела, опытом его деятельности и профессиональной подготовкой, умением объективно оценить собранные доказательства, а также навыками формулирования обвинения. Определив в ст. 73 УПК РФ предмет доказывания по уголовным делам, законодатель обязал субъектов расследования отражать в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого его основные составляющие: время и место совершения деяния, способ преступления, форму вины, мотив, характер и размера ущерба, а также иные обстоятельства, влияющие на квалификацию преступного посягательства и имеющие значение для установления истины по делу и вынесения справедливого судебного решения.

Исследуемый документ предполагает использование предусмотренных уголовным законом формулировок и наработанной судебно-следственной практики расследования посягательств конкретного вида: например, «применяя насилие, опасное для жизни и здоровья...», «действуя из корыстных побуждений», «с целью...», «используя ... в качестве оружия...» «нанес четыре удара...», «был вынужден подчиниться требованиям...», «назначенный приказом...», «выполнял организационно-распорядительные функции...» и др. [6]

Специфика конструирования отдельных составов преступлений, находя закрепление в статьях уголовного законодательства, предопределяет необходимость ее отражения в формулированном и предъявляемом следователем обвинении. Так, отдельные элементы объективной и субъективной стороны преступлений должны быть обязательно указаны в содержании постановления о привлечении в качестве обвиняемого: «в отношении несовершеннолетнего», «с изъятием документов, удостоверяющих личность потерпевшего», «за совершение заведомо незаконных действий», «из корыстных или хулиганских побуждений» и др. Причем, предложенная законодателем вариативность противоправных действий виновного: «хищение либо вымогательство...», «незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление...», «передача, собирание, похищение или хранение...» и т.п. должна быть определена следователем (а не полностью перечислена) и указана в предъявляемом обвинении, исходя из реально совершенных лицом преступных действий.

Излишнее вменение в вину преступных действий лица искажает объективные обстоятельства, совершенного преступления, однако допускает их самостоятельное исключение судом и переход на менее тяжкое общественно опасное деяние и наказание как в пределах одной статьи, так и с выходом за ее пределы, на менее тяжкий состав преступления [7]. Например, К., находясь за компьютером, принадлежащим потерпевшему, воспользовался функцией автоматического сохранения логина и пароля, ввел данные на персональной странице потерпевшего в социальной сети. Получив доступ к материалам аккаунта, К. ознакомился с личной перепиской потерпевшего, сделав ее копию с монитора компьютера на свой мобильный телефон. Органами предварительного следствия действия К. были квалифицированы по ст. 272 УК РФ как неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации. Однако в ходе судебного рассмотре-

ния дела действия К. переквалифицированы на ст. 137 УК РФ, предусматривающую ответственность за незаконное собирание сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия, поскольку работа компьютера нарушена не была и вред общественной безопасности причинен не был [8].

Полномочия суда по изменению, предъявленного органами предварительного расследования обвинения, если это не ухудшает положения обвиняемого, не нарушает его права на защиту, либо не усугубляет его тяжесть, подтвердил своим решением и Пленум Верховного Суда Российской Федерации [9].

Уголовное дело не подлежит возвращению прокурору, если допущенное органами предварительного расследования нарушение требований уголовно-процессуального закона может быть устранено в судебном заседании, когда это не влечет изменения обвинения на более тяжкое либо существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам, не ухудшает положения обвиняемого и не нарушает его права на защиту.

Иная ситуация складывается в том случае, когда сторона обвинения дала заниженную правовую оценку преступным событиям виновного, предъявив обвинение и в последующем составив обвинительное заключение по квалификации, смягчающей ответственность подсудимого. Несмотря на то, что суд не связан позицией сторон, он не может по своей инициативе осудить лицо по более тяжкому составу преступления, поскольку ограничен объемом предъявленного обвинения, что обуславливает возвращение уголовного дела прокурору, для установления фактических обстоятельств дела и предъявления обвинения на более тяжкое.

На невозможность выхода за пределы обвинения (в сторону ухудшения положения подсудимого) неоднократно указывал и Конституционный Суд Российской Федерации, подчеркивая, что неправильная квалификация деяния и неверное установление основания уголовной ответственности влекут вынесение неправосудного приговора. При выявлении судом процессуальных нарушений, допущенных органами предварительного расследования, препятствующих рассмотрению дела по существу и неустраняемых судом самостоятельно, судам следует возвращать уголовные дела прокурорам в порядке ст. 237 УПК РФ, тем самым обеспечивая право обвиняемого на защиту и право потерпевшего на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба [10].

Недопустимость переквалификации судом обвинения на более тяжкое побуждает следователей к излишнему вменению в вину лица, совершившего преступление, таких деяний как: причинение вреда здоровью большей степени тяжести или поглощаемого нормой и не требующего дополнительной квалификации; преступных действий, доказательства по которым спорны или не выявлены; признаков сплоченности или организованности группы; осведомленность виновного об определенных событиях; дополнительные, самостоятельные составы (эпизоды) преступлений (особенно, выявленные в рамках материалов оперативно-розыскной деятельности); вменение квалифицированных признаков, при их спорном наличии и др.

Проведенный нами анализ материалов уголовных дел позволил выявить следующие наиболее типичные недостатки, присущие постановлениям о привлечении в качестве обвиняемого:

- несоответствие изложенных в обвинении данных диспозиции конкретной нормы уголовного закона, юридической квалификации;
- не раскрыты квалифицирующие признаки инкриминируемого преступного деяния;
- при обосновании существа обвинения используются неконкретные, противоречивые формулировки изложения фактических обстоятельств совершения преступления;
- не описаны (не установлены) обстоятельства, подлежащие доказыванию: место совершения преступления, способ, время, последствия и другие;
- при формулировке обвинения отсутствует указание на конкретный пункт и часть статьи, либо статью уголовного закона. Авторы, занимавшиеся исследованием проблем предъявления обвинения, выделяют и иные частные недостатки [11, с. 9–11; 12, с. 22–23].

Необходимость четкой и корректной формулировки содержания, предъявленного обвинения аргументируется и многочисленными примерами судебной следственной практики. Так, органами предварительного расследования Я. было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ. Рассматривая дело по существу, суд был вынужден вернуть уголовное дело прокурору в порядке п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, поскольку в постановлении о привлечении в качестве обвиняемой Я. содержались противоречивые данные о способе совершения преступления: вначале по тексту указано, что хищение совершено путем присвоения и растраты, а далее – путем обмана и злоупотребления доверием [13].

Выявленные нами ошибки, допускаемые следователями при формулировании и предъявлении обвинения, имеют принципиальное значение, влекут нарушения прав обвиняемых на защиту и потерпевших на доступ к правосудию, являются существенными нарушениями уголовного и уголовно-процессуального законодательства, препятствующими рассмотрению дела по существу [14, с. 29].

Значение постановления о привлечении в качестве обвиняемого как границ, пределов обвинения подчеркивает и практика возвращения судом уголовных дел прокурорам в случаях несоответствия обвинения, изложенного в анализируемом процессуальном документе с обвинением, отраженным в обвинительном заключении или обвинительном акте [15].

Подводя итог изложенному, отметим, что институт «предъявления обвинения» включает совокупность не только уголовно-процессуальных норм, регламентирующих основания, структуру и порядок привлечения лица в качестве обвиняемого, но и комплекс конкретных уголовно-правовых норм, нарушенных субъектом, которые должны найти отражение в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. Законность и обоснованность привлечения лица в качестве обвиняемого обеспечивается соблюдением следователем (дознавателем) предписаний уголовного и уголовно-процессуального законов, решений судебных органов различного уровня, а также реализацией криминалистических рекомендаций, обоснованных наукой и апробированных судебной следственной практикой.

1. Гаврилов Б.Я. Институт предъявления обвинения: современное состояние и проблемы совершенствования // Российская юстиция. 2009. № 5. С. 50–52.
2. Боруленков Ю.П. О некоторых вопросах реформирования органов уголовного преследования // Российский следователь. 2013. № 10. С. 6–11.
3. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020–2023 гг. / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 21.02.2025).
4. Насонов С.А. Злоупотребление правом профессиональными участниками судебного разбирательства в суде присяжных // Закон. 2024. № 4. С. 52–60.
5. Бабенко И.А., Плетнев В.В., Пшава В.В. К вопросу о пределах прав суда апелляционной инстанции при принятии решений, ухудшающих положение осужденного // Российский судья. 2021. № 8. С. 25–30.
6. Уголовное дело № 1-0854/2016 // Архив Бутырского районного суда г. Москвы; Уголовное дело № 1-128/2014 // Архив Старооскольского городского суда Белгородской области; Уголовное дело № 1-364/2014 // Архив Одинцовского городского суда Московской области; Уголовное дело № 1-22/2010 // Архив Смольнинского районного суда г. Санкт-Петербурга и др.
7. О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29.11.2016 № 55 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2017. № 1.
8. Уголовное дело № 1-156/2017 // Архив Первомайского районного суда г. Ижевска.
9. О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 17.12.2024 № 39 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2025. № 2.
10. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 02.07.2013 № 16-П // Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 2013. № 6; По делу о проверке конституционности части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Е.В. Алейниковой и общества с ограниченной ответственностью «Три К» и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 21.04.2010 № 10-П // Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 2010. № 4 и др.
11. Гаврилов Б.Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 7–14.
12. Назарова К.Н. Типичные ошибки и нарушения, допускаемые при перепредъявлении обвинения, способы их устранения // Российский следователь. 2016. № 9. С. 21–25.

13. Уголовное дело № 1-49/2014 // Архив Автозаводского районного суда г. Нижнего Новгорода.
14. Гармаев Ю.П. Проверка содержания обвинения, изложенного в обвинительном заключении, и рекомендации по составлению проекта обвинительного приговора // Администратор суда. 2013. № 3. С. 28–33.
15. О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 17.12.2024 № 39 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2025. № 2.

Ключевые слова: предъявление обвинения, содержание обвинения, следователь, типичные ошибки, суд, возвращение дела прокурору.
УДК 340.63

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Клементьева Екатерина Сергеевна,
*старший преподаватель кафедры уголовного процесса,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

Научный руководитель:
Ендольцева Алла Васильевна,
*доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

Несовершеннолетние потерпевшие представляют собой особую категорию участников уголовного судопроизводства, требующую дополнительных гарантий защиты их прав и законных интересов. В связи с психофизиологическими особенностями несовершеннолетних, уголовно-процессуальное законодательство должно предусматривать дополнительные процессуальные механизмы, направленные на обеспечение прав и минимизацию психологической травматизации ребенка в ходе уголовного судопроизводства.

На основе анализа статистических данных в динамике числа несовершеннолетних жертв преступлений отмечается нестабильная ситуация: рост в 2019 (+1,5 %) и резкий скачок в 2021 (+18,5 %), затем спад в 2023–2024. Преступность – явление социальное, на которое влияют различные факторы, пандемия в 2020 году объясняет резкий спад (–11,8 %) преступности в отношении несовершеннолетних, в 2021–2022 годах отметился рост семейного насилия или киберпреступлений против детей. Таким образом, вопросы защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего потерпевшего в уголовном судопроизводстве

являются актуальными. Несовершенство правового регулирования процессуального статуса несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства, не являющегося подозреваемым или обвиняемым, вызывает как в научной среде, так и в правоприменительной деятельности разного плана вопросы.

Процессуальный статус несовершеннолетних потерпевших в уголовном судопроизводстве требует особого правового регулирования в силу их возрастной уязвимости и психологических особенностей. Однако в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1] данный вопрос регламентирован ограниченным набором норм, что создает проблемы в защите их прав.

Потерпевший, не достигший совершеннолетия, обладает в полном объеме правами, присущими взрослому потерпевшему с особенностями, установленными уголовно-процессуальным законодательством.

В российском уголовно-процессуальном законодательстве (УПК РФ) закреплён специальный статус несовершеннолетнего потерпевшего, который включает ряд процессуальных гарантий. К их числу относятся: право на участие законного представителя (ст. 45 УПК РФ); проведение допроса с привлечением педагога или психолога (ст. 191, 280 УПК РФ); временные ограничения при проведении допроса; обязательное применение видеозаписи при фиксации показаний (ч. 5 ст. 191 УПК РФ).

Однако анализ законодательства позволяет выявить такую проблему, что правовое регулирование процессуального статуса несовершеннолетних потерпевших осуществляется фрагментарно и ограничено узким кругом норм (п. 12 ст. 5, ч. 3 ст. 44, ч. 2, 2.1, 2.2 ст. 45, ч. 5 ст. 161, 191 УПК РФ). Данный факт свидетельствует о недостаточной разработанности механизмов защиты прав этой уязвимой категории участников уголовного судопроизводства и требует совершенствования правового регулирования в целях усиления их процессуальных гарантий.

На этапе проверки сообщения о преступлении производство процессуальных действий с участием несовершеннолетних сталкивается с рядом проблем, обусловленных недостаточной законодательной регламентацией. Не урегулированы ситуации получения заявления о преступлении от несовершеннолетнего, когда преступление совершено родителем, включая случаи, когда законный представитель не может выполнять свои функции. Отсутствуют четкие правила для ситуации, когда несовершеннолетний пострадавший выступает заявителем без представителя. Закон предусматривает необходимость участия педагога или психолога для несовершеннолетних младше 16 лет, однако этот вопрос на стадии возбуждения уголовного дела никак не регламентирован. На практике в таких ситуациях применяют правила по аналогии со ст. 191 УПК РФ. Однако законом не определены критерии экстренности, неотложности при невозможности немедленного прибытия законного представителя, представителя, психолога или педагога.

В ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ закреплены общие положения, регламентирующие необходимость разъяснения прав и обязанностей лицам, участвующим в процессуальных действиях при проверке сообщения о преступлении. Однако данные нормы не обеспечивают достаточной правовой определенности, поскольку не содержат четких критериев, определяющих объем и содержание

прав, подлежащих разъяснению участникам с неоформленным процессуальным статусом, в том числе несовершеннолетним заявителям.

Основные сложности связаны с получением объяснений, участием законных представителей и специалистов. Отсутствие прямых норм, регулирующих порядок получения объяснений у несовершеннолетних, вынуждает применять аналогию с нормами о допросе (ч. 1 ст. 191, ч. 3 ст. 425 УПК РФ), что создает правовую неопределенность.

Законный представитель вправе присутствовать при получении объяснений, за исключением случаев, когда его действия противоречат интересам несовершеннолетнего (например при совершении им преступления). В таких ситуациях требуется привлечение другого представителя (п. 12 ст. 5 УПК РФ), включая органы опеки. Проблема заключается в отсутствии четкого механизма замены представителя и обеспечения прав ребенка, вовлеченного в уголовный процесс.

Момент появления потерпевшего в досудебном уголовном производстве связан с принятием решения о признании лица потерпевшим. Правоприменительная практика в основном складывается таким образом, что потерпевшим признается не именно несовершеннолетний пострадавший, а его законный представитель, как правило, один из родителей. В то же время в таком решении усматривается прямое нарушение положений ст. 42 УПК РФ, о том, что потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен определенный вред.

Вопрос о самом законном представителе несовершеннолетнего потерпевшего, моменте и порядке его допуска к участию в деле в законе не имеет четкого правового регулирования. В соответствии с ч. 2 ст. 45 УПК РФ для защиты прав и законных интересов потерпевших, являющихся несовершеннолетними, к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители или представители. Разделительный союз «или» в данном случае вызывает сомнения в адекватном представительстве интересов адвокатом в отсутствие законного представителя. Интересен в этом ключе опыт Соединённых Штатов Америки, где в Законе «Victims of Child Abuse Act» [2] от 1990 года, предусматривается использование института специального адвоката («child advocate»), ответственного за защиту интересов пострадавшего ребёнка. Этот механизм направлен на обеспечение правовой поддержки и представительства несовершеннолетних жертв, минимизируя стресс.

Согласно ст. 191 УПК РФ при допросе несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего 16 лет (или старше, но имеющего психические отклонения или отставание в развитии), участие педагога или психолога обязательно. Педагог выполняет социально-педагогическую диагностику, анализируя условия жизни, воспитания, успеваемость, круг общения и мотивацию несовершеннолетнего, а также оказывает поддержку, помогая следователю выбрать подходящий стиль общения с учетом возрастных и психологических особенностей подростка. Психолог, в свою очередь, обеспечивает психоэмоциональную поддержку, снижая стресс и напряжение у несовершеннолетнего во время допроса, проводит диагностику когнитивных способностей (мышления, памяти, восприятия) и эмоционального состояния подростка, а также адаптирует методы допроса, рекомендуя способы формулирования вопросов для минимизации

травматического воздействия. Различия между педагогом и психологом заключаются в их функциях, однако в законодательстве существуют пробелы, например, в УПК РФ отсутствует дефиниция психолога, и актуальным является устранение законодательного пробела. Интересным с позиции снижения психологической травматизации является институт сопровождения несовершеннолетнего потерпевшего психологом на всех стадиях уголовного процесса, о чем свидетельствуют научные исследования в этой области [3]. Для сравнения, в УПК Азербайджанской Республики [4] педагог и психолог участвуют во всех следственных действиях, что обеспечивает комплексную защиту несовершеннолетнего.

Таким образом, важным является дифференциация процессуальных статусов участников следственных действий, особенно в производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних.

Мы наблюдаем в уголовно-процессуальных нормах дисбаланс правовых механизмов, обеспечивающих права и интересы несовершеннолетних участников. На наш взгляд, наиболее обеспечены права и интересы таких лиц, относящихся к стороне защиты, подтверждением могут служить мнения ряда ученых [5; 6] о том, что закон в большей степени направлен на защиту прав подозреваемых и обвиняемых.

Таким образом, современная правовая реальность демонстрирует необходимость совершенствования дополнительного правового регулирования, направленного на усиление гарантий охраны прав и интересов несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Особую актуальность приобретает разработка детальной законодательной регламентации процессуальных действий с несовершеннолетними на стадии доследственной проверки, включая установление четких норм получения объяснений, механизмов замены законных представителей, критериев участия специалистов, а также гарантий защиты прав несовершеннолетних в конфликтных ситуациях. Отсутствие единого подхода к психологическому сопровождению несовершеннолетних на данной стадии процесса требует внедрения системы гарантий, предотвращающих вторичную травматизацию, в том числе за счет расширения специальных процессуальных гарантий, таких как обязательное привлечение специалиста-психолога, а также разработки дополнительных механизмов противодействия давлению, включая применение анонимного опроса и видеозаписи при допросе. В этой связи существующая нормативно-правовая база нуждается в модернизации, ориентированной на укрепление процессуальных гарантий для несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, что будет способствовать оптимизации защиты их прав и законных интересов в рамках уголовного судопроизводства.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 19.12.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.

2. Victims of Child Abuse Act of 1990, Pub. L. No. 101-647, 104 Stat. 4792 (1990) // URL: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/title-ii-victims-child-abuse-act-1990> (дата обращения: 20.03.2025).

3. Ключева Н.В. Психологическое и организационно-правовое сопровождение несовершеннолетних детей, участвующих в следственных действиях // Приклад-

- ная юридическая психология. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-i-organizatsionno-pravovoe-soprovozhdenie-nesovershennoletnih-detey-uchastvuyuschih-v-sledstvennyh-deystviyah> (дата обращения: 18.03.2025).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14.07.2000. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280 (дата обращения: 20.03.2025).
5. Гриненко А.В. Обеспечение законных прав и интересов несовершеннолетних потерпевших // Противодействие преступлениям, совершаемым несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 13 февраля 2015 г.) / под ред. А.И. Бастрыкина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 271–273.
6. Орлова А.А. Уголовное судопроизводство с участием несовершеннолетних: вопросы формирования правового института // Мировой судья. 2023. № 2. С. 15–21.

Ключевые слова: защита прав, потерпевший, несовершеннолетний, процессуальные гарантии, законный представитель.

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ПРОВЕДЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА В ХОДА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕПРАВОМЕРНЫМ ВОЗДЕЙСТВИЕМ НА КРИТИЧЕСКУЮ ИНФОРМАЦИОННУЮ ИНФРАСТРУКТУРУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Колмыков Илья Александрович,

адъюнкт,

*Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

Чаплыгина Виктория Николаевна,

*почетный сотрудник МВД России, кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

Современная следственная практика при всем многообразии форм получения доказательственной информации не может обходиться без производства следственного осмотра. Следственный осмотр является первоначальным и самым распространенным следственным действием, ориентирующим дальнейший ход расследования. Авторами отмечается, что сущность следственного осмотра зависит от специфики расследования уголовного дела. Исследуются тактические особенности производства осмотра технологии стеганографии.

Современное общество невозможно представить без информационных процессов, прочно вошедших в их сферу жизнедеятельности. Процессы общения, взаимодействия, трудовой деятельности на данном этапе развития общества

трансформировались в вид компьютерной информации. Данная новелла является положительной стороной модернизации процессов облегчения взаимодействия и развития общества, однако следует констатировать, что с развитием технологий увеличиваются факты негативного и противоправного внешнего вмешательства в эти сферы жизнедеятельности со стороны преступных субъектов. Преступность трансформируется под изменения общества с целью расширения сфер своей теневой деятельности, создается специальное программное обеспечение для совершения преступлений в области IT-технологий [1, с. 22].

В условиях распространения преступлений в области IT-технологий необходимо рассмотреть вопрос об изменении подхода к расследованию такого рода преступлений. Существующие тактические и методические рекомендации по расследованию преступлений и производства отдельных следственных, процессуальных действий могут содержать неактуальную информацию в связи с постоянными изменениями методов и форм осуществления противоправной деятельности.

Так применительно к неправомерному воздействию на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации, мы можем отметить тенденцию использования стеганографических методов воздействия. Данный метод использует технологии сокрытия информации, то есть совокупность методических разработок, предназначенных для возможности использования определенного формата информации, представленной в виде математических единиц в другой цифровой информации (аудио-, видео-, фотоизображениях).

Предназначение данной технологии обусловлено необходимостью кодировки передаваемой информации с целью ее защиты, то есть обеспечения конфиденциальности передаваемой информации и последующим воздействием на критическую информационную инфраструктуру конкретного объекта. Также возможно использование комбинированного формата технологий стеганографии и криптографии.

Стеганографический метод сокрытия информации и последующего воздействия заключается в пересылке фото-, аудио-, видеоизображений, содержащей в себе вирусное программное обеспечение для нейтрализации систем защиты критической информационной инфраструктуры, копирования и последующей пересылке информации о специфике системы защиты объекта (используемое антивирусное программное обеспечение, рубежи защиты, выявленные уязвимости и узлы информационных системы, через которые возможно последующее воздействие).

С целью совершенствования практической деятельности по обнаружению доказательственной базы в условиях применения стеганографии, как способа неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру необходимо уделить внимание тактическим особенностям проведения такой разновидности следственного осмотра как: осмотр места происшествия, осмотр предметов и документов, осмотр участков местности и помещений, не являющихся местом происшествия, осмотр жилища [2, с. 27].

Особенности тактики проведения упомянутой нами разновидности следственного осмотра связаны с соблюдением его этапности. Принято выделять три

этапа производства следственного действия: подготовительный, рабочий, заключительный.

Каждый этап должен сопровождаться сочетанием различных тактических комбинаций. Учитывая специфику проведения каждого подвида следственного осмотра, остановимся на тактике производства осмотра предметов и документов.

На подготовительном этапе с целью эффективного производства последующих этапов необходимо получить предварительную информацию о типовой технической характеристику осматриваемого объекта (персонального рабочего компьютера, сервера и т.п.), содержащий стеганографический файл. Так же необходимо решить следующие задачи: 1) в кратчайшие сроки установить лицо, ответственное за функционирование узла информационной системы (администратор ИС), 2) привлечь специалиста или эксперт-криминалиста узкого профиля с целью сохранения информации на осматриваемой объекте, 3) выбор технических средств необходимых для производства следственного осмотра, 4) тщательно подобрать понятых, также обладающих профессиональными навыками в области работе компьютерной техники [3, с. 18]. Привлечение администратора ИС связано прежде всего со спецификой работы системы, знаниями о ее особенностях и имеющийся на ней информации. Тактической особенностью подготовительного этапа производства следственного действия может заключаться в предварительном поиске оригинального файла, со слов очевидца (лицо, которое получило стеганографический файл). Предварительное исследование кода и размера файла позволят выявить метод стеганографии.

В рамках производства рабочего этапа возможно использование комбинированного сочетания тактики четкого исполнения следователем рекомендаций, привлеченных специалистов или экспертов-криминалистов и последующего отказа от них [4, с. 152]. В данном случае следователь не утрачивает главенствующую роль в производстве следственного действия, он принимает во внимание аспект целесообразности и эффективности проведения следственного действия, при этом следователь решает, учитывать рекомендации или нет. Рекомендации в данном случае являются направляющим элементом производства следственного действия. Так независимо от рекомендаций, следователь обязательным образом должен соблюдать последовательность описания криминалистически значимого объекта: 1) наименование устройства и носителя информации, 2) названия моделей и серийные номера (при их наличии) каждого устройства, подлежащего осмотру и изъятию, 3) инвентаризационные номера, присваиваемые бухгалтерией учреждения при постановке поступившего оборудования на баланс организации, 4) другую информацию, имеющуюся на фабричных ярлыках [5, с. 41]. В условиях осмотра предметов содержащих стеганографические файлы необходимо помнить о необходимости исследования не только файла, но и интернет-ресурс (в том числе электронная почта) с которого данный файл был отправлен и получен.

На заключительном этапе необходимо процессуально оформить полученную в ходе производства следственного действия информацию.

Таким образом, в рамках данной статьи было уделено внимание на отдельные тактические аспекты производства осмотра предметов и документов, содержащих стеганографический файл, воздействию на критическую информационную инфраструктуру.

1. Колмыков И.А. К вопросу о внедрении искусственного интеллекта в расследование неправомерного воздействия на критическую инфраструктуру // Проблемы уголовного судопроизводства: сборник научных статей и докладов Всероссийской научно-практической конференции, Орёл, 12 февраля 2025 года. Орёл: РАНХиГС при Президенте Рос. Федерации, 2025. С. 22–26.
2. Михайлов В.С. Виды следственного осмотра в РФ // Достижения науки и образования. 2024. № 1 (92). С. 26–28.
3. Бычков В.В. Особенности производства отдельных следственных действий при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом порнографии // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 4 (7). С. 16–21.
4. Морозова Н.В. К вопросу о сущности некоторых тактических приемов, применяемых следователем при расследовании преступлений // Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования: сборник научных трудов 5-й Международной научной конференции, Курск, 30 сентября 2022 года. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 151–154.
5. URL: <https://ui.tsu.ru/wpcontent/uploads/2020/07/ЕгороваИринаАлександровна.pdf> (дата обращения: 27.02.2025).

Ключевые слова: критическая информационная инфраструктура, расследование, осмотр места происшествия, специалист, уголовное дело, стеганография.

УДК 343.9

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ЛИЦОМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СВОЕГО СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Колычева Алла Николаевна,

кандидат юридических наук,

старший преподаватель кафедры криминалистики

и предварительного расследования в ОВД,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,

302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Ивашнева Анна Александровна,

слушатель факультета подготовки следователей,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,

302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье рассматриваются трудности, с которыми сталкивается следователь по расследованию мошенничеств, совершенных лицом с использованием служебного положения. Автором тезисно обозначаются моменты, на которые следует обращать особое внимание при расследовании рассматриваемой категории преступлений.

Проблемные аспекты, возникающие при расследовании мошенничеств, совершенных лицами с использованием своего служебного положения актуальны и в настоящее время. По своей специфике преступления данного вида различны. В первую очередь, необходимо обратить внимание на существование проблем применения уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за совершение данных видов мошенничеств, совершенных лицом с использованием своего служебного положения.

На практике в следственной деятельности очень часто встречаются проблемы:

- понимания и оценивания признаков состава преступлений;
- разграничения системы состава данного преступления;
- определение квалификаций деяний по совокупности [1, с. 26].

При определении состава преступлений, связанного с нарушением профессиональных управленческих функций, в реальности подразумевается наступление более опасных последствий, чем аргументировано законодателем. Таким образом, содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений при наличии вины субъекта и последствий от данного вида мошенничества.

При определении состава преступлений, связанного с причинением материального вреда, но не связанного с нарушением профессиональных управленческих функций:

- согласно ст. 165 УК РФ причинение материального вреда путем обмана или злоупотребления доверием;
- нарушение состава профессиональных функций;
- нарушение профессиональных прав.

Актуальной проблемой, возникающей при расследовании данного вида мошенничеств, также является определение наличия специального субъекта. По мнению многих ученых-правоведов и юристов, данную категорию определения специального субъекта необходимо дополнить и расширить.

Также еще одной из проблем необходимо считать выявление и доказательство факта использования лицом своего служебного положения в мошеннических действиях.

При расследовании данного вида мошенничества огромное значение отводится первоначальному этапу расследования [2, с. 163–164]. Именно на данном этапе расследования следователь сталкивается непосредственно с такой проблемой выбора способа сбора доказательственной базы. Необходимо наиболее точно определить механизм выявления, фиксации и сохранения следов преступления [3, с. 163–164]. Следует отметить, что при расследовании преступления, связанного со злоупотреблением должностными полномочиями, необходимо проявлять творческий, нестандартный подход.

Также одной из проблем при расследовании мошенничества можно считать невыполнение следователями требований уголовно-процессуальных норм и несовершенство самой законодательной системы РФ.

Актуальной проблемой при расследовании мошенничества необходимо также считать несвоевременность проведения следственных действий. Именно несвоевременные неотложные следственные действия приводят к уничтожению важных доказательств. Выемка, обыск, допрос, задержание и т.п. – все данные

действия при несвоевременном исполнении приводят к нарушениям в работе следователя и проецируют возникновение проблемных аспектов формирования доказательной базы [1, с. 24].

На практике часто встречаются случаи неприятия своевременных мер, в результате которых должностные лица уничтожали следы своих мошеннических действий. Впоследствии, было практически невозможно доказать их причастность к мошенничеству, связанному с использованием своего служебного положения. Например, сжигание документов, уничтожение информационных носителей и т.п.

При данном виде мошенничества практически всегда подразумевается получение должностным лицом материального дохода. В связи с этим значительную проблему для следователей при расследовании данного преступления, представляет отыскание денежных средств, похищенных мошенниками [4, с. 187]. Преступники, с целью завуалирования противоправных действий, полученные мошенническим путем денежные средства, размещают на расчетных счетах подставных коммерческих фирм. При этом, практически все денежные средства трансформируются в ценные бумаги. Также практикуется система вложения денежных средств в недвижимость и другие материальные ценности. Соответственно, сложность выявления каналов движения похищенных денежных средств является актуальной проблемой в связи, с чем необходимо своевременное производство оперативно-розыскных мероприятий [5, с. 262]. В результате расследования выявлялась целая сеть подставных фиктивных организаций, совершающих прохождение денежных средств без сопровождающей бухгалтерской документации. Данные организации быстро ликвидировались, бухгалтерская отчетность отсутствовала и, все это представляло для следователей значительные трудности, в связи с которыми возникали проблемы выявления лиц, причастных к мошенническим действиям.

В случае перенаправления денежных средств за рубеж, особенно в оффшорные зоны, также появляется проблема их розыска. Трудности розыска заключаются в том, что необходимо пройти определенный процесс, который заключается:

- направление ходатайства об оказании международной правовой помощи;
- определение взаимовыгодных соответствующих соглашений;
- достижение принципа взаимности.

Среди проблем расследования мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, существует проблема сокрытия подозреваемого в странах дальнего зарубежья. Проблема заключается в том, что во всех странах существует свое уголовно-процессуальное законодательство. Стоит отметить, что в определенных странах данное законодательство существенно расходится с законодательством РФ. Поэтому и возникают проблемы не только с выдачей подозреваемых, но и с определением статуса их мошеннических действий.

Таким образом, расследование данного вида преступлений влечет за собой возникновение ряда проблем, в связи с которыми нарушается работа следственного аппарата, и некоторые преступления остаются нераскрытыми. В связи, с чем стоит обращать особое внимание на рассмотренные проблемы и разрабатывать правовые и криминалистические подходы для их решения.

1. Лесянко В.А. Проблемные аспекты при производстве расследования мошенничеств с использованием служебного мошенничества // CYBERLENINKA. 2023. С. 26.
2. Чаплыгина В.Н. Отдельные аспекты криминалистической методики расследования коррупционных преступлений // Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования: сборник научных трудов 5-й Международной научной конференции, Курск, 30 сентября 2022 года. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 162–165.
3. Колычева А.Н., Васюков В.Ф. Расследование преступлений с использованием компьютерной информации из сети Интернет. М.: Проспект, 2023. 200 с.
4. Рудов Д.Н., Морозова Н.В. Некоторые аспекты криминалистической характеристики мошенничества в сфере государственного пенсионного обеспечения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 3 (92). С. 187–193.
5. Поддубный И.В., Флоря Д.Ф. Некоторые особенности раскрытия преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 2 (95). С. 259–266.

Ключевые слова: мошенничество, следственные действия, служебное положение, субъект.

УДК 343.9

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДОКАЗЫВАНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ В ФОРМЕ МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННОЙ ЦИФРОВОЙ ПОДПИСИ

Колычева Алла Николаевна,

кандидат юридических наук,

старший преподаватель кафедры криминалистики

и предварительного расследования в ОВД,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,

302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Савченко Влада Алексеевна,

слушатель факультета подготовки следователей,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,

302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкивается следователь в процессе сбора доказательств по уголовным делам о хищениях, совершенных в форме мошенничества с использованием электронной цифровой подписи. Авторами тезисно обозначаются моменты, на которые следует обращать особое внимание при расследовании рассматриваемой категории преступлений.

Преступления в сфере информационного пространства являются относительно новыми и в силу активного развития вариативных «дистанционных» схем обмана лишены четкого контроля со стороны правоохранительных органов. Данный факт обусловлен развитием сферы современных технологий: способы преступных посягательств становятся более разнообразными и изощренными, а правоохранительные органы не успевают выработать единый алгоритм работы и принцип раскрытия этих преступлений [1, с. 219].

Использование электронной подписи преступниками позволяет им:

- лишать собственника, принадлежащего ему имущества;
- получать денежные средства от имени других лиц в кредитных и микрофинансовых организациях;
- незаконным путем производить смену собственника юридического лица;
- лишать участника гражданско-правовых правоотношений возможности подачи заявок на конкурсные процедуры в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд при хищении подписи [2, с. 60–63].

Спецификой преступлений, совершающихся в сфере информационного пространства, является образование следов приготовления и совершения преступного посягательства в окружающей обстановке, как материальных, так и идеальных и цифровых [3, с. 267]. Образование цифровых следов непрерывно связано с реализацией работы электронной цифровой подписи, обусловленного закономерностью правового и технического режимов использования подписи. Данное обстоятельство благоприятно сказывается на организации процесса доказывания, в виду возможности фиксации любого воздействия на объекты компьютерной информации. Наиболее популярными следами, обнаружение которых возможно по делам о мошенничестве с использованием электронной цифровой подписи, являются: устройства – электронные накопители информации с файлами, имеющими формат электронной подписи; сертификаты ключей проверки электронной подписи на электронном и (или) бумажном носителе; договоры и бухгалтерские документы с удостоверяющим центром о создании и выдаче электронной подписи; компьютерные файлы в виде электронных документов, подписанные электронной подписью; программное обеспечение для проверки подлинности сертификатов ключей электронной подписи, а также смартфоны с хранящейся в них информацией [4, с. 20–23]. Проблемой, возникающей в деятельности практических органов [5, с. 227–233], является недостаточность количества специалистов в правоохранительных органах, способных выявить виртуальные и электронно-цифровые следы преступлений, а также специальных знаний у лиц, расследующих рассматриваемую категорию преступлений, которые призваны направлять ход расследования и принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий [6, с. 199–202].

Необходимость привлечения компетентных специалистов для работы с электронными следами [7, с. 244], сфера деятельности которых связана с информационными технологиями, компьютерной техникой и диагностикой компьютерных систем [8, с. 85], что значительно усложняет процесс расследования, что является следствием низкой раскрываемости преступлений и неудовлетворительного качества расследования уголовных дел [9, с. 89–91].

Аналогичным образом проблемой организации доказывания в досудебном производстве по уголовным делам о хищениях, совершенных в форме мошенничества с использованием электронной цифровой подписи, является наличие дополнительных обстоятельств, установление которых обязательно. К ним относятся: наличие законного режима обладания имуществом потерпевшим до совершения преступления; выдача уполномоченным центром электронной подписи на имя потерпевшего при отсутствии его надлежащего уведомления;

- использование персональных данных потерпевшего для совершения подлога при выдаче электронной подписи на его имя;

- факт использования электронной подписи при заключении договора по отчуждению имущества, принадлежащего потерпевшему;

- переход права собственности от потерпевшего к другому лицу для реализации имущества или совершения других незаконных сделок с ним [10, с. 89–91].

Обман как необходимое условие мошенничества имеет в рассматриваемом случае сложную многокомпонентную структуру. Его целью является маскировка незаконных действий преступников под видом гражданско - правовых отношений для недопущения их разоблачения [11, с. 44-49]. В случае совершения мошенничеств с использованием электронной подписи процесс доказывания наличия обмана усложнен в виду совершения преступления в информационном поле. Отсутствие непосредственного контакта преступника с жертвой повышает степень скрытости виновного от правоохранительных органов [12, с. 176], что практически ограничивает их в осуществлении превентивных функций, направленных на предупреждение преступлений данной категории.

Таким образом, в ходе исследования существующих проблем организации доказывания в досудебном производстве по уголовным делам о хищениях, совершенных в форме мошенничества с использованием электронной цифровой подписи, основанного на данных следственной и судебной практики, установлено, что к основным проблемам относятся:

- 1) необходимость привлечения компетентных специалистов, деятельность которых непосредственно связана с информационными технологиями;

- 2) расширенный перечень обстоятельств, установление которых обязательно для решения вопроса о привлечении лица, виновного в совершении преступления, к уголовной ответственности;

- 3) усложненный процесс доказывания наличия обмана, установление которого необходимо для квалификации содеянного, как хищения в форме мошенничества.

Данные проблемы могут быть решены путем детального анализа процесса совершения мошеннических действий с использованием электронной подписи, понимание технического аспекта; реализации обмена опытом с лицами, компетентными в сфере информационных и компьютерных технологий, а также совершенствования следственной практики в целом.

1. Васюков В.Ф., Володикова И.В. К вопросу о понятии технико-криминалистического обеспечения расследования дистанционных мошенничеств // Научные труды Российской таможенной академии. М., 2022. С. 219–222.

2. Бондаренко Ю.А. Особенности расследования мошенничества, совершенного с использованием электронной подписи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 3. С. 60–63.
3. Чаплыгина В.Н., Черкасова Е.А., Рудов Д.Н. Особенности расследования мошенничества с использованием электронных средств платежа // Современный ученый. 2023. № 1. С. 267–271.
4. Асеев А.А., Макаров В.В., Наружный В.Е. Проблемы и практика использования электронной цифровой подписи // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 1-1 (71). С. 20–23.
5. Колычева А.Н., Васюков В.Ф. Деятельность следователя на первоначальном этапе расследования мошенничеств, совершённых с использованием средств платежа // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 1 (102). С. 227–233.
6. Полянская Е.П., Никоноров А.А. Информационное взаимодействие следователя со службами негосударственных организаций и подразделениями правоохранительных органов как основа успешного расследования преступлений в сфере высоких технологий // Вестник экономической безопасности. 2021. № 1. С. 199–202.
7. Морозова Н.В. Некоторые особенности расследования компьютерных преступлений // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию принятия УПК РСФСР 1922 г., 20-летию действия УПК РФ. В 2 частях, Орел, 6–7 октября 2022 года. Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2022. С. 240–245.
8. Колычева А.Н., Васюков В.Ф. Расследование преступлений с использованием компьютерной информации из сети Интернет: учебное пособие. М.: Проспект, 2025. 200 с.
9. Семенов Е.А. Уголовно-процессуальный анализ проблем в доказывании современных мошенничеств, совершаемых по принципу «финансовых пирамид» // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. № 2 (79). С. 78–81.
10. Барашева Е.В., Пьянкова А.А., Степаненко А.С. Правовое регулирование механизма регистрации и применения электронно-цифровой подписи при совершении сделок // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 2. С. 89–91.
11. Слюнченко Р.С. К вопросу о совершении мошенничества путем обмана // Научный компонент. 2021. № 4 (12). С. 44–49.
12. Андроник Н.А, Сретенцев Д.Н. Криминалистическая характеристика хищений, совершенных с использованием ИТ-технологий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 4 (97). С. 171–181.

Ключевые слова: мошенничество, след, следственные действия, электронная цифровая подпись, специалист.

УДК 343.9

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ УПРОЩЕННЫХ ПРОЦЕДУР НА СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Костенко Наталья Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник адъюнктуры,
Краснодарский университет МВД России,
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128

В статье рассматривается влияние упрощенных процедур на современное уголовное судопроизводство и проводится анализ теоретических аспектов упрощенных процессов, их внедрение в правовую систему страны. Базовая идея видится в том, что упрощенные процедуры могут значительно ускорить процесс правосудия и повысить его доступность, однако это требует тщательной оценки с точки зрения защиты прав граждан и соблюдения их интересов.

Теоретико-методологические подходы к применению в уголовном судопроизводстве процедур, значительно ускоряющих и упрощающих традиционный порядок расследования и разрешения производства по уголовному делу, основанные на привлечении к сотрудничеству лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, становятся более обоснованными и приобретают все больше сторонников в научном сообществе и в практической деятельности правоохранительных органов. Это обусловлено стремлением к оптимизации уголовного процесса, повышению его эффективности и снижению процессуальных издержек.

Применение таких процедур, как сокращенное дознание, особый порядок судебного разбирательства или прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, базируется в основном на принципах диспозитивности и процессуальной экономии. Лицо, признающее свою вину, активно сотрудничающее со следствием, загладившее вред, причиненный им в результате преступления, а также выполнившее иные действия, направленные на нивелирование своей преступной деятельности, получает возможность смягчения наказания либо может создать основания для прекращения в отношении него уголовного преследования. Государство же получает быстрое раскрытие преступлений и снижение нагрузки на правоохранительную систему.

Взгляды, сложившиеся в научном сообществе по поводу дифференциации форм уголовного судопроизводства, значительно его упрощающих и ускоряющих, имеют биполярный характер.

Так, по мнению О.С. Качаловой и В.М. Герасенкова, применение ускоренных процессуальных моделей «позволит избежать ригидности уголовного судопроизводства, увеличить степень его гибкости в части альтернативного урегулирования незначительных уголовно-правовых конфликтов. При этом нужно понимать, что оптимизация досудебного производства, с одной стороны, не должна обеспечиваться за счет ограничения прав участников уголовного про-

цесса, с другой – необходимо исключить возможность злоупотребления своими правами участниками ускоренных досудебных производств, затягивание процесса и излишнюю громоздкость процессуальных процедур» [1, с. 120].

Безусловно, не стоит игнорировать тот факт, что применение утилитаристского подхода в уголовном процессе, позволяющего значительно его ускорить или упростить, несет в себе и определенные, порой не оправданные риски. Чрезмерный акцент, направленный на достижение результата, может привести к нарушению прав как обвиняемых (подозреваемых или осужденных), так и лиц, уже пострадавших от преступной деятельности, а также к злоупотреблениям со стороны правоохранительных органов. Это в итоге может создать основу для подрыва доверия к системе правосудия в целом. Важно помнить, что справедливость – это не только достижение цели, но и соблюдение принципов законности и уважения чести и достоинства личности.

Теоретическое обоснование подобных подходов уходит корнями в концепции утилитаризма и прагматизма, где приоритетом является достижение наибольшего блага для наибольшего числа людей. В контексте уголовного судопроизводства это означает, что интересы общества в раскрытии преступлений и восстановлении справедливости могут превалировать над строгим соблюдением всех формальных процедур, урегулированных законодательством, что может сказаться на правах и интересах отдельных личностей. Особенно актуальным это становится в объективной действительности современного общества, где приоритетным является обеспечение безопасности граждан и защита их прав и интересов, а преступность приобретает все более изощренные и транснациональные формы. В таких условиях возникает необходимость в гибком подходе к правосудию, позволяющем эффективно противодействовать угрозам общественной безопасности.

Принцип приоритета публичных интересов и повсеместное применение упрощенных форм уголовного судопроизводства не означают полного игнорирования требований норм процессуального законодательства. Напротив, они предполагают их разумное толкование и применение, направленное на достижение целей правосудия – установление истины по делу, наказание виновных и восстановление нарушенных прав.

К тому же внедрение упрощенных процедур требует тщательной проработки правовых механизмов, обеспечивающих защиту прав и законных интересов всех участников процесса. Необходимо исключить возможность злоупотреблений, давления на подозреваемых (обвиняемых) и осуждения невиновных лиц. Здесь важно соблюдать баланс между интересами общества и правами личности, обеспечивая справедливое и беспристрастное рассмотрение каждого уголовного дела. В связи с этим необходимо разработать четкие правовые рамки, которые бы ограничивали возможности для злоупотреблений и гарантировали соблюдение основополагающих принципов уголовного процесса. Другими словами, законодатель, внедряя способы оптимизации производства по уголовному делу, должен создавать такой уровень процессуальных гарантий, который бы обеспечивал справедливое и законное рассмотрение каждого уголовного дела с учетом интересов как обвиняемого (подозреваемого), так и потерпевшего, а также общества в целом.

Одним из способов достижения такого баланса может стать усиление контроля со стороны судебной власти за деятельностью правоохранительных органов. Суд должен играть роль независимого арбитра, обеспечивающего соблюдение законности на всех этапах уголовного процесса и защищающего права участников уголовного судопроизводства от возможных нарушений.

Кроме того, необходимо развивать институты общественного контроля за деятельностью правоохранительных органов, привлекать к мониторингу за соблюдением прав человека независимых экспертов и правозащитников. Только при наличии эффективной системы сдержек и противовесов можно избежать злоупотреблений и гарантировать справедливое и законное отправление правосудия с применением различных правовых инструментов, упрощающих и ускоряющих традиционный порядок расследования и разрешения производства по уголовному делу.

Методологически оценка эффективности процедур, ускоряющих и упрощающих уголовное судопроизводство, должна основываться на комплексном анализе статистических данных, судебной практики и экспертных оценок. Важно учитывать не только количественные показатели (количество рассмотренных дел, сроки производства), но и качественные (степень защиты прав, уровень доверия к правосудию). Также необходимо опираться на результаты научных исследований, предметом которых является анализ проблем, связанных с укоренными или упрощенными формами уголовного судопроизводства. Эти результаты позволяют выявить потенциальные риски и недостатки, связанные с ускоренным рассмотрением уголовных дел, такие как поверхностное исследование доказательств, ограничение права стороны на защиту и, как следствие, снижение качества принимаемых промежуточных и итоговых решений.

При оценке эффективности следует учитывать также международные стандарты в области прав человека и принципы справедливого судебного разбирательства. Важно сопоставлять результаты применения упрощенных процедур с аналогичными показателями в других странах, имеющих схожие правовые системы и социально-экономические условия.

Кроме того, для получения разносторонних представлений о влиянии упрощенных процедур на различные аспекты уголовного судопроизводства и обеспечения объективности оценки можно использовать такие методы сбора сведений, как анкетирование участников уголовного судопроизводства и проведение экспертных интервью. Так, например, в ходе опроса руководителей подразделений органов предварительного следствия 85 % опрошенных респондентов высказали положительное отношение к применению процедур, которые значительно упрощают или ускоряют производство по уголовному делу. Это, в первую очередь, объясняется необходимостью экономии правоохранительных ресурсов в условиях постоянно растущего некомплекта сотрудников подразделений предварительного расследования.

Безусловно, анкетирование и экспертные интервью позволяют выявить как положительные, так и отрицательные стороны упрощенных процедур, что способствует формированию более объективной картины их влияния. В частности, адвокаты высказывают опасения относительно соблюдения прав подозреваемых (обвиняемых) в условиях ускоренного производства.

Для получения всесторонней и объективной оценки влияния упрощенных процедур на уголовное судопроизводство необходимо использовать комплексный подход, а оценка эффективности процедур, ускоряющих и упрощающих уголовное судопроизводство, должна быть направлена на поиск баланса между необходимостью оперативного рассмотрения дел и обеспечением соблюдения прав и законных интересов всех участников уголовного процесса. Важным аспектом комплексной оценки является анализ влияния упрощенных процедур на качество сформированной доказательственной базы. Сокращение сроков расследования и упрощение процессуальных действий могут привести к недостаточно полному сбору и фиксации доказательств, что впоследствии негативно отразится на законности и обоснованности судебных решений. Необходимо учитывать потенциальные риски, связанные с поверхностным исследованием обстоятельств совершенного преступления и возможными ошибками при квалификации преступных деяний.

Также следует обратить внимание на соблюдение принципа состязательности сторон в условиях упрощенного производства. Важно обеспечить равные возможности для сторон, чтобы избежать необоснованного ущемления прав подозреваемых (обвиняемых) и потерпевших. Анализ судебной практики должен выявить, не приводят ли упрощенные процедуры к снижению активности защиты и ограничению возможности представления доказательств, опровергающих обвинение.

В итоге цель оценки влияния упрощенных процедур на уголовное судопроизводство заключается в выработке рекомендаций, направленных на повышение эффективности правосудия и укрепление законности в сфере уголовного преследования. Баланс между скоростью и качеством, соблюдение прав всех участников процесса и учет интересов общества – ключевые факторы, определяющие успех реформы уголовного судопроизводства в сторону его оптимизации и эффективности.

1. Качалова О.В., Герасенков В.М. Ускоренное досудебное производство в российском уголовном процессе: формирование оптимальных моделей // Правосудие. 2022. Т. 4, № 1. С. 120.

Ключевые слова: упрощенные процедуры уголовного судопроизводства, уголовное судопроизводство, правосудие.

УДК 343.1

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ВЕДЕНИЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Кузнецова Анна Александровна,
курсант 4 курса факультета подготовки следователей,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Научный руководитель:
Чаплыгина Виктория Николаевна,
почетный сотрудник МВД России, кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В современных геополитических реалиях проблема расследования преступлений в условиях вооруженного конфликта приобретает особую актуальность и научно-практическую значимость. Данная тематика находится на стыке уголовного процесса, криминалистики и международного гуманитарного права, что обуславливает необходимость комплексного междисциплинарного подхода к ее изучению. В данной статье рассматриваются отдельные теоретические и практические аспекты проведения предварительного расследования в условиях специальной военной операции, существующие проблемы и пути их решения.

Расследование преступлений в условиях вооруженного конфликта и ведения боевых действий представляет собой сложную и многогранную проблему современной криминалистики, уголовного процесса и международного гуманитарного права. Данная тематика приобретает особую актуальность в контексте глобальных геополитических изменений и возрастающей частоты локальных конфликтов.

В настоящий период времени особо актуальным является вопрос о проведении предварительного расследования на территориях, относящихся к зоне проведения специальной военной операции (далее – СВО), а также на новых присоединенных территориях субъектов Российской Федерации.

Необходимо заметить, что в данных реалиях не менее важным и является ответ на вопрос о сущности, детерминанте понятия «специальная военная операция». Однако ответить на него в настоящий момент времени не представляется возможным, так как в законодательной базе отсутствует терминология данного комплекса проводимых мероприятий. Имея наиболее сходные признаки, выявленные путем логического анализа, следует отметить, что наиболее родственными дефинициями указанного термина являются «специальная операция», «особые условия» и «вооруженный конфликт», в связи с чем, по нашему мнению, с учётом определенных особенностей, для материальной базы данного исследования можно брать сведения, выработанные в процессе производства расследования в условиях «вооруженного конфликта» [1, с. 29].

Фундаментальной основой для проведения следственных действий в зоне вооруженного конфликта служит комплекс нормативно-правовых актов, вклю-

чающий как национальное законодательство, так и международные правовые нормы. Согласно ст. 1 УПК РФ, порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается данным кодексом, основанным на Конституции РФ. Однако в условиях вооруженного конфликта возникает необходимость учитывать также положения международного гуманитарного права, в частности, Женевских конвенций 1949 года и Дополнительных протоколов к ним.

В сложившейся ситуации нормальное функционирование практически всех властных структур на территории СВО является затруднительным. Органы внутренних дел (далее – ОВД) на протяжении многих столетий, в различных условиях «войны и мира» не переставали выполнять свои задачи, одной из которых является раскрытие, расследование преступлений. К сожалению, нормальное функционирование правоохранительных органов в зоне СВО также становится невозможным. Вследствие этого не просто страдает качество расследования совершаемых преступлений, а надлежащее расследование становится практически недостижимым [2, с. 330].

Одним из факторов, утруждающих деятельность органов предварительного расследования на территориях проведения СВО является своеобразный «правовой вакуум», вызванный тем, что, хотя «новые присоединенные территории» в конституционном смысле уже вошли в состав Российской Федерации, являются её частью и вся деятельность ОВД данных субъектов должна строиться на российских нормативно – правовых актах, однако, возникают ситуации, при которых это бывает затруднительно в связи с недостаточной профессиональной переподготовкой сотрудников системы, ранее проходивших службу «в другом государстве», а также «нежеланием старых кадров» осуществлять работу в должном объеме. Примеры этим явлениям не редкость. Так, 03.07.2024 было возбуждено уголовное дело в отношении двух сотрудниц МВД Луганской Народной Республики (далее – ЛНР), которые проявив халатное отношение, вопреки должностным инструкциям и Закону «О полиции», не передали полученное сообщение о преступлении незамедлительно в дежурную часть ОВД и, несмотря на повторные звонки обеспокоенного мужчины, их игнорировали, в результате чего была убита женщина, что стало первым преступлением из серии, совершенных в Ленинском районе ЛНР [3].

Необходимо заметить, что процессуальные особенности расследования преступлений в зоне конфликта характеризуются рядом специфических черт. В частности, производство следственных действий в условиях боевых действий сопряжено с повышенными рисками для жизни и здоровья участников уголовного судопроизводства, что обуславливает необходимость разработки и внедрения инновационных методов дистанционного сбора доказательств, включая использование беспилотных летательных аппаратов для фиксации следов преступлений и проведения осмотра местности.

Оказывающим негативное влияние на процесс предварительного расследования в зоне СВО также является ротация кадров, хотя большая часть сотрудников и является там постоянно дислоцированными, однако есть и те, кто пребывает на указанной территории лишь на время служебной командировки, в том числе и по запросу правовой помощи в расследовании совершенного преступле-

ния. При этом нельзя исключать и тот факт, что определенное время у сотрудника, прибывшего к новому, не имеет значения временному или постоянному месту службы, займет определенное время адаптация к новым условиям труда в частности и жизни в целом.

Организация расследования преступлений в зоне чрезвычайного положения уже была изучена некоторыми российскими учеными-криминалистами [4, с. 196]. Вопросы же, связанные с расследованием преступлений, совершенных во время вооруженного конфликта, и, тем более СВО, а также закономерностями проведения таких расследований в значительной мере не имеют должного внимания.

Несомненно, что в ситуации проведения СВО правоохранительным органам необходимо продолжать выполнять свои задачи по защите жизни, здоровья, неприкосновенности личности и имущества граждан. Ситуация, сложившаяся на территории вооруженных столкновений, затрагивает все стороны общественной жизни, воздействует и на саму преступность. Меняются как количественные, так и качественные показатели этого явления, в том числе количество и виды совершаемых преступлений, обстоятельства конкретного преступного деяния [5, с. 39].

А.Н. Антонов в своих работах разделил преступления, совершаемые на территории вооружённого конфликта, на несколько групп:

1) на совершение которых наличие или отсутствие вооруженного конфликта не влияет или влияет минимально – кражи, мошенничества, убийство на «бытовой почве»;

2) преступления, непосредственно связанные с вооружённым конфликтом или постконфликтной ситуацией – диверсии, терроризм, призывы к насильственному изменению основ конституционного строя, обострившиеся на фоне сложившейся ситуации;

3) совершение которых возможно исключительно в «военное» время – военные преступления, преступления против мира и человечности [6, с. 4].

Стоит указать на то, что особое распространение среди преступлений против собственности получают кражи с проникновением в жилище, вызванные в первую очередь оставлением своих жилищ собственниками, ставшими беженцами в связи со сложившейся ситуацией в месте их постоянного проживания. Ещё одной группой преступлений, совершаемых на территории проведения СВО, являются убийства, инсценированные под самооборону, несчастный случай, как произошедшие в процессе вооруженного столкновения.

Использование некоторых лекарственных препаратов, имеющих наркотическое действие, является неотъемлемым элементом медицинской деятельности в зоне вооруженных столкновений, происходящих на территории проведения СВО, однако, это положение является так же и причиной роста численности преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, седативных веществ и их прекурсоров.

Правильная квалификация преступных деяний, подлежащих расследованию на территориях проведения СВО и «новых присоединенных территориях», достаточно сложна и неоднозначна. В то же время, от квалификации зависят обстоятельства, подлежащие доказыванию, выбор криминалистических средств,

приемов и методов, в связи с чем данному этапу предварительного расследования надо уделять должное внимание [7, 32].

Нам представляется необходимым и использование новейших достижений техники при производстве определенных следственных действий. В рамках следственных действий, например, таких, как «осмотр места происшествия» применение таких роботизированных комплексов, как беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА) может позволить обеспечить документирование, путем видео – и фотофиксации, что, в свою очередь не только повысит эффективность произведенных мероприятий, но и снизит нагрузку, с которой сотрудникам ОВД приходится ежедневно сталкиваться, при этом отсутствие их личного присутствия значительно снизит риски получения ими ранения, а также, в целом, опасность для жизни. Беспилотное воздушное судно может за короткий срок пересечь территорию всего места происшествия, а также, что не менее важно, не оставить новых и не уничтожить старые следы на указанной территории. При этом БПЛА позволяют дополнить своей конструкции практически любыми измерительными приборами, например, газоанализаторами, тепловизорами и т.п., что отмечается в работе [8, с. 91]. Высокая мобильность, а в настоящее время и дифференцированность видов БПЛА позволяет сотрудникам ОВД выбрать оптимальное, для осуществления своей деятельности. Отсюда, по нашему мнению, возвращаясь к вопросу о сохранности следов, не лишает сотрудников, конкретно – следователя, выбрать вид и способ осмотра, при этом, осмотр можно провести и эксцентрическим и комбинированным способом, в зависимости от условий конкретной ситуации и задач, которые стоят перед сотрудником следственных подразделений, что существенно рационализирует труд сотрудников ОВД, экспертов – криминалистов, и других участников указанной стадии.

Исходя из практического опыта, представленного в средствах массовой информации (далее – СМИ) явным представляется, что после вступления в состав Российской Федерации «новых присоединенных территорий» значительно уменьшился уровень преступности на данной местности. Так, 17.05.2024 в Луганске после образования в 2022 году органов СК России на территории республики следователями и криминалистами вновь стали изучаться архивные материалы о преступлениях прошлых лет, по которым заново проводились оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия, в результате было завершено расследование уголовного дела об убийстве, совершенное десять лет назад [9].

Таким образом, исходя из совокупности всех вышеизложенных фактов, опираясь на сведения, полученные из различных источников, необходимым представляется подвести закономерный итог – научное осмысление феномена производства предварительного расследования на территории специальной военной операции требует дальнейшего изучения, в связи с малым количеством как теоретического, так и практического материала, однако, при существующих в настоящий момент времени пробелах есть и положительные аспекты, указывающие на явный прогресс в новом, ранее не изученном правовом пространстве.

1. Громов М.А. «Особые условия» как универсальное понятие для деятельности органов и подразделений МВД России: их виды, характеризующие признаки, классификация // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 4 (28). С. 28–35.
2. Григорьев В.Н. К вопросу о частной методике расследования преступлений, совершенных в зоне международного вооруженного конфликта // Пробелы в российском законодательстве: Юридический журнал. 2008. № 1. С. 329–332.
3. Перед судом предстанут две сотрудницы дежурной части МВД ЛНР, обвиняемые в совершении преступления против интересов государственной службы / Новости. Следственное управление Следственного Комитета Российской Федерации. URL: <https://lnr.sledcom.ru/news/item/1897212> (дата обращения: 20.10.2024).
4. Григорьев В.Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (Правовое обеспечение, организация, методика): монография. М.: Академия МВД России, 1994. 196 с.
5. Human Rights. A Compilation of International Instruments. Volume I (Second Part). Universal Instruments. New York and Geneva: United Nations, 1994. P. 803–865.
6. Антонов А.Н. Особенности предмета расследования в условиях международного вооруженного конфликта // Право и государство: теория и практика. 2022. № 11 (115). С. 4–11.
7. Гущина Ю.В., Морозова Н.В. Некоторые вопросы реализации полномочий следователя при производстве предварительного расследования // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы Международной научно-практической конференции, Тула, 25 января 2024 года. Тула: Всероссийский государственный университет юстиции, 2024. С. 31–35.
8. Дронова О.Б., Прокофьева Е.В., Агаркова Т.К. Современные возможности применения беспилотных летательных аппаратов для обеспечения деятельности экспертно-криминалистических подразделений МВД России // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (62). С. 91–96.
9. В Луганске завершено расследование уголовного дела об убийстве, совершенном десятилетие назад / Новости. Следственное управление Следственного Комитета Российской Федерации. URL: <https://lnr.sledcom.ru/news/item/1884861> (дата обращения: 20.10.2024).

Ключевые слова: специальная военная операция, предварительное расследование, преступления, правоохранительные органы, раскрытие преступлений, вооруженный конфликт, следственные действия, проблемы.

УДК 343.1

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА ЛИЧНОСТИ НА ЗАЩИТУ ПРИ ВЫНЕСЕНИИ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

Куниц Елена Владимировна,
доктор юридических наук, профессор,
Главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний,
125130, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15 А, стр. 1

В статье отмечается, что детальный анализ материалов уголовного производства, всесторонняя оценка представленных доказательств и позиций участников процесса формируют фундамент справедливого судебного решения. Вынесение приговора требует максимальной концентрации внимания и тщательного рассмотрения всех обстоятельств дела. Глубокое понимание законодательной базы в совокупности с практическими навыками правоприменения позволяет выносить обоснованные решения, соответствующие требованиям процессуального законодательства обеспечивающие право личности на защиту, существенно сократить число осужденных к уголовным наказаниям.

Судебная практика разграничивает приговоры на две категории согласно ч. 1 ст. 302 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [1]. Законотворческие инициативы Верховного Суда Российской Федерации и разъяснения высшей инстанции о применении законов ведут к постепенному сокращению числа осужденных [2, с. 305]. Вместе с тем в России действует государственная программа по защите участников уголовного судопроизводства [3, с. 120].

Законодательное требование предписывает суду формулировать однозначную позицию относительно вины подсудимого, исключая двусмысленные формулировки при вынесении вердикта. Практика формирования судебных решений базируется на четком определении виновности лица с последующим назначением соответствующей меры наказания либо полным оправданием. Рассмотрение дел с участием коллегии присяжных заседателей предусматривает аналогичный подход к классификации итоговых судебных актов, где вердикт присяжных предопределяет характер выносимого приговора.

Действующий уголовно-процессуальный закон признает исключительно оправдательные либо обвинительные приговоры, устанавливающие точную меру ответственности подсудимого. Законодательная база четко определяет основания вынесения судебных решений, гарантируя правомерность и весомость каждого постановления. Категоричность формулировок судебного акта служит неотъемлемым атрибутом справедливого разрешения уголовного дела по существу.

Обвинительный приговор выступает результатом полного исследования доказательственной базы, убеждающей суд в виновности подсудимого лица в инкриминируемом преступном деянии. Законодательство устанавливает строгий запрет на вынесение обвинительного судебного акта при наличии малейших сомнений либо предположений относительно причастности лица к преступлению. Полное и всестороннее исследование доказательств в рамках судебного разбира-

тельства служит фундаментальным основанием для формирования внутреннего убеждения суда. Достоверность и неопровержимость вины подсудимого требует тщательной проверки всех доводов защиты, исключающей любые сомнения в правильности принимаемого судебного решения.

Н.С. Манова отмечает, что уголовно-процессуальное законодательство предоставляет суду полномочия корректировать формулировку обвинения при вынесении итогового судебного решения, включая возможность изменения квалификации инкриминируемого деяния. Законодательные ограничения накладывают запрет на ухудшение правового положения подсудимого при реализации данного права [4, с. 289]. Судом будет вынесен обвинительный приговор только при условии, что он положительно ответит на вопросы о том, что: имело место деяние, в совершении которого обвиняют подсудимого; деяние совершено подсудимым; это деяние является преступлением по Уголовному кодексу Российской Федерации; подсудимый виновен в совершении этого преступления» [5].

Вынесение оправдательного решения без определения наказания производится судом при утрате деянием признаков общественной опасности либо при отсутствии угрозы со стороны виновного лица вследствие существенного изменения социальных обстоятельств. Оправдательный приговор, это решение о невиновности подсудимого, т.е. приговор, которым отвергается обвинение, подлежащее исследованию судом. Судебные инстанции выносят оправдательный приговор при отсутствии доказанного события преступного деяния, установленной непричастности обвиняемого к правонарушению либо недоказанности состава преступления в действиях подсудимого. Дополнительным основанием для оправдания служит единогласное решение коллегии присяжных заседателей о невиновности подсудимого, что закреплено положениями ч. 2 ст. 302 УПУ РФ.

Законодательство гарантирует полную реабилитацию гражданина при вынесении оправдательного вердикта по любому основанию. Действующий уголовно-процессуальный закон запрещает включать в текст оправдательного приговора любые формулировки, способные вызвать малейшие сомнения в невиновности подсудимого.

Отечественным законодательством установлена процессуальная обязанность судебного органа разъяснять оправданному гражданину механизм восстановления нарушенных прав, включая процедуру компенсации материального ущерба и морального вреда, возникших вследствие неправомерного уголовного преследования. Факт предоставления данных разъяснений фиксируется в протоколе заседания и отражается в тексте оправдательного приговора [6, с. 189].

Значительные расхождения в основаниях вынесения оправдательного приговора непосредственно влияют на порядок разрешения гражданского иска и компенсации материального вреда согласно положениям второй ч. ст. 306 УПУ РФ, включая определение необходимости дальнейшего расследования для выявления фактического виновника преступного деяния.

При вынесении судебным органом оправдательного вердикта либо принятии процессуального решения о завершении производства по уголовному делу, обусловленного отсутствием криминального события или непричастностью подсудимого к противоправному деянию согласно п. 1 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ч. 1

ст. 27 УПК РФ, правовым последствием становится обязательный отказ в удовлетворении гражданских требований истца.

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает вынесение оправдательного приговора при установлении факта преступного деяния, но отсутствии весомых доказательств причастности подсудимого к его совершению. Согласно п. 2 ч. 2 ст. 302 УПК РФ, суд признает невиновность лица в случае недостаточности либо противоречивости собранных материалов, указывающих на его участие в инкриминируемом преступлении.

Вынесение оправдательного приговора производится судебным органом при несоответствии действий подсудимого квалификационным признакам преступного деяния согласно положениям п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ. Правовые нормы УК РФ определяют отсутствие криминального характера совершенных деяний путем анализа существенных признаков состава преступления.

Таким образом, приговор суда может быть обвинительным или оправдательным. Законодательство требует включать в судебное постановление четкую формулировку относительно причастности обвиняемого к инкриминируемым деяниям, а при доказанности вины – назначенную меру ответственности.

Отечественное уголовное судопроизводство требует радикального пересмотра подхода к устранению обвинительного уклона посредством гуманизации законодательных механизмов. Справедливое судебное решение базируется на всестороннем анализе материалов дела, исключая упрощенную процедуру рассмотрения при признании вины обвиняемым. Актуальность особого порядка судопроизводства утратила значимость, учитывая существенное сокращение количества дел с нарушением процессуальных сроков. Перераспределение компетенций между руководством следственных органов и прокурорским надзором позволит повысить объективность расследования и обоснованность выносимых судебных решений, существенно снизить нагрузку на учреждения уголовно-исполнительной системы.

Гуманизация уголовного судопроизводства является одной из первоочередных задач развития современного общества. Законодательное регулирование требует расширения ч. 2 ст. 292 УПК РФ путем включения положения о предоставлении права законным представителям несовершеннолетних подсудимых участвовать в судебных прениях. Расширение перечня правовых вопросов, позволяющих участникам прений формулировать письменные предложения по судебным решениям до момента удаления судебной коллегии в совещательную комнату, требует законодательного закрепления.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1), ст. 4921.

2. Голубовский В.Ю. вопросу об основаниях применения мер пресечения, не связанных с лишением свободы // Актуальные проблемы теории и практики уголовного права и процесса в современных условиях: материалы IV международной научно-практической конференции: в 2 томах, Донецк, 16–17 мая 2024 года. Донецк: Донбасский государственный университет юстиции, 2024. С. 305–310.

3. Кунц Е.В. Юридическая помощь свидетелю – жертве преступления // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сборник научных статей. Орёл: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2024. С. 120–124.
4. Манова Н.С. Уголовный процесс: учебник. М.: Дашков и К°, 2010. 422 с.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.
6. Миронова М.А. Оправдательный приговор как акт судебной реабилитации подсудимого // Discovery Science – 2016: сборник конкурсных работ международного интеллектуального конкурса студентов и аспирантов. М.: Русальянс «Сова», 2016. С. 188–195.

Ключевые слова: виды приговоров, гуманизация, наказание, осужденный, преступное деяние, уголовное судопроизводство.

УДК 343.1

УСМОТРЕНИЕ ВЛАСТНЫХ СУБЪЕКТОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ДРУГИХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*Лифанова Лилия Геннадьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России,
355035, г. Ставрополь, пр. Кулакова, д. 43*

Усмотрение должностных лиц органов предварительного расследования, прокуратуры и суда является неперенным элементом правоприменительного процесса в уголовном судопроизводстве. Однако принимаемые властными субъектами процессуальные решения не во всех случаях обеспечивают реализацию прав других участников уголовно-процессуальных отношений. В статье обосновывается целесообразность уменьшения пределов властного усмотрения в уголовном процессе.

Усмотрение как юридическая категория становилось предметом исследования в правовой литературе не однажды. Обуславливается это главным образом тем, что нормативно не определено ни само понятие «усмотрения», ни его пределы.

Усмотрение – явление субъективное. В общеупотребительном значении оно ассоциируется с точкой зрения, мнением по какому-либо вопросу, занимаемой позицией в споре.

Относительно уголовно-процессуальной сущности усмотрения учеными высказываются различные суждения:

- это отношение к характеру разрешения не урегулированной законом ситуации [1, с. 4];
- это полномочие, которое закон дает судье, чтобы делать выбор из нескольких альтернатив, из которых каждая законна [2, с. 13];
- это принятие соответствующим субъектом законного решения возникшей перед ним проблемной ситуации [3, с. 441–442];
- это определенное действие правоприменителя [4, с. 203].

Представляется, что усмотрение в правоприменительном процессе – это основа для принятия юридически значимого решения. Проблема нам видится в том, что усмотрение властных субъектов на одну и ту же ситуацию может различаться, вследствие чего зачастую страдают интересы иных участников уголовно-процессуальных отношений.

Реализация усмотрения начинается на этапе проверки сообщения о преступлении, которая, как правило, завершается решением о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении. Данные решения могут быть отменены в порядке контроля или надзора (ч. 4 ст. 146, чч. 6, 7 ст. 148 УПК РФ). Причем по одному и тому же факту отмена процессуального решения может происходить не один раз. Следственной практике известны случаи, когда отказ в возбуждении уголовного дела за отсутствием в деянии состава преступления с последующей его отменой длится не один год вплоть до истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Такая ситуация с юридических позиций вполне законна, однако в результате «борьбы усмотрений» пострадавший лишается возможности на защиту своих, как он полагает, нарушенных прав.

Иначе говоря, несовпадение во мнении (усмотрении) властных субъектов уголовного судопроизводства, отраженное в обозначенных ранее правоприменительных актах, формирует у заявителя и иных участников доследственной проверки представление о несоблюдении закона, нарушении конституционного принципа на доступ к правосудию.

При этом сама ситуация детально урегулирована законом, однако это не исключает правового спора между следующими субъектами: заявитель – лицо, проводящее проверку информации о преступлении – прокурор (руководитель следственного органа, суд), в котором у каждого из них свое видение вопроса (другими словами, усмотрение).

Еще более серьезной проблемой является разность в усмотрении органов предварительного расследования и суда, когда в ходе судебного разбирательства происходит переоценка действий лица, привлекаемого к ответственности. Так, в Усманский районный суд Липецкой области поступило уголовное дело по обвинению гражданина Н. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 111, ч. 1 ст. 222 УК РФ. Суд не усмотрел в действиях подсудимого инкриминируемых деяний и вынес постановление о преквалификации его действий и прекращении уголовного дела и уголовного преследования: два эпизода по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 111 УК РФ изменены на ч. 1 ст. 114 и ч. 1 ст. 115 УК РФ соответственно, а по ч. 1 ст. 222 УК РФ уголовное дело прекращено производством за отсутствием в действиях Н. состава преступления [5]. В приведенном примере судебной инстанцией установлен факт неправомерного вменения, основанного на неверном усмотрении органов расследования относительно пра-

вовой оценки действий обвиняемого. Предположим, что незаконность позиции представителей досудебного производства основывалась на недостаточных юридических знаниях или непродолжительном опыте работы, или других причинах. Здесь главное следствие – нарушение закона. Следовательно, при анализе сущности усмотрения, законность не следует включать в его признак.

Подтверждением сказанному так же является решение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ об отмене апелляционного постановления Московского городского суда от 27.12.2023 и кассационного постановления Второго кассационного суда общей юрисдикции от 16.10.2024 по уголовному делу № 5-УД25-14-К2 [6]. Очевидно, что в данном уголовном процессе все властные субъекты органов предварительного расследования, судов первой, апелляционной и кассационной инстанций действовали, будучи уверенными в правильности принимаемых решений, руководствуясь при этом собственным профессиональным усмотрением, однако, в итоге оно оказалось ошибочным.

Спорным нам видится вопрос о соответствии усмотрения властных субъектов с принципом справедливости. В данном случае имеется в виду судебское усмотрение, в общем виде суть которого заключается в нормативно регламентированном полномочии судьи выбирать из ряда возможностей, каждая из которых законна в контексте системы [7, с. 32]. В обоснование своих слов сравним два приговора суда.

Приговором Колпинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 23.12.2014 № 1-421/2014 Г. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ, и ей назначено наказание в виде штрафа в размере 80 тысяч рублей с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком на 6 месяцев [8].

Приговором Октябрьского районного суда г. Санкт-Петербурга от 28.11.2017 № 1-292/2017 Г. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 30 ч. 3, п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, и ему назначено наказание в виде семи лет лишения свободы условно со штрафом в размере 480 тысяч рублей и лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком на 10 лет [9].

Как видно, в обоих случаях речь идет о квалифицированном взяточничестве: в первом – это оконченное тяжкое преступление (ч. 3 ст. 290 УК РФ), а во втором – покушение на совершение особо тяжкого преступления (ст. 30 ч. 3, п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ). В первом примере суд счел возможным назначить наказание ниже низшего предела санкции с учетом исключительных обстоятельств (ст. 64 УК РФ), в качестве которых признал совокупность обстоятельств, смягчающих наказание: полное признание подсудимой своей вины, раскаяние в содеянном, наличие поощрений за службу, привлечение к уголовной ответственности впервые, факт того, что подсудимая является пенсионером и ветераном труда. Размер штрафа определен исходя из того, что единственным доходом подсудимой является пенсия. Во втором примере судом также не были установлены отягчающие обстоятельства, а в качестве смягчающих суд учел явку с повинной, чистосердечное раскаяние, отсутствие судимостей, поведение в судебном заседании, направленное на рассмотрение уголовного дела в разумные сроки, однако возможность применения ст. 64 УК РФ суд не усмотрел. Приведен-

ные примеры служат убедительной иллюстрацией проявления судейского усмотрения, в результате чего при незначительном отличии в степени общественной опасности совершенных деяний, наказание за их совершение разнится весьма существенным образом.

Оба судебных решения законны, однако какое из них более справедливо, сказать сложно.

Термин «усмотрение» в тексте уголовно-процессуального закона используется не часто – 6 раз (ч. 6 ст. 115, ч. 1.1 ст. 170, ч. 1 ст. 191, ч. 2 ст. 256, ч. 1 ст. 280, ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ). Однако возможность применять норму закона по своему усмотрению скрыто за фразами «вправе...» (например, ст. 25 УПК РФ – суд, следователь, дознаватель ...вправе прекратить уголовное дело за примирением сторон), «может...» (ч. 2 ст. 53 УПК РФ – следователь... может отвести вопросы защитника...), а также в ходе определения достаточности доказательств при принятии решения об окончании расследования и в других случаях.

В контексте исследуемой проблемы важно заметить, что состязательность уголовного процесса предполагает спор между сторонами обвинения и защиты и их усмотрение различается кардинальным образом. Каждый субъект обосновывает занимаемую позицию нормами права, судебной практикой, своим профессиональным опытом. Однако юридический результат усмотрения различен: в одних случаях это влечет значимые правовые последствия, в других является средством реализации полномочий. Опасны чрезмерно широкие границы усмотрения должностных лиц органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, так как это может явиться препятствием в обеспечении прав других участников уголовно-процессуальных отношений. Поэтому целесообразным представляется законодательно предусмотреть четкие критерии для применения ст. 64 УК РФ при назначении наказания, запретить неоднократный отказ в возбуждении уголовного дела при условии его двоекратной отмены, конкретизировать обстоятельства для применения диспозитивных оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования, а также иным образом обеспечить сходство принимаемых решений в тождественных ситуациях конкретного правового конфликта.

1. Ярославский А.Б. Усмотрение следователя при расследовании уголовных дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001.

2. Барак А. Судейское усмотрение. М., 1999.

3. Баев О.Я. Усмотрение в уголовном судопроизводстве // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2010. № 1. С. 438–450.

4. Марфицин П.Г., Толстолицкий В.Ю. Усмотрение следователя с точки зрения деятельностного подхода // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17. С. 201–203.

5. Постановление Усманского районного суда Липецкой области по делу № 1-63/2017 от 27.11.2017 № 1-63/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ANpsMtrLoMWm/?ysclid=m8rhxny2hm834730129> (дата обращения: 20.03.2025).

6. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации по уголовному делу № 5-УД25-14-К2 от 12.03.2025

года в отношении Аникеевой В.А. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2449200 (дата обращения: 20.03.2025).

7. Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека = Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights. № 2 (2016): «Автономное толкование» Конвенции и «судейский активизм» / М.В. Агальцова, Д.В. Афанасьев, А.Ю. Бушев [и др.]; под редакцией М.Е. Глазкова, С.А. Грачева, Т.А. Николаева. М.: Статут, 2016.

8. Приговор Колпинского районного суда г. Санкт-Петербурга по делу № 1-421/2014 от 23.12.2014 № 1-421/2014. URL: <http://klp.spb.sudrf.ru> (дата обращения: 20.03.2025).

9. Приговор Октябрьского районного суда г. Санкт-Петербурга по делу № 1-292/2017 от 28.11.2017 № 1-292/2017. URL: <https://oktibrsky.spb.sudrf.ru> (дата обращения: 20.03.2025).

Ключевые слова: усмотрение следователя, судебское усмотрение, предварительное расследование, судебное разбирательство, принцип законности, принцип справедливости, обеспечение прав субъектов уголовного процесса.

УДК 343.13

К ВОПРОСУ О СОБЛЮДЕНИИ ПРИНЦИПА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА

Лукьянчикова Виктория Викторовна,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса,

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,

308000, г. Белгород, ул. Горького, д. 71

В настоящее время судебно-следственная практика сталкивается с проблемами отсутствия полноценной законодательной регламентации производства осмотра места происшествия на стадии возбуждения уголовного дела, когда объектом является жилище. В данной статье осуществлен анализ существующих проблемных аспектов правоприменительной практики и сформулированы предложения по совершенствованию законодательства в рассматриваемой тематике.

Уголовно-процессуальное законодательство определяет, что осмотр как следственное действие производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Ст. 176 УПК РФ выделяет такие виды следственного осмотра как осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов, документов. При этом ст. 144 УПК РФ определяет что часть из них, а именно осмотр места происшествия, документов, предметов и трупов, возможно произвести до принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Одним из самых распространенных следственных действий, производимых на стадии возбуждения уголовного дела, является осмотр места происшествия и не редко объектом осмотра при этом является жилище.

И первым же спорным аспектом является вопрос о том, что именно следует относить к жилищу, а что нет. В первую очередь следует обратиться к нормативному закреплению понятия жилища, данному в УПК РФ. Так, в ст. 5 указано, что жилище – это индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания. Наличие уточнения касательно отнесения к жилищу строения, в случае когда оно используется для временного проживания, порождает слишком размытые границы данного понятия. Так, если придерживаться данной формулировки, то в качестве жилища можно рассматривать и подвалы многоквартирных домов, и строения, возводимые из строительного мусора вблизи городских свалок, которые используют для проживания лица без определенного места жительства в отдельных случаях, ввиду чего считаем более удачным определение, закрепленное в УК РФ, а именно в примечании ст. 139. В данном примечании формулировка понятия жилища дана почти аналогично тому, что закреплено в УПК РФ, но с важным отличием именно в том, что в случае если строение не входит в жилой фонд, жилищем оно будет являться лишь в том случае, если предназначено для проживания.

Следующим проблемным аспектом является отсутствие детальности в нормах, регламентирующих процессуальный порядок различных видов осмотров, да и их разграничение по видам законодательно не осуществлено. Данные нюансы обуславливают возникающие сложности в выработке алгоритмов действий уполномоченных субъектов на месте происшествия, если объектом осмотра является жилище. Ведь неотъемлемой задачей в данном случае является следование принципу неприкосновенности жилища с одной стороны, а с другой стороны необходимость закрепления обстановки места происшествия и фиксация следов преступления, которая сопутствует такому неотложному следственному действию как осмотр места происшествия вне зависимости от его объекта.

Данная дилемма возникает из-за неточностей в нормативном регулировании. Ст. 177 УПК РФ определяет, что осмотр жилища производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения. Если проживающие в жилище лица возражают против осмотра, то следователь возбуждает перед судом ходатайство о производстве осмотра в соответствии со ст. 165 УПК РФ. Очевидно, что данные положения актуальны для производства следственного действия в рамках возбужденного уголовного дела, именно этот факт и будет условием возбуждения ходатайства перед судом.

Вариант осмотра места происшествия, когда объектом является жилище, по сути, не урегулирован законодательно, ввиду чего сформировалось несколько точек зрения по данному вопросу.

Некоторые ученые считают, что если жилище является объектом осмотра в рамках осмотра места происшествия, то ограничение права на неприкосновенность жилища допустимо без судебной санкции в виду неотложности и значимости данного следственного действия для разрешения сообщения о преступлении [1, с. 14; 2, с. 8].

Встречаются мнения о том, что чаще всего конфликтные ситуации (а именно получение возражений на осмотр) возникают при производстве осмотра места происшествия, где объектом является жилище, в том случае, когда его собственник причастен к совершению преступления или является близким родственником такого лица. Ведь в случае, если собственником является потерпевший или стороннее лицо чаще всего препятствий в осмотре не возникает, так как данные участники сами заинтересованы в разрешении уголовно-правового конфликта послужившего основанием для процессуальной проверки, ввиду чего сторонники данной позиции определяют возможным производство осмотра жилища собственника, в отношении которого производится процессуальная проверка без судебного решения [3, с. 37].

Другие считают, что вне зависимости от условий, если объектом осмотра является жилище, то необходимо в обязательном порядке полное следование правилам, установленным ст. 177 УПК РФ. То есть либо получение согласия проживающих на законных основаниях в данном помещении лиц, либо наличие судебного решения полученного в общем порядке определенном ст. 165 УПК РФ [4, с. 58]. При этом встречаются мнения о возможности оформления осмотра места происшествия, где объектом является жилище протоколом осмотра жилища, что на наш взгляд будет являться подменой следственных действий. Тем более, что осмотр жилища как отдельное следственное действие до возбуждения уголовного дела и не может быть произведен в соответствии со ст. 144 УПК РФ.

Таким образом, прослеживается острая необходимость в дополнительном законодательном регулировании процедуры осмотра места происшествия, когда объектом является жилище во избежание нарушения принципа неприкосновенности жилища и последующего признания произведенного следственного действия недопустимым.

Разрешение данного вопроса видится именно в положениях ст. 177 УПК РФ, которые нуждаются в дополнении. Получение судебного решения на производство осмотра места происшествия, являющегося жилищем, на общем основании по ст. 165 УПК РФ видится нецелесообразным ввиду того, что период рассмотрения ходатайства судом будет являться фактом промедления при производстве неотложного следственного действия, которое может повлечь утрату следов и объектов, которые в бедующем могут иметь доказательственное значение. Ввиду чего следует обратиться к положению ч. 5 ст. 165 УПК РФ, которая предусматривает узаконивание следственного действия после его производства. В связи с чем, видится необходимым внести дополнения в ч. 5 ст. 177 УПК РФ следующего содержания: «В случаях если жилище является местом происшествия и проживающие в жилище лица возражают против его осмотра, уполномоченное лицо может произвести осмотр с соблюдением правил, предусмотренных ч. 5 ст. 165 УПК РФ», а также в ч. 2 ст. 176 УПК РФ внести данный вид осмотра в перечень тех, что могут осуществлять до возбуждения уголовного дела.

1. Зиновкина И.Н. Проверка заявления и сообщений о преступлениях: проблемы правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 28 с.

2. Семенцов В.А. О допустимости производства отдельных следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2010. № 12. С. 7–11.
3. Яновский Р.С. Следственный осмотр в уголовном судопроизводстве // Законность. 2012. № 5. С. 35–39.
4. Баев О.Я., Солодов Д.А. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации: практ. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Эксмо, 2010. 127 с.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, производство обыска, принуждение на стадии возбуждения уголовного дела, принцип неприкосновенности жилища.

УДК 343.1

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО С ОСОБЕННОСТЯМИ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Марковичева Елена Викторовна,

доктор юридических наук, доцент,

*профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной,
Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева,
117418, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, д. 69*

Особенности психического здоровья человека нередко предопределяют более высокий уровень его виктимности, вследствие чего в уголовное судопроизводство вовлекаются потерпевшие с психическими нарушениями. Однако в системе действующего правового регулирования специфика реализации ими процессуальных прав не получила достаточной регламентации, что ведет к закономерным проблемам в правоприменении.

Современный уголовный процесс решает задачи, связанные не только с привлечением виновного лица к уголовной ответственности, но и с обеспечением прав потерпевших. Неслучайно в последнее десятилетие приоритетным направлением совершенствования действующего законодательства стало повышение процессуальной активности потерпевшего и введение дополнительных гарантий его прав, определение единообразных правоприменительных подходов в рамках правовых позиций, оформленных в решениях Конституционного Суда Российской Федерации и постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Особенностью формирования таких подходов к правам потерпевших можно считать некий универсализм механизмов их обеспечения. Если применительно к уголовно-преследуемым лицам присутствует определенная вариативность, нашедшая выражение в дифференциации форм досудебного и судебного производства, то в отношении потерпевших законодатель не предусматривает специ-

фики уголовно-процессуального обеспечения его прав в зависимости от каких-то особенностей его личности.

В системе действующего правового регулирования сложилась ситуация, когда законодатель учитывает возрастные особенности обвиняемого, особенности его ментального здоровья, но практически полностью упускает эти вопросы применительно к потерпевшим. В результате в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) закреплены лишь фрагментарные нормы, содержащие дополнительные гарантии прав потерпевшего. Например, если потерпевший затрудняется с предъявлением в уголовном процессе гражданско-правовых требований, связанных с возмещением вреда, причиненного ему преступлением, защиту его таких частноправовых интересов может осуществить прокурор. В соответствии с ч. 3 ст. 44 УПК РФ последнему предоставлено право предъявления гражданского иска в интересах достаточно широкого круга лиц: несовершеннолетних, недееспособных, ограниченно дееспособных, лиц, которые по иным причинам не могут самостоятельно реализовать соответствующее процессуальное право. На это обстоятельство обращает внимание и С.М. Курбатова, подчеркивая, что действующие нормы уголовно-процессуального закона не адаптированы в плане регламентации производства следственных действий к особенностям психического и физического здоровья потерпевших [1, с. 126].

Но в целом ст. 42 УПК РФ, определяющая процессуальное положение потерпевшего, не отражает особые подходы к реализации прав теми потерпевшими, которые имеют особенности психического здоровья. Между тем именно такие лица нередко характеризуются повышенной виктимностью и становятся жертвами преступлений. Судебная практика знает ситуации, когда потерпевшими по уголовному делу, возбужденному по фактам мошенничества, становится сразу несколько лиц с диагностированной умственной отсталостью. Такие потерпевшие в соответствии с нормами гражданского права являются полностью дееспособными, поскольку решением суда никто из них не признавался недееспособным. Соответственно у таких потерпевших нет опекуна, который мог бы быть их законным представителем в рамках уголовного дела. Невозможно привлечь в данной ситуации и представителя органа опеки и попечительства.

Более того, в нормах УПК РФ такой участник процесса, как законный представитель предусмотрен исключительно для обеспечения прав: несовершеннолетних уголовно-преследуемых лиц или несовершеннолетних потерпевших (п. 12 ст. 5 УПК РФ) и лиц, к которым могут быть применены или применяются принудительные меры медицинского характера в соответствии с порядком, закрепленном в гл. 51 УПК РФ (ч. 1 ст. 437 УПК РФ).

Таким образом, участие законного представителя совершеннолетнего потерпевшего, имеющего особенности психического здоровья, которые могут затруднять реализацию его процессуальных прав, в системе действующего правового регулирования не предусмотрено.

Единственным нормативным механизмом обеспечения прав таких потерпевших в настоящее время является применение нормативных предписаний, закрепленных в ч. 1 и ч. 2 ст. 45 УПК РФ. Часть вторая данной статьи предполагает, что, если лицо по своему физическому или психическому состоянию не име-

ет возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, то к обязательному участию в уголовном деле необходимо привлечь его представителя или законного представителя. Однако законный представитель у совершеннолетних потерпевших, как правило, отсутствует. Поэтому речь может идти только о привлечении представителя, которым в соответствии с ч. 1 ст. 45 УПК РФ может быть: 1) адвокат; 2) близкий родственник; 3) иное лицо, о допуске которого ходатайствует потерпевший.

Рамочность и лаконичность этой конструкции затрудняет на практике реализацию данных нормативных предписаний.

Неопределенным остается круг представителей потерпевших с особенностями психического здоровья, которые проживают в специализированных учреждениях соцзащиты. Как показывает практика, по таким уголовным делам наблюдается значительная вариативность в решении вопроса предоставления им дополнительных гарантий: от полного отсутствия представителя по такому уголовному делу до назначения в качестве последнего руководителя такого учреждения, юрисконсульта, работающего в структурах органов соцзащиты, представителя органа опеки и попечительства.

Суды сталкиваются и с ситуациями, когда следователем был допущен близкий родственник такого потерпевшего в качестве его законного представителя. Соответственно суду приходится отстранять такое лицо, необоснованно допущенное в качестве законного представителя, и решать вопрос о необходимости назначения ему представителя-адвоката или иного лица. Хотя законодатель предоставил должностным лицам и суду возможность решить этот вопрос в рамках их дискреционных полномочий, привлечение представителя потерпевшего, который является совершеннолетним и не лишенным или ограниченным дееспособности, предполагает выполнение условия: его психическое состояние лишает его возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы. Открытым остается вопрос относительно того, как дознаватель, следователь, суд могут прийти к соответствующему выводу. Речь идет о процессуальной самостоятельности потерпевшего, но специальных оснований для назначения соответствующей обязательной судебной экспертизы ст. 196 УПК РФ не предусматривает, поскольку в п. 4 данной статьи речь идет, по сути, об ином основании, когда возникают сомнения в способности потерпевшего воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания. Может ли правоприменитель поставить знак равенства между неспособностью потерпевшего (в силу его особого психического состояния) воспринимать что-либо и транслировать это восприятие в показания, оцениваемые по правилам оценки доказательств, и его процессуальной дееспособностью, проявляющейся в самостоятельной реализации прав и отстаивании законных интересов? Согласимся при этом и с Л.Г. Татьяниной, которая подчеркивает, что «законодатель не указал, какие сомнения в психическом состоянии лиц должны рассматриваться как основания для признания неспособности осознавать характер своих действий, либо правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела» [2, с. 731].

Безусловно, предоставление такому потерпевшему доступа к юридической помощи, обеспечиваемой адвокатом-представителем, является важным, но нор-

мативное регулирование ее осуществления, особенности подзаконного регулирования вызывают у практических работников целый ряд затруднений в контексте оплаты труда представителя, возмещения соответствующих расходов потерпевшего [3, с. 9].

Открытым в силу нормативной неопределенности остается и вопрос о процессуальной активности суда в решении вопроса о привлечении иного лица в качестве представителя такого потерпевшего, если в силу состояния его психического здоровья он не может заявить соответствующее ходатайство.

Нормативная неопределенность в данных вопросах ухудшает обеспеченность прав потерпевшего и наводит на мысль о необходимости обсуждения и разработки более дифференцированных подходов к самостоятельной реализации прав потерпевшими и возможностями компенсации их ограниченных способностей в этой реализации за счет привлечения иных лиц, действующих в интересах таких потерпевших.

1. Курбатова С.М. Следственные действия с участием лиц с ограниченными возможностями // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития: сб. науч. трудов международной научно-практической конференции, Москва, 12 ноября 2021 года / под ред. О.В. Химичевой. М.: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, 2022. С. 126–128.
2. Татьяна Л.Г. Участие в уголовном судопроизводстве потерпевшего, имеющего психические расстройства (нерешенные вопросы) // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и Право. 2024. Т. 34, № 4. С. 729–733.
3. Качалова О.В. Возмещение расходов потерпевшего на представителя // Уголовный процесс. 2023. № 8. С. 9.

Ключевые слова: уголовный процесс, суд, потерпевший, представитель потерпевшего, прокурор.
УДК 343.1

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА ВЫЕМКИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Морозова Наталия Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье рассмотрены организационно-тактические особенности производства выемки на предварительном следствии. Уделено внимание процессуальным требованиям и условиям, установленным ст. 182 УПК РФ относительно производства выемки.

Рассматривая особенности производства следственных действий при расследовании преступлений, особое место следует отвести выемке, как специфическому следственному действию, проводимому по большинству категорий уголовных дел.

Нередко в следственной практике выемка граничит с иными следственными действиями, например, предъявлением предметов для опознания, обыском и другими, а, следовательно, рассмотрение организационных и тактических особенностей производства выемки при расследовании преступлений, представляет особую актуальность и значимость.

Производство выемки в уголовном судопроизводстве регламентировано нормами ст. 182 и 183 УПК РФ. При этом отдельные нормы ст. 183 УПК РФ отсылают правоприменителя к процессуальному порядку производства обыска.

Рассматривая особенности организации и тактики производства выемки при расследовании преступлений против собственности, П.Г. Смагин отмечает, что органам предварительного расследования, предполагающим производство выемки, следует учитывать ряд важных обстоятельств [1, с. 140].

Во-первых, необходимость производства выемки при расследовании преступлений обуславливается тем обстоятельством, когда конкретно-установленное лицо (лица) не выдает самостоятельно имеющие значение для следствия предметы или документы (как правило, похищенное имущество, документы, ценности).

Во-вторых, возможность проведения выемки при расследовании преступлений чаще всего подтверждается возникновением ситуаций, в результате которых предметы и документы, подлежащие выемке, могут быть уничтожены или приведены в негодное состояние под воздействием, как внешних, так и внутренних факторов.

В-третьих, необходимость производства выемки при расследовании преступлений обуславливается тем обстоятельством, что органы предварительного расследования зачастую не располагают в необходимом объеме временем для производства расследования, чтобы получить в свое распоряжение определенные материалы (предметы или документы), имеющие большое значение для расследуемого уголовного дела.

Данные основания, как полагают О.П. Грибунов и В.Н. Чаплыгина, а в частности их система, выступает основой совершения уголовно-процессуальных действий, предшествующей непосредственному проведению выемки при расследовании преступлений [2, с. 69].

При этом важно отметить, что предварительно следователи направляют соответствующие запросы в учреждения или конкретным лицам (участникам уголовного судопроизводства и пр.) о требовании выдачи интересующих следствие предметов и документов, что является важным тактическим аспектом на начальном этапе производства выемки.

Стоит отметить, что в данном случае, у органов предварительного расследования не должно сформироваться убеждение о том, что лица, которым адресуется подобного рода требование, предпримет меры по сокрытию требуемых к выдаче объектов или уничтожит их.

Также стоит отметить, что важным тактическим аспектом при принятии решения о производстве выемки, непосредственному ее проведению предшествует сбор следствием информации о тех предметах и документах, которые подлежат выемке [3, с. 103]. Так, перед началом производства выемки, при расследовании преступлений следователем предъявляется вынесенное им постановление о производстве следственного действия, а в случае проведения выемки в жилом помещении – предварительно полученного разрешения суда.

В ходе производства выемки следователь должен соблюдать требования и условия, установленные ст. 182 УПК РФ, к которым отнесены:

- недопустимость повреждения имущества при вскрытии помещения или предметов [4, с. 142];
- недопустимость разглашения сведений о частной жизни участников следственного действия и иных лиц;
- использовать право установления запрета на оставление места следственного действия лицами, которые участвуют в нем или присутствуют в месте его проведения;
- выемке подлежат любые объекты, которые обнаружены при производстве следственного действия, если они являются изъятыми из оборота;
- соблюдение процессуальной формы производства следственного действия, в ходе которого изъятые в ходе выемки предметы и документы, предъявляются понятым и другим лицам, присутствующим при производстве следственного действия, а в случае необходимости упаковываются и опечатываются на месте выемки, что удостоверяется подписями указанных лиц;
- соблюдение требований о присутствии в помещении, в котором производится выемка, тех лиц, которым оно принадлежит или совершеннолетние члены их семей, а также защитники и адвокаты.

Завершающей стадией производства выемки является составление протокола следственного действия, в котором указывается ряд важных элементов, таких как: в каком месте и при каких обстоятельствах были изъяты предметы, документы или ценности, выданы они добровольно или изъяты принудительно. Все изымаемые предметы, документы и ценности должны быть перечислены с точным указанием их количества, меры, веса, индивидуальных признаков и по возможности стоимости.

В обязательном порядке копия протокола выемки вручается лицу, в помещении которого было произведено следственное действие, либо совершеннолетнему члену его семьи. Если выемка производилась в помещении организации, то копия протокола следственного действия вручается под расписку представителю администрации соответствующей организации.

В настоящее время, как отмечается некоторыми учеными [5, с. 253; 6, с. 295], законодателем значительно усложнена процедура производства выемки. Так, например, ранее не требовалось предварительного разрешения судебных инстанций на производство данного следственного действия в жилых помещениях. Как правило, органы предварительного расследования, получали лишь предварительную санкцию органов прокуратуры. Однако, как показывает современная практика, суд может и не удовлетворить ходатайство о проведении следственного действия, не только в том случае, когда сведения не подлежат

рассмотрению в конкретном уголовном деле, но и в том случае если в нем не содержится достаточных данных для его удовлетворения, а именно [7, с. 74]:

- какие конкретные документы подлежат изъятию;
- в чём заключается необходимость выемки этих документов при расследовании уголовного дела;
- что послужило выводом о том, что сведения содержатся именно в указанной организации (обязательно с указанием адреса и местоположения данной организации);
- сведения о лице, в отношении которого проводится выемка;
- указания стадии расследования уголовного дела.

Таким образом, резюмируя вышеизложенные аспекты, касающиеся производства выемки в современном российском уголовном судопроизводстве, отметим, что, во-первых, с организационно-тактической стороны механизм производства выемки состоит из следующих стадий: вынесение мотивированного постановления следователя о производстве выемки (при необходимости – получения судебного разрешения), производство следственного действия с соблюдением требований и условий, закрепленных в нормах уголовно-процессуального законодательства, составление протокола следственного действия.

Во-вторых, выемка, проведенная с нарушением установленного процессуального порядка и законодательства о производстве следственных действий, а также при отступлении от важных тактических условий производства выемки, влечет за собой соответственно, незаконность данного следственного действия и признание результатов, полученных в ходе его проведения, недопустимыми доказательствами по уголовному делу при расследовании преступлений.

-
1. Смагин П.Г. К вопросу о выемке и осмотре электронных сообщений между несовершеннолетними в социальных сетях // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2018. № 1 (5). С. 139–143.
 2. Грибунов О.П., Чаплыгина В.Н. Содержание оснований для производства следственных действий в уголовно-процессуальном законодательстве России // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2018. № 3. С. 68–73.
 3. Флоря Д.Ф. Проблемы проведения отдельных следственных действий органами дознания // Наука и практика. 2016. № 2 (67). С. 102–04.
 4. Колычева А.Н. К вопросу обеспечения мер сохранности имущества и жилища следователем при расследовании преступлений // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10, № 3. С. 141–146.
 5. Яшунин М.А., Афонин В.В. Выемка в уголовном процессе: содержание и порядок производства // Будущее науки-2021: сборник научных статей 9-й Международной молодежной научной конференции. Курск, 2021. С. 253.
 6. Чаплыгина В.Н., Ситдикова Г.З. Тенденции совершенствования института следственных действий // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: Всероссийская научно-практическая конференция, Орел, 27 мая 2016 года. Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2016. С. 294–298.

7. Оровер В.А. Обыск и выемка: (процессуальная регламентация и технико-криминалистическое обеспечение): монография. Владивосток, 2015. С. 74.

Ключевые слова: выемка, расследование преступлений, следователь, решение, изъятие.

УДК 343.9

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЮ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ УЧАСТНИКАМИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Муллахметова Наталья Евгеньевна,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры организации судебной и прокурорской деятельности,

Смоленский государственный университет,

214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4

В статье рассматривается проблема злоупотребления процессуальными правами участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты и обвинения. Автор приводит наиболее распространенные на практике ситуации использования обвиняемым, защитником, потерпевшим своих процессуальных прав в целях затягивания процесса, причинения вреда законным интересам других участников, а также предлагает некоторые процессуальные средства противодействия такому недобросовестному поведению.

В последние десятилетия уголовный процесс развивается по пути усиления гарантий защиты прав и законных интересов его участников на основе конституционного принципа состязательности. Однако у такого в целом позитивного направления в законотворческой деятельности есть и обратная сторона: возможность злоупотребления процессуальными правами, т.е. их использование вопреки предназначению и с намерением причинить вред охраняемым законом правам и интересам других лиц. В последние годы этому явлению в правоприменении учеными-процессуалистами уделяется много внимания, исследуются теоретические и практические аспекты пределов осуществления процессуальных прав, условий их ограничения с учетом положений ч. 3 ст. 17 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Так, существенный вклад в разработку данной темы внесли научные публикации, подготовленные по результатам исследования, проведенного в 2016–2017 годах при поддержке РФФИ коллективом авторов, включая О.И. Андрееву, В.Н. Григорьеву, О.А. Зайцева, Т.В. Трубникову [1].

В словарях понятие «злоупотребление» определяется как проступок, состоящий в незаконном, преступном использовании своих прав, возможностей [2]. Но применительно к судопроизводству оно толкуется иначе: это сознательное поведение лица, которое осуществляется в процессе правомерной реализации им процессуальных прав вопреки их смыслу, природе и назначению, причиняющее или способное причинить вред другим участникам процесса, обществу, государству [3, с. 30]. При этом нельзя отождествлять злоупотребление

процессуальными правами с невыполнением участниками судопроизводства обязанностей, предусмотренных УПК РФ. Хотя эти ситуации тоже связаны с недобросовестным поведением субъектов уголовно-процессуальных отношений и могут обуславливать применение мер процессуального принуждения – применение принудительного привода в случае неявки без уважительной причины, мер пресечения, наложение денежного взыскания. Но все же для того, чтобы деяние могло рассматриваться как злоупотребление правом, должно присутствовать само субъективное право.

Очевидно, что проявлять недобросовестность могут все участники уголовного процесса, как правоприменители, так и потерпевшие, защитники, обвиняемые. При этом границы реализации полномочий четко определены законом для первой категории участников (должностных лиц, ведущих уголовной процесс). К правовым последствиям нарушения процессуальной формы, превышения и злоупотребления властными полномочиями относится наступление уголовной ответственности по ст. 285, 286, 303 Уголовного кодекса РФ, признание доказательств недопустимыми, принятие мер прокурорского реагирования (внешение требований об устранении законодательства, отмена незаконных и необоснованных постановлений, возврат дела на дополнительное расследование и др.) в соответствии с положениями УПК РФ, а также реабилитация в уголовном судопроизводстве (гл. 18 УПК РФ).

Для остальных участников, не являющихся правоприменителями, юридические механизмы предупреждения недобросовестного использования процессуальных прав проработаны не достаточно, и это приводит к нарушению разумного срока судопроизводства, а в ряде случаев и вовсе исключает справедливое разрешение уголовного дела.

Анализ судебной и следственной практики показывает, что наиболее распространенными вариантами злоупотребления процессуальными правами стороной защиты являются затягивание сроков ознакомления с материалами дела [4], заявление, в том числе неоднократное, заведомо не обоснованных ходатайств, отводов, уклонение от получения извещений, требование предоставления переводчика в случае, когда на самом деле лицо владеет русским языком [5]. Это делается с целью добиться истечения срока давности уголовного преследования, предельных сроков действия меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста. Встречаются случаи, когда при злоупотреблении правами стороной защиты осужденными подается административный иск о компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок. Так, в уголовном деле по обвинению Б. объем протокола судебного заседания составил 23 486 страниц и был сформирован в тома – с 573 по 679. Б. неоднократно нарушал график ознакомления с материалами уголовного дела, отказывался подниматься в зал для продолжения ознакомления с делом после перерывов, по своей инициативе заканчивал ознакомление раньше установленного времени. Суд признал это злоупотреблением правом и отказал в удовлетворении административного иска [6].

Если говорить о злоупотреблении правами потерпевшим, то это может быть подача заявления по делу частного обвинения без намерения в дальнейшем поддерживать это обвинение, а с целью свести с обидчиком личные счеты. Можно встретить и еще одну достаточно необычную форму недобросовестного

поведения потерпевших: заявление ходатайств о наложении ареста на собственное имущество чтобы создать препятствия к исполнению вступившего в силу решения суда по проигранному им гражданскому делу [7]. Такое, конечно, становится возможным только при принятии соответствующих процессуальных решений следователем, судом и связано с неправильным применением норм о наложении ареста на имущество.

Несмотря на отсутствие законодательной дефиниции злоупотребления правом в УПК РФ, в нем содержатся нормы, направленные на противодействие недобросовестному поведению участников. Во-первых, это положения ч. 3 ст. 217 УПК РФ о возможности установления судом срока для ознакомления с делом при явном затягивании этого процесса. Во-вторых, это ч. 5 ст. 292 и ч. 2 ст. 293 УПК РФ о праве суда останавливать участников судебных прений, а также подсудимого в последнем слове, если они затрагивают обстоятельства, не имеющие отношение к рассматриваемому уголовному делу, или доказательства, признанные недопустимыми. В-третьих, на недобросовестного потерпевшего по делу частного обвинения может быть возложена обязанность возместить вред лицу, подвергнутому незаконному уголовному преследованию (см. правовую позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в Постановлении от 17.10.2011 № 22-П). Кроме того, согласно ч. 3 ст. 249 УПК РФ неявка частного обвинителя в судебное заседание без уважительных причин влечет прекращение уголовного дела в связи с отсутствием заявления потерпевшего (п. 5 ч. 1 ст. 24 УК РФ).

Полагаем, что можно предусмотреть в УПК РФ и другие средства противодействия злоупотреблению правом. Так, например, в гражданском процессе есть предложение отказывать в применении срока исковой давности, если имело место злоупотребление правом со стороны ответчика [8]. В уголовном процессе в качестве процессуальной санкции за недобросовестное поведение стороны защиты можно было бы также не применять правило о сроке давности уголовного преследования. Нельзя забывать и о возможности вынесения судом частных определений и постановлений в случаях выявления судом нарушений законодательства, прав и свобод граждан (ч. 4 ст. 29 УПК РФ). Тогда будет разумно закрепить законодательно запрет на злоупотребление правами и раскрыть его самые распространенные формы.

1. Андреева О.И., Григорьев В.Н., Зайцев О.А., Трубникова Т.В. Злоупотребление правом, его предупреждение и пресечение в уголовном процессе России: некоторые итоги исследования // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 6. С. 914–924.

2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-10111.htm> (дата обращения: 04.04.2025).

3. Даровских С.М. О совершенствовании порядка установления факта злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 30–34.

4. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 77-484/2025 от 05.02.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Алексеенко А.А., Шабанов В.Б. Злоупотребление обвиняемыми правом на предоставление переводчика: проблемы следственной деятельности и пути их решения // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 1 (35). С. 49–51.
6. Решение Верховного Суда Рос. Федерации от 07.05.2024 № АКПИ24-291. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Машинникова Н.О. «Злоупотребление правом» потерпевшего в рамках уголовного процесса. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-pravom-poterpevshim-v-ramkah-ugolovnogo-protsesssa/viewer> (дата обращения: 04.04.2025).
8. Власов А.А., Двалишвили Л.З. Недобросовестность ответчика как основание неприменения судом срока исковой давности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. Вып. 4. С. 1056–1068.

Ключевые слова: злоупотребление процессуальными правами, уголовный процесс, участники уголовного судопроизводства, разумный срок уголовного судопроизводства.

УДК 343.1

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ СО СТРУКТУРНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОВД И ИНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Назарова Мария Денисовна,

кандидат юридических наук,

преподаватель кафедры криминалистики

и предварительного расследования в ОВД,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,

302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В рамках настоящей статьи проводится краткий анализ субъектов взаимодействия со следователем при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними. По мнению автора, в качестве взаимодействующих субъектов могут выступать как ведомственные подразделения Органов внутренних дел, так и иные организации.

Ежегодно уровень преступности несовершеннолетних имеет достаточно высокие показатели. Так, в 2024 году зарегистрировано 26 398 преступлений – совершенных несовершеннолетними либо с их участием [1].

Эффективность и быстрота расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними прежде всего коррелирует с качеством взаимодействия как на внутриведомственном уровне, так и с иными организациями (*например, с образовательными организациями*).

Специфика взаимодействия при расследовании преступлений, совершенных, рассматриваемой категорией лиц, заключается в том, что круг взаимодей-

ствующих субъектов состоит не только из «традиционных» подразделений, таких, как оперативно-розыскные подразделения и экспертно-криминалистические, но и взаимодействие обязательно включает подразделения по делам несовершеннолетних (далее – ПДН), а также с иные подразделения и структуры государственных органов [2, с. 56].

Оперативные подразделения – это подразделения, с которыми следователь осуществляет взаимодействие при расследовании практически каждого уголовного дела, находящегося у него в производстве. Поэтому направления и формы взаимодействия при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними, каких-либо принципиальных отличительных особенностей не имеют, в связи с чем подробно останавливаться на них нет необходимости, следует осветить лишь задачи такого взаимодействия.

Оперативно-розыскные подразделения ОВД в процессе взаимодействия нацелены на решение следующих задач:

- выявление и раскрытие преступлений, совершенных несовершеннолетними, а также установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;
- установление групп несовершеннолетних правонарушителей, в том числе случаев, когда подростки становятся участниками организованных преступных групп или преступных сообществ, и принятие мер профилактики совершения ими преступлений;
- выявление взрослых, вовлекающих подростков в совершение преступлений, применение к ним предусмотренных российским законодательством мер воздействия [3, с. 120];
- осуществление розыска несовершеннолетних, скрывшихся от органов предварительного расследования.

При расследовании уголовного дела в отношении несовершеннолетнего лица добавляется еще один субъект внутриведомственного взаимодействия, а именно ПДН, которое, в свою очередь обязано:

- при возбуждении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в течение установленного действующим законодательством срока предоставлять лицу, в производстве которого находится уголовное дело подробную справку о несовершеннолетнем, который состоял либо же состоит на учете в органах ПДН;
- проводить работу, направленную на выявление лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений;
- в рамках своей компетенции и в соответствии с нормами действующего законодательства исполнять поручения следователя либо дознавателя;
- производить обследование условий жизни и воспитания несовершеннолетнего, привлекаемого к ответственности и т.д. [4]

Перечень форм и направлений взаимодействия следователя с подразделениями ПДН не является исчерпывающим ввиду того, что каждое уголовное дело является – индивидуальным, и выбор направлений и форм будет зависеть от сложившейся в ходе его расследования ситуации [5, с. 48].

В качестве еще одного взаимодействующего субъекта можно выделить экспертные подразделения. Эксперт-криминалист может оказывать содействие следователю по работе со следами на месте преступления, совершенного несо-

вершеннолетним, а также производить первоначальные исследования изъятых с места происшествия следов и объектов, а в последующем уже непосредственно давать экспертные заключения. Помимо перечисленного экспертные подразделения могут оказывать консультативную помощь следователю по вопросам: выдвижения версий на первоначальном этапе расследования; подготовки к производству следственных действий; использования учетно-регистрационных систем экспертных подразделений [6, с. 143].

Помимо ведомственных подразделений, лицо, осуществляющее предварительное расследование в отношении несовершеннолетнего может взаимодействовать с образовательными организациями. Предметом такого взаимодействия будет являться – получение характеризующих сведений о личности несовершеннолетнего, привлекаемого к ответственности [7, с. 40]. Помимо этого, педагогические работники образовательных организаций могут быть приглашены для участия в качестве – «педагога» при производстве следственных действий, а в случаях, когда несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый) является сиротой и находится на попечении государственной организации, то ее представитель при предоставлении доверенности, будет выступать в качестве законного представителя при производстве предварительного расследования [8, с. 212].

Резюмируя вышесказанное можно сделать следующие выводы:

1) взаимодействие при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними, осуществляется, как на внутриведомственном уровне, так и с иными государственными органами;

2) к государственным органам следует относить образовательные организации, в которых несовершеннолетний преступник проходит обучение (*школа, техникум и т.д.*), либо же в которых проживает (*к примеру, детский дом*).

-
1. Состояние преступности в России / МВД России ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». С. 54.
 2. Чаплыгина В.Н., Иванюшин Д.В. Особенности расследования уголовных дел по преступлениям, связанным с суицидальными действиями несовершеннолетних при использовании ими социальных сетей // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова. 2020. № 1 (82). С. 56–64.
 3. Семенов Е.А., Кузьменко Е.С. Особенности применения мер принуждения в отношении несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых) // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 1 (90). С. 116–122.
 4. Сафонова Ю.С., Шавкарова Е.Е. Особенности организации расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними: учебное пособие. Волгоград, 2018.
 5. Чаплыгина В.Н. Особенности расследования преступлений с участием несовершеннолетних, связанные с выяснением условий их воспитания // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2021. № 1. С. 46–50.
 6. Пупцева А.В. Особенности взаимодействия следователя с сотрудниками оперативных и экспертных подразделений при расследовании преступлений, со-

вершенных несовершеннолетними // Вестник Волгоградской академии МВД России, 2019. С. 140–145.

7. Колмыков И.А. Работа с трудными подростками и особенности надления их уголовно-процессуальным статусом потерпевшего // Актуальные вопросы педагогики: сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции. Анапа, 2023. С. 39–43.

8. Морозова Н.В. Особенности производства следственных действий с участием несовершеннолетних // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 1 (94). С. 211–219.

Ключевые слова: несовершеннолетние, производство по делам в отношении несовершеннолетнего, субъекты взаимодействия, подразделения по делам несовершеннолетних.

УДК 343.1

ВРАЧ КАК ЛИЦО, ОКАЗЫВАЮЩЕЕ СОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЮ В ОБНАРУЖЕНИИ, ЗАКРЕПЛЕНИИ И ИЗЪЯТИИ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Покотиленко Наталья Алексеевна,

*преподаватель кафедры специальной подготовки,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

Якубина Юлия Павловна,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

Статья посвящена вопросам участия врача в производстве следственных действий. Отмечено, в каких случаях привлекают врача для содействия следователю в раскрытии и расследовании преступлений, в том числе на месте происшествия в целях обнаружения, закрепления и изъятия предметов, документов, которые в перспективе могут быть использованы как вещественные доказательства.

В теории уголовного процесса принято считать, что следственные действия – это процессуальные действия, при помощи которых обнаруживаются, проверяются и закрепляются доказательства.

Система следственных действий достаточно эффективная для обеспечения выполнения назначения уголовного судопроизводства.

Самым распространенным следственным действием по уголовным делам выступает осмотр. Сущность осмотра заключается в том, что это следственное действие, состоит в непосредственном обследовании с помощью зрительных ор-

ганов, а также других органов чувств соответствующих объектов в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

В специальной процессуальной литературе выделяют следующие виды осмотра: осмотр места происшествия; осмотр жилища; осмотр предметов и документов; осмотр транспортного средства; осмотр местности; осмотр помещения; осмотр трупа; осмотр животного.

Производится осмотр при наличии сведений (фактических данных) о совершенном преступлении; изменена обстановка в связи с совершенным преступлением; значение имеет обстановка на местности или в помещении для установления обстоятельств по делу.

В случаях, не терпящих отлагательства, осмотр может быть произведен в рамках проверки материалов, т.е. до возбуждения уголовного дела, а именно осмотр места происшествия, трупа, осмотр документов и предметов (ч. 2 ст. 176 УПК РФ).

Решение о производстве осмотра не требует вынесения специального постановления, за исключением случаев осмотра жилища помимо воли проживающих в нем лиц – требуется судебное решение. Порядок производства осмотра регламентируется законом (УПК РФ), процессуально оформляется путем вынесения (составления) протокола осмотра. Участие понятых – по усмотрению следователя либо применение технических средств (если осмотр производится в условиях опасных для жизни лица).

Для содействия следователю в следственных действиях на место происшествия приглашают специалиста в области судебной медицины, а при отсутствии такого специалиста привлекают врача, не заинтересованного в исходе уголовного дела.

Согласно норме уголовно-процессуального закона следователь вправе привлечь к участию в следственном действии специалиста. Перед началом следственного действия следователь удостоверяется в его компетентности, выясняет его отношение к подозреваемому, обвиняемому и потерпевшему, разъясняет специалисту его права и ответственность (ст. 168 УПК РФ) [1].

Следователь вправе производит осмотр трупа с участием судебно-медицинского эксперта, а при невозможности его участия – врача. При необходимости для осмотра трупа могут привлекаться другие специалисты [1]. Эксгумация и осмотр трупа производятся с участием лиц судебно-медицинского эксперта или врача. Осмотр трупа может быть произведен до возбуждения уголовного дела (ст. 178 УПК РФ) [1]. При освидетельствовании лица другого пола следователь не присутствует, если освидетельствование сопровождается обнажением данного лица. В этом случае освидетельствование производится врачом (ст. 179 ч. 3 УПК РФ) [1].

Судебная экспертиза производится государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями (ст. 195 УПК РФ) [1]. В необходимых случаях получение образцов производится с участием специалистов. Если получение образцов для сравнительного исследования является частью судебной экспертизы, то оно производится экспертом (ст. 202 УПК РФ) [1]. В процессе помещения в медицинскую организацию, ока-

зывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства судебной экспертизы участвует специалист (врач) (ст. 203 УПК РФ) [1].

Врача на место происшествия привлекают для проведения: детального осмотра места происшествия в целях обнаружения следов совершенного преступления, а также в целях получения пояснения по фактически обнаруженным обстоятельствам с занесением информации в материалы дела; освидетельствование лиц, находящихся на месте преступления, в том числе потерпевшего, подозреваемого, после получения согласия – свидетеля, и обвиняемого в целях установления наличия на теле каждого участника особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела. Более того, в некоторых случаях производится обнажение лица, а в соответствии со ст. 179 и 290 УПК РФ, оно может производиться врачом [1]; в целях проверки особо значимых для дела сведений и для проведения следственного эксперимента, а также для проведения определенных действий по установлению обстоятельств, которые могут восстановить картину произошедших событий, получить дополнительную информацию об обстоятельствах совершения преступления, который может быть произведен в соответствии со ст. 181 и 288 УПК РФ с привлечением специалистов, экспертов и свидетелей [1]; в целях сбора образцов (слюна, сперма, кровь) и дальнейшего проведения исследований по сравнению результатов у свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых, иных лиц в случаях, если возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на вещественных доказательствах, следует упомянуть о том, согласно ст. 202 УПК РФ, что сбор образцом может происходить с участием дополнительного эксперта [1].

Специалист содействует следственному органу в эффективном изъятии, закреплении и обнаружении доказательств, обращает внимание на различные ситуации, результатом которых могут быть определенные поступки, а также предоставляет надлежащие разъяснения.

Рассмотрим более детально некоторые следственные действия, в которых участие врача предусмотрено законом.

Проведение осмотра места происшествия является первоочередным мероприятием следственных действий. Разновидностью осмотра как следственного действия в теории уголовного процесса рассматривают отдельно осмотр. При необходимости проведения осмотра на месте преступления трупа, его описания, установки фактически сложившихся обстоятельств, обнаружения дополнительных следов, в том числе в целях сохранения следов биологического происхождения, следователь может привлечь эксперта в области судебной медицины, а при отсутствии такой возможности, привлечь врача.

Врачебная деятельность определяется «Правилами работы врача-специалиста в области судебной медицины при наружном осмотре трупа на месте его обнаружения (происшествия)». Ввиду невозможности проведения детального осмотра на месте преступления, труп осматривается в морге, а при обычных обстоятельствах – сразу же на месте происшествия [2].

Основными задачами врача при осмотре трупа являются: обнаружение признаков, которые указывают на ориентировочное время и причины наступления смерти, наличие ранений, их характер и вид, сбор иных сведений, которые касаются совершенного преступления; оказывать всестороннее содействие следственной группе в обнаружении, изъятии и сохранении следов преступления и биологических следов на них; помогать следователю записывать в полном объеме описание в протоколе результатов осмотра трупа, с применением специализированной медицинской терминологии, указывать на обнаруженные следы преступления (которые в дальнейшем могут быть признаны как вещественные доказательства) и выявленные на них биологические следы; обращать внимание следственной группы на любые, даже самые незначительные детали случившегося происшествия с целью обнаружения всех «мелочей» ценных для расследования данного дела; предоставлять и разъяснять информацию по проводимым действиям.

По результатам исследования трупа врач при необходимости отвечает на дополнительные вопросы следователя, такие как: точное время наступления смерти, менялось ли положение тела, имеются ли дополнительные внешние повреждения, чем они были нанесены и в том ли месте, где обнаружено тело, вероятная причина смерти. Врач может отвечать в том числе и на иные вопросы следователя при соблюдении условия о наличии необходимой компетенции врача для ответа на поставленные вопросы без необходимости проведения иных лабораторных исследований. Мнение врача, исключительно основанное на изучении трупа по внешнему виду, представляет собой предположение и не является экспертным заключением.

Поиск предметов, использованных для совершения преступления, а также следов крови, спермы, слюны и иных выделений является важным действием на месте происшествия. Поиск необходимо осуществлять с учетом особенностей обстоятельств в процессе осмотра места происшествия. При обнаружении следов можно обнаружить оставшиеся в результате кровотечения иные следы преступления, во время детального осмотра повышается вероятность их обнаружения в «скрытых местах», а именно подногтевом пространстве верхних конечностей трупа. Также необходимо обращать внимание на наличие изменений в видимом цветовом спектре цвета пятен крови, которые находятся на темном или многоцветном фоне. Кровь способна принимать оттенки черного, зеленоватого, розового, желтоватого при стечении определенных обстоятельств. На месте преступления возможно нахождение значительного количества крови – «лужи крови», указывающего на расположение тела человека после возникновения кровотечения и свидетельствующего о месте наступления смерти.

При поиске следов от спермы акцентируют внимание на неровные очертания, плотную текстуру, окрас пятен особенно на впитывающих тканях.

Для обнаружения слюны, мочи и иных выделений применяется люминесценция, для выявления волос проводят осмотр орудия преступления, трупа, его одежды, автотранспорта и др.

Задача врача состоит в помощи следователю в изъятии предметов (вещественных доказательств) с биологическими следами с целью дальнейшего судебно-медицинского исследования и при этом, необходимо соблюдать следующие

щие правила [3, с. 342]: вещи и другие незначительные по величине вещественные доказательства изымают полностью; из массивных предметов производят выемку части элемента с сомнительными следами для того, чтобы не утратить и сберечь весь след с места происшествия; в случае, если отсутствует возможность изъять вещественные доказательства в полном объеме, то сомнительное пятно после того как произведена его фотосъемка, выскабливают или смывают мокрой тканью которую в дальнейшем просушивают при естественном освещении и комнатной температуре; если следы крови необходимо изъять со снега, то их помещают на ткань, которую после просушивают.

Все следы преступления, которые в дальнейшем могут быть признаны как вещественные доказательства, помещают в разные пакеты или емкости, для того чтобы обеспечить надежное сохранение всех изъятых следов и не допустить утери собранных вещественных доказательств.

Подводя итог, можно отметить, что врач играет не маловажную роль в следственных действиях, так как от его компетенции зависит эффективность проведения расследования и раскрытия преступления, его профессиональные знания, опыт и навыки содействуют следователю в обнаружении, закреплении и изъятии вещественных доказательств [3, с. 343] на месте происшествия.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. от 20.03.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов: науч.-практич. пособие / под ред. Т.В. Аверьяновой, В.Ф. Статкуса. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011.
3. Прошляков А.Д. Уголовный процесс: учебник / под ред. А.Д. Прошлякова, В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. 888 с.

Ключевые слова: уголовный процесс, расследование, врач, осмотр, место происшествия, вещественные доказательства, следственные действия, преступление, следователь.

УДК 343.1

О МОДЕРНИЗАЦИИ ФОРМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Прохорова Екатерина Александровна,

кандидат юридических наук, доцент,

докторант факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров,

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,

117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

Статья посвящена отдельным аспектам модернизации формы уголовно-процессуального права в Российской Федерации. Исследуются преобразования,

касающиеся способов закрепления уголовно-процессуальных норм: изменения существующих, появления новых, а также реорганизации их системы.

Постсоветский период развития нашего государства характеризуется серьезными переменами в правовой сфере, в том числе модернизацией формы уголовно-процессуального права, состоящей в преобразованиях системы способов закрепления уголовно-процессуальных норм.

Соответствующие изменения, прежде всего, касаются официальных актов, отнесение которых к источникам уголовно-процессуального права сомнений не вызывает (Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ), уголовно-процессуальный закон, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры), и связаны с обновлением законодательства и некоторыми новшествами в регламентации правовой основы уголовного судопроизводства. Сами по себе они не затрагивают основных качественных характеристик формы уголовно-процессуального права, к которым, как и в советский период, относятся законодательный уровень уголовно-процессуального регулирования и особая роль кодифицированного уголовно-процессуального закона (ст. 1, 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)).

Новым способом закрепления уголовно-процессуальных норм в современной России являются решения Конституционного Суда Российской Федерации.

Трансформация отношения к уголовно-процессуальному правотворчеству Конституционного Суда Российской Федерации, ранее оцениваемому как подмена законодателя [1; 2, с. 99; 3, с. 16 и др.] и выход за рамки полномочий [4, с. 61 и др.], связана с формированием комплекса оснований не только фактического, но и правового характера для признания решений высшего судебного органа конституционного контроля источниками уголовно-процессуального права.

Во-первых, в практике Конституционного Суда Российской Федерации отмечается значительный рост количества дел, касающихся уголовно-процессуального законодательства, и повышение их удельного веса в общем количестве дел¹. Каждое пятое или шестое дело из рассматриваемых Конституционным Судом Российской Федерации касается уголовно-процессуального законодатель-

¹ Если в 1995 году Конституционным Судом Российской Федерации было вынесено всего три решения по вопросу соответствия уголовно-процессуального закона Конституции РФ, а в 1996 году – всего четыре таких решения, то с каждым годом это количество растет и в 2005 году уже составило 103, в 2012 – 411, в 2015 – 678, в 2022 – 752. Удельный вес таких решений в общем количестве выносимых Конституционным Судом Российской Федерации решений в 1995 году составлял всего 3,75 % (3 из 80), в 1998 году этот показатель «перешагнул» рубеж в 10 %, а в 2004 году – 20 %. В среднем за весь период деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, начиная с принятия Конституции РФ 12 декабря 1993 года по август 2024 года, удельный вес решений по вопросам уголовно-процессуального законодательства составляет 17,5 % (См.: Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/extsearch.aspx> (дата обращения: 15.08.2024)).

ства, что значительно выше аналогичных показателей других отраслей отечественного законодательства¹.

Во-вторых, Конституционный Суд Российской Федерации осуществляет слишком свободное истолкование норм Конституции РФ и УПК РФ, далекое от текстуального выражения их смысла, по сути сводящееся к созданию новых уголовно-процессуальных норм прямым² либо косвенным³ способами.

Если истолкование норм, закрепленных Конституцией РФ, в виду их общего характера связано с разъяснением и конкретизацией их смысла применительно к тем или иным вопросам уголовного судопроизводства, то истолкование норм, закрепленных в УПК РФ, отличающихся высокой степенью детализации, возможно, в основном, за счет изменения их буквального смысла и наделения их смыслом несомненно более значимым и важным – конституционно-правовым, но не вытекающим из формулировок предписаний уголовно-процессуального закона.

В-третьих, решения Конституционного Суда Российской Федерации признаются источниками права правоприменителем, который не только руководствуется в своей деятельности сформулированными Конституционным Судом РФ правовыми позициями, но и ссылается непосредственно на них, а не на соответствующие статьи Конституции РФ и УПК РФ.

В-четвертых, в связи с принятием Федерального конституционного закона от 28.12.2016 № 11-ФКЗ [5] произошли некоторые изменения в регламентации вопроса об обязательности решений Конституционного Суда Российской Федерации для правоприменителя в широком смысле (в отношении будущих решений), в связи с чем можно вести речь о появлении правового основания для признания их источниками уголовно-процессуального права.

«Нововведения» в данном вопросе состоят, в первую очередь, в прямом указании на запрет применения, реализации закона или его отдельных положений

¹ Общее количество решений, вынесенных за обозначенный период Конституционным Судом Российской Федерации составило 51 343, из них 8 998 (17,5 %) – по вопросам уголовно-процессуального законодательства, 7 086 (13,8 %) – по вопросам гражданского процессуального законодательства, 6 067 (11,8%) – по вопросам гражданского законодательства, 3 027 (5,89 %) – по вопросам уголовного законодательства, 2 872 (5,59 %) – по вопросам административного и административного процессуального законодательства, 1 743 (3,39 %) – по вопросам арбитражно-процессуального законодательства и т.д. (См.: Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/extsearch.aspx> (дата обращения: 15.08.2024)).

² Прямой способ состоит в том, что в резолютивной части постановления Конституционного Суда Российской Федерации, помимо вывода о конституционности или неконституционности соответствующей статьи УПК РФ, формулируется решение о том, что впредь, до внесения изменений в законодательство, правоприменителю надлежит руководствоваться правилом, предложенным Конституционным Судом Российской Федерации.

³ Косвенный способ формулирования уголовно-процессуальных норм Конституционным Судом Российской Федерации состоит в том, что такая норма является «завуалированной», «спрятанной» в рассуждениях, изложенных в резолютивной или мотивировочной части.

ний, которые были признаны не соответствующими Конституции РФ, а также на запрет руководствоваться ими, в то время, как в предыдущей редакции такой запрет «выводился» из правила об утрате законом юридической силы.

Кроме того, соответствующие обязательства теперь возложены на правоприменителя не только в случае, когда закон или его отдельные положения признаются не соответствующими Конституции РФ, но и в случае, когда закон или его отдельные положения признаются соответствующими Конституции РФ в данном Конституционным Судом Российской Федерации истолковании.

И, наконец, несмотря на то, что с точки зрения выражения правовых предписаний возлагаемые на правоприменителя в указанных выше двух случаях обязательства сформулированы одинаково, через конструкции «не допускается», «не вправе», то есть в виде запрета, фактически они различаются: в первом случае обязательность решений Конституционного Суда Российской Федерации производна от его функции «негативного» законодателя, а во втором – «позитивного» законодателя.

Если Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации нормативный акт или отдельные его положения признаны не соответствующими Конституции РФ, правоприменитель не вправе применять и реализовывать каким-либо иным способом закон или его отдельные положения и руководствоваться ими, а если Постановлением Конституционного Суда РФ нормативный акт либо отдельные его положения признаны соответствующими Конституции РФ в данном Конституционном Судом РФ истолковании, правоприменитель не вправе применять и реализовывать каким-либо иным способом закон или его отдельные положения в ином истолковании, а также руководствоваться этим законом или его отдельными положениями в ином истолковании, что фактически сводится к обязательности этого истолкования.

А учитывая, что в результате такого истолкования закон наделяется новым смыслом (конституционно-правовым), который, как отмечалось выше, может даже не соответствовать букве закона, логично предположить, что изложенное означает обязательность создаваемых таким путем Конституционным Судом Российской Федерации уголовно-процессуальных норм.

Уголовно-процессуальное правотворчество Конституционного Суда Российской Федерации оказало существенное влияние на всю систему источников отечественного уголовно-процессуального права.

Решения Конституционного Суда Российской Федерации «вклинились» в эту систему, нарушив ее относительную стройность и понятность.

Поскольку УПК РФ не регламентирует данную систему должным образом, как подобает кодифицированному нормативному правовому акту, ее осознание во многом происходит с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, который в ряде своих решений фактически определил новые правила взаимосвязи и взаимодействия элементов этой системы.

Произошло изменение системообразующих связей между источниками уголовно-процессуального права и перераспределение их роли в уголовно-процессуальном регулировании, что особенно ярко проявляется в вопросах непосредственного применения Конституции РФ при производстве по уголовным делам, соотношения Конституции РФ и общепризнанных принципов и норм

международного права и международных договоров Российской Федерации в уголовно-процессуальном регулировании, соответствия УПК РФ принципам кодификации, разграничения федеральных конституционных законов и федеральных законов, соотношения федеральных законов с уголовно-процессуальным законом.

Таким образом, модернизация формы уголовно-процессуального права представляет собой комплекс преобразований, состоящих в изменениях традиционных, появлении новых способов закрепления уголовно-процессуальных норм и реорганизации их системы.

1. Божьев В.П. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации // Российская юстиция. 2000. № 10. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Чевтайкина П.С. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник российского уголовно-процессуального права // Правовые проблемы укрепления российской государственности / ответственные редакторы М.К. Свиридов, Ю.К. Якимович; под редакцией О.И. Андреевой, И.В. Чадновой. Ч. 59. Томск: Издательство Томского университета, 2013. С. 96–100.
3. Якимович К.Ю. Источники уголовно-процессуального права // Закон и право. 2015. № 8. С. 15-20.
4. Воронов Д.А. Актуальные вопросы назначения, принципов и источников уголовно-процессуального права // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2010. № 1 (18). С. 59–62.
5. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Федер. конституционный закон Рос. Федерации от 28.12.2016 № 11-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 1 (ч. I), ст. 2.

Ключевые слова: форма уголовно-процессуального права, модернизация, способы закрепления уголовно-процессуальных норм, решения Конституционного Суда Российской Федерации, уголовно-процессуальный закон.

УДК 343.1

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШЕННЫМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Пятибратова Наталья Дмитриевна,

кандидат юридических наук,

профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин,

Университет прокуратуры Российской Федерации,

117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, к. 1

В статье рассматриваются основные элементы криминалистической характеристики преступлений, совершаемых несовершеннолетними, в частности личность преступника.

Личность преступника – важнейший элемент криминалистической характеристики преступлений. Сказанное актуально, в том числе, и для преступлений, совершенных несовершеннолетними [1, с. 43–46]. В целом личность несовершеннолетнего преступника, как элемент криминалистической характеристики, определяется совокупностью криминалистически значимых свойств и информации о данном типаже преступников. По мнению И.А. Макаренко, речь идет о совокупности психофизиологических свойств и качеств, мотивационных установок эмоциональной и рациональной сфер человеческого сознания, отразившихся в следах преступления в процессе подготовки, совершения и сокрытия следов преступления, а также его постпреступного поведения [2, с. 10]. Отметим, что в рамках данного элемента необходимо говорить не обо всех сведениях, а только криминалистически значимой информации. То есть определенные качества и свойства личности несовершеннолетнего должны отражаться на конкретных действиях преступника при подготовке, совершении и сокрытии следов преступления. Судебная практика по итогам с 2018-го по 2023 год выделяет следующие характерные черты преступности несовершеннолетних. Обобщение полученных данных за указанный период времени показывает, что для несовершеннолетних, осужденных за совершение преступлений, характерно:

- несовершеннолетние лица являются таковыми на момент вынесения приговора – 68 %;
- лиц, достигших совершеннолетия на момент вынесения приговора – 32 %;
- лиц с неснятыми и непогашенными судимостями на момент совершения преступления – 17 %;
- учащихся и студентов – 69 %;
- лиц, без определенного рода занятий, в т.ч. безработных – 31 %;

Среди осужденных несовершеннолетних преобладают лица, совершившие тяжкие (более 50 %), средней тяжести (23 %) и особо тяжкие (11 %) преступления.

Приведенные статистические данные позволяют сделать несколько выводов о личности несовершеннолетнего преступника.

Во-первых, основной возрастной категорией преступников являются лица в возрасте от 16 до 17 лет. Как пишет И.А. Архипова, «подавляющее большинство криминалистов отмечают высокую криминальную активность лиц в возрасте 16-17 лет» [3, с. 52]. Вместе с тем, сложно не согласиться с мнением криминалистов, которые отмечают стремительное омоложение преступности несовершеннолетних [4, с. 160]. Действительно, все чаще преступниками оказываются лица в возрасте от 14 до 15 лет.

Во-вторых, большая часть несовершеннолетних преступников на момент совершения противоправных деяний находилась в неблагоприятных социальных условиях. Среди конкретных характеристик таких условий видятся: неполные семьи, злоупотребление алкоголем и употребление наркотиков, как самими несовершеннолетними, так и их ближайшим окружением, неуспеваемость или вообще отсутствие факта обучения несовершеннолетнего в какой-либо образовательной организации.

В-третьих, высок уровень рецидива совершения преступлений среди несовершеннолетних. Часто к преступлению приходят несовершеннолетние правонарушители или те, кто состоял на профилактическом учете, что лишь говорит о недостатках современной системы профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Важнейшим признаком, характеризующим личность несовершеннолетнего преступника, является его мотивация. Достаточно подробно о мотивах преступлений несовершеннолетних говорится в монографии М.В. Кардашевой. В рамках своего исследования автор пишет о трех основных мотивах, фигурируемых в преступной деятельности несовершеннолетних [5, с. 35].

Во-первых, это желание самовыражения. Данное желание свойственно подавляющему числу несовершеннолетних. Имеются различные способы реализации данного желания (учеба, спорт, искусство, волонтерская деятельность). Вместе с тем, в определенных ситуациях выбор падает в пользу противоправной деятельности. «Так, в августе 2016 года 17-летний подросток, который имел квалификационный уровень мастера по обработке цифровой информации и обладал навыками программирования, являлся деятельным пользователем сети Интернет, находясь по месту жительства в г. Воронеже, использовал вредоносную компьютерную программу, предназначенную для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации и нейтрализации средств защиты информации, установленную на накопителе на жестких магнитных дисках ноутбука. Подросток выполнил несанкционированные действия в сети Интернет со своего IP-адреса на интернет-ресурс – официальный сайт администрации Курской области. В процессе изучения специалистами ФСБ компьютерной атаки, которую зафиксировала государственная система обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации, определено и зарегистрировано влияние на вышеуказанный сайт с применением специального программного обеспечения» [6].

Во-вторых, это желание получить выгоду материального характера в результате совершения преступления. Данная мотивация детерминирует совершение несовершеннолетними преступлений против собственности. В качестве желаемого преступного результата выступает возможность получить финансовую независимость, свободно распоряжаться собственными деньгами и др.

В-третьих, это желание отомстить. Месть может быть направлена как на непосредственную жертву преступления, так и на окружающих. В последнем случае часто проявляется мотивация на совершение вооруженных нападений на учебные заведения, когда преступник долго время сам был жертвой буллинга со стороны одноклассников.

На личность несовершеннолетнего преступника в значительной степени оказывает влияние специфика его психоэмоционального развития и состояния. Как отмечено в научной литературе «Темперамент, нрав подростков, их вспыльчивость, сложность, разноречивость, эмоции самоуверенности, амбиции, неуравновешенность в поведении, высокая восприимчивость к замечаниям со стороны окружающих, недостаточная критическая оценка личного поведения, а также отсутствие правовых представлений, дополненное в отдельных случаях извращен-

ными моральными убеждениями, частая и резкая перемена настроений при конфликтах могут проявляться в дерзости, грубости, настойчивости, хулиганстве, часто приводящих к преступлениям» [5, с. 25].

Часто свои преступления несовершеннолетние совершают в группе. Это связано с несколькими факторами. Во-первых, несовершеннолетние стремятся к объединению, в этом проявляется специфика развития личности человека в данный возрастной период. Во-вторых, в составе группы совершение преступлений значительно облегчается. В-третьих, находясь в составе группы, подростки обезличивают себя, тем самым снижая «входной порог» готовности к совершению преступного деяния. В научной литературе активное внимание уделяется групповому характеру совершения преступлений несовершеннолетних. М.В. Кардашевская пишет, что «Анализ судебно-следственной практики показал, что к моменту установления группы она функционировала более трех месяцев (более 30 % от всех изученных преступных групп несовершеннолетних). Численность таких групп – от пяти до нескольких десятков подростков, включая и лиц старше 18 лет (28 %), и младше 14 лет» [5, с. 25].

Таким образом, личность несовершеннолетнего преступника отличается следующими основными характеристиками:

1. Возраст от 15 до 17 лет. Вместе с тем, все более существенной является тенденция омоложения несовершеннолетних преступников. Во многом это связано с возрастанием количества преступлений, совершаемых в информационно-телекоммуникационной сети Интернет;
2. Существенный объем преступлений совершается несовершеннолетними из числа находящихся в социально-неблагополучных условиях жизнедеятельности;
3. Мотивация на совершение преступлений связана с желанием самовыражения и самоутверждения, мести, а также получения материальной или иной выгоды;
4. Высокий процент групповой преступности также связан с желанием несовершеннолетних обезличивать свою преступную деятельность, облегчением совершения преступления.

1. Кардашевская М.В., Медведева М.О., Стойчева Т.В. Понятие и содержание криминалистической характеристики преступлений несовершеннолетних // Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт: сборник научных статей преподавателей и адъюнктов кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. М., 2020.

2. Макаренко И.А. Личность несовершеннолетнего обвиняемого как объект криминалистического исследования. М.: Юрлитинформ, 2006.

3. Архипова И.А. Криминалистическая характеристика преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Теория и практика установления лица, совершившего преступление: уголовно-процессуальный, криминалистический, оперативно-розыскной аспект: сборник статей XXI Международной научно-практической конференции, Барнаул, 26 мая 2023 года. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2023.

4. Голубничая Л.С. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника // Амурский научный вестник. 2015. № 1.
5. Кардашевская М.В. Методика расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними: монография. Тб.: Международная электронная библиотека NIION, 2023.
6. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_36/mass-media/news?item=28772348 (дата обращения: 20.03.2025).

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая характеристика преступлений, преступления, совершаемые несовершеннолетними, личность преступника.

УДК 343.1

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ТОЛКОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В МЕДИЦИНСКОЙ СФЕРЕ

Рудов Денис Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент,

заместитель начальника кафедры уголовного процесса,

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,

308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71

Новикова Екатерина Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент,

профессор кафедры уголовного процесса,

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,

308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71

Статья посвящена исследованию вопросов трактования медицинских преступлений в России и за рубежом, проведен анализ зарубежного законодательства относительно возможностей применения мер уголовной ответственности к медицинским работникам. Авторы приходят к выводу относительно различия подходов к пониманию ятрогенных преступлений в России и за рубежом.

Ятрогенная преступность на первый взгляд представляет собой малораспространенное явление в кластере общеуголовной преступности, однако в настоящий момент она наращивает своё значение ввиду банального падения латентности противозаконных действий медицинских работников. Между тем, социальный вред от причинения вреда здоровью и жизни человека (инвалидность, летальные исходы, общее снижение качества жизни) в условиях, где общественное ожидание, напротив, составляет помощь, направленная на улучшение человеческого состояния, представляет собой ущерб интересам не только отдельного человека, пациента, но и общества, и государства в целом, поскольку одним из

приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации является повышение уровня благосостояния и здоровья нации.

Примыкая к романо-германской правовой семье, российская правовая система оформляет границы ятрогенной преступности в кодифицированном уголовном законе, что в свою очередь выступает отличительной особенностью в сравнении с пониманием ятрогении в праве государств англосаксонской семьи. Так, в Германии законом не устанавливаются специализированные нормы, предусматривающие ответственность медицинских работников, они подвергаются санкциям на общих условиях за соответствующие деяния в зависимости от наступивших последствий их деятельности [1, с. 212].

В то же время страны континентальной традиции имеют дифференцированные подходы к преступлениям, совершаемым медицинскими работниками и порядку их расследования [2, с. 114]. Анализируя данный аспект на примере уголовного закона Франции, следует отметить, что во французском понимании уголовный проступок (как наименее общественно опасная из регулируемых уголовными нормами категорий преступного поведения) имеет место в ситуации небрежного отношения сотрудника к своим должностным обязанностям, неспособность обеспечить должную степень предосторожности и заботы о здоровье пациента, которая одновременно налагается на виновное лицо на нормативном уровне, если в рамках расследования полученной информации будет установлен факт неисполнения возложенных на лицо полномочий с учетом в приемлемых ситуациях характера таковых полномочий, уровня компетенции совершившего проступок, а также средств, объективно доступных лицу в момент критической ситуации, ставшей катализатором преступного поведения. Следует отметить, что в рамках данного подхода уголовно наказуемое поведение медицинского субъекта трактуется излишне расширительно, поскольку охватывает спектр субъективного отношения к собственному поведению от безрассудства до халатности, что в свою очередь предоставляет основания для криминализации неумышленных действий медработника, повлекших последствия для здоровья лица [3, с. 45].

В иерархии неумышленных деяний во французском УК наиболее серьезным проступком, посягающим на телесную неприкосновенность человека, является непредумышленное убийство (*homicide involontaire*), которое также не является специализированным для медицинской сферы составом, а лишь последняя выступает потенциальным условием создания криминалистической ситуации непредумышленного убийства [4, с. 176]. Диспозиция статьи в свою очередь предполагает вариативность способов совершения преступления – в результате оплошности, небрежности, легкомыслия, безрассудства или нарушения правил безопасности или предосторожности, предписанных законами или нормативными актами.

Так, преступлениями по неосторожности по уголовному закону Франции являются:

- 1) *homicide involontaire* – непредумышленное убийство;
- 2) *blessures involontaires* – неумышленные травмы;
- 3) *non-assistance à personne en danger* – оставление в опасности;
- 4) *mise en danger délibérée d'autrui* – преднамеренное подвергание опасности других людей.

В то же время в ряде европейских стран прослеживается тенденция к выделению преступного поведения медработников в область специальных составов. Так, в 2017 году в Италии было на законодательном уровне принято положение, учреждающее отдельную ст. 590-sexies, предусматривающую ответственность за неосторожные действия работников сферы здравоохранения, повлекшие за собой последствия в виде смерти лица или причинения ему телесных повреждений, более известный как «Закон Гелли».

Согласно вновь закреплённой статье, устанавливается зависимость юридической ответственности медработника от факта соблюдения регламентов и специально разработанных рекомендаций, руководящих принципов выполнения конкретных задач, необходимость в которых возникла ввиду специфики следственной ситуации. В таком случае сотрудник понесет наказание при совершении серьезного проступка, халатности или в случае неосторожности, в то время как при условии легкой небрежности и/или неопытности врача (иного работника медицинской сферы) вопрос о его виновности будет поставлен в поле оценки соблюдения вышеуказанных основополагающих начал его работы.

Так, правоприменителю надлежит при разрешении правовых вопросов отталкиваться от клинических нормативов, названных руководящих принципов, которые разрабатываются компетентными инстанциями, однако само наличие их как отправных критериев не исключает дискреционных полномочий субъекта уголовного преследования. Обязательность подобных нормативов для следователя исключается ввиду отсутствия гарантий применимости руководств и методик в рамках конкретного уголовного дела в ракурсе индивидуализации каждой отдельно взятой следственной ситуации. Вывод об их неприменимости может быть сделан в том числе, если сложившаяся обстановка, предшествовавшая преступному поведению лица, будет расценена правоприменителем как чрезвычайная ситуация, с которой ранее клиническая практика еще не сталкивалась.

Широким спектром разнообразных подходов к разрешению вопроса о последствиях врачебных ошибок характеризуется право Соединённых штатов. Основной способ урегулирования конфликтных ситуаций на ятрогенной почве заключается в возмещении причиненного вреда через страховые и деликтные механизмы наряду с применением дисциплинарных мер ответственности к медработнику [5, с. 149]. Однако такие меры представляются неспособными урегулировать отношения, возникающие в плоскости тяжких последствий, как например, смерти пациента или его увечья, потому в исключительных случаях применим уголовный закон. Прочное закрепление в американской литературе получил термин «оборонительная медицина», закрепляющий достаточно неоднозначную категорию отношений в сфере медицинской помощи. Под таковым понимают схему деятельности врача, основанную на страхе ответственности, а не на цели помощи человеку, таким образом, во главе угла становится задача перестраховки и минимизации возможных неблагоприятных последствий, а не сохранение здоровья лица.

Дифференцированы и точки зрения на вопрос о возможностях применения мер уголовной ответственности к медицинским работникам. По мнению Ф. Макдональда, установление уголовной ответственности за небрежное отношение к своим обязанностям для тех, чье призвание помогать, спасать людские

жизни, является несправедливым. Сторонники противоположной позиции утверждают, что посредством угрозы уголовных санкций на неправомерные действия медработников возможно стимулировать повышение эффективности и общего уровня качества медицинской помощи. Анализируя полярные взгляды, стоит отметить, что механизм уголовной ответственности представляется оправданным, поскольку высокая миссия должна коррелировать с повышенными ожиданиями и соответственно повышенным уровнем контроля, однако перевод системы здравоохранения в плоскость исключительно принципов «оборонительной медицины» приведет к снижению качества медицинских услуг.

Интересным для исследования представляется законодательный опыт Республики Армения, где согласно Программе мероприятий деятельности Правительства Республики Армения на 2021–2026 годы одной из основополагающих целей государственной политики выступает повышение качества медицинской помощи и обслуживания населения. Различные подходы к лексическому пониманию ятрогений внутри научного сообщества, отсутствие четких международных правовых рамок, поспособствовали инициативному закреплению армянским законодателем специализированных норм об ответственности за ряд нарушений медицинского спектра. В частности, «Незаконный оборот клеток, тканей, органов или биологических материалов или жидкостей человеческого эмбриона, плода, человека или трупа» (ст. 183); «Нарушение правил трансплантации» (ст. 184); «Подвергание человека медицинскому, научному или другому опыту без его согласия» (ст. 185); «Репродуктивное клонирование человека или евгенические эксперименты» (ст. 186); «Неисполнение или ненадлежащее исполнение медицинскими работниками профессиональных обязанностей» (ст. 187). И хотя такая конкретизация в некоторой степени представляет собой нагромождение уголовного закона, стоит отметить, что, теоретически преломив такой подход на нашу национальную систему уголовных преступлений, можно было бы профилировать проблему размытой квалификации врачебных ошибок. Кроме того, В.Н. Чаплыгина и В.Ф. Васюков предлагают расширительно толковать ятрогенную преступность, основываясь на оценке ятрогении, возникшей в сфере профессиональной медицинской деятельности, но не обязательно связанной и являющейся итогом оказания конкретного вида медицинской помощи [6, с. 159].

Иными словами, учитывать в данном контексте как преступления, совершенные в процессе оказания медпомощи, так и действия с ними не сопряженные, но имеющие ятрогенный исход. Особое внимание авторы уделяют проблемам отрицательной евгеники, в частности, евгенических опытов, подпольной трансплантации, псевдоклонирования. Вышеназванные сферы деятельности не охватываются собирательным понятием медицинской помощи, но представляют собой криминогенные области, тем не менее, находящиеся за рамками традиционной ятрогенной преступности.

Резюмируя вышеизложенное, стоит отметить, что несмотря на различие подходов к пониманию ятрогенных преступлений в России и за рубежом, формулируется ряд принципиальных положений, касающихся уголовной политики в указанном векторе, к числу которых представляется рациональным отнести следующее:

- регулирование спектра уголовной репрессии как самостоятельная мера не может способствовать преодолению ятрогенной преступности, для удержания её на приемлемом уровне необходим комплексный подход в ракурсе системы сдержек и противовесов;

- уголовно-правовые последствия врачебных ошибок должны наступать только в исключительных случаях грубых нарушений стандартов деятельности и иных правовых предписаний, повлекших одновременно тяжкие последствия, отразившиеся на жизни либо здоровье лица, чей организм явился объектом медицинской помощи;

- при расследовании ятрогенных фактов необходимо уделять должное внимание оценке адекватности потерпевших, пресечению «пациентского экстремизма», как концепции, формулирующей стремление извлечь имущественную выгоду из взаимодействия с медицинской организацией через угрозы, гражданские иски, негативные отзывы и комментарии в средствах массовой информации, оказывающие пагубное воздействие на имидж учреждения и тем самым вынуждающие идти на компромиссы с «жертвами».

Несоответствие нормативных основ и теоретических догм, выраженное в отсутствии законодательной категории «ятрогенных преступлений», детерминирует разночтения и полемику в вопросах квалификации медицинских правонарушений. Введение в уголовном законе понятия «ятрогенного преступления» позволило бы избежать расширительных трактовок и необоснованного отнесения фактов причинения вреда здоровью человека в процессе оказания медицинской помощи к разряду «врачебных ошибок», какими по своей сущности ни виновные, ни халатные действия врачей и иных субъектов сферы здравоохранения не являются.

1. Чаплыгина В.Н. Терминологический подход к понятиям «врачебная ошибка» и «ятрогенная» при расследовании ятрогенных преступлений // Уголовная ответственность медицинских работников: вопросы теории и практики: сборник статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола / под общей редакцией Е.Н. Рахмановой, 2017. С. 211–215.

2. Морозова Н.В. Некоторые проблемы формирования методики расследования преступлений, совершаемых в сфере защиты конституционных прав граждан при ненадлежащем оказании медицинской помощи // Право и образование. 2016. № 9. С. 114–121.

3. Передерий В.А., Голодный А.Н. Проблемы применения уголовного законодательства России за ненадлежащее оказание медицинских услуг // Право: история и современность. 2018. № 4. С. 44–50.

4. Заряев В.А., Иванченко О.С., Иванченко Р.Б. Историческое развитие и сравнительный анализ уголовно-правовых мер противодействия ятрогенной преступности в России и за рубежом // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 4. С. 176–180.

5. Чаплыгина В.Н. Ключевые концепты сравнительного подхода к понятийному аппарату, используемому при расследовании ятрогенных преступлений // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступно-

стью: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 2017. С. 148–151.

6. Чаплыгина В.Н., Васюков В.Ф. Дискуссионные вопросы терминологической конструкции понятия «ятрогенное преступление» // Досудебное производство по уголовным делам о профессиональных преступлениях, совершенных медицинскими работниками: материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. А.М. Багмета, 2018. С. 157–159.

Ключевые слова: ятрогенная преступность, медицина, врачебная ошибка, подход, наказание.

УДК 343.1

ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ

Савотченко Сергей Евгеньевич,

*доктор физико-математических наук, доцент,
профессор кафедры высшей математики и физики,
Российский государственный геологоразведочный университет
имени Серго Орджоникидзе,
117997, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 23*

Акапьев Виктор Львович,

*кандидат педагогических наук,
доцент кафедры ИКТД ОВД,
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71*

Рассмотрены аспекты юридической деятельности в судебной системе, которые могут использовать искусственный интеллект. Отмечено, что цифровизация деятельности юридических фирм и судебных органов делает доступным применение систем искусственного интеллекта как инновационного направления. Выделены показатели успешной автоматизации процессов в судебной системе. Обозначены основные проблемы автоматизации судебной деятельности, возникающие при использовании систем искусственного интеллекта.

Судебная система, как и правовая система в целом, считается одной из крупнейших «отраслей обработки текстов». Язык, документы и тексты являются сырьем для юридической и судебной деятельности. Эти данные играют решающую роль в судебной системе, помогая следователям, адвокатам и судьям сопоставлять обстоятельства, связанные с конкретным делом, чтобы обеспечить отправление правосудия.

П.А. Коршунова отмечает, что «в области юридической документации судебные системы сталкиваются с необходимостью обработки огромного объема документов, включая иски, отзывы и заявления, которые традиционно анализи-

руются и верифицируются вручную. Это требует значительного времени и ресурсов, особенно учитывая необходимость соблюдения всех формальных требований. Затраты на оплату труда квалифицированных сотрудников, занимающихся обработкой судебной документации, значительны. Решение этой проблемы заключается в автоматизации судебно-претензионной деятельности, где искусственный интеллект начинает выполнять определенные функции, ускоряя процесс и снижая операционные расходы» [1, с. 209].

Правовая система претерпела значительные изменения на фоне внедрения новых технологий. Благодаря цифровизации, принятой юридическими фирмами и судебными системами, судебным органам стало доступно множество данных в виде судебных заключений, статуты, нормативных актов, книг, практических руководств, обзоров законодательства, официальных документов и новостных сообщений, которые могут быть использованы для обучения как традиционных, так и генерирующих моделей искусственного интеллекта (ИИ) судебными органами [2, с. 15]. Затем сотрудники суда могли бы использовать эти модели для систематизации, поиска и обобщения юридических текстов, накопленных за десятилетия.

Таким образом, судебная система уже давно созрела для использования таких технологий, как автоматизация для поддержки обработки документов. Усилия по дальнейшему расширению использования новейших технологий для удовлетворения этой постоянной потребности ставят генеративный искусственный интеллект в центр возможных решений.

Интеграция роботизированных технологий в юридическую отрасль России является инновационным направлением, предоставляющим возможности для применения искусственного интеллекта в контексте национального законодательства [3, с. 114]. На данный момент, хотя эти технологии и находятся на начальной стадии развития в стране, уже существуют различные проекты и инициативы, направленные на автоматизацию разнообразных юридических процессов.

В настоящее время исследования в области информационных технологий активно направлены на решение новой научно-исследовательской задачи: разработку искусственного интеллекта высокого уровня интеллектуальной активности. Достижения в этой сфере показывают, что эта область успешно развивается, и существующие инновации позволяют использовать ИИ для решения широкого спектра задач [4, с. 29].

В России ИИ уже достаточно активно используется в работе судов. Так, в судах используется бот-юрист «Гражданин», который работает с машинным обучением. Основная роль бота-юриста – отвечать на вопросы в правовой сфере, а также составлять документы.

Также в судах используется система ИИ под названием «Судебный помощник». Система, о которой идет речь, применяется для аналитической оценки различных стратегий защиты в рамках судебных разбирательств [2, с. 18].

При успешной автоматизации процессов в судебной системе достигаются значимые результаты, которые включают следующие показатели:

1. Около восьмидесяти процентов всей судебной документации обрабатывается автоматически, без участия человеческих специалистов;

2. Время, необходимое для обработки документов, сокращается на девяносто процентов;

3. Затраты на судебные процессы значительно уменьшаются.

Выделяется перспективное направление в автоматизации юридических процессов, связанное с обработкой запросов от государственных органов. Эта функция особенно актуальна для банков, реестродержателей, операторов связи и других учреждений. В случае отсутствия электронного документооборота, отправка и обработка таких запросов становится более сложной задачей, так как запросы от государственных органов обрабатываются вручную.

В то же время реализация ИИ в юридической сфере сталкивается с комплексом серьезных проблем. Эти сложности охватывают не только технические и операционные аспекты, но также порождают этические и гуманитарные вопросы. К числу наиболее значимых проблем можно отнести этические вызовы, связанные с привлечением специалистов, разнообразие мнений, вопросы ценностных ориентаций ИИ, степень его автономности и, особенно актуально для юридической области, вопрос о юридической субъектности искусственного интеллекта. Эти проблемы представляют собой многогранную совокупность задач, которые требуют решения при интеграции ИИ в юридическую практику и шире – в человеческую деятельность.

Кроме того, существует теоретическая проблематика, связанная с формулировкой и обоснованием концепции «искусственного интеллекта». Этот вопрос является крайне актуальным в рамках междисциплинарных исследований, поскольку современные технологии позволяют программам демонстрировать когнитивные способности на уровне, приближенном к человеческим.

Для автоматизации судебно-претензионной деятельности необходимо структурировать и формализовать все знания в этой области. Вся информация должна быть доступной и понятной как сотрудникам, так и машинам, обрабатывающим данные. Кроме того, важной задачей является организация и анализ огромного массива документации, что позволит системе функционировать без ошибок.

Даже самые совершенные модели ИИ в настоящее время не способны ясно и точно объяснить, на основе каких параметров они приходят к тем или иным выводам. Это вызывает беспокойство среди людей, так как они не понимают логику за решением, принятым искусственным интеллектом. Эта проблема непонимания механизмов работы искусственного интеллекта, особенно без специального математического образования, считается ключевой при использовании технологий ИИ.

Применение искусственного интеллекта в судебной системе ведет к ситуации, где судьи, присяжные и другие участники процесса начинают полагаться на прогнозы, предоставленные ИИ относительно исходов дел. Эти прогнозы базируются не на комплексном анализе субъективных и объективных факторов, а исключительно на статистических данных. Основная проблема заключается в том, что лица, принимающие решения, часто не осознают, по каким конкретно критериям и их значениям ИИ производит анализ и классификацию лиц или объектов в различные категории. В процессе принятия решений человек традиционно опирается на множество критериев, каждый из которых имеет различную степень важности.

По мере развития технологий ИИ судебные системы вынуждены заниматься юридическими вопросами, касающимися последствий применения искусственного интеллекта для прав человека [3, с. 118]. Кроме того, судебные системы также используют системы ИИ для процессов принятия судебных решений, что вызывает беспокойство по поводу справедливости, подотчетности и прозрачности принятия решений автоматизированными системами или системами с поддержкой искусственного интеллекта.

Поскольку примеры использования искусственного интеллекта и других технологий продолжают проникать в судебную систему, судьи, юристы и сотрудники должны по-прежнему находиться в центре всех решений. Суды и правовая система в целом также должны быть готовы к предвзятости в данных и алгоритмах, которая может привести к увековечиванию неравенства, которое те же самые суды стремятся искоренить, внедряя системы, основанные на принципах надежного искусственного интеллекта, таких как прозрачность и объяснимость, чтобы все заинтересованные стороны понимали, как была обучена система, как это работает и какова сфера его применения.

Использование любого типа ИИ государственными структурами, включая судебные органы, должно основываться на фундаментальных свойствах надежного ИИ, где ключевую роль будет играть объяснимость. Например, чтобы продемонстрировать, что генеративный ИИ используется ответственно, необходимо предоставить возможность отслеживать шаги, которые система выполняет при категоризации, обобщении и сравнении документов.

Судебные системы по всему миру используют искусственный интеллект для анализа больших объемов юридических данных, что помогает юристам выявлять прецеденты в судебной практике, ускорить рассмотрение дел, позволяет администрациям оптимизировать судебные процессы и помогает судьям прогнозировать такие вопросы, как продолжительность приговора и количество рецидивов.

В заключении отметим, что применение искусственного интеллекта помимо судебной системы в правоохранительной сфере России значительно повышает качество и скорость расследования преступлений, обеспечивает новые возможности для предотвращения преступлений благодаря анализу больших объемов данных и автоматизации процессов. Вместе с тем, законодательное сопровождение данного направления технологического прогресса позволяет адаптировать использование ИИ к текущим и будущим требованиям судебного процесса и охраны правопорядка, гарантируя правовую защиту применения таких технологий.

-
1. Коршунова П.А. Искусственный интеллект в юриспруденции // Байкальская наука: идеи, инновации, инвестиции: сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 10 ноября 2022 года. Часть 2. Иркутск: Иркутский национальный исследовательский технический университет, 2022. С. 208–210.
 2. Кривенков А.Д., Казанкова Т.Н. Актуальные возможности применения искусственного интеллекта в юриспруденции // Вопросы экономики и права. 2024. № 1 (187). С. 11–20.
 3. Кантемирова Е.Д. Совершенствование правового регулирования искусственного интеллекта в России // Вестник науки. 2023. № 4 (63). С. 111–120.

4. Березина Е.А. Использование искусственного интеллекта в юридической деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 12 (145). С. 25–37.

Ключевые слова: искусственный интеллект, юридическая деятельность, судебная система, делопроизводство.

УДК 004.89

О РОЛИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Сезонова Татьяна Владимировна,

кандидат педагогических наук,

старший преподаватель кафедры криминалистики

и предварительного расследования в ОВД,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,

302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье автор анализирует вопрос о функциях и полномочиях следователя в российском уголовном процессе. Также автор рассуждает о проблемах, препятствующих качественному расследованию уголовного дела в реалиях современной действительности.

Российское уголовное судопроизводство структурно делится на два этапа: досудебный и судебный. На досудебной стадии уголовного процесса фигура следователя является центральной, поскольку его деятельность определяет направление и динамику расследования. Именно следователь, будучи должностным лицом с широким кругом полномочий и компетенций, обеспечивает достижение целей уголовного судопроизводства [1, с. 541–547]. Уголовно-процессуальный кодекс наделяет следователя правом возбуждения уголовного дела при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления в деянии. Это решение принимается на основании материалов, поступивших в следственные органы, таких как заявления потерпевших, сообщения о преступлениях, результаты оперативно-розыскных мероприятий и другие источники информации. Возбуждение уголовного дела является отправной точкой досудебного производства и сопровождается оформлением соответствующего процессуального акта – постановления о возбуждении уголовного дела. Хотя стоит отметить, что даже до возбуждения уголовного дела следователь должен произвести доследственную проверку чтобы решить, достаточно ли оснований для возбуждения уголовного дела. Представляя сторону обвинения, сотрудник следственного органа устанавливает фактические обстоятельства дела, осуществляет сбор и закрепление доказательств, проводя необходимые следственные действия, принимает процессуальные решения, влияющие на права и законные интересы участников процесса, а также решения о дальнейшем движении уголовного дела. В.Ю. Мельников, говоря о роли следователя, указывает, что «только следователь полномочен на расследование преступления, вынесение обвинительного заключения и разрешения уголовного дела, – дальнейшее расследование или прекращение» [2, с. 117–121].

Следователь имеет право применять меры пресечения, такие как арест, домашний арест, залог, подписка о невыезде и другие. Эти меры направлены на обеспечение нормального хода расследования, предотвращение возможного сокрытия подозреваемого или оказания давления на свидетелей. Применение мер пресечения частично осуществляется с санкции суда, что служит дополнительной гарантией соблюдения законности и прав граждан.

Не стоит забывать и о взаимодействии с другими органами и подразделениями. Следователь тесно взаимодействует с другими органами, участвующими в уголовном процессе, такими как: прокуратура, оперативные подразделения полиции, суды, экспертные учреждения различной ведомственной принадлежности, государственные органы исполнительной власти. Эти взаимодействия могут быть как процессуальными, подкрепленными соответствующими нормативными документами, так и осуществляться в непроцессуальной форме: следователь может организовать совещание представителей разных подразделений для анализа каких-либо действий, принятия решений, или же для получения квалифицированной помощи, как например, от сотрудника экспертно-криминалистического подразделения. То есть помимо функции расследования, следователь также выполняет и координационную функцию в рамках своих полномочий. Поэтому от профессионализма и объективности следователя зависит не только успех расследования, но и соблюдение принципов справедливости, законности и уважения прав человека [3, с. 41–43].

Вышесказанное свидетельствует о том, что роль следователя в уголовном процессе России является фундаментальной для всей системы уголовного правосудия. Все функции следователя (расследование, сбор и проверка информации, координация деятельности других органов, реализация мер пресечения) направлены на достижение основных для любого уголовного дела целей – обеспечение законности и соблюдение прав всех участников уголовного процесса [4, с. 81–85].

Значимость роли следователя также проявляется в том, что от его решений и действий зависит дальнейшая судьба подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и, в конечном счете, результат всего уголовного дела. Именно на досудебной стадии закладываются основы для достижения целей уголовного процесса, таких как установление истины, восстановление социальной справедливости и обеспечение неотвратимости наказания за совершенное преступление [5, с. 146].

Таким образом, вышеизложенное свидетельствует о том, что роль следователя важна в уголовном судопроизводстве.

Однако, современная обстановка в системе МВД, характеризующаяся серьезной нехваткой кадров, в том числе и в органах предварительного следствия, создает повышенную нагрузку на следователя, что негативно сказывается на эффективности расследования уголовных дел, находящихся в его производстве. Большой объем работы и необходимость строгого соблюдения установленных законом сроков отражается на качестве исполнения следователем своих служебных обязанностей не в лучшую сторону. Ненормированный рабочий день, некомплект личного состава следственных подразделений, большое количество бумажной работы ведет к тому, что престиж профессии следователя падает.

Еще одно проблемой, на которую нельзя не обратить внимание, является появление новых способов совершения преступлений, связанных с применением

цифровых технологий. «Сложные» преступления диктуют новые правила для сотрудников следственных подразделений, т.е. требования к их квалификации возрастают, тем самым еще больше увеличивая нагрузку на органы предварительного следствия [6, с. 93].

Кроме того, как отмечают А.П. Гуськова и Ю.А. Заморина, «негативная обстановка складывается с обеспечением процессуальной самостоятельности следователя. Ее рамки в действующем законодательстве значительно снижены, что отрицательно влияет на ход предварительного расследования и, соответственно, на достижение задач уголовного судопроизводства» [7, с. 16–22].

Решение указанных проблем, по нашему мнению, требует системного и комплексного подхода, который должен включать меры, направленные на совершенствование нормативно-правовой базы, а также создание условий для постоянного профессионального роста и адаптации к новым вызовам, стоящим перед правоохранительной системой. Это в итоге будет способствовать укреплению правопорядка и обеспечению справедливого правосудия в Российской Федерации [8, с. 100–107].

1. Гаврюшина Ю.В., Корнев А.С. Роль и функции следователя в современном российском уголовном процессе // Вестник науки. 2024. Т. 2, № 6 (75). С. 541–547.
2. Мельников В.Ю. Обеспечение прав личности в российском уголовном процессе // Евразийский юридический журнал. 2011. № 11 (42). С. 117–121.
3. Карачаев И.А. Функции и полномочия следователя в российском уголовном процессе // Молодой ученый. 2022. № 29 (424). С. 41–43.
4. Конин В.В., Корсаков К.А. Доказывание и субъекты доказывания в уголовном судопроизводстве: переоценка сложившихся взглядов // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 2. С. 81–85.
5. Ермакова А.Л., Чаплыгина В.Н. Процессуальная самостоятельность следователя: правда или миф? // Закон и право. 2022. № 5. С. 145–147.
6. Булыжкин А.В., Чаплыгина В.Н. Оценка эффективности следственной деятельности в России: размышления и выводы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 2 (85). С. 91–95.
7. Гуськова А.П., Заморина Ю.А. Назначение и роль следователя в уголовном процессе – функция расследования // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2013. № 1 (4). С. 16–22.
8. Муратова Н.Г., Подольский М.А. Судебные решения в досудебном производстве по уголовному делу (понятие, виды, содержание, механизм принятия). Казань: ООО АКП им. Е. Сурьянинова, Аделиада, 2007. С. 100–107.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, расследование, следователь, полномочия, проблемы.

УДК 343.98

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Семенов Евгений Алексеевич,

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного процесса,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Исмаилова Татьяна Сергеевна,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров,
Академия управления МВД России

125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

В данной статье с точки зрения развития уголовно-процессуального права анализируются процессуальные функции следователя, складывающиеся из основной цели уголовного судопроизводства. Отмечается, что конфликт между поиском истины и обвинительной функцией, перегруженность и распыление усилий негативно сказываются не только на самой деятельности следователя и осуществлении им своих функций, но и на всей правозащитной системе в целом.

На современный период времени назначение уголовного судопроизводства отражается в ст. 6 УПК РФ и представляет собой «защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений», а также «защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод». Так, тип уголовного процесса определяется его направленностью на публичные или частные начала. Если публичное начало превалирует над частным, процесс носит розыскной характер, тогда как преобладание частного начала указывает на обвинительный тип. Непосредственное воздействие на рассматриваемый критерий также оказывает соотношение личности, свободы и государства, что проявляется в процессуальном статусе участников уголовного процесса, выполняющих функции защиты, обвинения и разрешения дела [1, с. 48]. В связи с этим современное уголовное судопроизводство приобретает охранительный характер.

А.П. Гуляев отмечал, что «познание функций в деятельности следователя позволяет наиболее полно представить роль следователя в выполнении задач уголовного судопроизводства, содержание его деятельности, определить закономерности и потребности правового регулирования данного вида деятельности» [2, с. 85].

Проблема определения процессуальной функции следователя в настоящее время продолжает существовать, и ученые-процессуалисты высказывают разные точки зрения на этот счёт. Однако традиционной остаётся позиция законодателя, который в соответствии с п. 47 ст. 5 УПК РФ относит следователя к стороне обвинения, а значит, наделяет его обвинительной функцией. Однако в научной среде мнения ученых неоднозначны.

Так, В.И. Зажицкий писал, что следователь не может быть стороной в уголовном судопроизводстве. На это указывает особенности его процессуальной деятельности направленной на формирование предмета судебного спора [3, с. 46].

С.А. Шейфер также был приверженцем данной позиции. Он полагал, что следователь «не может не испытывать состояния внутренней раздвоенности, сознавая себя, с одной стороны, субъектом уголовного преследования, обязанным собирать уличающие обвиняемого (подозреваемого) доказательства, а с другой – исследователем, вынужденным опровергать самого себя, устанавливая обстоятельства, несовместимые с обвинением» [4, с. 35].

Е.Б. Мизулина подчеркивала двойственность процессуального статуса следователя, который занимает промежуточное положение в системе уголовного судопроизводства. С одной стороны, следователь не может быть отнесен к числу полноценных участников обвинительной стороны, а с другой – сохраняет значительные полномочия по собиранию и исследованию доказательств, включая те, что могут быть использованы в пользу защиты. Такой дуализм процессуального положения следователя отражает объективную необходимость сохранения элементов объективности и беспристрастности на досудебных стадиях процесса, что соответствует принципу всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела [5].

Однако существуют и иные точки зрения. Например, Л.Д. Масленникова считает, что вся процессуальная деятельность субъектов досудебного производства должна рассматриваться в рамках реализации исключительно обвинительной функции. Она подчеркивает, что даже в случаях, когда должностные лица обеспечивают обвиняемому возможность реализации права на защиту, это не означает их участия в осуществлении защитной функции. В связи с этим объективные беспристрастные действия следователя, такие как прекращение уголовного дела за отсутствием состава преступления, остаются в рамках обвинительной деятельности, поскольку направлены на установление объективной истины, определенной ст. 73 УПК РФ [6, с. 398].

В.Д. Дармаева в своих исследованиях придерживается позиции, согласно которой процессуальная природа деятельности следователя в России исторически сложилась как преимущественно обвинительная. Она отмечает, что реорганизация следственного аппарата, его интеграция в систему органов исполнительной власти, а также процессуальное усиление стороны защиты на досудебной стадии способствовало закреплению данной функциональной направленности следователя. Однако автор предлагает понимать обвинительную функцию в широком значении, при котором прекращение уголовного преследования представляет собой элемент реализации обвинительной функции, а не выход за ее процессуальные границы. Аналогичным образом, процессуальные действия по обеспечению защиты (назначение защитника, разъяснение прав) интерпретируются автором как составляющие единого механизма осуществления обвинительной функции в ее расширительном понимании. В.Д. Дармаева подчеркивает, что сведения о преступлении согласно пп. 5 и 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ – факторы, включающие преступность деяния и основания для освобождения от уголовной ответственности, которые следователь обязан установить, также соотносятся с его обвинительной функцией [7, с. 62].

А.С. Александров писал, что «несмотря на перманентную борьбу против «обвинительного уклона» в следственной работе, сама логика уголовного преследования заставляет следователя выполнять функцию обвинения» [8, с. 56].

Однако приписывая следователя к стороне обвинения, законодатель не ограничивает его деятельность одной лишь обвинительной функцией. Как отмечал В.М. Быков, следователь помимо обвинительной функции также производит уголовное расследование и выполняет функцию разрешения дела в случае его прекращения [9, с. 953].

До момента процессуального оформления статуса подозреваемого, что возможно только после его появления в уголовном деле, следователь не может реализовать свою функцию по обвинению. Как отмечает В.П. Божьев, до этого процессуального этапа деятельность следователя следует квалифицировать исключительно как осуществление функции расследования преступления [10, с. 80]. К элементарным составляющим этой функции относится полное, объективное и всестороннее исследование сведений об обстоятельствах уголовного дела и их обоснованное доказывание в целях последующего вынесения мотивированного обвинительного постановления или прекращения дела в связи с оправдательным выводом [11, с. 194]. Данная концепция подчеркивает эволюционный характер процессуальной деятельности следователя, где переход от общей функции расследования к специальной обвинительной функции обусловлен определенными фактами, а именно появлением в деле лица, на которого направлено уголовное преследование.

После появления в деле лица, в отношении которого проводится предварительное расследование, следователь осуществляет сбор не только изобличающих доказательств, но и смягчающих и исключаящих преступность деяния, которые также приобщает к материалам уголовного дела. В случае с исключаящими обстоятельствами он уполномочен и вовсе прекратить дело [12, с. 391]. В связи с этим необходимо разобраться в том, что законодатель подразумевал под обвинительной функцией, которой наделял следователя.

Так, В.А. Андреев полагал, что «под обвинением в том смысле, который вкладывает в него законодатель, необходимо понимать утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, формулирование, обоснование и отстаивание которого осуществляется субъектами обвинения в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом РФ» [13, с. 7].

Ю.В. Шелегов относил к обвинительной функции следователя «возбуждение уголовного дела, привлечение лица в качестве подозреваемого, обвиняемого, производство задержания, постановление об избрании меры пресечения, составление обвинительного заключения» [14, с. 24]. Данный перечень он оставил открытым в силу объемности его содержания.

По определению М.С. Строговича, обвинительная деятельность представляет собой систему процессуальных действий, нацеленных на установление виновного в преступлении и обеспечить возможность назначения его наказания в соответствии с законом [15, с. 190].

Тем самым функция обвинения действительно осуществляется следователем, однако является не единственной. Следователь помимо расследования уго-

ловного дела, его разрешения и обвинения выполняет иные функции: поиск объективной истины, защита прав участников уголовного судопроизводства, предупредительно-профилактическая функция. Также в его функциональные обязанности входят специализированные задачи, такие как процессуальный контроль, административно-управленческая деятельность, которая осуществляется начальниками следственных подразделений, и ведение статистической отчетности, обязательной для правоохранительной системы [16, с. 194].

Наделение следователя таким количеством функций, несмотря на их внутреннюю противоречивость, свидетельствует о наличии у него большого количества методов, средств и инструментов для их реализации. Это, в теории, позволяет всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства уголовного дела [17, с. 11]. Однако у такой объемной функциональности есть свои проблемы. Следователь физически не способен эффективно действовать в нескольких направлениях одновременно. Несмотря на это, будучи частью системы уголовного судопроизводства, он оценивается прежде всего по эффективности выполнения обвинительной функции. Его ключевая задача – в кратчайшие сроки собрать доказательственную базу, соответствующую критериям относимости, допустимости, достоверности и достаточности, после чего передать дело в суд с обвинительным заключением. Именно этим обусловлены частые сбои в следственной работе, постоянная критика и обвинения в непрофессионализме [18, с. 25].

Деятельность следователя оценивается по количеству раскрытых дел и направленных в суд обвинительных заключений, а не по установлению объективной истины [19, с. 290]. Это стимулирует формальный подход и нарушения процессуальных норм. Такие выявленные проблемы как конфликт между поиском истины и обвинительной функцией, перегруженность и распыление усилий негативно сказываются не только на самой деятельности следователя и осуществлении им своих функций, но и на всей правозащитной системе в целом.

-
1. Калиновский К.Б. Законность и типы уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999. С. 48–49. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000231231 (дата обращения: 25.04.2025).
 2. Гуляев А.П. Совершенствование правового регулирования деятельности следователя: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1988. С. 85. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_rc_419571 (дата обращения: 27.04.2025).
 3. Зажицкий В.И. О процессуальном положении следователя // Государство и право. 2011. № 6. С. 46–47. URL: <https://elibrary.ru/nwebob> (дата обращения: 30.04.2025).
 4. Шейфер С.А. Российский следователь – исследователь или преследователь? // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 35. URL: <https://elibrary.ru/ndgoxz> (дата обращения: 30.04.2025).
 5. Мизулина Е.Б. Выступление на научно-практической конференции «Идеология и практика реформирования уголовного правосудия». Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
 6. Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 398–399. URL: <https://trinitas.ru/rus/doc/0215/004a/02154013.htm> (дата обращения: 28.04.2025).

7. Дармаева В.Д. Уголовно-процессуальный статус следователя: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 62–63. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01003296260.pdf (дата обращения: 27.04.2025).
8. Александров А.С. Каким не быть предварительному следствию // Государство и право. 2001. № 9. С. 54–62. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23537329> (дата обращения: 26.04.2025).
9. Быков В.М. Процессуальные функции следователя в уголовном процессе России // Право и политика. 2011. № 6. С. 952–958. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16969135> (дата обращения: 25.04.2025).
10. Божьев В.П. Конституционные принципы уголовного процесса // Уголовный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В.П. Божьева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Спарк, 2004. С. 78–82.
11. Ермоченко О.Е. Проблемы определения процессуальной функции следователя в уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. 2021. № 23 (365). С. 193–197. URL: <https://moluch.ru/archive/365/82004> (дата обращения: 26.04.2025).
12. Чаплыгина В.Н. Уголовно-процессуальная функция следователя // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Международной научно-практической конференции, 2018. С. 389–393.
13. Андреянов В.А. Обвинение в российском уголовном процессе: понятие, сущность, значение и теоретические проблемы реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 7. URL: <https://elibrary.ru/qegtff> (дата обращения: 25.04.2025).
14. Шелегов Ю.В. К вопросу о функциях, выполняемых следователем в отечественном уголовном судопроизводстве // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 3 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-funktsiyah-vypolnyaemyh-sledovatelem-v-otechestvennom-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 25.04.2025).
15. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. С. 190 URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008450814 (дата обращения: 25.04.2025).
16. Ермоченко О.Е. Проблемы определения процессуальной функции следователя в уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. 2021. № 23 (365). С. 193–197. URL: <https://moluch.ru/archive/365/82004> (дата обращения: 25.04.2025).
17. Чаплыгина В.Н. Становление и тенденции развития органов предварительного следствия системы МВД России (Функционально-структурный подход): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 26 с.
18. Шелегов Ю.В. К вопросу о функциях, выполняемых следователем в отечественном уголовном судопроизводстве // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 3 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-funktsiyah-vypolnyaemyh-sledovatelem-v-otechestvennom-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 30.04.2025).
19. Проказин Д.Л., Чаплыгина В.Н. Уголовно-процессуальная функция следователя по УПК РФ: «болевые точки» реализации // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформиро-

вания: сборник материалов Международной конференции к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.В. Николука, 2016. С. 290–293.

Ключевые слова: следователь, предварительное следствие, процессуальная самостоятельность следователя, функции следователя.

УДК 343.1

ВИДЫ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ, ОСТАВЛЯЕМЫХ В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» ПРИ СОВЕРШЕНИИ ДЕЯНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 207.1–207.3 УК РФ

Сечина Кристина Владимировна,

преподаватель кафедры криминалистики,

*Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
390043, г. Рязань, ул. 1-я Красная, д. 18*

В статье рассматриваются понятие и классификация цифровых следов, а также методы работы с ними для последующего использования при расследовании уголовных дел.

Потребность в рассмотрении классификации следов, оставляемых при совершении деяний, предусмотренных ст. 207.1–207.3 УК РФ обусловлено относительной новизной их закрепления в уголовном законодательстве.

Дополнение уголовного законодательства рассматриваемыми составами уголовно наказуемых деяний произошло в связи с возникновением, масштабным увеличением фактов распространения недостоверной информации о: коронавирусной инфекции; общественно значимой информации, повлекшей тяжкие последствия; о действиях Вооруженных сил Российской Федерации, федеральной служб войск национальной гвардии и иных добровольческих формирований при проведении специальной военной операции на территории Украины.

С момента введения уголовной ответственности только в 2022 году на территории 57 субъектов Российской Федерации зарегистрировано 187 преступлений, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ: максимально в г. Москве (42), г. Санкт-Петербурге (10), Алтайском края и Омской области (по 9). Из них расследовано 80, в том числе 78 по уголовным делам, направленным в суд с обвинительным заключением. Выявлено 67 лиц, совершивших в среднем по 1,2 преступления. Только 3 преступных деяния остались нераскрытыми, по 26 – уголовные дела приостановлены в связи с объявлением обвиняемых в розыск [1, с. 4].

Совершая распространение «фейковой» информации, преступники активно используют свойства информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (виртуальность, использование программ удаленного доступа) оставляя цифровые следы преступления.

В силу своих специфических характеристик, касающихся формы, содержания, возможности модификации, доступности и др. [2, с. 232] их выявление и фиксация правоохранительными органами, нуждаются в постоянной динамичной коррекции соответствующих методических рекомендаций. Несмотря на то, что в науке существует неоднозначный подход к пониманию цифрового следа, важно признать, что он есть не просто составляющее общей следовой картины события, но меняющее суть подхода к пониманию и классификации криминалистически значимой информации.

Е.Р. Россинская цифровой след преступления рассматривает как криминалистически значимую компьютерную информацию» [3, с. 6–9].

В.Б. Вехов указывает, что цифровые следы – это материальные невидимые следы [4, с. 97].

Мы согласимся с М.В. Кардашевой, которая определяет цифровой след как зафиксированную на электронном носителе криминалистически значимую компьютерную информацию, имеющую реквизиты (размер файла, расширение файла, дата создания и т.д.) [5, с. 85].

Принимая во внимание, что следы-предметы, идеальные следы достаточно подробно рассмотрены в криминалистической литературе, рассмотрим классификацию цифровых следов, применительно к ст. 207.1–207.3 УК РФ.

Совершая распространение заведомо ложной информации в информационно-телекоммуникационной сети путем размещения видеороликов, изображений, комментариев, фотографий и др. преступники оставляют цифровые данные в:

- истории посещения браузера (посещаемые сайты, форумы);
- локационные данные (данные GPS);
- Cookie-файлы (данные, аккумулирующиеся в памяти компьютера при посещении информационного пространства);
- IP-адрес (уникальная цифровая комбинация, которая присваивается мобильному телефону, компьютеру при каждом выходе в информационное пространство);
- **сведения из мобильных приложений** (сохранение трекеров (от англ. to track – «проследивать, оставлять след, намечать курс») синхронизирующих данные о местоположении гаджетов и их перемещении).

Рассмотренная классификация не является исчерпывающей и будет корректироваться в зависимости от новых способов совершения преступлений.

Для работы с перечисленными цифровыми следами прибегают к помощи специалистов, обладающих знаниями в области компьютерной информации.

Так в соответствии со ст. 164.1 УПК РФ, при изъятии электронных носителей информации обязательно участие специалиста. Это требование не заканчивается только следственными действиями, связанными с изъятием (осмотр места происшествия, обыск, выемка) оно также вполне логично распространяется на процессуальное действие – осмотр предметов, документов, хотя в уголовно-процессуальном законодательстве обязательного требования нет.

При осмотре цифровых следов специалисты могут прибегать к возможности использования специализированных программных комплексов, позволяющих обнаружить, изъять, осмотреть значимую для процессуалиста информацию. К таким комплексам могут относиться «Мобильный криминалист», «АПК

UFED», позволяющие повысить результативность осмотра компьютерной информации [6, с. 189].

Таким образом, рассмотренная классификация цифровых следов и способы работы с ними будут полезны следователям при расследовании дел указанной категории.

1. Антонов О.Ю., Сааков Т.А. Тактика назначения судебной лингвистической экспертизы в ходе расследования преступлений, предусмотренных ст. ст. 207.3, 280.3 УК РФ: методические рекомендации. М.: Московская академия Следственного комитета, 2023. 47 с.
2. Тишутина И.В. Цифровые следы в преодолении противодействия расследованию преступлений в сфере экономической деятельности // Материалы международной научно-практической конференции «Цифровой след как объект судебной экспертизы». М.: Университет имени О.Е. Кутафина, 2020. С. 229–235.
3. Россинская Е.Р., Рядовский И.А. Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения: материалы Международной научно-практической конференции (19 февраля 2019 г.). Алматы, 2019. С. 6–9.
4. Цифровая криминалистика: учеб. для вузов / В.Б. Вехов и др. М., 2021. 490 с.
5. Кардашевская М.В. К вопросу о криминалистической сущности цифровых следов // Уголовный процесс и криминалистики: теория, практика, дидактика: сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции. Рязань, 2023. С. 83–85.
6. Сечина К.В. Тактика производства отдельных следственных действий по делам о распространении заведомо ложной информации в сфере общественной безопасности с использованием сети «Интернет» // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. Т. 32, № 4. С. 186–193.

Ключевые слова: заведомо ложная информация, цифровые следы преступлений, расследование.

УДК 343.9

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЖИЛИЩА

Сёмина Полина Александровна,

следователь 4-го отдела по расследованию организованной преступной деятельности в предпринимательской и банковской сферах,

Следственная часть Следственного управления

УМВД России по Орловской области,

302028, г. Орел, ул. Тургенева, д. 15

В уголовно-процессуальном законодательстве содержится глава, определяющая принципы уголовного судопроизводства, среди которых выделяются: уважение чести и достоинства личности, обеспечение неприкосновенности

личности и жилища при расследовании уголовных дел, тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Немаловажным является вопрос соблюдения прав, проживающих в нем лиц, поскольку при производстве одного из следственных действий, например, обыска, могут стать известными некие подробности личной жизни граждан, не относящиеся к расследуемому уголовному делу, но разглашение которых может нанести вред репутации определенных лиц. Целью настоящего исследования является рассмотрение и определение современных научных концепции относительно производства следственных действий, связанных с проникновением в жилище, а также практику правоприменения.

При расследовании преступлений может возникнуть необходимость в производстве различных видов процессуальных действий, проводимых в жилище участников уголовного судопроизводства (потерпевшего, подозреваемого, свидетеля). В тоже время в УПК РФ определены четкие процедуры для производства только трех видов следственных действий – осмотра, обыска и выемки, что связано с необходимостью обнаружения и изъятия следов преступлений [1, с. 626]. Основным правовым гарантом законности проводимых мероприятий является получение согласия суда, а в отдельных случаях – достаточно согласия проживающих в данном помещении лиц. Вместе с тем, в ряде случаев получить такое согласие представляется проблематичным ввиду отсутствия владельца по месту проживания, в этом случае неотложные следственные действия подлежат осуществлению в его отсутствие, но с обязательным приглашением представителей местной администрации или жилищно-эксплуатационной организации.

Вместе с тем, следует отметить, что в качестве жилища может выступать не только жилой дом или квартира, но и ведомственное (служебное) жилое помещение (например, комната в общежитии либо гостинице), а также иные специализированные помещения, предназначенные для постоянного либо временного проживания лиц, не являющихся их владельцами – такие как hostелы, гостиницы, дома-интернаты (приюты) для инвалидов, престарелых и другие подобные помещения, которые могут быть использованы для постоянного или временного проживания граждан по договору найма, аренды, на правах собственности либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

При этом непосредственно сам факт постоянной или временной регистрации по месту жительства лица, где проводится одно из следственных действий, принципиального значения не имеет, поскольку местом проживания может являться и такое помещение, в котором регистрация невозможна в силу закона (например, незавершенный индивидуальный жилой дом, не введенный в эксплуатацию).

Таким образом, требование неприкосновенности жилища при производстве следственных действий является одним из основополагающих принципов, и не зависит от принадлежности помещения к жилищному фонду, функционального его назначения как места для проживания людей, а также от условий его пригодности для проживания. Юридическое значение в уголовном судопроизводстве представляет сам факт использования помещения либо строения для проживания,

даже временного, что подтверждается позицией Конституционного Суда РФ [2]. Стоит подчеркнуть, что открытым остается вопрос отнесения к понятию «жилище» мобильных конструкций – трейлеров, туристических палаток и т.д.

Наиболее распространенным следственным действием, проводимом в жилище, является его осмотр, целью которого является обнаружение следов преступления и иных обстоятельств, позволяющих понять картину происшедшего, поэтому при его производстве зачастую применяются специальные криминалистические средства и методы. Уголовно-процессуальный кодекс четко описывает необходимые условия для этого, однако не все виды следственных действий четко регламентированы применительно к случаю проникновения в жилище. В различных отраслях права имеются схожие подходы к нормативному определению понятия «жилище», однако такие термины в ряде научных дисциплин не тождественны [3, с. 10]. При этом должностным лицам, осуществляющим данные действия, необходимо строго руководствоваться принципом законности – то есть следовать всем предписаниям закона для того, чтобы собранные доказательства могли быть признаны допустимыми и использованы в интересах расследования уголовного дела.

Осмотр может осуществляться как до возбуждения уголовного дела, так и в процессе расследования. В ходе его проведения можно обнаружить не только следы преступления, но и получить общее представление о картине произошедших событий. Поэтому осмотр должен осуществляться лично следователем, в присутствии понятых, в безопасных и удобных для работы условиях. Для повышения эффективности осмотра следователь должен владеть методической основой его проведения, понимать, с какой целью он проводит данное следственное действие, ответы на какие вопросы рассчитывает получить по его результатам [4, с. 49].

Важным моментом является тот факт, что осмотр нельзя откладывать на потом, но и торопиться тоже не следует. В первом случае могут быть утрачены следы и предметы, во втором – без определенной подготовки можно не обратить внимания на важные для расследования предметы и документы, поэтому перед проведением непосредственных действий, связанных с осмотром, желательно опросить всех заинтересованных лиц – очевидцев, сотрудников правоохранительных органов, прибывших на место происшествия первыми и т.д. Кроме того, в целях обеспечения сохранности обстановки, место происшествия должно находиться под охраной, на него не должны быть допущены посторонние лица. Для обеспечения законности проводимого осмотра требуется разъяснить участникам их права и обязанности, в том числе по сохранности сведений личной жизни, которые могут им стать известными в ходе осмотра, обеспечить участие понятых при всех значимых действиях по осмотру и изъятию предметов и документов. Все проводимые действия должны быть последовательно и точно отражены в протоколе, который является официальным документом, подтверждающим проведение осмотра и его результаты, он подписывается участниками данного следственного действия [5, с. 143].

Более выраженным с точки зрения вмешательства в личное пространство лиц, проживающих в жилище, является производство обыска. Это целенаправленное поисковое действие, которое может сопровождаться такими принуди-

тельными мерами, как вскрытие помещений, изъятие определенных предметов и веществ, свободный оборот которых ограничен [6, с. 263]. Обыск, также, как и осмотр, направлен на обнаружение следов, предметов и документов, которые имеют значение для расследования уголовного дела. Но он может быть проведен и в целях обнаружения разыскиваемых лиц, а также трупов. Отличием от осмотра является то, что основанием для производства обыска должны быть подтвержденные и процессуально задокументированные данные о том, что в определенном месте могут находиться искомые предметы, в то время как для осмотра достаточно и сообщения о совершении преступления [7, с. 70].

При обыске обязательно присутствие обыскиваемого лица либо совершеннолетнего совместно проживающего с ним члена семьи, которому должно быть предложено добровольно выдать разыскиваемые предметы. При этом дискуссионным моментом является ситуация, когда такое присутствие в короткие сроки обеспечить не представляется возможным. При производстве обыска может присутствовать адвокат или защитник обыскиваемого, однако на практике это может привести к затягиванию сроков проведения обыска, т.е. повлечь утрату или сокрытие следов преступления. Также, как и при осмотре, актуальными остаются вопросы сохранения тайны личной жизни, которая может стать известной в ходе проведения данного следственного действия. Однако не только в данном случае, но и в интересах следствия лицо, производящее обыск, может ограничить его участников в общении и покидании места его проведения. На эффективность проведения обыска оказывает влияние ряд факторов: его внезапность, планомерность, тщательность исследования мест возможного сокрытия искомых предметов и документов, в т.ч. с использованием современных технико-криминалистических средств.

Так, Е.М. Варпаховская предлагает инициацию возбуждения уголовного дела непосредственно на месте происшествия. После этого, следователь, ссылаясь на неотложный характер следственного действия, выносит постановление о проведении осмотра жилища без предварительного получения судебного разрешения [8, с. 63]. С этой позицией трудно согласиться, поскольку на практике для решения вопроса о возбуждении уголовного дела должны иметься достаточные основания, получить которые возможно только после проведения осмотра.

Анализ норм УПК РФ показывает, что проникновение в жилище не является самостоятельной категорией, а является одним из элементов отдельных следственных действий. Так, данный признак присутствует непосредственно в ст. 29, 165, 177, 182, 183 УПК РФ и касается таких следственных действий, как осмотр, обыск и выемка. Однако очевидна необходимость проведения в жилом помещении и иных следственных действий, хотя в законе такие варианты напрямую не оговариваются. Учитывая приоритет конституционного принципа неприкосновенности жилища, можно прийти к выводу, что в случаях производства следственного эксперимента, проверки показаний на месте, допроса, опознания, очной ставки, освидетельствования, получения образцов для сравнительного исследования выяснение мнения проживающих в нем лиц является обязательным.

Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, хотя и поддерживают подобную практику в исключительных случаях, не дает четких критериев для опреде-

ления такой «неотложности». Подобные сложности возникают при проведении следственного действия «проверка показаний на месте» [9, с. 33].

Также определенную проблему представляет собой отсутствие законодательно закрепленного понятия «лица, проживающего в жилище». Например, Я.О. Баев предлагает включить в это понятие всех совершеннолетних граждан, постоянно или временно проживающих в помещении, а также владельцев жилья на праве частной собственности, независимо от их регистрации по данному адресу [10, с. 8].

Несколько другой подход высказан Л.В. Смешковой, по мнению которой, получение разрешения суда необходимо только в тех случаях, когда в помещении проживает несовершеннолетний, либо лицо, страдающее психическим или другим тяжким заболеванием. То есть, в тех случаях, когда лицо не является дееспособным и не может самостоятельно защищать свои права и законные интересы [11, с. 130].

Еще одну точку зрения выражает А.В. Писарев, который считает, что при нахождении в помещении взрослых совместно с детьми, достаточно волеизъявления первых, а мнение несовершеннолетних в этой ситуации не играет никакой роли [12, с. 77].

Существенным моментом также является факт законного владения либо пользования жилым помещением (что подтверждается наличием права собственности или документов, подтверждающих аренду, наем, поднаем жилого помещения и др.), поскольку лица, занимающие жилое помещение противоправно (например, самовольно заселившиеся либо попавшие в жилое помещение другим противоправным способом) не могут претендовать на защиту права на неприкосновенность указанного помещения.

Проблемной ситуацией может стать осмотр жилища при отсутствии проживающих в нем лиц, особенно в условиях неотложности. В таком случае для участия в осмотре следует пригласить представителей местной администрации или той организации, в ведении которой находится жилое помещение (управляющая компания, ТСЖ и т.д.).

Подводя итог, стоит отметить, что ограничение неприкосновенности жилища допускается только в порядке, в пределах, по основаниям и при условиях, предусмотренных уголовно-процессуальным законом.

Проблема не ограничивается одним только понятием, она включает в себя множество аспектов, которые требуют анализа и законодательного решения. В частности, необходимо определить, в каких случаях требуется согласие проживающих на проведение следственных действий, определение формальных и фактических оснований для производства следственных действий, разграничения их отдельных видов (осмотра, обыска, выемки). Как отмечают некоторые авторы, законодательство должно четко определить процедуру получения согласия проживающих, а также возможные условия, при которых оно не будет требоваться [13, с. 121]. Это необходимо в случае с неотложным следственным действием, где есть вероятность уничтожения следов преступления.

Конституция Российской Федерации гарантирует право на неприкосновенность жилища, а уголовно-процессуальное законодательство должно неукоснительно соблюдать эту гарантию. В уголовном судопроизводстве оно проявля-

ется в обязательном получении согласия проживающих на проведение следственных действий, либо на основании судебного решения. Это исключает произвол со стороны правоохранительных органов и предотвращает использование следственных действий в корыстных целях [14, с. 294].

В целях обеспечения законности данных следственных действий законом предусмотрен судебный контроль, по результатам которого полученные доказательства могут быть признаны недопустимыми, т.е. их использование в дальнейшем процессе доказывания исключается. Защита жилища от незаконного проникновения – это не только самостоятельная гарантия, но и важнейший аспект общей системы защиты прав и свобод человека и гражданина. Именно поэтому, крайне важным является соблюдение установленных процедур получения разрешения и проведения следственных действий, связанных с проникновением в жилище. Таким образом, проблемы, рассматриваемые в настоящем исследовании, являются действительно актуальными, потому что соблюдение прав граждан при производстве следственных действий является обязательным условием для признания полученных доказательств допустимыми.

1. Чаплыгина В.Н., Плетникова М.С. Направления реализации принципа уважения достоинства личности при производстве следственных действий // Теория и практика расследования преступлений: материалы X Международной научно-практической конференции, Краснодар, 14 апреля 2022 года / редколлегия: Э.С. Данильян, И.Г. Башинская, М.Ю. Лакомская [и др.]. Краснодар: Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 624–629.
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Котовой Светланы Евгеньевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 10 статьи 5 УПК РФ: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 12.05.2005 № 166-О // Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 2005. № 6.
3. Ищенко Д.П., Малянова К.П. Актуальные вопросы производства процессуальных следственных действий, посягающих на неприкосновенность жилища // Теория и практика правоохранительной деятельности. 2022. № 1 (46). С. 9–13.
4. Морозова Н.В. Общетеоретические аспекты проведения осмотра места происшествия при расследовании преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 4 (89). С. 48–52.
5. Колычева А.Н. К вопросу обеспечения мер сохранности имущества и жилища следователем при расследовании преступлений // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10, № 3. С. 141–146.
6. Чаплыгина В.Н., Рудов Д.Н. К вопросу о процессуальных гарантиях прав личности при производстве обыска в жилище // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 3. С. 261–265.
7. Грибунов О.П., Чаплыгина В.Н. Содержание оснований для производства следственных действий в уголовно-процессуальном законодательстве России // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2018. № 3. С. 68–73.

8. Варпаховская Е.М. Производство следственных действий в российском уголовном судопроизводстве: правовое регулирование и вопросы применения. Иркутск, 2006.
9. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 01.06.2017 № 19 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2017. № 7.
10. Баев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика. М., 2003. С. 82, 83.
11. Смешкова Л.В. Реализация принципа неприкосновенности жилища при производстве следственного осмотра // Современное право. 2015. № 12. С. 129–132.
12. Писарев А.В. Актуальные проблемы правового регулирования производства осмотра жилища // Уголовное досудебное производство: проблемы теории и практики: материалы межвузовской научно-практической конференции. Омск: Омский юридический институт, 2004. С. 75–79.
13. Семенов Е.А., Каширгов А.Х. Реализация уголовно-процессуальных гарантий прав личности при производстве следственных действий // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2021. Т. 2, № 1 (3). С. 120–129.
14. Чаплыгина В.Н., Ситдикова Г.З. Тенденции совершенствования института следственных действий // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью, 2016. С. 294–298.

Ключевые слова: право, жилище, собственник, проживающий, неприкосновенность, следственные действия.

УДК 343.9

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сретенцев Андрей Николаевич,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,

302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье приводится краткий обзор документов стратегического планирования по вопросам внедрения систем искусственного интеллекта в деятельность по раскрытию и расследованию преступлений. Рассмотрена функциональная типология систем искусственного интеллекта. Приведены примеры использования технологий компьютерного зрения, обработки естественного языка, систем поддержки принятия решений в правоохранительной деятельности. Проведен анализ перспективных направлений использования интеллектуальных систем в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

23.04.2025 Президент РФ В.В. Путин на заседании Военно-промышленной комиссий подчеркнул, что искусственный интеллект (далее – ИИ) сегодня стал настолько модной темой, что уже ни одно совещание не обходится без его обсуждения. В контексте решения военных задач, Президент РФ отметил следующее: «огромные преимущества на поле боя будет иметь та сторона, которая быстрее начнет осваивать эти технологии». Данный тезис вполне справедлив и для деятельности по борьбе с преступностью, которая также включает две противоборствующие стороны: органы правопорядка с одной стороны, криминал – с другой.

Следует отметить, что преступность существенно преобразилась в последние годы, представители криминального мира активно используют возможности современных технологий, в том числе ИИ. К примеру, технология «Deepfake» уже пополнила преступный арсенал методов социальной инженерии, все чаще звучат новости об использовании поддельных аудио- и видеосообщений, сгенерированных с помощью нейросетей.

Вполне закономерно, что возможности ИИ должны найти свое применение и в правоохранительной деятельности. Получение такого технологически продвинутого инструмента способно переломить баланс сил между преступностью и правоохранительными органами в пользу последних, что особенно актуально с учетом современных тенденций преступности [1].

Целевые ориентиры развития ИИ в нашей стране определены в «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» (далее – Стратегия), утвержденная Указом Президента от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [2].

В рамках данной Стратегии на ведомственном уровне издано распоряжение МВД России № 1/37 (ред. от 30.06.2022) «Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2022–2024 годы» [3]. Одной из задач в упомянутой программе цифровой трансформации является ликвидация имеющихся отставаний по вопросам применения технологий искусственного интеллекта. К конкретным технологиям ИИ, указанным как в Стратегии, так и в Программе цифровой трансформации относятся:

- компьютерное зрение;
- обработка естественного языка;
- распознавание и синтез речи;
- интеллектуальная поддержка принятия решений.

Все эти виды в соответствии с принятым в информационных науках делением ИИ на слабый (специализированный) и сильный (универсальный) можно отнести к первой группе. Они предназначены для решения конкретной задачи или относительно небольшого круга задач.

Рассматривая возможности применения ИИ в раскрытии и расследовании преступлений, следует отметить наиболее перспективные направления применения указанных технологий в решении конкретных задач, возникающих в рамках данной деятельности:

- 1) *Розыск лиц, скрывшихся от следствия, дознания и суда.*

Примером конкретных решений в данной сфере являются системы видеонаблюдения с элементами компьютерного зрения. Система «Безопасный город»,

АПК «Паутина», которые позволяют проводить идентификацию людей и транспортных средств по видеоизображению, а также своевременно получать информацию о пребывании в конкретном месте лиц/транспортных средств, находящихся в розыске для принятия соответствующих решений [1, с. 175; 2, с. 178; 3, с. 195; 4, с. 182; 7, с. 172].

Перспективными направлениями развития указанных технологий является их дообучение для расширения круга идентификационных признаков (например, распознавание по татуировкам, походке и т.д.); расширение круга объектов идентификации (оружие и иные потенциально опасные предметы); расширение круга решаемых задач (в том числе не связанных с идентификацией), например, выявление опасных ситуаций и инструментальный профайлинг с целью защиты инфраструктурных объектов и мест массового пребывания людей от угроз террористического характера.

2) Автоматизация рутинных задач следователя.

Данное направление, выглядит весьма актуальным, по двум причинам. Первая связана с тем, что деятельность следователя сопряжена с выполнением ряда повторяющихся шаблонных операций (например направление запросов, заполнение статистических карточек), которые могут быть частично либо полностью автоматизированы. Вторая причина – условия кадрового дефицита в ОВД. Применение рассматриваемых технологий в перспективе позволит автоматизировать отдельные рабочие процессы сотрудников ОВД снизить общий объем выполняемой нагрузки и повысить эффективность их деятельности.

3) Планирование расследования и поддержка принятия решений.

Информация, полученная с помощью технологий машинного обучения, может стать основой для создания систем поддержки принятия решения субъектов раскрытия и расследования преступлений. При этом это может стать важным шагом в развитии «полевой» криминалистики, например, будучи реализованной в формате программы-ассистента (наподобие «Алисы» или «Siri»). Цифровой помощник, установленный на мобильную платформу (телефон, планшет), позволит следователю заручиться своевременной информационной поддержкой, особо ценной на первоначальном этапе расследования.

Помимо указанных направлений ИИ может найти свое применение в профилактике преступлений, охране общественного порядка, создании специализированных киберфизических систем (полицейская робототехника) [5, с. 37], а также в методологии научных исследований по дисциплинам антикриминального цикла [6, с. 138].

1. Ушаков А.Ю., Чаплыгина В.Н., Хайретдинова М.Д. Искусственный интеллект в обеспечении транспортной безопасности // Современное общество и право. 2024. № 3 (70). С. 131–137.

2. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 41, ст. 5700.

3. Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2022–2024 годы: распоряжение МВД России от 11.01.2022 № 1/37 (ред. от 30.06.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Колычева А.Н. Перспективы внедрения искусственного интеллекта в раскрытие и расследование преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 3 (92). С. 172–179.
5. Сretenцев Д.Н. К вопросу об использовании дистанционно управляемых летательных аппаратов с камерой в следственном осмотре // Библиотека криминалиста. 2016. № 4 (27). С. 177–180.
6. Сretenцев Д.Н., Титова К.А. Современные возможности криминалистической идентификации в расследовании преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 4 (93). С. 192–197.
7. Проказин Д.Л., Семенов Е.А., Ляпин А.И. Развитие видеотехнологий в уголовном процессе России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 3 (96). С. 171–178.

Ключевые слова: искусственный интеллект, расследование, автоматизация деятельности сотрудников правоохранительных органов, компьютерное зрение, обработка естественного языка, интеллектуальная поддержка принятия решений.

УДК.343.9

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ АЗАРТНЫХ ИГР

Сretenцев Денис Николаевич,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Жирнов Данила Алексеевич,

курсант 4 курса факультета подготовки специалистов ГИБДД, Орловский юридический институт МВД имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье проводится анализ проблем расследования незаконной организации и проведения азартных игр. Особое внимание уделено проблеме расследования организации и проведению азартных игр в сети. В заданном контексте предложены меры по устранению выявленных проблем, а также методы борьбы с незаконной организацией и проведением азартных игр.

В настоящее время, несмотря на законодательные сдерживания проведения азартных игр на территории Российской Федерации, введенные Федеральным законом от 29.12.2006 № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в

некоторые законодательные акты Российской Федерации» [1], незаконные игорные заведения продолжают открываться в арифметической прогрессии.

Исследование особенностей расследования незаконной организации и проведения азартных игр имеет несколько значений и целей:

Во-первых, понимание особенностей таких преступлений помогает правоохранительным органам более эффективно выявлять, расследовать и пресекать незаконные азартные игры, что способствует соблюдению закона и защите граждан.

Во-вторых, азартные игры могут иметь серьезные социальные последствия, включая зависимость, финансовые проблемы и преступность. Исследование этих аспектов помогает разработать меры по профилактике и реабилитации.

В-третьих, незаконные азартные игры могут негативно влиять на экономику, включая потерю налоговых поступлений и увеличение расходов на правоохранительные органы. Исследование помогает оценить эти последствия и разработать стратегии для их минимизации.

В-четвертых, исследования могут выявить пробелы в существующем законодательстве и помочь в разработке более эффективных норм и правил, регулирующих азартные игры.

Таким образом, исследование особенностей расследования незаконной организации и проведения азартных игр является важным инструментом для улучшения правоприменения, защиты общества и разработки эффективных мер по борьбе с этой проблемой.

Исходя из анализа статистических данных, представленных МВД РФ, отметим, что по ст. 171.2 УК РФ за 2023 г. совершено 580 преступлений, за 2022 год совершено 583 преступлений, за 2021 г. совершено 614 преступлений, за 2020 г. совершено 924 преступления. По указанным данным можно судить о снижении преступлений по рассматриваемой статье, однако оно весьма не существенно и соответственно напрашивается вывод о необходимости разработки, как правовых, так и методических норм, которые, во-первых, будут способствовать предотвращению данных преступлений, а во-вторых, искоренят проблемы расследования незаконной организации и проведения азартных игр.

Как определяет В.Е. Лапшин, «динамические колебания выявленных злодеяний, с одной стороны, свидетельствуют о приобретении навыков и опыта противодействия данной категории преступлений, а с другой – о высокой степени латентности и совершенствовании мер конспирации, используемых организаторами незаконной игровой деятельности» [2].

В последнее время незаконные организация и проведение азартных игр за пределами игорных зон наиболее часто осуществляются путем предоставления игрокам доступа к удаленным серверам посредством входа в специальные приложения, запускаемые с помощью персональных компьютеров, находящихся в помещении игорного зала.

Однако следует сказать, что на практике происходят случаи, когда организация незаконных азартных игр сочетает в себе как проведение их вне игровой зоны, без лицензии, так и с подключением к всемирной сети. Так, например, Советским районным судом г. Краснодара гр. Понятовская К.В. подыскала и приобрела игровое электронное оборудование с установленным на них программным обеспечением «Robot Slotsoft» – «программное обеспечение для казино»,

предназначенным для проведения азартных игр с материальным выигрышем, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [3].

Решение проблемы возможно путем блокирования иностранных сайтов по решению суда по иску прокуратуры, а правообладателей российских сайтов, которые рекламируют – привлекать как пособников по ст. 171.2 УК РФ.

Второй проблемой, как видится, предстает то, что затруднено определение места совершения преступления. По поводу места преступления ведутся дискуссии. Большинство ученых полагают, что местом будет являться государство, где зарегистрирована иностранная компания, содержащая онлайн-казино. На наш взгляд, представляется логичным местом преступления считать место внесения депозита, то есть территорию того государства, гражданин которой внес свои денежные средства на зарегистрированную учетную запись, так как в случае положительного исхода налоги с выигрыша не будут взиматься в казну государства гражданина-победителя, что будет влечь ответственность по ст. 198 УК РФ.

Век активного развития информационных технологий затронул и преступный мир, многие преступления, которые, казалось бы, еще вчера нереально было совершить онлайн, сегодня реализуются посредством сети. Колоссальное развитие незаконной организации и проведения азартных игр зафиксировано именно в сети, что при их расследовании вызывает серьезные проблемы.

Так, существует две технологии организации игры – установка на жесткий диск компьютера специального программного обеспечения с сайта казино или использование онлайн-технологии. При этом, внесение и снятие денежных средств возможно разными способами как кредитными, так и дебетовыми картами в форме банковских переводов, специальных карт казино, онлайн-овых платежных систем, биткоинов, через электронные кошельки и др. Все это позволяет пользователю испытать долю азарта от игры, испытываемого игроками в азартные игры при осуществлении ставок на реальные события. Опыт пользователя, связанный с использованием игровой системы, может быть в виде: бесплатной игры, условно-бесплатной игры, виртуальной валюты, азартной игры с выплатами, социальной игры вместе с другими пользователями или против них как онлайн, так и офлайн. Пользователь может играть за награду в виде денежных средств или кредитов, включая кредиты за продолжительность игры, дополнительные игровые уровни или другие присуждаемые награды, а также обычной игры за получение большого количества очков или победу над одним или несколькими конкурентами/противниками. Игра также может быть организована в виде импровизированной лиги с поддержкой таблиц лиги и чат-комнаты, используя любые комбинации команд в качестве первой команды и команды противника.

В первую очередь проблемы расследования данных преступлений в сети связаны с формированием доказательственной базы. В частности к проблемным вопросам получения доказательств в виде электронно-цифровых следов можем отнести возможное экстренное отключение игорного оборудования от электрической сети, когда прерывается связь с удаленными серверами, вследствие чего экспертам при проведении последующих судебных компьютерно-технических экспертиз извлечь статистические данные о выходе в сеть Интернет не представляется возможным.

Как показывает практика, эффективным способом сохранения информации, которую можно будет использовать в качестве доказательства незаконного проведения азартных игр, является проведение оперативно-розыскных мероприятий, в ходе которых фиксируется процесс проведения азартных игр в момент функционирования игорного оборудования в игровом зале. Рекомендуется привлекать специалиста в области компьютерных технологий при проведении осмотра в местах проведения азартных игр, в ходе которого происходит изъятие игорного оборудования, средств связи и иных носителей информации. Такой специалист, обладающий специальными познаниями в области компьютерных технологий, должен извлечь и зафиксировать электронно-цифровые следы и перенести их на специальные носители, для доказывания фактов проведения азартных игр. Особое значение при этом имеет грамотное извлечение сведений об установленных компьютерных программах и игровых приложениях, данных о выходе в сеть Интернет и подключении к игровым серверам. Извлечение статистических данных о проведенных азартных играх в большинстве случаев дает возможность установить размер незаконно извлеченного дохода. Осмотр и изъятие игорного оборудования рекомендуется производить в ходе непосредственного проведения азартных игр, когда такое оборудование подключено к сети Интернет.

Итак, проблемы расследования азартных игр могут включать в себя следующие аспекты:

Во-первых, в ходе расследования рассматриваемых преступлений зачастую трудно собрать достаточные доказательства для подтверждения незаконной деятельности, особенно если организаторы используют сложные схемы.

Во-вторых, азартные игры могут проводиться в закрытых или нелегальных местах, что затрудняет доступ к информации и сбор улик.

В-третьих, современные технологии, такие как онлайн-казино и криптовалюты, могут усложнить отслеживание финансовых потоков и идентификацию участников.

В-четвертых, в некоторых случаях могут быть вовлечены коррумпированные должностные лица, что затрудняет расследование и привлечение к ответственности.

В-пятых, стигматизация азартных игр может затруднить получение свидетельств от участников или свидетелей.

Эффективность работы ОВД России в значительной степени определяет не только уровень правопорядка, но и общее состояние правосознания в обществе. ОВД являются не только мощным инструментом для пресечения преступлений, но и центром, который способствует правовому просвещению и формирует позитивное восприятие закона среди граждан [4, с. 129]. Это требует от них постоянного совершенствования, внедрения новых технологий и методов работы, а также взаимодействия с обществом для достижения общей цели — безопасной и правовой среды для всех граждан.

В заданном контексте отдельно следует выделить проблемы взаимодействия следователя и оперативных подразделений в ходе проверки сообщений о преступлениях, связанных с незаконной организацией и проведением азартных игр, которые могут проявляться следующими аспектами:

- оперативные подразделения могут не предоставлять полную информацию следователю, что затрудняет анализ ситуации и принятие решений;
- следователи и оперативники могут иметь разные методы работы и приоритеты, что может привести к конфликтам и недопониманию;
- отсутствие четкой координации между следствием и оперативными действиями может замедлить процесс расследования и привести к утечке информации;
- время, необходимое для передачи информации между подразделениями, может негативно сказаться на оперативности реагирования;
- следователи должны действовать в рамках закона, что может ограничивать возможности оперативных подразделений в сборе доказательств;
- оперативные сотрудники могут не иметь достаточных знаний о правовых аспектах, что может привести к ошибкам в процессе сбора доказательств;
- взаимодействие с информаторами и использование различных методов может вызывать этические дилеммы.

Для улучшения взаимодействия можно рассмотреть следующие меры:

- проведение совместных тренингов и семинаров для повышения уровня понимания работы друг друга;
- разработка четких протоколов взаимодействия и обмена информацией;
- создание межведомственных рабочих групп для решения конкретных задач;
- использование современных технологий для быстрого обмена данными.

В связи с этим в рамках данного вопроса считаем небезынтересным рассмотреть одно инновационное изобретение, которое могло бы повлиять на предупреждение и возможно выступить, как один из активных методов борьбы с азартными играми в сети.

Рассмотрим способ и устройство обучения модели проверки контента, способ и устройство проверки видеоконтента, вычислительное устройство и запоминающее устройство предлагаемый Ф. Ши, Ч. Лю [5]. Группа изобретений относится к области распознавания видеоизображений и может быть использована для модерации видеоматериалов. Техническим результатом является повышение эффективности модерации видеоматериала, в частности выявления и блокировки материалов содержащих неприемлемый контент. Способ модерации видеоконтента содержит извлечение части видеоданных из проверяемого видеофайла в качестве целевых видеоданных; установление момента времени в проверяемых видеоданных проверяемого видеофайла в случае, когда проверяемые видеоданные содержат недопустимый контент; и извлечение значимого участка видеоданных из видеоданных в области этого момента времени; и модерацию контента проверяемого видеофайла путем ввода участка видеоданных и проверяемых видеоданных в предварительно заданную модель модерации видео контента; причем извлечение значимого участка видеоданных из видеоданных в области этого момента времени предусматривает: определение временного диапазона, который содержит этот момент времени; поиск модели обнаружения значимого участка, рассчитанной на определение значимого участка в видеоданных; и выявление значимого участка видеоданных в видеоданных путем ввода

видеоданных в пределах временного диапазона в модель обнаружения значимого участка.

Настоящее раскрытие относится к области технологий модерации видеоматериалов и, в частности, относится к способу и устройству для обучения модели модерации контента, способу и устройству модерации видеоконтента, и вычислительному устройству и запоминающему устройству. Предшествующий уровень техники настоящего изобретения. В последние годы с развитием интернет-технологий трафик видеоматериалов в Интернете резко возрастает, и пользовательский контент (UGC), например, короткие видеоматериалы, онлайн трансляции и т.п., приводит к тому, что Интернет все более насыщается видеоматериалами. Также в этой ситуации создают и пытаются распространять в Интернете множество видеоматериалов с недопустимым контентом, например, видеоматериалы азартных игр и т.п.

Поэтому до или после публикации видеоматериала контент этого видеоматериала необходимо модерировать и отфильтровывать видеоматериалы с недопустимым контентом. В одном варианте видеоресурс, загруженный в Интернет, модерируют вручную, чтобы определить содержит ли он недопустимый контент. Однако при увеличении количества видеоресурсов в Интернете модерация видеоконтента вручную занимает много времени и менее эффективна. Поэтому подходом к решению задачи модерирования видеоконтента может быть подход машинного обучения. Согласно этому подходу, если видеоданные (кадр изображения) в обучающем видеоматериале являются недопустимыми, эти видеоданные вначале помечают как относящиеся к категории нарушения, а затем видеоданные и соответствующую категорию недопустимого контента вводят в модель машинного обучения для обучения, и при помощи обученной модели выявляют другой видеоконтент.

Однако, когда видеоданные для обучения помечают в каждом видеоматериале, количество видеоданных велико, операция присвоения меток может быть трудоемкой, это приводит к низкой эффективности обучения модели и модерирования видеоматериала при помощи этого модуля, а также к повышению затрат на обучение модели из-за присвоения меток вручную. Краткое описание настоящего изобретения. Варианты осуществления настоящего изобретения обеспечивают способ и устройство для обучения модели модерации контента, способ и устройство для модерации видеоконтента, и вычислительное устройство и запоминающее устройство, с тем чтобы решить проблему низкой эффективности обучения модели и модерации видеоматериала при помощи этой модели, и высоких затрат на обучение модели, связанных с присвоением меток видеоданным вручную.

Предлагаемый Ф. Ши и Ч. Лю способ предусматривает: извлечение части видеоданных из образца видеофайла в качестве образца видеоданных; установление момента времени в образце видеоданных из образца видеофайла в случае, когда образец видеоданных содержит недопустимый контент; извлечение значимого участка видеоданных из видеоданных в области этого момента времени; и обучение модели модерации контента, исходя из участка видеоданных и образца видеоданных.

Также предлагается способ модерации видеоконтента. Способ предусматривает: извлечение части видеоданных из проверяемого видеофайла в качестве целевых видеоданных; установление момента времени в проверяемых видеоданных проверяемого видеофайла в случае, когда проверяемые видеоданные содержат недопустимый контент; извлечение значимого участка видеоданных из видеоданных в области этого момента времени; и модерация контента проверяемого видеофайла путем ввода участка видеоданных и проверяемых видеоданных в предварительно заданную модель модерации контента.

Также предлагается устройство для обучения модели модерации контента. Способ предусматривает: модуль извлечения образца видеоданных, рассчитанный на извлечение части видеоданных из образца видеофайла в качестве образца видеоданных; модуль установления момента времени, рассчитанный на установление момента времени в образце видеоданных из образца видеофайла в случае, когда образец видеоданных содержит недопустимый контент; модуль извлечения участка видеоданных, рассчитанный на извлечение значимого участка видеоданных из видеоданных в области этого момента времени; и модуль обучения модели, рассчитанный на обучение модели модерации контента, исходя из участка видеоданных и образца видеоданных.

Также предлагается устройство для модерации видеоконтента. Способ предусматривает: модуль извлечения проверяемых видеоданных, рассчитанный на извлечение части видеоданных из проверяемого видеофайла в качестве проверяемых видеоданных; модуль установления момента времени, рассчитанный на установление момента времени проверяемых видеоданных в проверяемом видеофайле в случае, когда проверяемые видеоданные содержат недопустимый контент; модуль извлечения участка видеоданных, рассчитанный на извлечение значимого участка видеоданных из видеоданных в области этого момента времени; и модуль модерации видеоматериала, рассчитанный на модерацию контента проверяемого видеофайла путем ввода участка видеоданных и проверяемых видеоданных в предварительно заданную модель модерации контента.

На наш взгляд, необходимо постоянно проводить мониторинг новейших изобретений, которые так или иначе могут способствовать наилучшему расследованию рассматриваемых преступлений, а также выступают и своеобразным инструментом борьбы и профилактики с азартными играми.

Таким образом, анализируя и обобщая теоретические основы криминалистических рекомендаций и практики расследования фактов незаконной организации и проведения азартных игр, можно сделать вывод о том, что для решения проблем криминалистического обеспечения противодействия данному виду преступлений, оперативным сотрудникам и следователям необходимо слаженно работать и тщательно планировать каждое проводимое мероприятие и следственное действие.

1. О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 29.12.2006 № 244-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 1 (ч. I), ст. 7.

2. Гончаров Д.К. Криминалистическая характеристика незаконных организаций и проведения азартных игр на территориях, предназначенных для проведения азартных игр и за их пределами // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2023. № 8. С. 53–57.
3. Приговор Советского районного суда г. Краснодар по делу № 1-134/2020 от 29.01.2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/28OeWGiJDMdj> (дата обращения: 13.01.2025).
4. Чаплыгина В.Н., Калюжный А.Н. Планирование расследования преступлений: содержание понятия и проблемы организации УПК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2013. № 13-1. С. 129–132.
5. Патент № 2801541 С1 Российская Федерация, МПК G06V 20/40. Способ и устройство обучения модели проверки контента, способ и устройство проверки видеоконтента, вычислительное устройство и запоминающее устройство: № 2022114373: заявл. 06.08.2020: опубл. 10.08.2023 / Ф. Ши, Ч. Лю; заявитель БИГО ТЕКНОЛОДЖИ ПТЕ. ЛТД.

Ключевые слова: азартные игры, расследование, проблемы получения доказательств, электронно-цифровые следы, удаленные серверы.
УДК 343.9

МАРТОВСКИЕ 2025 ГОДА ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

Стельмах Владимир Юрьевич,
*доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса
имени П.М. Давыдова,
Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева,
620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21*

В статье анализируются некоторые изменения законодательной регламентации условий и порядка избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Обращается внимание на то, что применение данной меры пресечения стало возможным в связи с преступлениями, не предусматривающими наказание в виде лишения свободы. Определяется содержание использованных в законе понятий. В частности, под малолетним ребенком необходимо понимать лицо, не достигшее 14-летнего возраста. Акцентируется внимание на проблемные аспекты, предлагаются пути их решения.

В Российской Федерации продолжается гуманизация избрания мер уголовно-процессуального принуждения и, прежде всего – мер пресечения. При том, что заключение под стражу в целом не является исключительной мерой пресечения, законодатель увеличивает количество отдельных категорий граждан, в отношении которых избрание данной меры пресечения либо не допускается вообще, либо возможно только при наличии особых обстоятельств.

В соответствии с Федеральным законом от 28.02.2025 № 13-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1] внесены весьма существенные изменения в ст. 108 УПК РФ, регламентирующую меру пресечения в виде заключения под стражей.

Основными изменениями являются следующие.

Во-первых, законодатель отказался от использования конструкции, связанной со сроком наказания в виде лишения свободы, закрепленной в санкции статьи УК РФ (не менее 3 лет), и применяет категорию преступления, связанную со степенью его тяжести. Заключение под стражу может быть избрано только в отношении обвиняемых (подозреваемых) в совершении преступлений следующих категорий: а) особо тяжких; б) тяжких; в) средней тяжести, но только совершенных с применением насилия или угрозой его применения. К обвиняемым (подозреваемым) в совершении преступлений средней тяжести ненасильственного характера заключение под стражу может быть избрана только при наличии одного или нескольких обстоятельств, исчерпывающий перечень которых установлен законом.

Ранее изменения такого же содержания были приняты в отношении особого порядка судебного разбирательства в соответствии с гл. 40 УПК РФ. Однако необходимо учитывать, что если для особого порядка, по сути, смены подходов не произошло, поскольку для этой процедуры имеет значение верхний предел наказания, и фактический размер наказания, соответствующий категории преступлений, такой же, какой ранее был предусмотрен законом, то для избрания меры пресечения наиболее важен нижний предел наказания. До внесения в УПК РФ изменений не допускалось избрание заключения под стражу к обвиняемым (подозреваемым) в совершении преступлений, если санкция статьи УК РФ вообще не предусматривала наказание в виде лишения свободы. В настоящее же время это условие из текста закона изъято, соответственно, стало допускаться применение самой строгой меры пресечения к лицам, привлекающимся к уголовной ответственности за преступления, не предусматривающие наказание в виде лишения свободы. Представляется, что это неверно, поскольку, хотя мера пресечения не является наказанием, следует обеспечивать соразмерность меры пресечения и наиболее строгого наказания, которое может быть назначено обвиняемому.

Очевидно, что при избрании меры пресечения следует руководствоваться категорией преступления, которая обуславливается санкцией статьи Особенной части УК РФ, без учета положений Общей части УК РФ, предусматривающих в ряде случаев автоматическое снижение наказания и, соответственно, фактически изменяющей категорию преступления.

Во-вторых, законодатель дифференцирует преступления средней тяжести по насильственному и ненасильственному характеру. При этом в отзыве Правительства Российской Федерации на проект данного Федерального закона справедливо указывалось, что понятие «насильственный и ненасильственный характер» раскрывают не процессуальные, а материально-правовые аспекты деяния. Более того, в УК РФ эти понятия не являются однозначными и бесспорными. Соответственно, каждый раз при избрании меры пресечения необходимо будет не только правильно квалифицировать преступление, но и доказывать применение насилия или угрозу его применения в ходе совершения преступного деяния.

Если соответствующие действия являются конструктивными или квалифицирующими признаками состава преступления и они текстуально воспроизведены в диспозиции нормы УК РФ, то соответствующий характер преступления очевиден. Вместе с тем не вполне ясно, как поступать, если угроза применения насилия имеет чисто внешний характер, когда виновный изначально не стремится реализовать ее, и она выступает лишь средством психологического воздействия на потерпевшего (например угроза убийством – ст. 119 УК РФ). Общепринято, что степень общественной опасности угрозы убийством весьма невелика, однако по сугубо формальным основаниям допускается избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, в то время как различные хищения, являющиеся преступлениями средней тяжести, потребуют дополнительной аргументации для избрания к обвиняемым (подозреваемым) заключения под стражу.

Кроме того, УК РФ в ряде случаев предусматривает в качестве квалифицирующего признака не любое насилие, а лишь опасное для жизни, или угрозу применения именно такого насилия (например, побег из места лишения свободы, ч. 3 ст. 313 УК РФ), менее опасные виды насилия и угрозы его осуществления в тексте диспозиции статьи Особенной части УК РФ не зафиксированы. Вместе с тем фактически при совершении преступления подобное насилие или угроза могут иметь место. Очевидно, что в подобных ситуациях имеются основания для избрания в подобных случаях меры пресечения в виде заключения под стражу.

Заметно расширены категории лиц, в отношении которых резко ограничена возможность избрания меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 2 ст. 108 УПК РФ): а) несовершеннолетний; б) беременная женщина; в) женщина, имеющая малолетнего ребенка; г) мужчина, являющийся единственным усыновителем малолетнего ребенка; д) усыновитель и опекун малолетнего ребенка; е) опекун и попечитель ребенка-инвалида.

Соответственно, появилась необходимость в уяснении некоторых использованных в законе терминов, прежде всего «малолетний ребенок». В УПК РФ и СК РФ такое понятие отсутствует, а употребляются выражения «несовершеннолетний» и «несовершеннолетний ребенок». Термин «малолетний» используется без конкретизации в п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ, а также в некоторых статьях Общей и Особенной частей УК РФ, устанавливающих ответственность и особенности наказания за преступления половой направленности (в этих нормах иногда прямо устанавливается возраст – до 14 и до 12 лет). При этом в ст. 28 ГК РФ указано, что малолетним является лицо, не достигшее 14-летнего возраста. Представляется, что для обеспечения единообразия применения закона именно в этом смысле данный термин должен применяться для целей избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

Относительно беременных женщин представляется, что исключительный характер избрания заключения под стражу касается, прежде всего, явных, видимых проявлений беременности. Вместе с тем следователь обязан выяснить у каждой женщины репродуктивного возраста, не является ли она беременной, и при получении соответствующих утверждений направить ее на обследование.

В настоящее время в УПК РФ прямо указано, что исключительные случаи, дающие возможность избрания заключения под стражу к отмеченным субъек-

там – это обстоятельства, закрепленные в ч. 1 ст. 108 УПК РФ. Ранее данный вопрос в законе прямо решен не был [2, с. 115].

Кроме того, ч. 2.1 ст. 108 УПК РФ запретила избрание заключения под стражу в отношении лиц, страдающих заболеваниями. Ранее такой запрет касался только содержания лица под стражей после выявления заболевания. Соответственно, правоприменительная практика различалась. В некоторых регионах было принято проводить медицинское освидетельствование до судебного заседания по рассмотрению вопроса об избрании заключения под стражу, и в это заседание представлялось заключение по результатам освидетельствования. В других регионах мера пресечения избиралась в общей порядке, а вопрос о наличии заболевания решался при поступлении от заключенного под стражу во время исполнения меры пресечения. С одной стороны, законодатель справедливо учел, что препятствием для содержания под стражей является именно наличие у лица заболевания, поэтому при его наличии данная мера пресечения не должна избираться в принципе. С другой стороны, неясно, как на этапе возбуждения перед судом ходатайства об избрании меры пресечения, с учетом 48-часового срока задержания по подозрению в совершении преступления, обеспечить проведение медицинского освидетельствования, срок которого составляет 5 рабочих дней, и еще 1 день предоставляется на направление органу предварительного расследования заключения по результатам освидетельствования [3]. Очевидно, что названную проблему нельзя решить избранием меры пресечения в отношении подозреваемого, поскольку, во-первых, ч. 2.1 ст. 108 УПК РФ устанавливает запрет избрания заключения под стражу и в отношении подозреваемого, а, во-вторых, для недопущения применения меры пресечения значение имеет не статус привлекаемого к уголовной ответственности лица, а наличие у него заболевания.

Таким образом, можно приветствовать решения законодателя о гуманизации содержания избрания самой строгой меры пресечения, но вместе с этим требуется четко определить спорные аспекты принятых изменений УПК РФ, для исключения сбоев в деятельности правоприменительных органов, и, безусловно, необходимо восстановить правило о недопустимости избрания заключения под стражу в отношении обвиняемых (подозреваемых) по нормам УК РФ, не предусматривающим наказание в виде лишения свободы.

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 28.02.2025 № 13-ФЗ. URL: <https://rg.ru/documents/2025/03/05/fz13.html> (дата обращения: 10.03.2025).

2. Стельмах В.Ю. Меры уголовно-процессуального принуждения: учебное пособие. Екатеринбург: Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. 193 с.

3. Правила медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений: утв. постановлением Правительства Рос. Федерации от 14.01.2011 № 3 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 4, ст. 608.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, меры пресечения, заключение под стражу.

УДК 343.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ «УМНОГО ГОРОДА» В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Сучков Андрей Игоревич,

*старший преподаватель кафедры криминалистики
и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

Батуева Алтани Батоевна,

*слушатель 5 курса факультета подготовки следователей,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

В настоящей статье рассматриваются актуальные проблемы, которые возникают в процессе использования лазерного 3D-сканирования в ходе следственных действий. Обоснована целесообразность и необходимость использования рассматриваемого метода фиксации вещественной обстановки на месте совершения преступления органами предварительного следствия и экспертными подразделениями на первоначальной стадии расследования.

Активный рост численного показателя населения порождает необходимость в совершенствовании средств и методов контроля за состоянием государственной и общественной безопасности, в совокупности с оптимизацией процессов расследования преступлений с использованием искусственного интеллекта.

Рассматривая вопрос общественной безопасности, мы в первую очередь говорим о ней в контексте национальной безопасности и дефинируем её в качестве урегулированной нормами права системы общественных отношений, непосредственно направленной на обеспечение безопасности личности, общественного спокойствия и благоприятных условий для развития человеческого потенциала, нормальной деятельности органов публичной власти, общественных организаций и граждан в условиях, исключающих угрозы, исходящие от любых форм противоправного поведения.

Реализацией мер по обеспечению общественной безопасности заняты существующие на сегодняшний день силовые структуры РФ, в том числе Министерство внутренних дел в лице правоохранительных органов, чья деятельность выступает одной из социально значимых и отвечающих за общественных порядок и безопасность как отдельно взятой личности, так государства и общества в целом. Эффективность применяемых мер в процессе расследования преступления правоохранительными органами напрямую сказывается на надежности охраны жизни и здоровья населения, безопасности экономического пространства, а также критически значимых объектов инфраструктуры РФ [1].

Преследуя цель сложения качественного и количественного показателей при осуществлении профессиональной деятельности, сотрудники правоохранительной системы должны применять современные достижения науки и техники, так как преступность не стоит на месте, правонарушители изощряются в спосо-

бах совершения преступления, а также последующего сокрытия следов противоправных действий.

Основным решением проблемы роста преступности на сегодняшний день видится биометрическая идентификация в концепции «Умный город». Попытки сделать городскую суету подконтрольной техническим устройствам, в частности, видеокамерам, были предприняты еще в 2017 года в рамках системы распознавания лиц у подъездов, а уже летом 2018 года на матчах чемпионата мира в Москве эта система получила глобальную апробацию, и было задержано около сотни человек, по данным Департамента информационных технологий (ДИТ) города [2].

В 2019 года Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ был утвержден национальный стандарт «Умного города» до 2030 года, который явился базовым набором требований, необходимых для выполнения городами-участниками проекта цифровизации городского хозяйства [3]. Одними из которых явились требования по реализации трех направлений: создание системы видеонаблюдения, основанной на искусственном интеллекте, и предназначенной для повышения уровня общественной безопасности; имплементация систем информационного оповещения населения о возникновения ситуаций чрезвычайного характера, а также создание интеллектуальных систем, нацеленных на осуществление контроля исправности систем противопожарной безопасности в особо людных местах.

Система видеонаблюдения, предназначенная для поддержания правопорядка в обществе, основывается на двух составляющих: во-первых, комплексном видеонаблюдении, во-вторых, системе распознавания лиц и идентификации личности посредством видео. Функциональная составляющая данной системы достаточно проста, но при этом эффективна. Видео с уличных камер наблюдения, непосредственно связанных с системой, передаются на сервера, затем алгоритм моментально делает выборку похожих лиц с теми, что имеются в базе МВД, если изображение совпадает, данные передаются правоохранительным органам с конкретным указанием локации, данных о личности и фото.

Посредством методов интеллектуального видеонаблюдения может быть выявлено подозрительное поведения людей, например, резкое изменение действий, траектории движения при совершении умышленных противоправных действий, а именно, насилия, нападения или избития другого человека или же умышленного оставления подозрительного предмета в местах массового скопления людей. Так, например, практике Следственного комитета РФ известен случай, при котором молодая пара прогуливалась в вечернее время, затем девушка вышла на дорогу, упала и умерла, благодаря криминалистической обработке видеозаписи, снятой уличными камерами, удалось понять «природу» происходящего, а интегрированная система распознавания лиц в систему видеонаблюдения поспособствовала оперативному изобличению виновного в совершении преступления, автоматизировав при этом процесс его поиска [4].

Информация, получаемая с помощью применения цифровых технологий, существенно оптимизирует процесс установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу [5, с. 182].

Искусственный интеллект может быть реализован как в виде программного продукта, так и в виде программно-аппаратного комплекса (как, например, системы видеонаблюдения с функцией распознавания лиц, государственных регистрационных знаков) [6, с. 175]. Интеллектуальная видеоаналитика будет и дальше решать важные вопросы биометрической идентификации личности, помогая правоохранительным органам в раскрытии преступлений и правонарушений [7, с. 184].

Резюмируя сказанное, можно сказать, что интеллектуальное видеонаблюдение является ключевым элементом в рамках цифровизации, автоматизации и оптимизации расследования преступлений. Функционирование «умных городов» приводит к положительной динамике сокращения уровня преступности, однако, наряду с этим возникают проблемные аспекты в области общественности, так как не каждое общество готово к тотальному контролю со стороны публичной власти.

1. Гордеев А.Ю. Перспективы развития и использования искусственного интеллекта и нейросетей для противодействия преступности в России (на основе зарубежного опыта) // Научный портал МВД России. 2021. № 1 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-i-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-i-neyrosetey-dlya-protivodeystviya-prestupnosti-v-rossii-na-osnove> (дата обращения: 20.04.2025).
2. Москва «Умный город – 2030». URL: https://www.mos.ru/upload/alerts/files/3_Tekststrategii.pdf (дата обращения: 20.04.2023).
3. Юшков И.В. Развитие цифровой системы контроля над обществом в России // Власть. 2021. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-tsifrovoy-sistemy-kontrolya-nad-obschestvom-v-rossii> (дата обращения: 20.02.2025).
4. Абламейко С., Шакель Н.В., Богуш Р.П. Использование систем искусственного интеллекта при обеспечении общественной безопасности в «умном городе»: юридические аспекты // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2021. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-sistem-iskusstvennogo-intellekta-pri-obespechenii-obschestvennoy-bezopasnosti-v-umnom-gorode-yuridicheskie-aspekty> (дата обращения: 20.02.2025).
5. Сретенцев А.Н. К вопросу о методологии и дидактике криминалистики в эпоху цифровой трансформации // Вестник Самарского юридического института. 2024. № 5 (61). С. 45–50.
6. Колычева А.Н. Перспективы внедрения искусственного интеллекта в раскрытие и расследование преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 3 (92). С. 172–179.
7. Чаплыгина В.Н., Москвичев А.А. Применение лицевой биометрии для информационно-аналитической поддержки розыскных мероприятий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 1 (21). С. 177–187.

Ключевые слова: предварительное следствие, следственные действия, следователь, специалист-криминалист, 3D-сканирование, инновационные технологии.

УДК 343.9

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЗНАЧЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕПРАВОМЕРНОГО ОБОРОТА СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ

Сучкова Елизавета Алексеевна,

адъюнкт,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,

302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В настоящей статье рассматриваются особенности назначения различных видов экспертиз при расследовании неправомерного оборота средств платежей.

В ходе расследования неправомерного оборота средств платежей (ст. 187 УК РФ) одним из доказательств является заключение эксперта (ст. 204 УПК РФ). В настоящее время существует необходимость назначения судебных экспертиз, процессу, которого субъект расследования рассматриваемого преступления часто пренебрегает. Ввиду того, что преступление совершается в области способов совершения неправомерных действий, появляются основания для назначения и проведения разнообразных экспертиз. Особо важное значение в таком случае приобретает взаимодействие следователя с экспертными учреждениями как для проработки вопросов, указываемые в постановлении о назначении экспертизы, так и для определения вида [1, с.71].

Порядок производства и назначения судебной экспертизы регламентирован гл. 27 УПК РФ. Относительно расследования неправомерного оборота средств платежей судебные экспертизы часто назначаются после возбуждения уголовного дела.

Основными объектами, которые могут быть предоставлены для исследования, являются документы, составляющие государственную тайну и предметы, относящиеся к средствам доступа. Документация, содержащаяся в юридических делах, в банковском деле индивидуального предпринимателя, анкеты физических лиц, различные платежные документы изымаются по правилам, предусмотренным ст. 165 и ст. 183 УПК РФ, в том числе если они предоставляется на электронном носителе информации (CD-R). Относительно документов, в ходе расследования часто возникает необходимость назначения судебно-почерковедческой экспертизы. Анализ эмпирического материала показал, что следователем был назначен данный вид экспертизы в 55,6 % случаях назначается экспертиза с целью установления принадлежности подписи, имеющейся на документации подозреваемому или иным лицам, установленным в ходе расследования [2]. Например, судебно-почерковедческие экспертизы были проведены с целью установления исполнителя подписи на заявлениях на разовое перечисление денежных средств. Экспертами было установлено, что подписи выполнены с подражанием подписи иным лицам.

В других случаях требуется установление принадлежности подписи преступника, которая поставлена в банковской документации. Так, были назначены судебные почерковедческие экспертизы для установления принадлежности под-

писи расположенные в карточке с образцами подписей, в соглашении о расчетном обслуживании с использованием системы дистанционного банковского обслуживания, в копии заявления о присоединении к условиям Договора комплексного обслуживания юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и приложений к нему, заявлении об акцепте оферты, в заявлении об открытии расчетного счета, в договоре банковского счета, в копии заявления на выпуск/пере выпуск бизнес карты для малого бизнеса, в соглашении об осуществлении безналичных расчетов, иных банковских операциях и сделок с использованием «Авангард Интернет-Банк», в акте приема-передачи, в заявлении о получении логина для входа в корпоративную информационную систему и т.д. [3] Следовательно, важным тактическим действием будет выступать осмотр указанных документов, который позволит выявить подписи подозреваемого, зафиксировать отдельные документы и назначить экспертизу. Результаты проведенной судебной почерковедческой экспертизы позволяют сформировать доказательственную базу, которая свидетельствует о неправомерности использования платежных документов и электронных средств доступа [4, с. 68].

Часто при расследовании возникает необходимость назначения судебно-психиатрической экспертизы с целью определения способности обвиняемого осознавать общественную опасность своих действий в момент совершения преступления, а именно определить вменяемость или невменяемость обвиняемого [5]. Объектом для исследования выступают физическое лицо и материалы уголовного дела. Необходимость назначения данного вида экспертиз возникает, когда в уголовном деле появляются сведения о наличии имеющегося или перенесенного заболевания у преступника. Так, А.Э.К. была назначена судебно-психиатрическая экспертиза, в результате которой было установлено, что каким-либо психическим расстройством не страдает и может осознавать фактический характер своих действий и руководить ими. В период времени, относящийся к инкриминируемому ему деянию, он также не страдал хроническим психическим расстройством, слабоумием, иным болезненным состоянием психики, не обнаруживал какого-либо временного расстройства психической деятельности и мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. В принудительных мерах медицинского характера не нуждается [6]. Данный результат экспертизы позволяет охарактеризовать личность, подтвердить его вменяемость в момент совершения преступления, не смотря на перенесенные заболевания.

Особое внимание следует уделить назначению судебной-товароведческой экспертизы, которая в большинстве регионов страны не проводится следователями. Ярким примером является уголовное дело по обвинению Е.А.А., которая совершила неправомерный оборот средств платежей, то есть приобретение в целях сбыта, а равно сбыт электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств. В ходе расследования была назначена и проведена судебно-товароведческая экспертиза, которая разъясняла субъекту расследования, что являлось предметом приобретения в целях сбыта и сбыта обвиняемой Е.А.А. электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств [7]. Так, к электронным средствам по заключению

эксперта относились eToken Pass, ключ проверки электронной подписи в системе дистанционного банковского обслуживания BS-Client v.3 (БС-Клиент в.3), корпоративную пластиковую карту, дебетовую платежную пластиковую карту, сертификат ключа проверки электронной подписи в системе дистанционного банковского обслуживания ibank2 (айбанк2), сим карта с назначенный ей номером подвижной связи +№, установленная в мобильный телефон и в совокупности с ним, является электронным средством и техническим устройством; к электронным носителям информации относятся физический накопитель, как то, жесткий диск, Flash (Флэш) накопитель, Floppy (Флоппи)-диск в совокупности со скопированными на него ключом проверки электронной подписи.

Значимость проведения рассматриваемой экспертизы и полученные результаты позволяют определить классификационную идентификацию продукта, а значит не допустить хаотичного понимания электронного средства и электронного носителя информации, что в настоящее время встречается достаточно часто. Объектом исследования будут выступать технические описания электронных средств или электронных носителей информации. Рассматриваемая экспертиза требует обязательного назначения и проведения. Обусловлено тем, что технологии, обеспечивающие функционирование платежных систем стремительно изменяются, как и их функциональное назначение [8, с. 464]. Рассмотренные обстоятельства определяют необходимость проведения судебно-товароведческой экспертизы.

Таким образом, в статье проанализированы криминалистические аспекты назначения и проведения различных видов судебных экспертиз. Судебно-почерковедческая экспертиза наиболее часто назначается и проводится по уголовному делу с целью установления принадлежности подписи преступнику, а в некоторых случаях требуется установление подделки той или иной подписи в платежной документации. Судебно-психиатрическая экспертиза назначается в случаях, когда в материалах дела имеются основания для ее проведения. Судебно-товароведческая экспертиза требует особого внимания со стороны субъекта расследования в виду большей значимости, которая позволяет сформировать понимание о предмете сбыта.

1. Карпушкин О.С., Чаплыгина В.Н. Назначение и производство судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы реализации и пути развития // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2 (43). С. 71–73.
2. Приговор Центрального районного суда г. Тулы по делу № 1-231/2024 от 24.09.2024. URL: <https://centralny--tula.sudrf.ru> (дата обращения: 05.03.2025).
3. Приговор Советского районного суда г. Орла по делу 1-91/2024. URL: <https://sovetsky--orl.sudrf.ru> (дата обращения: 06.03.2025).
4. Тишков С.А. Порядок назначения и производства отдельных видов судебных экспертиз: учебное пособие. Орел: ОрЮИ МВД России, 2012. 90 с.
5. Справочник по судебным экспертизам для следователей: практическое пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / Д.В. Алехин, А.М. Багмет, Н.Н. Ильин [и др.]; под редакцией А.И. Баstryкина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 231 с.

6. Приговор Ленинского районного суда Тульской области по делу № 1-178/2024. URL: <https://www.судебныерешения.рф/86702693/extended> (дата обращения: 07.03.2025).

7. Приговор Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга по делу 1-205/2020 от 12.03.2020. URL: https://pgr--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=444311888&case_uid=8f7455be-b29c-4354-a35c-ab9a33213727&delo_id=1540006 (дата обращения: 07.03.2025).

8. Чаплыгина В.Н., Фомина В.Э. Электронные средства платежа как объект для мошенничества // Актуальные вопросы публичного управления, экономики, права в условиях цифровизации: сборник научных статей Международной научно-практической конференции, Курск, 12 мая 2023 года / Курская академия государственной и муниципальной службы. Т. 2. Курск: Б. и., 2023. С. 463–469.

Ключевые слова: судебная экспертиза, судебно-товароведческая экспертиза, судебно-почерковедческая экспертиза, судебно-психиатрическая экспертиза, объекты исследования.

УДК 343.9

ПРАВООЗАЩИТНЫЙ КОМПАС: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РФ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Таршева Мира Николаевна,

кандидат юридических наук,

преподаватель кафедры информационных технологий в деятельности ОВД,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,

302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации играет важную роль в защите и восстановлении прав и свобод участников уголовного судопроизводства, обеспечивая их соблюдение государственными органами и должностными лицами. Кроме того, его деятельность направлена на совершенствование законодательства и повышение правовой культуры общества. Благодаря широким полномочиям и независимому статусу, Уполномоченный способствует укреплению законности и справедливости в уголовном процессе Российской Федерации.

«Чтобы поверить в добро, надо начать делать его».

Л.Н. Толстой

В нашей стране человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – государственной обязанностью. Эти положения закреплены в ст. 2 и 45 Конституции Российской Федерации (далее – КРФ). Одним из элементов государственного правозащитного механизма, обеспечивающего защиту и восстановление прав и свобод человека и гражданина, является институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (институт омбудсмана, институт государственного правозащитника).

Датой легального закрепления института уполномоченного по правам человека в Российской Федерации принято считать 22.11.1991. Именно в этот день произошло принятие по постановлению Верховного совета РСФСР Декларации прав и свобод человека и гражданина, закрепившей Парламентского уполномоченного по правам человека, на которого в соответствии со ст. 40 указанной Декларации были возложены функции по осуществлению контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина [1]. Дальнейшие изменения произошли 12.12.1991, обусловленные принятием на всенародном референдуме Конституции Российской Федерации [2]. На конституционном уровне законодатель закрепил полномочия Государственной Думы Российской Федерации по назначению на должность и освобождению от нее Уполномоченного по правам человека (далее по тексту – Уполномоченного, омбудсмена), действующего в соответствии с федеральным конституционным законом от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (ред. от 29.05.2023) «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» [3]. Из закона следует, что деятельность Уполномоченного направлена на обеспечение гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами (ст. 1).

Общеизвестно, что одним из приоритетных направлений деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации является защита прав участников уголовного судопроизводства.

В ежегодных докладах Уполномоченного особое внимание уделяется обеспечению равенства всех перед законом и судом, кроме того, соблюдению основополагающих принципов уголовного судопроизводства в отношении всех участников уголовного процесса. Т.Н. Москалькова в этой связи подчеркивает, что «обеспечение гарантий прав участников уголовного процесса при осуществлении предварительного расследования и отправления правосудия – одно из главных условий достижения целей уголовного процесса: поддержания справедливости в обществе, наказания виновного в совершенном преступлении, обеспечения возмещения вреда потерпевшему, оправдания и реабилитации ошибочно подвергнутого уголовному преследованию и осуждению, а с позиций глобальных процессов – построения правового демократического государства» [4].

Институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (омбудсмена) играет одну из ключевых ролей в защите прав и свобод граждан, в том числе участников уголовного судопроизводства. Деятельность Уполномоченного направлена на обеспечение соблюдения конституционных прав человека, а также на содействие восстановлению нарушенных прав. В рамках уголовного процесса функции и формы реализации деятельности омбудсмена приобретают особую значимость, поскольку именно в этой сфере наиболее остро проявляются проблемы, связанные с ограничением прав личности.

В рамках настоящего исследования нами были проанализированы ежегодные доклады Уполномоченного за последние пять лет (2020–2024), касающиеся защиты прав участников уголовного процесса, что позволило нам прийти к следующим выводам:

- количество жалоб на нарушения прав участников уголовного судопроизводства, направляемых Уполномоченному, из года в год остается достаточно

высоким (в 2020 году – 11 469 обращений; в 2021 – 13 077; в 2022 – 12 519; в 2023 году – 11 694; в 2024 году – 9 277, составляет около 1/3 от общего числа жалоб), хотя и наметилась тенденция к их сокращению;

- в общей структуре обращений, подаваемых омбудсмену, большую часть составляют жалобы в защиту прав подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных (2020 – 8 264; 2021 – 8 146; 2022 – 7 843; 2023 – 6 898; 2024 – 4 960); на втором месте – в защиту заявителей и потерпевших (2020 – 2 496; 2021 – 4 600; 2022 – 4 592; 2023 – 4 714; 2024 – 4 242); меньше всего – в защиту иных участников уголовного судопроизводства (2020 – 709; 2021 – 331; 2022 – 84; 2023 – 82; 2024 – 75);

- подавляющее большинство жалоб участников уголовного судопроизводства подаются на нарушения, допущенные в досудебном производстве (например, в 2024 году – 70 % от общего числа обращений);

- в ходе рассмотрения жалоб Уполномоченным выявляются факты нарушения тех или иных прав участников уголовного процесса, принимаются меры, направленные на их восстановление либо оказывается содействие в реализации прав через органы прокуратуры и предварительного расследования (так, в 2024 году такие меры коснулись 2 627 человек по 763 обращениям, к дисциплинарной ответственности привлечено 38 должностных лиц органов предварительного расследования, к административной – 3; направлено 19 ходатайств о проверки вступивших в законную силу судебных решений; 11 заключений о нарушениях закона в рамках доследственных проверок и прекращенных производством уголовных дел, выявленных по результатам проверки и пр.);

- по результатам рассмотрения обращений и обобщения эмпирического материала Уполномоченным выявлены проблемные вопросы, касающиеся сферы уголовного судопроизводства, предложены варианты их решения.

Формы реализации деятельности Уполномоченного по правам человека в области защиты прав участников уголовно-процессуальных отношений:

1. **Рассмотрение жалоб участников уголовного процесса.** Уполномоченный принимает и рассматривает жалобы на действия (или бездействия) государственных органов, должностных лиц, если заявитель считает, что его права были нарушены (если ранее заявитель обжаловал эти решения или действия (бездействие) в процессуальном порядке, но не согласен с решениями, принятыми по его жалобе). В уголовном процессе это может касаться, например, качества доследственных проверок, незаконного задержания, применения мер пресечения, нарушения прав на защиту или на справедливое судебное разбирательство, на доступ к правосудию и других процессуальных прав.

2. **Проведение проверок.** Уполномоченный имеет право проводить проверки по фактам нарушений как самостоятельно, так и посредством привлечения органов предварительного расследования и прокуратуры, в рамках которых омбудсмен вправе знакомиться с материалами уголовных дел (в том числе с прекращенными производством, с материалами доследственных проверок и пр.); поручать государственным учреждениям проведение экспертных исследований; запрашивать необходимую информацию и материалы у органов предварительного расследования, получать соответствующие объяснения от должностных лиц; посещать места содержания под стражей и т.д.

3. Внесение представлений и обращений. По результатам рассмотрения жалоб или проведения проверок Уполномоченный может направлять ходатайства в компетентные государственные органы о возбуждении дисциплинарного, административного производств, а также уголовного дела в отношении должностных лиц в случаях нарушения прав участников уголовного судопроизводства. Кроме того, он может ходатайствовать о проверке решения суда, постановления судьи, вступившего в законную силу и пр.

4. Участие в судебных процессах. Уполномоченный или его представители могут участвовать в судебных заседаниях в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований, но выступающего в защиту прав и свобод граждан. Это особенно важно в случаях, когда речь идет о защите прав потерпевших, обвиняемых или свидетелей.

5. Разработка рекомендаций и законодательных инициатив. Уполномоченный анализирует практику нарушений прав человека в уголовном процессе и разрабатывает рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Он также может вносить предложения в Государственную Думу РФ по изменению законов, направленных на усиление защиты прав участников уголовного процесса.

6. Просветительская деятельность. Уполномоченный проводит образовательные мероприятия, публикует доклады и разъясняет гражданам их права, в том числе в рамках уголовного судопроизводства. Это способствует повышению правовой грамотности и осведомленности о механизмах защиты.

Таким образом, деятельность Уполномоченного по правам человека в РФ в сфере уголовного процесса является важным механизмом защиты прав и свобод граждан. Через рассмотрение жалоб, проведение проверок, участие в судебных процессах и разработку рекомендаций Уполномоченный способствует укреплению законности и справедливости в уголовном судопроизводстве. Его работа направлена не только на восстановление нарушенных прав, но и на создание условий для их эффективной защиты в будущем, что делает этот институт неотъемлемой частью правовой системы России.

1. О Декларации прав и свобод человека и гражданина: постановление Верховного Совета РСФСР от 22.11.1991 № 1920–1. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9005146> (дата обращения: 08.03.2025).

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: Федер. конституционный закон Рос. Федерации от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (ред. от 29.05.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Практика уполномоченных по правам человека в субъектах РФ по вопросу защиты прав человека в уголовном процессе: аналитический материал Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации 2019 года по вопросам гарантии прав граждан. URL: https://map.ombudsmanrf.org/Karta_Yadro/prav_z_karta/zakon/dokument_zakon/dokument_84/dokument_84web.pdf (дата обращения: 09.03.2025).

Ключевые слова: омбудсмен, уголовный процесс, защита прав участников уголовного судопроизводства, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, парламентский правозащитник, контроль за соблюдением прав и свобод.

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА

Терехова Екатерина Михайловна,

адъюнкт,

*Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

В статье приводятся данные статистической отчетности, на основе которых отмечается актуальность разработки рекомендаций, направленных на повышение эффективности профилактической деятельности следователя. Акцентируется внимание на некоторых обстоятельствах, способствующих совершению преступления, и особенностях их установления в ходе производства следственных действий, а также подчеркиваются вопросы вынесения представлений, направленных на их устранение.

Воспитание патриотичной и социально-ответственной личности на основе традиционных духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, как одна из задач стратегического развития Российской Федерации включает в себе основы для недопущения реабилитации нацизма. В реализацию данной задачи активно вовлечены научные, образовательные, просветительские организации и организации культуры; принимаются целевые программы, национальные проекты, обеспечивающие патриотическое воспитание и воспрепятствование пропаганды вседозволенности, насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, фальсификации истории и противоправным посягательствам на символы воинской славы России. Приведенные меры носят общесоциальный характер, однако, являются недостаточными, без комплексного взаимодействия и воздействия с профилактическими мерами, междисциплинарно разрабатываемыми науками уголовно-правового цикла, в которых криминалистика охватывает своим предметом технические и тактические средства и методы профилактики преступлений.

На современном этапе развития наук уголовно-правового цикла актуализируются вопросы предупреждения и пресечения преступлений [1]. Однако, одним из существенных аспектов, по которому в литературе так и не сложилось общего мнения, выступает отсутствие терминологического и содержательного единства, базирующееся на различном понимании и соотношении дефиниций: «профилактика», «предупреждение», «предотвращение», «пресечение» и «превенция». Не вдаваясь в подробности данной научной дискуссии, отметим, что нам представляется обоснованной позиция И.М. Комарова и Е.И. Ян, рассматривающих предотвращение преступности и ее профилактику, как понятия с раз-

личными конечными целями, в одном случае это полное искоренение преступности, в другом – устранение ее общих причин и условий, соответственно. При этом «предотвращение», «превенция» и «пресечение» преступлений, основываясь на лингвистическом содержании, применяются как синонимы [2, с. 186].

Стабильный рост количества зарегистрированных фактов реабилитации нацизма, составивший 73,1 % за период с 2021-го по 2024 год [3], свидетельствует о необходимости применения на деятельностном уровне рекомендаций, направленных на повышение эффективности криминалистической профилактики при расследовании преступлений рассматриваемого вида. При этом, такая профилактическая работа соответствует третьему уровню криминалистической профилактики, выделяемому в науке [4, с. 150], и является основополагающей для всей профилактической деятельности в целом. Разработке таких рекомендаций будет способствовать познание закономерностей совершения преступления, осуществленное путем анализа комплекса уголовных дел по определенному виду преступлений и деятельности субъектов профилактики по ним. В настоящей статье нами обращается внимание на профилактическую деятельность следователя при расследовании реабилитации нацизма, направленную на выявление причин и условий, способствующих совершению преступления, используя средства, приемы и методы, которые определяют характер тактических особенностей профилактических мероприятий.

Так, для реализации профилактической деятельности следователь решает ряд тактических задач: выявление изъянов в элементах структуры совершенного преступления и причин, повлиявших на их появление; определение объектов профилактической деятельности и планирование мероприятий; разработка и внесение соответствующего представления и контроль за результатом его выполнения [5, с. 840].

Деяния, реабилитирующие нацизм, затрагивают достаточно обособленную сферу гуманитарного знания, базовые знания в которой, а именно об установленных современной исторической наукой фактах, приобретаются всеми гражданами страны при получении общего образования (основного общего – обязательного для всех и среднего общего), углубленное познание истории осуществляется при получении определенных видов профессионального и дополнительного образования. Однако одним из условий совершения действий, реабилитирующих нацизм, является уверенность субъекта преступления в правдивости псевдонаучных исторических фактов, знание о которых им может быть получено как самостоятельно из различных источников, так и навязано его коммуникативной средой. Исходя из этого, следователь при допросе подозреваемого, обвиняемого должен устанавливать каким знанием он обладает, где и как оно было получено, разделяет ли кто-либо из окружения его воззрения, что подвигло его на совершение радикальных действий, какие цели он преследовал.

В качестве характерного примера отметим приговор Ивановского областного суда от 03.09.2021 в отношении Д. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 354.1 УК РФ, согласно которого подсудимый Д. пояснил: «...в социальной сети «ВКонтакте» обнаружил информацию об отрицании Холокоста, которую затем разместил на своей странице и в последующем заинтересовался данной темой, стал искать в сети Интернет информацию о Хо-

локосте и подробностях уничтожения евреев во время Второй мировой войны... ссылки направлял знакомым, чтобы те ознакомились с их содержанием и узнали альтернативную точку зрения на историю... длительное время интересовался историей, в том числе Второй мировой войны, и искал по этому вопросу публикации в сети Интернет» [6].

В последующем необходимо осуществление профилактических мероприятий, направленных:

- на установление конкретных источников, например, интернет-страниц сайтов, публикующих псевдонаучные сведения, доступные широкому кругу лиц и их последующий осмотр, с целью подтверждения как показаний подозреваемого, обвиняемого, так и удостоверения факта обнародования неправомерной информации;

- на прекращение их функционирования, посредством направления представления с таким требованием владельцу (регистратору сайта), либо обращения в Роскомнадзор, Ассоциацию «Лига безопасного Интернета», ключевым направлением деятельности которой является борьба с распространением противоправного контента в сети Интернет [7].

Если же источником противоправной информации является печатное издание, то его в ходе расследования необходимо изъять, подвергнуть экспертной оценке, и принять меры по исключению его из свободной продажи и дальнейшего тиражирования.

В целях осуществления профилактики реабилитации нацизма, совершаемой в сети Интернет, в процессе допроса свидетелей (работодателей, модераторов и пр.) необходимо выяснять следующие сведения:

- о механизме размещения и проверке на различных ресурсах публикуемого для широкого круга лиц контента. При отсутствии такового контроля, вносить представления в адрес руководителей ресурсов о необходимости принятия мер по его разработке, установлению и функционированию;

- об условиях доступа к сети Интернет (если преступление совершено на рабочем месте), наличия контроля за посещением работниками развлекательных информационных ресурсов в трудовое время, отсутствие которого также способствует реализации преступных намерений и соответственно требует ввода подобных ограничений со стороны работодателя, с целью затруднения использования телекоммуникационного пространства в преступных целях.

Для профилактики деяний, реабилитирующих нацизм, совершаемых онлайн, необходимо в процессе расследования особое внимание уделить выяснению обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Так, например, в процессе осмотра объекта посягательства выявляются недостатки уличного освящения, ограждения, видеонаблюдения, отсутствие охраны, создавшие для злоумышленника условия, облегчающие совершение им преступления. Стоит обратить внимание на средства, с помощью которых были осквернены символы воинской славы России, в целях последующего возможного установления каким образом они были приисканы преступником, добыты ли преступным путем, что в свою очередь потребует мер по исключению такого неправомерного владения.

Помимо этого, в профилактике реабилитации нацизма существенное значение имеет ее индивидуальная направленность, объектами которой для следо-

вателя являются лица, уже совершившие преступление. Вместе с этим в упреждающих целях необходимо осуществлять профилактическое воздействие и в отношении лиц, склонных к совершению таких деяний, которые выявляются в процессе повседневной профилактической, оперативно-розыскной, административной и следственной работы.

Для осуществления эффективной целенаправленной индивидуальной профилактики силами правоохранительных органов необходимо:

- вести криминалистический учет лиц, совершивших не только уголовно наказуемые деяния, реабилитирующие нацизм, но и правонарушения, направленные на пропаганду или публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики и контроль за их последующим поведением, образом жизни;
- осуществлять выявление и контроль за лицами из групп, ориентированных на радикальную идеологию;
- побуждать профилактируемых к добровольному отказу от совершения дальнейших правонарушений, посредством индивидуальных профилактических бесед.

В последующем, выявив обстоятельства, способствующие совершению преступления, следователь принимает решение о внесении предупредительных мер по их устранению, что излагает в соответствующем представлении. Такое представление может быть вынесено в адрес руководителей различных организаций, таким образом распространяя меры профилактики к малой группе, относящейся к противоправному деянию, которой могут выступать трудовые коллективы, школы, образовательные и иные организации, и пр. Однако, по результатам исследования следственно-судебной практики, в 71,3 % от изученных уголовных дел по реабилитации нацизма встречается его направление в территориальные отделы МВД. В таких представлениях в качестве причин и условий совершения конкретного деяния, реабилитирующего нацизм, субъекты расследования отражают несоблюдение обязанностей со стороны участковых уполномоченных, по выявлению в пределах их компетенции: причин преступлений и административных правонарушений и условий, способствующих их совершению; лиц, имеющих намерение совершить преступление, и не проведение с ними индивидуальной профилактической работы (п. 37.7 приказа) [8].

Такое положение вещей представляется неверным, потому как искусственное ограничение на уровне следственной профилактики истинных причин и условий, способствующих совершению конкретных деяний, влечет за собой отсутствие реально применяемых превентивных мер по их устранению, и как следствие дефицит предупредительных средств как на общесоциальном уровне, так и на следующих уровнях криминалистической профилактики. Таким образом, не выявляются и не устраняются фактические причины и условия совершения преступления, что свидетельствует о неполноте расследования и требует усиленного контроля со стороны как руководителя следственного подразделения, так и надзорного органа.

Резюмируя изложенное, криминалистическая профилактика в прикладном понимании является итогом деятельности по уголовному делу, осуществлявшейся на протяжении всего периода расследования. Для достижения ее целей отно-

сительно профилактики реабилитации нацизма, необходим качественный подход прежде всего со стороны субъектов профилактики.

1. XII Петербургский международный юридический форум. 2024. Сессия «Криминалистика для правосудия будущего» / Международная Ассоциация Содействия Правосудию. URL: <https://www.iaaj.net/node/3453> (дата обращения: 16.07.2024).
2. Комаров И.М., Ян Е.И. Понятие, содержание, методология и задачи криминалистического предупреждения преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 182–192.
3. Статистические данные по форме № 491, кн.7 «Единый отчет о преступности» за 2021–2024 гг. / ГИАЦ МВД России. Режим доступа: ведомственный.
4. Бессонов А.А. Основные теоретические положения криминалистической профилактики // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 2 (16). С. 148–154.
5. Меретуков Г.М., Лунина Е.С., Бирюкова С.Н. Криминалистическая профилактика по конкретному уголовному делу о незаконном обороте наркотиков // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 128. С. 837–854.
6. Приговор Ивановского областного суда по делу № 2-4/2021 от 03.09.2021 № 2-6/2021 / СудАкт.ру. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/gNS6nb8MnqLt/?page=7®ular> (дата обращения: 18.07.2024).
7. О Лиге безопасного Интернета / Ассоциация «Лига безопасного Интернета». URL: <https://ligainternet.ru/o-nas> (дата обращения: 22.07.2024).
8. Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции: приказ МВД России от 31.12.2012 № 1166. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

Ключевые слова: реабилитация нацизма, криминалистическая профилактика, организационные и тактические особенности установления обстоятельств, способствующих совершению преступления.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ СТАТУСЕ ОРГАНОВ И ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ДОЗНАНИЕ КАК ФОРМУ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Теткин Денис Валентинович,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры уголовного процесса,

*Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
390043, г. Рязань, ул. 1-я Красная, д. 18*

В статье рассматриваются проблемные вопросы, касающиеся процессуального статуса органов и должностных лиц, осуществляющих дознание

как форму предварительного расследования. Автор отмечает, что дознаватель, аналогично следователю, является относительно самостоятельной процессуальной единицей. Относительный характер его процессуальной самостоятельности проявляется в его подотчетности и подчиненности начальнику подразделения дознания либо его заместителю, начальнику органа дознания и его заместителю, а также и прокурору, которые, по смыслу действующего УПК РФ, должны быть уведомлены практически о каждом действии дознавателя.

По мнению автора, круг субъектов производства дознания не ограничивается дознавателем (по должности), начальником подразделения дознания и его заместителем, но и включает в себя следователей СК РФ, а также должностных лиц соответствующих органов дознания, перечисленных в ст. 40 УПК РФ. Однако действующий уголовно-процессуальный закон, регламентирующий правовой статус дознавателя, во многом далек от идеала и нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Действующий уголовно-процессуальный закон в ст. 40 УПК РФ закрепляет определенный перечень органов дознания, уполномоченных на осуществление в уголовном процессе дознания как формы предварительного расследования. При этом к специализированным подразделениям дознания следует относить, в первую очередь, дознавателя и его руководителя (начальника подразделения дознания и его заместителя). Нельзя забывать, что в некоторых исключительных случаях, связанных со специальным правовым статусом подозреваемого или потерпевшего субъектом дознания могут выступать и следователи СК РФ (пп. 7, 8 ч. 3 ст. 151 УПК РФ). Итак, дознавателем, по смыслу ст. 5 УПК РФ, является должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные УПК РФ. Полномочия дознавателя закреплены в ст. 41 УПК РФ.

Соглашаясь с Т.В. Седых, отметим, что исследование норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих правовой статус дознавателя и следователя, позволяет прийти к выводу о совпадении большинства их процессуальных полномочий [1, с. 41–45]. Однако многие специалисты отмечают, что, несмотря на стремление законодателя обеспечить процессуальную самостоятельность дознавателя, в законе имеется ряд предписаний, значительно и не совсем обоснованно ее ограничивающих [2, с. 89–91]. В частности, это касается подконтрольности процессуальной деятельности дознавателя со стороны сразу трех вышестоящих лиц - начальника подразделения дознания, начальника органа дознания и прокурора. Кроме того, обжалование решений указанных лиц не останавливает течение процессуальных сроков производства по уголовному делу, в отличие от правового статуса следователя. Кроме того, следует поддержать позицию отдельных авторов о необходимости расширения полномочий дознавателя, обеспечивающих его процессуальную самостоятельность при расследовании уголовных дел [3, с. 66–70].

Изложенное позволяет нам сделать вывод о том, что дознаватель, аналогично следователю, является относительно самостоятельной процессуальной

единицей. Относительный характер его процессуальной самостоятельности проявляется в его подотчетности и подчиненности начальнику подразделения дознания либо его заместителю, начальнику органа дознания и его заместителю, а также и прокурору, которые, по смыслу действующего УПК РФ, должны быть уведомлены практически о каждом действии дознавателя.

Возглавляет специализированное подразделение органа дознания и осуществляет предварительное расследование в форме дознания начальник подразделения дознания, а также его заместитель (согласно п. 17.1 ст. 5 УПК РФ).

На сегодняшний день начальник подразделения дознания относится к группе участников со стороны обвинения. Исходя из значимости своего статуса, следует, что начальник подразделения дознания является самостоятельной единицей уголовного процесса, который также вправе и самостоятельно осуществлять предварительное расследование в форме дознания.

Рассматривая полномочия начальника подразделения дознания, которые закреплены в ст. 40.1 УПК РФ, было определено, что он занимает руководящее положение, реализуя контроль за работой подчиненных дознавателей. В этом случае можно говорить о его руководящей роли, исходя из используемых дефиниций, например, «поручать», «отменять», «проверять» и др.

Важной отличительной чертой правового статуса начальника органа дознания является тот факт, что он не вправе самостоятельно возбуждать уголовные дела, а равно осуществлять производство предварительного расследования в форме дознания. Поясним, что начальник органа дознания, это, как правило, начальник отдела полиции, при этом он также представлен начальником полиции территориального или линейного подразделения органов внутренних дел или его заместителем.

Начальник органа дознания является вышестоящим должностным лицом по отношению к начальнику подразделения дознания. Одним из особых полномочий начальника органа дознания является утверждение итогового процессуального документа в виде обвинительного акта либо постановления.

Окончание дознания сопровождается составлением дознавателем обвинительного акта, который он передает начальнику органа дознания для его утверждения (ст. 225 УПК РФ). Полномочия начальника органа дознания сводятся к руководству оперативно-служебной деятельности подчиненных ему сотрудников (выдача письменных указаний, поручений, принятие решений о производстве, вынесение постановлений, продление сроков проверок сообщений о преступлении, возвращение уголовного дела дознавателю для проведения дополнительного дознания и иные полномочия, представленные в ст. 40.2 УПК РФ). При этом следует отметить, что начальник органа дознания осуществляет функции, направленные, в первую очередь, на руководство и успешное выполнение вверенным ему подразделением всех оперативно-служебных задач, в число которых входит и производство дознания, но самостоятельно предварительное расследование в форме дознания не производит.

В соответствии со ст. 151 УПК РФ, штатные подразделения дознания существуют в органах внутренних дел, пограничных органах федеральной службы безопасности, органах принудительного исполнения Российской Фе-

дерации, таможенных органов Российской Федерации, а также и в органах государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы. Правовое положение начальника органа дознания и его заместителя позволяет уполномочить любое должностное лицо, принадлежащее к органу дознания, перечисленному в ч. 1 ст. 40 УПК РФ, то есть органов внутренних дел, принудительного исполнения Российской Федерации, начальники органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – ВС РФ), а также органы государственного пожарного надзора на производство дознания. Представителей названных органов также следует отнести к перечню процессуальных субъектов дознания, осуществляемого, как правило, в сфере соответствующих основному роду деятельности компетенций, которые могут быть уполномочены на производство дознания в полном объеме. Разумеется, представители вышеназванных органов имеют свои полномочия, по существу которых дознавателями они не являются. Однако в тех случаях, когда начальник органа дознания в силу специфики уголовного дела уполномочивает их на производство по нему дознания, они производят соответствующие процессуальные действия именно в статусе дознавателя.

Таким образом, мы приходим к выводу, что круг субъектов производства дознания не ограничивается дознавателем (по должности), начальником подразделения дознания и его заместителем, но и включает в себя следователей СК РФ, а также должностных лиц соответствующих органов дознания, перечисленных в ст. 40 УПК РФ. Однако действующий уголовно-процессуальный закон, регламентирующий правовой статус дознавателя, во многом далек от идеала и нуждается в дальнейшем совершенствовании.

-
1. Седых Т.В. Дознаватель: процессуальный статус и проблемы его совершенствования // Юрист-Правоведъ. 2015. № 1 (68). С. 41–45.
 2. Бородкина Т.Н. Статус дознавателя в уголовном судопроизводстве: этапы и проблемы его формирования // Вестник экономической безопасности. 2018. № 2. С. 89–91.
 3. Наметкин Д.В., Серкова Т.В. Процессуальное положение и полномочия дознавателя, начальника подразделения дознания в уголовно-процессуальном законодательстве России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 66–70.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, процессуальный статус, органы, должностные лица, предварительное следствие, дознание.
УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ

Тишков Сергей Александрович,

политических наук, доцент,

заместитель начальника кафедры криминалистики

и предварительного расследования в ОВД,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,

302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Догузов Руслан Робертович,

слушатель специального курса по подготовке кадров для зарубежных стран,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,

302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье рассмотрены некоторые аспекты организационного построения и особенности функционирования экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел Республики Южная Осетия.

Становление специализированной криминалистической службы органов внутренних дел Республики Южная Осетия связано с историческим периодом развития правоохранительных органов СССР, Российской Федерации и независимой Южной Осетии.

На территории Южной Осетии подразделение экспертно-криминалистической службы было создано примерно в 1924–1925 годах, но югоосетинские специалисты празднуют эту дату вместе со своими российскими коллегами в день образования первого Кабинета судебной экспертизы при Центральном управлении уголовного розыска 1 марта 1919 года.

На протяжении всей истории эта деятельность была важной составляющей борьбы с преступностью и поддержания правопорядка. В настоящее время Экспертно-криминалистический центр (ЭКЦ) занимает особое положение в структуре МВД Республики Южная Осетия (МВД РЮО), поскольку с помощью этой службы можно «мгновенно» раскрыть сложные преступления и сформировать большую доказательную базу.

Следует отметить, что эта работа, зачастую, очень сложна и поэтому требует творческих методов, нестандартного мышления и хорошо развитой интуиции [1]. Поэтому сотрудники ЭКЦ постоянно работают над повышением профессионального мастерства участвуют в повышении квалификации в соответствии с межведомственными соглашениями (что предусмотрено межведомственным соглашением между ЭКЦ МВД РЮО и Экспертно-криминалистическим центром МВД России).

Ввиду сравнительно небольшой штатной численности подразделения все сотрудники ЭКЦ МВД РЮО выполняют функциональные обязанности, связанные с технико-криминалистическим обеспечением раскрытия и расследования преступной деятельности и производством судебных экспертиз.

Сотрудники ЭКЦ РЮО, как и их российские коллеги, участвуют в расследовании уголовных дел, проводят исследования по материалам оперативных проверок, обеспечивают участие в следственных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях, ведут криминалистические учеты [2, с. 37]. Важно отметить, что криминалисты должны быть внимательными и ответственными в своей непростой работе, ведь любые ошибки или упущения могут повлиять на результат расследования.

В настоящее время лабораторная база ЭКЦ РЮО позволяет проводить не только традиционные криминалистические судебные экспертизы, но и ряд специальных экспертиз, включая: автотехническую; экспертизу тканей и выделений человека, животных; бухгалтерскую; взрывотехническую; компьютерную; налоговую; пожарно-техническую; финансово-аналитическую; фоноскопическую; фототехническую; экспертизу материалов, веществ и изделий (физико-химическую).

Заключения экспертов могут помочь восстановить событие преступления, идентифицировать преступников и орудия преступления. Следует отметить, что отдельные виды судебных экспертиз в настоящее время проводятся российскими экспертами (например, исследования ботанических объектов), поскольку в Южной Осетии нет возможности проводить исследования соответствующих вещественных доказательств. Наиболее часто эти экспертизы проводятся в таких городах, как Владикавказ, Ставрополь, Ростов и Москва¹.

В настоящее время в Республике Южная Осетия проводятся работы по автоматизации криминалистических учетов, поскольку они содержат важную информацию о людях и материальных следах, которые могут быть использованы для расследования и раскрытия преступлений. В подразделении используется автоматическая дактилоскопическая идентификационная система (АДИС) «Папилон» — один из основных инструментов в борьбе с преступностью. База данных АДИС включает более двадцати тысяч дактилоскопических карт жителей Южной Осетии [3].

Принимая во внимание использование в МВД РЮО автоматической регистрации отпечатков пальцев, необходимо обратить внимание на своевременную регистрацию объектов и обеспечить качественную корреляцию дактилоскопической информации, вносимой в АДИС.

С учётом структурного построения органов внутренних дел Республики Южная Осетия², считаем возможным предположить, что автоматизированный дактилоскопический учет в республике может соответствовать учётам регионального уровня в Российской Федерации [4, с. 169]. В настоящее время с помощью АДИС также создается база данных отпечатков пальцев военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и служб быстрого реагирования. В отличие от Российской Федерации, в Южной Осетии эта процедура проводится по требованию того или иного министерства.

Следует отметить, что АДИС «Папилон» обладает высокими поисковыми характеристиками и может обеспечить наибольшую степень автоматизации всех

¹ Эмпирические данные получены Догужовым Р.Р.

² В структуру МВД РЮО наряду с Министерством входят УВД по г. Цхинвал, УВД Цхинвальского, Ленингорского, Знаурского и Дзауского районов (прим. авторов).

технических процессов ввода, обработки, сравнения, хранения и передачи дактилоскопической информации. Однако информационно-поисковый потенциал системы может быть расширен за счет возможности дополнить дактилоскопическую карту биометрическими характеристиками личности – двухмерным фронтальным изображением внешности, изображением радужной оболочки глаза и трехмерным изображением внешности, ДНК или другие биометрические характеристики [5, с. 91].

Однако МВД РЮО пока может работать только с базами данных отпечатков пальцев, которые постоянно пополняются.

Следующее важное направление – баллистический учет. Автоматизированная баллистическая идентификационная система (АБИС) «Арсенал» также помогают экспертам и предназначена для ведения автоматического учета пуль и патронов, автоматической идентификации оружия по следам выпущенных на месте преступлений пуль и патронов, а также оружия, выпущенного экспериментальным путем (изъятых, обнаруженных и добровольно сданного) [6, с. 253].

Считаем возможным предположить, что важным направлением может стать использование автоматизированных информационных систем для формирования и предоставления руководству статической и аналитической информации различного характера о деятельности экспертно-криминалистического подразделения. Поэтому мы поддерживаем мнение ряда авторов, что возможность реализации функций системного прогнозирования на основе информационных технологий, в том числе с использованием методов математики, может помочь более эффективно прогнозировать и планировать деятельность экспертно-криминалистических подразделений [7, с. 75].

1. Министерство внутренних дел Республики Южная Осетия: официальный сайт. URL: <https://mvdruo.ru/node/1013> (дата обращения: 12.02.2025).
2. Стенина Л.Л. Организационно-правовые основы экспертно-криминалистической деятельности в органах внутренних дел // Вестник Сургутского государственного университета. 2018. № 3 (21). С. 36–38.
3. URL: <https://cominf.org/node/1166521272> (дата обращения: 12.02.2025).
4. Синеоков Д.В., Тишков С.А. Современное состояние и перспективы развития автоматизированных дактилоскопических учетов на региональном уровне (на примере Орловской области) // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сб. матер. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2015. С. 169–170.
5. Сибилькова А.В., Дышин А.А. Информационное обеспечение экспертно-криминалистической деятельности на региональном уровне // Академическая мысль. 2023. № 1 (22). С. 91–96.
6. Бакурадзе Н.С. Судебная экспертиза в уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. 2020. № 24 (314). С. 252–255.
7. Аникин В.Н., Бондаренко Р.А. Ресурсное обеспечение стратегического управления в Российской Федерации: учебное пособие. М.: Академия упр. МВД России, 2022. 96 с.

Ключевые слова: экспертно-криминалистическая деятельность, криминалистический учет, автоматизированный учет, экспертно-криминалистическое подразделение, Республика Южная Осетия.

УДК 343.9

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА

Тишутина Инна Валериевна,

доктор юридических наук, профессор,

профессор кафедры криминалистики,

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,

117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

В статье характеризуется современное состояние и перспективы совершенствования криминалистического обеспечения расследования дорожно-транспортных преступлений. Обращается внимание, что большое количество научных работ, посвященных проблемам криминалистического обеспечения расследования преступлений, по ряду причин не снижает востребованность дальнейшей разработки отдельных его направлений. Подчеркивается зависимость потребности обновления криминалистических рекомендаций от скорости научно-технического прогресса. Констатируется необходимость действовать на опережение в плане разработки методов и средств расследования преступлений с учетом потенциальных возможностей их совершения с использованием информационных технологий. Отмечается, что постоянными участниками дорожного движения стали лица, управляющие средствами индивидуальной мобильности, расширяются направления использования высокоавтоматизированных транспортных средств, что свидетельствует о модификации следовой информации. Это обуславливает необходимость обновления подходов к криминалистическому обеспечению их расследования на основе анализа наиболее актуальных проблем, проявляющихся в процессе реализации его теоретических положений в порядке криминалистического сопровождения расследования преступлений.

В последние годы общий объем публикаций, посвященных рассмотрению проблемных аспектов криминалистического обеспечения расследования преступлений отдельных видов и групп достиг «критической массы». Казалось бы, это показатель признания важности научным сообществом детальной проработки вопросов такого обеспечения для формирования основ эффективного криминалистического сопровождения расследования. В то же время, анализ предлагаемого в рамках обозначенной тематики научного материала дает повод усомниться в обоснованности такого вывода. И причин тому несколько. Во-первых, зачастую в публикациях и исследованиях термин «криминалистическое обеспе-

чение» используется формально, в них не раскрывается его структура и содержание, не рассматривается проблематика. Во-вторых, несмотря на то, что криминалистические средства и методы содержат потенциал эффективного применения в иных направлениях деятельности, а не только в сфере уголовного судопроизводства, рассмотрение вопросов криминалистического обеспечения административной деятельности и административного расследования, гражданского процесса и др., не обогащает потенциал такого обеспечения в той сфере, потребности которой оно призвано удовлетворять прежде всего. Ну и наконец, в-третьих, количество, как говорится, не всегда переходит в качество.

В настоящее время именно в рамках криминалистического обеспечения расследования преступлений наиболее ярко и наглядно отражается влияние возможностей современных информационно-телекоммуникационных и компьютерных технологий, достижений научно-технического прогресса на деятельность правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений [1, с. 151]. Поскольку криминалистическое обеспечение в основе своей ориентировано на формирование условий постоянной готовности правоохранительных органов к эффективному использованию криминалистических методов, средств и рекомендаций в целях раскрытия и расследования преступлений [2, с. 21], то оно является, по сути, базой для криминалистического сопровождения расследования, предполагающего такое использование в повседневной практике.

В условиях глобальной информатизации и цифровизации, затронувших самым непосредственным образом как преступную деятельность, так и сферы ее отражения, дорожно-транспортные преступления не стали исключением. Информационно-телекоммуникационные и компьютерные технологии, компьютерная информация выступают источником и средством получения криминалистически значимой информации о таких преступлениях. В этой связи актуализировались вопросы криминалистического обеспечения их расследования в аспекте цифровизации, и особенно в связи с появлением новых участников дорожного движения.

Охватить в рамках одной статьи все проблемные аспекты криминалистического обеспечения не представляется возможным, поэтому затронем лишь некоторые, наиболее значимые с позиции правоприменителей.

Прежде всего, обратим внимание на вопросы *правового обеспечения*, поскольку именно оно, предопределяя возможность применения криминалистических методов, средств и рекомендаций, самым непосредственным образом влияет на эффективность процесса расследования. При этом следует заметить, что в настоящее время подход к оценке содержания правового обеспечения в рамках криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений не ограничивается исключительно регламентацией применения научно-технических методов средств, а трактуется максимально широко. Это, на наш взгляд, закономерный итог, с одной стороны, понимания комплексности и определенной межнаучности категории криминалистического обеспечения, а с другой следствие укрупнения научных специальностей.

Появление новых средств передвижения ставит вопрос об определении правил их регистрации и учета, а соответственно, закрепления правового статуса участников дорожного движения, которые ими управляют. Решение этих задач

отражается на возможности получения и использования в расследовании криминалистически значимой информации о данном средстве и лице, управлявшем им.

Понятие средства индивидуальной мобильности (электросамокат, электроскейтборд, гироскутер, сигвей, моноколесо и иные аналогичные средства) определено в Правилах дорожного движения Российской Федерации (ПДД РФ) с 01.03.2023. Оно отнесено к категории транспортных средств, соответственно, все положения Правил дорожного движения РФ, оперирующие данным термином, распространяются и на средства индивидуальной мобильности. Однако в уголовном законодательстве Российской Федерации эти изменения не нашли отражения.

Гораздо проблемнее ситуация с определением понятия и правового статуса беспилотного или высокоавтоматизированного транспортного средства. Их активное внедрение в эксплуатацию требует решения важнейших вопросов правового регулирования. Соответствующее предложение было высказано в рамках исследования, проведенного П.А. Кононовым, сформулировавшим понятие беспилотного транспортного средства как «высоко или полностью автоматизированного транспортного средства, функционирующего без вмешательства человека (в беспилотном режиме)» [3, с. 12].

Не проработан и вопрос установления ответственности за дорожно-транспортные преступления, совершенные с участием высокоавтоматизированных транспортных средств. На настоящий момент неочевидно, кто будет выступать субъектом преступления и нести ответственность за действия и, соответственно, нарушения, ставшие причиной преступления и др. Высказываются предложения о распределении ответственности по следующему принципу: за безопасность беспилотного транспорта отвечает разработчик, а за эксплуатацию отвечает оператор или эксплуатирующая организация. Чья ошибка послужит причиной происшествия, тот и будет нести ответственность при аварии. Если же машина попадет в яму, ответственность за это понесет эксплуатирующая дорогу организация [4]. Однако вопрос еще слишком далек от разрешения, а количество на дорогах беспилотного транспорта, переходящего из тестового режима в эксплуатационный, начинает расти.

Ведущие автоконцерны наряду с традиционными технологиями управления оснащают различные модели и марки транспортных средств современными инструментами автономного вождения что, расширяя возможности транспортных средств, постепенно готовит их пользователей к переходу на эксплуатацию высокоавтоматизированных транспортных средств.

Принятые правительством Российской Федерации законодательные меры [5; 6], начиная с 2018 года, были направлены на тестирование высокоавтоматизированных транспортных средств на федеральной трассе М-11 «Нева», а также на территории гг. Москвы, Санкт-Петербурга, Московской, Тверской, Новгородской и Ленинградской областей, Ямало-Ненецкого автономного округа, на федеральной территории «Сириус». В агропромышленном комплексе использование беспилотного транспорта является одной из ключевых тенденций цифровизации сельского хозяйства. Беспилотные комбайны и тракторы, которые определяют своё текущее местоположение в пространстве, оценивают окружающую обстановку, выбирают оптимальную схему движения, используются для обработки полей, посева, последующей работы по культивированию и сбору урожая.

Реалии жизни и надвигающейся практики таковы, что быстрое распространение в разных сферах деятельности высокоавтоматизированных транспортных средств обязывает принимать во внимание и угрозы, возникающие для жизни и здоровья участников дорожного движения в результате их эксплуатации. Так, в зарубежных странах (США, Китай и др.), в последние десять лет периодически фиксируются факты дорожно-транспортных происшествий с участием высокоавтоматизированных транспортных средств. В частности, в октябре 2023 года в Сан-Франциско беспилотный автомобиль Cruise наехал на пешехода, которого ранее сбил другой водитель. После этого инцидента Национальная администрация безопасности дорожного движения США (NHTSA) начала расследование, которое было завершено в январе 2025 года отзывом автомобилей и прекращением эксплуатации Cruise. Другой пример, в апреле 2019 года во Флориде водитель Tesla Model S, находясь в режиме Autopilot, проехал на запрещающий сигнал и столкнулся с припаркованным автомобилем Chevrolet Tahoe, который затем сбил двух пешеходов, один из которых погиб. Расследование подтвердило, что на момент аварии система Autopilot была активирована. В марте 2025 года в Китае, провинции Аньхой электромобиль Xiaomi SU7, находившийся в режиме Navigate on Autopilot, не смог избежать столкновения с бетонным барьером, что привело к гибели трех человек. Эти случаи подчеркивают важность разработки строгих стандартов безопасности для беспилотных автомобилей, чтобы обеспечить защиту всех участников дорожного движения.

В России активно внедряется беспилотный рельсовый общественный транспорт. В Санкт-Петербурге с 2022 года курсируют по маршрутам трамваи, оснащенные системой «активной помощи водителю» (АПВ) под названием Cognitive Tram Pilot, разработанной российской компанией Cognitive Pilot. В Москве также осуществляется тестирование беспилотных трамваев на отдельных маршрутах. Однако уже зафиксированы факты дорожно-транспортных происшествий с их участием [7]. Очевидно, что в кратчайшие сроки, прежде чем будет осуществлено повсеместное внедрение необходимо осуществить правовую регламентацию статуса новых средств передвижения, вопросов ответственности за дорожно-транспортные преступления с их участием.

Не менее актуальным является вопрос правового регулирования ответственности за преступление, совершенное лицом, управляющим средством индивидуальной мобильности в состоянии опьянения. Традиционно в уголовном законодательстве это состояние рассматривается как обстоятельство, отягчающее ответственность. Однако в норме, предусматривающей ответственность такого лица, не предусмотрена повышенная ответственность в этой связи. Тем временем, отмечается увеличение числа происшествий, в которых фиксируется состояние опьянения лица, управлявшего средством индивидуальной мобильности в момент дорожно-транспортного преступления. Неблагоприятная динамика в этом отношении требует своевременного реагирования законодателя.

Многими исследователями проблем получения и использования в расследовании преступлений цифровой криминалистически значимой информации обращается внимание на неоднозначность и неопределенность регламентации использования в доказывании информации, размещенной на ресурсах сети Интернет. Для расследования дорожно-транспортных преступлений этот вопрос также

актуален, поскольку в настоящее время, участники дорожного движения могут в режиме реального времени оставлять на платформах агрегаторов (Яндекс, Google и др.) информацию о дорожной обстановке, в том числе происшествиях; размещать на специализированных сайтах и на своих страницах в социальных сетях фото-видеоматериалы, относящиеся к происшествию и т.п. Соответственно, в рамках расследования возникает необходимость в получении такой информации. Однако в ст. 164.1 УПК РФ, регламентирующей изъятие электронных носителей информации и копирование с них информации при производстве следственных действий, не предусмотрено получение цифровой криминалистически значимой информации с удаленных серверов: сайтов в сети Интернет, учетных записей (аккаунтов) пользователей социальных сетей и мессенджеров. Результаты изучения практики свидетельствуют о важности регулирования в уголовно-процессуальном законодательстве РФ соответствующих положений либо в рамках самостоятельной нормы, либо в качестве дополнения ст. 164.1 УПК РФ [8, с. 55].

Нельзя обойти вниманием и вопросы *научно-методического обеспечения* расследования дорожно-транспортных преступлений. Его основы были заложены в 50–60-х годах прошлого века. В первые десятилетия XXI века была осуществлена определенная их модернизация, которая, однако, не учла принципиально важных изменений, связанных с появлением новых участников дорожного движения, нового вида криминалистически значимой информации – цифровой, и источников ее получения. Все это требует совершенствования методических подходов к расследованию уголовных дел о преступлениях данной группы. При этом, в целях повышения эффективности методического обеспечения целесообразно принимать во внимание не только «проблемы сегодняшнего дня», но и перспективную аналитику, учитывающую потенциальные изменения дорожной ситуации. Именно поэтому в настоящее время важно осуществлять разработку методических основ расследования дорожно-транспортных преступлений с учетом включения в дорожную обстановку в качестве участников движения *высокоавтоматизированных транспортных средств*.

Таким образом, изменения в дорожной обстановке, связанные с появлением новых участников движения, а также изменения характера криминалистически значимой информации, за счет дополнения ее новым видом – цифровой информацией, обуславливают необходимость обновления подходов к криминалистическому обеспечению расследования таких преступлений: изучение закономерностей механизма таких дорожно-транспортных преступлений, источников криминалистически значимой информации и подготовка рекомендаций по ее получению с учетом возможностей, предоставляемых современными достижениями науки и техники.

1. Тишутина И.В., Дяблова Ю.Л. Научно-техническая политика в сфере правоохранительной деятельности: правовые и терминологические подходы // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности: сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции «64-е ежегодные криминалистические чтения». В 2 ч. М., 2023. Ч. 1. С. 150–158.

2. Волынский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учебное пособие. М.: МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. 196 с.
3. Кононов П.А. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, связанных с нарушением правил безопасности движения автотранспорта (по материалам Республики Беларусь): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 26 с.
4. Разработчики трасс для беспилотников определились с виной в случае ДТП. URL: <https://www.autonews.ru/news/60f534bf9a79476c4e91783f> (дата обращения: 06.04.2025).
5. Проект распоряжения Правительства Российской Федерации об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации транспортной отрасли Российской Федерации до 2030 года. URL: <https://mintrans.gov.ru/documents/3/12679> (дата обращения: 06.04.2025).
6. Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств в отношении реализации инициативы «беспилотные логистические коридоры» на автомобильной дороге общего пользования федерального значения М-11 «Нева»: постановление Правительства Рос. Федерации от 17.10.2022 № 1849. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. В Петербурге выясняют обстоятельства ДТП с трамваем. URL: <https://www.ntv.ru/video/2324887> (дата обращения: 06.04.2025).
8. Тишутина И.В. Отдельные вопросы криминалистического обеспечения расследования преступлений в области дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2024. № 1. С. 53–57.

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение, расследование преступлений, цифровизация, компьютерная информация, дорожно-транспортные преступления, средства индивидуальной мобильности, высокоавтоматизированные транспортные средства.

УДК 343.9

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРИМЕНЕНИИ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ РАССЛЕДОВАНИИ

Трусов Александр Игоревич,

кандидат юридических наук,

*начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России,
355035, г. Ставрополь, пр. Кулакова, д. 43*

Системы видео-конференц-связи приобретают востребованный характер, в том числе на стадии предварительного расследования. Прогнозируя неизбежность дальнейшего проникновения новых технологий на все этапы до-

судебного производства, предполагаем внедрение систем видео-конференц-связи во все его структурные элементы, при этом экономическая польза от оптимизации таких нововведений не должна превалировать над правами и законными интересами дистанционно участвующих лиц.

Предложения учёных-процессуалистов по совершенствованию положений ст. 189.1 УПК РФ в научном сообществе расходятся.

Звучат предложения о расширении списка следственных действий, осуществляемых с использованием видео-конференц-связи (далее – ВКС). Одни предлагают добавить в него освидетельствование, следственный эксперимент и проверку показаний на месте. Ю.А. Цветков дополняет этот список выемкой и обыском, а П.Е. Власов – осмотром места происшествия с использованием БПЛА. Другие выступают против применения ВКС, ссылаясь на «разную гносеологическую природу» некоторых следственных действий, третьи видят возможность применения ВКС при осуществлении следственных действий, «объединённых методом расспроса». По мнению Е.Г. Кравец, Н.В. Шувалова и А.Н. Мартынова, к установленному законодателем списку необходимо добавить только освидетельствование как имеющее высокий коэффициент повторяемости в правоприменительной практике, а включение остальных считают нецелесообразным по экономическим и правовым причинам [1, с. 15–19].

С.В. Самсоновым обосновано расширение списка дистанционных следственных действий процессуальным действием – возможностью дистанционно признавать конкретное лицо потерпевшим [2, с. 132–141]. Такое предложение заслуживает поддержки, так как подразумевает придание лицу конкретного статуса, без которого осуществить предусмотренные ст. 189.1 УПК РФ следственные действия не представляется возможным. Вместе с тем, по нашему мнению, не следует ограничиваться только лишь статусом потерпевшего, было бы правильным регламентировать аналогичные действия и в отношении других участников уголовного судопроизводства, таких, как подозреваемый и обвиняемый (избрание некоторых мер пресечения, привлечение в качестве обвиняемого и предъявление обвинения), а также расширить рамки предложенных процессуальных действий, требующих ознакомления соответствующих лиц (например, ознакомление с назначением и заключением экспертизы, разрешение ходатайств, ознакомление с материалами уголовного дела), при обеспечении права на получение соответствующих копий.

Возможность применения ВКС так же регламентируется ст. 164 и 166 УПК РФ, в которых отсутствуют требования на используемую инфраструктуру и программное обеспечение [3, с. 2–6].

Ещё в 2014 году в деятельность МВД России был внедрён программно-аппаратный комплекс «СВКС», входящий в электронный документооборот ИСОД МВД России, позволяющий обеспечить требования ст. 161 УПК РФ на должном уровне. Такой комплекс обеспечивает подключение к интегрированной мультисервисной телекоммуникационной системе (ИМТС), именуемой иногда внутриведомственным VPN. Система полностью обеспечивает необходимую степень защиты передаваемой информации подключённых пользователей, которые во время сеанса ВКС не подключены к Интернету, и может использоваться

не только на стационарных компьютерах, но и в мобильных устройствах со специальными SIM-картами (планшеты) [4, с. 45–50]. Именно поэтому использование общедоступных средств ВКС, по нашему мнению, недопустимо, так как не может обеспечить должной защиты информации.

На сложности в реализации соответствующих изменений УПК РФ, связанных с недостаточной оснащённостью следственных органов необходимыми для ВКС техническими средствами, обращают внимание и другие авторы [5, с. 108–115]. При этом законодателем не определён круг лиц, в отношении которых возможно применение новых технологий, однако анализ положений УПК РФ позволяет процессуалистам отнести к таким участникам подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, специалиста, эксперта, лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве [6, с. 349–377]. Отдельными учёными выдвигаются предложения об исключении из этого списка подозреваемого и обвиняемого, с которыми необходимо проводить большое количество других следственных действий, не предусмотренных в формате ВКС. Другими, наоборот, о включении в данный список тяжелобольных лиц и лиц с ограниченными возможностями здоровья, для которых предусмотреть особенности применения новых технологий. Третьи предлагают распространение технологий ВКС на всех субъектов уголовно-процессуальной деятельности, вне зависимости от процессуального статуса [7, с. 18–22]. Последнюю точку зрения считаем самой взвешенной и не требующей дополнительного реформирования УПК РФ.

Таковыми участниками должны стать все субъекты уголовно-процессуальной деятельности, имеющие различного рода процессуальные статусы, а сама процедура веб-конференции должна быть максимально приближена к реальным процессуальным процедурам.

Таким образом, проведённое нами исследование позволяет констатировать, что в условиях цифровизации общественных отношений системы видео-конференц-связи приобретают востребованный характер в рамках уголовного судопроизводства, в том числе на стадии предварительного расследования.

Считаем необходимым выдвинуть следующие научно обоснованные предложения:

1. Внедрение видео-конференц-связи не требует пересмотра основополагающих принципов и правил производства предварительного расследования.
2. Использование систем видео-конференц-связи допустимо только на программно-аппаратных комплексах по типу СВКС, обеспечивающих необходимую степень защиты передаваемой информации подключённых пользователей.
3. Уголовно-процессуальные процедуры требуют совершенствования технологий видео-конференц-связи в части расширения количества подключаемых участников либо параллельного внедрения систем, позволяющих проведение веб-конференц-связи с многочисленными участниками.
4. Возможности видео-конференц-связи должны быть доступны для всех участников уголовного судопроизводства.
5. Применение видео-конференц-связи допустимо при производстве не только допроса, очной ставки и опознания, но и других следственных и процес-

суальных действий, которые нуждаются в законодательном урегулировании, при обеспечении права на получение соответствующих копий.

1. Власов П.Е. Приоритетные направления цифровой трансформации уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2023. № 6.
2. Самсонов П.А. Дистанционное участие потерпевшего в процессуальных действиях на стадии предварительного расследования // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 5.
3. Валов С.В. Ресурсное обеспечение цифровой трансформации следственной деятельности // Российский следователь. 2023. № 3.
4. Шевырталов Е.П., Дерюгин Р.А. Организационно-тактические особенности проведения допроса с использованием систем видео-конференц-связи // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 1.
5. Сенокосов А.А. Пути совершенствования правовой регламентации оказания квалифицированной юридической помощи участникам уголовного судопроизводства в условиях развития цифровых технологий // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 8.
6. Афанасьева С.И., Добровлянина О.В. О внедрении, развитии, усовершенствовании электронных способов собирания доказательственной информации по уголовным делам // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 2.
7. Дударев В.А. Дистанционный допрос несовершеннолетних в зарубежных странах и Российской Федерации: проблемные вопросы // Международное уголовное право и международная юстиция. 2023. № 2.

Ключевые слова: следственные действия, процессуальные действия, видео-конференц-связь, предварительное расследование, правила организации, порядок использования, условия применения.

УДК 34.07

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ОРУЖИЯ В РОССИИ И МЕРЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯМ

Фомичев Андрей Андреевич,

кандидат юридических наук,

преподаватель кафедры криминалистики

и предварительного расследования в ОВД,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,

302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье раскрывается проблема незаконного оборота оружия в России. Приводятся и анализируются статистические сведения, характеризующие данную проблему. Освещаются принимаемые меры по ее устранению. Делается вывод о противоречивости положительной динамики в официально фиксируемом количестве преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия.

Сегодня проблема незаконного оборота оружия как на территории России, так и за ее пределами продолжает оставаться весьма актуальной. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации признает выявление и пресечение преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств одной из приоритетных задач в реализации государственной политики по обеспечению национальной безопасности (п. 15 ст. 47) [1].

Незаконный оборот оружия обоснованно признан угрозой национальной безопасности. Он выступает одним из факторов совершения убийств и разбоев, бандитизма, терроризма, торговли людьми, незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, служит катализатором для развития организованной преступности в целом. Количественные показатели незаконного оборота оружия справедливо рассматриваются в качестве индикатора, позволяющего оценить состояние безопасности личности, общества и государства.

Ежегодно в России выявляется порядка 20 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. Кроме того, велико количество преступлений, совершаемых с применением оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

В 2024 году официально было зарегистрировано 18 567 преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. Из них раскрыто 11 770 преступлений, не раскрыто – 6 058 (доля раскрываемости составила 66 %). Всего было выявлено 8 076 лиц, уличенных в незаконном обороте оружия [2, с. 26].

Количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, по сравнению с январем–декабром 2023 года сократилось на 4,2 % и составило 18,6 тыс., а количество выявленных фактов хищения и вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств сократилось на 6,2 % (542 преступления). В январе–декабре 2024 года с использованием оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств совершено 5,8 тыс. преступлений (+0,8 %) [2, с. 3].

В 2023 году официально было зарегистрировано 19 371 преступление, связанное с незаконным оборотом оружия. Из них раскрыто 13 030 преступлений, не раскрыто – 6 501 [3]. Аналогичное количество преступлений было зарегистрировано в 2022 году – 19,4 тыс. В предыдущие года данные показатели выглядели следующим образом:

- в 2021 году – 23507 преступлений;
- в 2020 году – 24792 преступления;
- в 2017 году – 28916 преступлений;
- в 2010 году – 30428 преступления [4].

Несмотря на положительную динамику в борьбе с незаконным оборотом оружия, выражающуюся в снижении количества данного вида преступлений, их объем продолжает оставаться весьма масштабным. Только на новых территориях Российской Федерации в 2023 году изъято 1 700 единиц вооружения и полтора миллиона боеприпасов [5].

На расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации Министр МВД России В.А. Колокольцев указал, что сегодня

противодействие незаконному обороту оружия является одним из актуальных вопросов. Для его решения дополнительно принимаются следующие меры:

- совместно с Роскомнадзором организована работа по пресечению распространения информации в сети Интернет о способах изготовления оружия и его переделки. Удалено и заблокировано 370 таких ресурсов;

- осуществляется контроль в сфере легального оборота;

- с апреля прошлого года при оформлении Росгвардией лицензии сотрудники органов внутренних дел проводят проверки на наличие рисков нарушения прав и свобод граждан, угрозы государственной или общественной безопасности. Всего рассмотрено порядка 35 тысяч соответствующих запросов из подразделений Росгвардии. Отрицательные заключения вынесены в отношении одной тысячи лиц;

- оказывается практическая помощь территориальным органам, дислоцированным в новых субъектах, где сотрудниками центрального аппарата МВД России были обнаружены специально оборудованные схроны, предназначенные для использования ВСУ. Из тайников изъяты: 87 гранатометов, более 800 различных снарядов, мин, 67 единиц стрелкового вооружения и свыше 35 тысяч патронов разного калибра, 200 тонн взрывчатых веществ.

В целом число преступлений с использованием оружия снизилось почти на 15 % [5].

Вместе с тем в условиях напряженной социально-политической обстановки создается благоприятная среда для процветания криминала. Преступность непрерывно развивается, приобретает новые формы и виды, вовлекает в свои ряды значительную часть населения. Активно совершенствуется организованная преступность. Она использует механизмы нелегального оборота оружия, маскирует его и существенно осложняет борьбу с ним. Данные деяния создают реальную угрозу государственной и общественной безопасности. Все это диктует потребность в приобретении новых знаний, умений и навыков, необходимых для повышения эффективности правоохранительных органов в противодействии незаконному обороту оружия и преступности в целом.

Таким образом, современное состояние незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в России характеризуется двояко. С одной стороны, наблюдается устойчивая тенденция снижения общего количества официально зарегистрированных преступлений в рассматриваемой сфере общественных отношений. Данная тенденция отражает положительную динамику и свидетельствует о снижении уровня преступности. С другой стороны, прослеживается усиление теневого оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, который в официальной статистике не отражается. При этом наблюдается включенность в данные процессы транснациональной организованной преступности, что говорит о повышении общественной опасности рассматриваемых преступлений. Противоречивость обозначенных тенденций позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на устойчивое снижение официально регистрируемых преступлений в сфере незаконного оборота оружия, проблема, связанная с их совершением, не устраняется, а приобретает скрытые формы, что, напротив, лишь повышает ее опасность.

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 02.07.2021 № 400 / Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.03.2025).
2. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 года. М.: ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России.
3. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2023 года. М.: ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России.
4. Портал правовой статистики / Официальный сайт Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 16.03.2024).
5. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации / Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/news/item/48711678> (дата обращения: 16.03.2024).

Ключевые слова: оружие, боеприпасы, незаконный оборот оружия, взрывчатые вещества, взрывные устройства, противодействие незаконному обороту оружия.

УДК 343.9

К ВОПРОСУ О ПРОВОКАЦИОННЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ОТНОШЕНИИ АДВОКАТА КАК СУБЪЕКТА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Хузиахметов Денис Мингалеевич,
управляющий директор,
ООО «Юридическая коллегия «Белая сова»,
119530, г. Москва, Очаковское ш., д. 28с2

В статье автором исследуется проблема провокации в оперативно-розыскной деятельности, акцентируя внимание на её противоречивом характере между необходимостью борьбы с преступностью и соблюдением прав граждан. Анализируется недостаточная законодательная регламентация провокационно-подстрекательских действий, особенно в коррупционных делах, что приводит к злоупотреблениям под видом «оперативных экспериментов».

В доктрине уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности вопрос о допустимости провокации как метода противодействия преступности остаётся дискуссионным и не имеет однозначного решения. Актуальность данной проблемы обусловлена противоречием между необходимостью эффективной борьбы с преступностью и соблюдением основополагающих прав и свобод человека и гражданина. Между тем, проблема допустимости провокации в оперативно-розыскной деятельности является сложной и многогранной, затрагива-

ющей вопросы законности, нравственности и эффективности правоохранительной деятельности.

В научной литературе, посвященной данной теме, отчетливо прослеживаются две противоположные точки зрения. Сторонники первого подхода исходят из того, что спровоцированное преступление не может быть законным, поскольку оно является результатом не только нарушения закона со стороны спровоцированного лица, но и злоупотребления властью со стороны правоохранительных органов. В то же время сторонники второго подхода утверждают, что провокация может быть оправдана, если она является необходимым средством для выявления лиц, потенциально способных совершить преступление, и используется с соблюдением строгих ограничений и под контролем судебных органов.

Так, например, С.В. Милуков и А.В. Никуленко в своем исследовании, обращаясь к зарубежной практике, приводят убедительные примеры, подтверждающие допустимость полицейской провокации [1, с. 36]. Между тем М.П. Клейменов, основываясь на оценке общественного мнения, обосновывает недопустимость провокации совершения преступления со стороны государства даже в отношении лиц, склонных к правонарушениям [2, с. 47]. Сторонником этой позиции является В.Н. Борков, который, в частности, утверждает, что легитимизация провокации необоснованна, даже в целях выявления и «разоблачения» лиц, склонных к противоправным действиям [3, с. 11].

В последние годы в правоприменительной практике наблюдается усиление тенденции к тому, что имитация борьбы с коррупцией преобладает над реальными результатами в этой сфере. Очевидный дисбаланс между декларируемыми целями и фактическими результатами обуславливает необходимость категоризации данного социального феномена. Анализ следственной и судебной практики позволяет выделить три типичных оперативных «паттерна» профессионального поведения: правомерный, провокационный и провокационно-подстрекательский.

Первые два вида поддаются несложным определениям (1) «правомерное» – обоснованное оперативно-розыскное мероприятие, проводимое с целью изобличения взяточполучателя, характеризующееся в качестве общественно полезного поведения, (2) «провокационная деятельность» квалифицируется как преступное деяние. Между тем третий термин, обозначающий провокационно-подстрекательскую деятельность сотрудников правоохранительных органов отдельные специалисты предлагают рассматривать «...в качестве нового, пока не отраженного в гл. 8 УК РФ обстоятельства, исключающего преступность деяния, совершенного лицом, в отношении которого эта деятельность осуществлялась» [4, с. 8].

Недостаточная законодательная регламентация вопросов освобождения от уголовной ответственности лиц, спровоцированных на совершение преступления, в настоящее время компенсируется разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации, содержащимися в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (далее – постановление Пленума от 09.07.2013 № 24) [5, с. 36].

Вместе с тем дискуссионным остается вопрос об ответственности организаторов и исполнителей провокаций. Представляется, что отсутствие четкой правовой квалификации действий лиц, осуществляющих провокацию, создает условия для безнаказанности и лишает спровоцированное лицо возможности эффективно защищать свои права от противоправных посягательств.

Примечательно, что уголовная ответственность за провокационно-подстрекательскую деятельность предусматривалась в ранних редакциях Уголовного кодекса РСФСР.

В частности, ст. 115 Уголовного кодекса РСФСР 1922 года устанавливала ответственность за провокацию взятки, определяемую как «...т.е. заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение взятки, в целях последующего изобличения дающего взятку». Аналогично, ст. 119 Уголовного кодекса РСФСР 1926 года предусматривала ответственность за «...заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение и получение взятки, в целях последующего изобличения дающего или принявшего взятку».

В данном контексте следует отметить желание советского законодателя защитить граждан от провокации дачи взятки самим должностным лицом. В свою очередь, изобличение должностного лица в совершении преступления путем провокации осталось за пределами внимания уголовного законодательства РСФСР.

Решение проблемы возможного конструирования уголовно-правовых норм, запрещающих провокационно-подстрекательских деяния, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов, предполагает обращение к трем составам преступления: фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). При этом следует подчеркнуть, что в ст. 303 УК РФ понятие «фальсификация» не раскрывается.

Единственным составом, охватывающим от части действия, связанные с провокацией получения взятки является ст. 304 УК РФ «Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд».

Анализ статистических данных Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации (далее – Судебный Департамент ВС РФ) послужил основанием предположить, что привлечение к уголовной ответственности по ст. 304 УК РФ для судебной практики является экстраординарным событием. Так, в 2022 г. было вынесено всего два обвинительных приговора по ст. 304 УК РФ, в то время как в 2021 и 2023 годах дела по данному составу преступления судами не рассматривались вовсе. В то же время число лиц, осужденных по ст. 290 УК РФ «Получение взятки», в 2021 г. составило 981, в 2022 г. – 1 367, в 2023 г. – 1 631 [6].

В данном контексте заслуживает внимания позиция В.М. Зенцовой, согласно которой рассматриваемые нормы должны быть либо универсальными, либо подлежать исключению из уголовного законодательства. Также автор говорит о том, что в случае исключения ст. 304 УК РФ совершение сотрудниками

правоохранительных органов в ходе ОРМ провокационно-подстрекательских действий следовало бы квалифицировать как признак состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, поскольку в данном случае в данных действиях присутствуют все признаки злоупотребления должностными полномочиями [7, с. 5].

В целом разделяя позицию автора, следует добавить, что, устанавливая уголовную ответственность за провокацию только к двум преступлениям, предусмотренным УК РФ (коммерческий подкуп и подкуп в сфере закупок), законодатель тем самым отстранился от криминализации общественно опасных действий со стороны правоохранительных органов, получивших распространение в правоприменительной практике.

Переходя от общего к частному, остановимся на провокационно-подстрекательских действиях правоохранительных органов в отношении адвоката как субъекта уголовного судопроизводства, в том числе в криминалистическом аспекте этого явления.

Наиболее точно отображают реальную ситуацию с количеством осужденных адвокатов статистические данные Минюста России о числе адвокатов, чей статус прекращен в связи с осуждением. Так, в 2013 г. в связи с осуждением за умышленные преступления были лишены статуса 42 адвоката, в 2014 г. – 47. В период с 2015-го по 2017 год ежегодно количество лиц, лишенных адвокатского статуса по этому основанию, составляло 33-34 и только в 2018 году возросло до 53. Приведенные статистические данные опубликованы на сайте Адвокатской палаты Российской Федерации [8].

В то же время в 2023 году фигурантами уголовных дел стали уже 67 адвокатов. Уголовные дела в основном касаются обвинений в мошенничестве и посредничестве во взятках. Как отмечает вице-президент Федеральной палаты адвокатов России Денис Лактионов, количество нарушений прав адвокатов растет [9].

На основе представленных статистических данных мы можем лишь констатировать стабильность по количеству дел коррупционной направленности, возбужденных в отношении представителей адвокатского сообщества. Увеличение количества дел в большей степени обусловлено увеличением представителей адвокатского сообщества.

В современной правовой системе США активно используется термин *person of interest*, обозначающий «лицо, которое является объектом полицейского расследования, но которое не было признано следователем в качестве подозреваемого в совершении преступления» [10]. Можно определить *person of interest* как лицо, представляющее интерес для правоохранительных органов, которое необязательно в последующем приобретает процессуальный статус подозреваемого по уголовному делу, по результатам проверочных мероприятий оно может стать свидетелем или вообще не получить процессуальный статус участника производства по уголовному делу. В современных условиях с учетом роста российской адвокатской корпорации можно с уверенностью утверждать, что адвокат является «интересной персоной» для осуществления в отношении него провокационно-подстрекательских действий.

Безусловно, мы не возьмемся утверждать, что осуждение адвоката за совершение преступления коррупционной направленности, всегда сопровождается

провокацией. Большей частью привлечение адвоката к уголовной ответственности становится результатом его ошибок в трактовке и понимании адвокатской этики, ее злонамеренным нарушением и в виду злоупотребления доверием клиента.

Адвокатские палаты субъектов Российской Федерации отмечали, что осуждение коллег явилось следствием игнорирования ими требований п. 4 ст. 7 Закона об адвокатуре, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката в части обязанности выполнять КПЭА и «честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности», а также пп. 6, 8 ст. 9 КПЭА в части недопустимости привлекать лиц в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещать благополучный исход дела и разрешать его недостойными способами, в том числе с помощью приобретения каким бы то ни было способом имущества потерпевших и принадлежащих им имущественных прав [11].

Случаи мошенничества и покушения на мошенничество связаны с указанием осужденных адвокатов на наличие личных связей с сотрудниками правоохранительных органов и судей, экспертами, судебными приставами-исполнителями и сотрудниками ФСИН России. Злоупотреблением доверием и обман выражаются в обещании доверителям прекращения дела или вынесения судом мягкого наказания, уменьшение объема обвинения путем переквалификации действий, и избрание или изменение меры пресечения на не связанную с лишением свободы, благополучный результат экспертизы, изменение места отбывания наказания, перевод в камеру улучшенного содержания, получение гражданства Российской Федерации.

В виду освещенного выше аспекта отсутствия в российской правовой системе уголовно-правовой квалификации провокационно-подстрекательских действий, собрать справедливую статистику о совершении провокации в отношении адвокатов не представляется возможным. Более того, неизвестно ни одного случая судебного признания провокации в отношении адвоката. С сожалением можно утверждать, что единичны случаи отказа обвиненных в совершении преступлений адвокатов от признания вины, велика доля рассмотрения дел названной категории в особом порядке. Адвокат не готов идти на риски судебного установления совершения в отношении него провокации, велика вероятность назначения более сурового наказания за процессуальное «воспрепятствование» скорейшему рассмотрению дела судом.

Остановимся на примере провокационно-подстрекательских действиях правоохранительных органов в отношении адвокатов, на примере исследованных материалах уголовных дел.

Оперативно-розыскная деятельность основывается на конституционных принципах законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также на принципах конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств (ст. 3 ФЗ «Об ОРД»). При проведении оперативно-розыскных мероприятий должностные лица, их осуществляющие вправе использовать помощь отдельных граждан с их согласия на гласной или негласной основе (ст. 6 ФЗ «Об ОРД»). При этом в целях соблюдения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении ОРД органом, осуществляющим ОРД, запрещается

подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (ст. 5 ФЗ «Об ОРД»).

Законодатель вполне конкретно и определенно указал, что подразумевается под подстрекательством, и, какие способы и методы оперативно-розыскной деятельности выходят за пределы нормальной правоохранительной деятельности.

Однако в ходе изучения материалов одного из уголовных дел само постановление о проведении оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» содержит в себе указание на необходимость осуществления в отношении адвоката провокационных действий. В постановлении указано, что в ходе проведения ОРМ получены данные о вымогательстве членами организованной группы денежных средств в качестве взятки с гражданина за прекращение доследственной проверки и невозбуждение в отношении него уголовного дела. Исходя из срока, отведенного гражданину на сбор вымогаемой суммы денежных средств, отсутствия с ним последующих контактов со стороны адвоката, оперативные мероприятия по установке и документированию других эпизодов его возможной противоправной деятельности, ограничены. С учетом выявленных признаков приготовления преступления, в целях создания и использования, управляемых и контролируемых условий, направленных на реализацию оперативной информации, фиксацию полученных при этом данных о лицах, фактах, явлениях и процессах, запланировано проведение ОРМ «оперативный эксперимент».

Каким образом при отсутствии контактов адвоката с предполагаемым потерпевшим последний вымогал у него взятку, в постановлении не раскрывается. Но при этом все действия сотрудников направлены на создание «управляемых и контролируемых условий» для совершения адвокатом преступления. В том числе именно с этой целью потерпевший в предыдущий период отказывается от заключения договора поручения и проведения оплаты через кассу коллегии адвокатов.

В ходе судебного заседания как агент-провокатор, так и потерпевший указывали на осуществление провокационных действий по указанию и легенде сотрудников правоохранительных органов.

С точки зрения тактики реализации оперативный эксперимент подразумевает под собой контролируемую с помощью специальных аудио-, видеофиксирующих средств реализацию сценария противоправного события (получение взятки; коммерческий подкуп), исключаящую подстрекательство, фальсификацию и иные нарушения закона, осуществляемую с целью задержания взяткополучателя «с поличным» после непосредственного получения предмета взятки/коммерческого подкупа [12, с. 20].

К провокации следует относить действия сотрудников органа дознания, побудившие так называемого взятковымогателя к принятию предмета коммерческого подкупа или взятки [13]. Принятие предмета взятки (коммерческого подкупа) взятковымогателем при указанных обстоятельствах не содержит в себе признаков состава преступления. В тоже время, как суд первой инстанции, так и вышестоящие суды вопросы исключения доказательств в виду осуществления в отношении адвоката провокации взятки оставили без удовлетворения. Вопрос об освобождении адвоката от уголовной ответственности не рассматривался судов вовсе.

Основной вопрос, который встает перед практикующими адвокатами, – на что следует обратить внимание при решении вопроса о том, осуществляются или нет в отношении защитника провокационно-подстрекательские действия. Для ответа на поставленный вопрос следует разграничить круг субъектов, вовлеченных в подстрекательство внешними и внутренними по отношению к исполняемому поручению.

К внешним субъектам провокационно-подстрекательских действий мы относим государственных служащих (судью, следователя, прокурора, оперативного сотрудника, пристава и тд.), непосредственно осуществляющих распорядительно-контрольные функции по конкретному делу, в рамках которого адвокат осуществляет оказание услуг; представители профессионального сообщества (адвокаты, юристы, специалисты, эксперты), вовлеченные в процесс оказания услуг.

Внутренними субъектами провокационно-подстрекательских действий, по нашему мнению, являются доверитель (подзащитный), родственники доверителя (подзащитного), деловые партнеры и знакомые доверителя (подзащитного). Как внешние, так и внутренние субъекты подстрекательства могут быть вовлечены в процесс искусственного создания условия для совершения коррупционного преступления адвокатом. При этом участие каждого из указанных субъектов может иметь последовательный поэтапный характер, – при отказе адвоката от предложения совершения коррупционного преступления от одного субъекта, к осуществлению провокации привлекается следующий.

В приведенном выше примере оперативного эксперимента отказ адвоката от взаимодействия с доверителем привел к необходимости привлечения двух дополнительных субъектов – профессионального юриста (внешний субъект) и делового партнера (внутренний субъект) доверителя для продолжения провокационно-подстрекательских действий.

Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что круговое и поэтапное обращение к адвокату с коррупционным предложением по одному делу, начиная от доверителя (подзащитного), заканчивая представителями профессионального сообщества и государственными служащими, указывают на осуществление в отношении адвоката планомерных провокационно-подстрекательских действий. Адвокат в таком случае обязан прекратить оказание услуг на основании п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которой никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных настоящим Кодексом, не могут быть исполнены адвокатом [14].

Отклонениями в поведении доверителя (подзащитного) и иных уполномоченных им лиц на взаимодействие с адвокатом являются:

- отказ от заключения договора оказания услуг, договора поручения под различными предложениями;
- отказ от оплаты юридических услуг на счет коллегии;
- неоднократное (систематическое) обсуждение лично и посредством общедоступных средств связи возможности адвоката повлиять на исход дела с использованием коррупционных связей;

- неоднократное (систематическое) указание на оплату услуг за достижение конкретного результата по делу с использованием коррупционных связей;
- отказ от встречи в офисе адвокатского образования, изменение места и времени встречи непосредственно перед самой встречей;
- включение в процесс взаимодействия других лиц для обсуждения процесса оказания услуг, в том числе в случае отказа адвоката от взаимодействия непосредственно с доверителем (подзащитным) в виду коррупционных предложений последнего.

При наличии совокупности двух и более приведенных отклонений в поведении доверителя (подзащитного) адвокату следует отказаться от дальнейшего оказания услуг, чтобы не стать жертвой провокации.

Особое внимание следует уделить заключению соглашений на оказание юридической помощи и внесения платы за оказанные услуги в кассу (на счет) адвокатского образования. Отсутствие соглашения является определяющим в оценке действий адвоката в качестве преступного. Наличие соглашения при отсутствии поступления гонорара на счет коллегии является не менее весомым аргументом для правоохранительных и судебных органов.

Адвокатская палата Российской Федерации выработала позицию, согласно которой адвокаты, привлеченные к уголовной ответственности при получении денег, соглашение об оказании юридической помощи не заключали, практически во всех случаях денежные средства в кассу адвокатского образования не вносились, квитанции о получении не выписывались и не готовились заранее.

Однако имелись случаи нотариального оформления на себя или на родственников адвоката недвижимости лиц, которым была обещана та или иная помощь, либо как гонорар, либо для продажи и последующей передачи должностным лицам, что значительно облегчало доказывание по таким делам [11].

Таким образом, проблема провокации в оперативно-розыскной деятельности остаётся острой и противоречивой, балансируя между необходимостью борьбы с преступностью и защитой прав граждан. Отсутствие чёткой законодательной регламентации провокационно-подстрекательских действий, особенно в контексте коррупционных дел, создаёт риски злоупотреблений со стороны правоохранительных органов. Для минимизации рисков адвокатам следует строго соблюдать процедуры: заключать письменные соглашения, оформлять оплату исключительно через счёт адвокатского образования и фиксировать подозрительные действия доверителей.

В заключение отметим, что провокация остаётся «серой зоной» в отечественной регуляторике, требующей законодательной чёткости и усиления гарантий для адвокатов, чьи права часто нарушаются в угоду «показательной» борьбы с коррупцией, что подрывает доверие к правосудию и создаёт условия для безнаказанности правоохранительных органов.

1. Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Неочевидные решения проблем силового противодействия преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 1. С. 36–45.

2. Клейменов М.П. Полицейский произвол: мифы и реальность // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 1. С. 46–54.

3. Борков В.Н. Квалификация действий лица, спровоцированного на нарушение уголовного закона // Материалы VIII Международной научно-практической конференции (ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, 28–29 апреля 2022 года), 2022. С. 11–20.
4. Комиссаров В., Яни П. Провокационно-подстрекательская деятельность в отношении должностного лица как обстоятельство, исключающее ответственность за получение взятки // Законность. 2010. № 9. С. 8–12.
5. Яни П. Новое Постановление Пленума Верховного Суда о взяточничестве // Законность. 2013. № 12. С. 36–39.
6. Судебная статистика Рос. Федерации за 2024 год. URL: <https://sudstat.ru/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 26.03.2025).
7. Зенцова В.М. Провокационно-подстрекательская деятельность сотрудников правоохранительных органов по делам о взяточничестве // Адвокатская практика. 2020. № 1. С. 3–7.
8. Отчет о деятельности Совета ФПА РФ за период с апреля 2023 года по апрель 2025 года. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/analytical-report-on-the-involvement-of-lawyers-to-criminal-liability-and-they-commit-the-typical-mi> (дата обращения: 02.05.2025).
9. Тасс информирует. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21234955> (дата обращения: 02.05.2025).
10. Black's Law Dictionary / Editor Bryan A. Garner. 8th ed. Eagan: West (Thomson Reuters), 2009.
11. Аналитическая справка о привлечении адвокатов к уголовной ответственности и совершаемых ими типичных ошибках: принята к сведению Советом ФПА РФ на заседании 24.09.2019. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/analytical-report-on-the-involvement-of-lawyers-to-criminal-liability-and-they-commit-the-typical-mi> (дата обращения: 02.05.2025).
12. Лебедева А.А. Отказ в возбуждении уголовного дела – нарушение закона при производстве оперативного эксперимента // Российский следователь. 2020. № 3. С. 19–22.
13. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) // Рос. газ. 2013. 17 июля.
14. Кодекс профессиональной этики адвоката: принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 (ред. от 15.04.2021). URL: <https://fparf.ru> (дата обращения: 22.04.2025).

Ключевые слова: провокация, оперативно-розыскная деятельность, коррупционные преступления, законодательная регламентация, оперативный эксперимент.

УДК 343.1

ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ НА СТЫКЕ НАДЗОРНОЙ И ОБВИНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИЙ

Царева Юлия Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса,
Нижегородская академия МВД России,
603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское ш., д. 3

Исследование нацелено на разбор функциональных обязанностей прокурора в рамках уголовно-процессуального законодательства, с акцентом на выявление и анализ трудностей, возникающих в сфере его компетенции на стыке надзорной и обвинительной ролей.

В статье выделены исторические вехи развития прокуратуры с момента её формирования в качестве самостоятельного ведомства до преобразования в ключевой государственный орган, реализующий, с одной стороны, функцию публичного обвинения, с другой – функцию надзора, в том числе за органами государственной власти на уровне Федерации и её субъектов. Проанализирована нормативная база, являющаяся регулятором уголовно-процессуальных отношений, возникающих между прокурором и иными участниками, деятельность которых в том числе ему поднадзорна. Уделено внимание проблемам, спровоцированным сочетанием у прокурора двух вышеназванных направлений деятельности, а также сложностям организационного характера, сопровождающим его деятельность, пути преодоления которых нашли отражение на завершающем этапе работы.

Институт прокуратуры в России был учрежден указом Петра I от 12 января 1722 года. Первым генерал-прокурором был назначен П.И. Ягужинский, который должен был осуществлять надзор за деятельностью Сената и других государственных органов [1, с. 81–83]. Прокуратура была создана для борьбы с коррупцией, беспорядками и неправосудием, что отражено в словах Петра I: «Вот око мое, коим я буду все видеть» [2]. В период правления Екатерины II роль прокуратуры весомо возросла. Генерал-прокурор получил функции контроля за деятельностью Сената и его департаментов, а также надзора за исполнением законов на местах. В 1775 году была проведена реформа местного самоуправления, в рамках которой губернские прокуроры получили полномочия давать заключения по конкретным ситуациям и разъяснять законодательство [1].

К тому же на тот момент времени органы государственной власти находились под строгим присмотром прокурора, чьё предназначение заключалось в обеспечении законности их деятельности. В дореволюционный период прокуроры уже осуществляли две основные функции: надзор за деятельностью следственных органов и поддержание обвинения в суде. В советский период функции прокурора значительно расширились: осуществляемый им надзор за законностью стал распространяться на все этапы уголовного процесса. Так, в 1922 году была учреждена Государственная Прокуратура в составе Народного комиссариата юстиции, а в 1936 году прокуратура в дополнение ко всему получила право законодательной инициативы и совещательного голоса в заседаниях высших органов власти [2].

После распада СССР в 1991 году прокуратура Российской Федерации продолжила свою деятельность, сохраняя преемственность с советским периодом, но адаптируясь к новым условиям правового государства [1, с. 81–83].

В современной России прокурор продолжает выполнять обе функции: надзор за законностью действий (бездействия) и решений должностных лиц и поддержание обвинения в суде. Об этом гласит ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре РФ» [3]. И что касается второй из названных функций, её проявлением на досудебном этапе производства по делу является участие прокурора как субъекта уголовно-процессуальных отношений в уголовном преследовании, то есть деятельности, призванной изобличить подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ). Однако, придерживаясь мнения о двойственности роли прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса, вряд ли можно согласиться с тем, что он осуществляет надзор и уголовное преследование, используя одни и те же полномочия («в том же своем качестве») [4, с. 67].

Рассмотрим функции надзора и поддержания государственного обвинения в суде более подробно.

(1) Надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия

Мы акцентируем внимание лишь на отдельных полномочиях, осуществляемых прокурором в рамках надзорной деятельности, согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству. Итак, прокурор вправе: инициировать уголовное преследование, направляя соответствующие материалы в орган предварительного расследования, имеющий право возбудить уголовное дело либо отказать в этом (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ); отменить незаконное и/или необоснованное постановление следователя (дознателя) о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении дела (ч. 4 ст. 146, ч. 6 ст. 148 УПК РФ), о приостановлении предварительного расследования (ч. 1.1 ст. 211 УПК РФ) о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) (ч. 1 ст. 214 УПК РФ); давать дознавателю обязательные для исполнения письменное поручение о направлении хода расследования (п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ); прекратить уголовное дело, направленное ему дознавателем по окончании дознания в общем порядке либо в сокращенной форме (п. 3 ч. 1 ст. 226, п. 4 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ).

Исполняя обозначенные в законе полномочия, на основании письменного мотивированного запроса прокурор может истребовать для изучения любое уголовное дело, находящееся в производстве следователя либо дознавателя.

Важность промежуточного этапа уголовно-процессуальной деятельности, разграничивающего досудебное и судебное производство, в рамках которого прокурор принимает решение о дальнейшем движении уголовного дела, очевидна и бесспорна. Задача прокурора – обстоятельно ознакомиться с материалами дела¹, заручиться необходимыми доказательствами, выбрать стратегию предъявления их суду, а также оценить потенциальные доводы защиты обвиняемого.

¹ В течение 10 суток при ознакомлении с материалами дела, поступившего с обвинительным заключением (с возможностью продления данного срока вышестоящим прокурором по мотивированному ходатайству до 30 суток); в течение 5 суток – если уголовное дело поступило с обвинительным актом и 3 суток – с обвинительным постановлением.

Принимая значимое решение о направлении уголовного дела в суд для его рассмотрения по существу, и утверждая итоговые документы стадии предварительного расследования¹, прокурор не только исключает наличие в изученном им уголовном деле каких-либо нарушений процессуального законодательства, которые могут воспрепятствовать вынесению судом правосудного приговора, но и выражает намерение поддерживать в суде предъявленное лицу обвинение, выступать в роли государственного обвинителя и выполнить всё, чтобы собранные доказательства устояли и были положены в основу обвинительного приговора суда. Акт утверждения прокурором обвинительного заключения (обвинительного акта или обвинительного постановления) на данном этапе – свидетельствует о надлежащем качестве проведенного прокурорского надзора и одновременно олицетворяет волю прокурора отстаивать в суде обвинение как утверждение об инкриминируемом лицу преступлении.

И наоборот, если прокурор отказывается утвердить эти документы², по сути, он отвергает возможность направления данного дела в суд и поддержания по нему обвинения, считает необходимым устранение выявленных нарушений либо проведение по делу дополнительных следственных и иных процессуальных действий (при недостаточности имеющихся в деле доказательств). При наличии нарушений в процессе собирания доказательств, он вправе признать имеющиеся в уголовном деле доказательства недопустимыми и вынести соответствующее постановление (ч. 3 ст. 88 УПК РФ). Кроме того, в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, прокурор вправе прекратить уголовное дело, направленное ему дознавателем с обвинительным актом или обвинительным постановлением по окончании дознания в общем порядке (гл. 32 УПК РФ) или в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК РФ) соответственно (п. 3 ч. 1 ст. 226, п. 4 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ).

Мы подошли к заглавному тезису: всесторонность и эффективность прокурорского надзора на подготовительных, досудебных стадиях движения уголовного дела, во-первых, свидетельствует о соблюдении и охране прав и свобод участников уголовного процесса на этапе, предворяющем главное разбирательство, во-вторых, *в большинстве случаев* предопределяет факт подтверждения в суде предъявленного лицу обвинения в совершении одного либо нескольких инкриминируемых ему деяний, что в свою очередь служит средством достижения назначения уголовного судопроизводства.

(2) Уголовное преследование и поддержание государственного обвинения в суде

В рамках своих полномочий прокурор неукоснительно следует законодательству. Олицетворяя идею публичности в уголовном судопроизводстве, прокурор в судебном процессе выступает в роли государственного обвинителя. Последняя охватывает различные этапы судебного разбирательства, устанавливая

¹ Обвинительное заключение – по итогам предварительного следствия; обвинительный акт по результатам дознания в общем порядке (гл. 32 УПК РФ); обвинительное постановление – дознания в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК РФ).

² Решения, принимаемые прокурором по уголовному делу, поступившему ему с обвинительным заключением, обвинительным актом или обвинительным постановлением, содержатся в ст. 221, 226, 226.8 УПК РФ соответственно.

законные рамки деятельности представителя стороны обвинения. Одновременно его участие гарантирует защиту прав и интересов всех субъектов судебного разбирательства.

Согласно п. 3 приказа Генпрокуратуры России от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» (далее – приказ) [5] прокурору надлежит заблаговременно осуществлять подготовку к судебному заседанию, продумывая тактику своих действий. Его участие в судебном заседании начинается с открытия этапа судебного следствия, где он оглашает обвинение, предъявленное лицу в ходе предварительного расследования, излагает собственное мнение по существу данного обвинения, а впоследствии на протяжении всего судебного процесса поддерживает выдвинутое обвинение, доказывая вину подсудимого и изобличая его в совершении всех вменённых ему в вину преступлений.

Для этого прокурор представляет суду изобличающие подсудимого доказательства, аргументирует собственную позицию и приводимые в её подтверждение доводы, прилагая усилия по доказыванию вины подсудимого [6, с. 71–73]. Прокурор неустанно стремится к тому, чтобы аргументация обвинения была убедительно представлена имеющимися в деле доказательствами. При оценке совокупности имеющихся доказательств прокурору предписано быть беспристрастным (п. 3 приказа).

Активно участвуя в исследовании доказательств, прокурор допрашивает участников стороны обвинения и стороны защиты, задает вопросы экспертам и специалистам. Объективность и всесторонность процедуры исследования доказательств свидетельствует о предъявлении суду лишь тех доказательств, которые отнесены к числу допустимых, а значит, могут быть положены в основу судебного приговора. И наоборот в случае обнаружения нарушений закона, прокурор незамедлительно предпринимает меры к восстановлению законности, заявляя перед судом соответствующие мотивированные ходатайства (о признании того или иного доказательства недопустимым), возражения либо протесты. Активную роль в исследовании доказательств прокурору предписывают и положения п. 3.2 приказа. А в соответствии с п. 1.2 этого же ведомственного нормативного правового акта законность и справедливость рассмотрения уголовного дела судом обусловлена активной позицией и профессионализмом государственного обвинителя.

Участвуя в судебных прениях и выступая с заключительными речами (репликами), прокурор подчеркивает значимость наиболее весомых и неопровержимых доказательств стороны обвинения, непосредственно изученных и принятых во внимание судом.

Согласно п. 3.2 Приказа прокурор должен способствовать принятию судом законного, обоснованного и справедливого решения по существу основных вопросов дела. Руководствуясь ч. 5 ст. 246 УПК РФ, он высказывает суду предложения о применении положений уголовного закона и назначении подсудимому конкретной меры наказания. При наличии оснований, предлагает суду применить дополнительное наказание, в том числе конфискацию имущества. Помимо этого, на основании ч. 7 ст. 292 УПК РФ прокурор представляет суду в пись-

менном виде предложенные формулировки решений по вопросам, разрешаемым судом при постановлении приговора.

При этом если прокурор придет к убеждению, что вина подсудимого не доказана представленными в деле и исследованными в суде доказательствами он отказывается от обвинения, излагаю суду мотивы к этому (ч. 4 ст. 37, ч. 7 ст. 246 УПК РФ).

Мы приходим к выводу, что беспрепятственное выполнение прокурором функции государственного обвинителя во многом зависит от полноты доказательств, полученных на этапе предварительного расследования, от всесторонности и объективности исследования фактов, благодаря которым доказательства были собраны, проверены и оценены уполномоченными компетентными органами и должностными лицами.

А вот о качестве и эффективности участия прокурора в суде следует судить по его реальному вкладу в принятие судом законного, обоснованного и справедливого решения, с учетом проявленных им активности, профессионализма, принципиальности и объективности в отстаивании собственной позиции (п. 1.7 приказа).

В свою очередь, законность и обоснованность вынесенного судом приговора, равно как и справедливость назначенного судом наказания тесно связаны с активной ролью и профессиональной компетентностью представителя обвинения. Основной целью прокурора при этом является – признание виновности подсудимого и его последующее наказание в пределах ответственности, предусмотренной санкцией статьи Особенной части УК РФ, что представляет собой краеугольный аспект верховенства права.

Иными словами, приняв на себя роль главного обвинителя и инициируя привлечение лица к уголовной ответственности, прокурор предрекает вопрос о его виновности, установление которого является исключительной компетенцией суда как беспристрастного органа правосудия.

А теперь затронем проблематику в части исследуемого вопроса.

Одной из ключевых проблем, препятствующих эффективной работе органов прокуратуры, является разделение функций надзора и обвинения между разными прокурорами, которое приводит к ряду процессуальных и организационных трудностей, снижающих эффективность работы органов прокуратуры. И все это идет в разрез с предписаниями п. 1.1 приказа, призванного обеспечивать квалифицированное участие прокуроров в судебном разбирательстве уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения, за расследованием которых они осуществляли надзор.

В результате подобного разделения могут возникать серьезные трудности в процессе правосудия. Отсутствие тесной связи приводит к тому, что сведения по делу передаются недостаточно полно, теряется преемственность. Надзирающий прокурор, осведомленный о тонкостях дела на этапе его расследования, утвердивший по итогам изучения всех его материалов обвинительное заключение (акт или постановление) – является единственным лицом (за исключением следователя и руководителя следственного органа), досконально знающим все обстоятельства совершенного преступления, «сильные» и «слабые» стороны процесса расследования и собирания доказательств, наиболее уязвимые в деле

моменты и обстоятельства, перечень имеющихся в уголовном деле прямых и косвенных доказательств. Кто как ни он сможет «отстоять» в суде предъявленное лицу обвинение, сделать акцент на наиболее сильных и значимых доказательствах, спрогнозировать поведение стороны защиты и аргументировано опровергнуть предъявляемые ею улики (доказательства).

И, наоборот, вступающий в дело на этапе начавшихся судебных процессов прокурор или прокурор, заменивший уже участвовавшего в деле государственного обвинителя¹, вынужден тратить время на вникание в детали, что претит продуктивной работе и в разы сокращает её эффективность. Смена прокуроров и недополучение информации инкриминирующим лицом создает дополнительные препятствия. Потеря информационной цепочки и детализации может сказаться на мощи доводов обвинения, таким образом, ослабляя его позиции в глазах судебных инстанций.

В качестве головного предложения по устранению проблем нам видится принятие комплекса мер, направленных на укрепление координации внутри прокурорского корпуса, путем создания механизма, позволяющего одному прокурору сопровождать дело на протяжении всех этапов производства, от надзорной деятельности на досудебном этапе до обвинения в суде первой инстанции и дальнейшего обжалования приговора в суде второй (апелляционной) инстанции².

Отвечая на высокие требования уголовной юстиции, прокурор сочетает в своей деятельности аспекты надзора и уголовного преследования, отражающего интенсивный обвинительный уклон, что делает его действия крайне многоаспектными. Данное должностное лицо, гарантируя соблюдение прав и свобод участников процесса, обеспечивает исполнение законов всеми должностными лицами, ведущими досудебный процесс, и одновременно возлагает на себя бремя обвинения в суде, являясь единственным представителем государства со стороны обвинения. И от того, насколько полно и всесторонне им будет реализована надзорная функция на предварительном этапе производства по уголовному делу зависит результат государственного обвинения и принятие судом итогового решения, отвечающего критериям законности, обоснованности и справедливости, способного в свою очередь восстановить права потерпевшего, нарушенные в результате совершения преступления, а значит и достичь назначения уголовного судопроизводства.

1. Атнагулов Д.Н. История становления и генезис развития института российской прокуратуры // Молодой ученый. 2022. № 44 (439). С. 81–83. URL: <https://moluch.ru/archive/439/96010> (дата обращения: 24.02.2025).

¹ В соответствии с УПК РФ (ч. 4 ст. 246 УПК РФ) ему должно быть предоставлено достаточное количество времени на ознакомление с материалами уголовного дела, ведь в отличие от суда при смене государственного обвинителя судебный процесс не начинается вновь а продолжается с того этапа, на котором произошла замена.

² Нормативные предписания действующего УПК РФ не позволяют сохранить преемственность на этапе кассационного обжалования ввиду ограниченности числа прокуроров, правомочных подать кассационное представление (см. чч. 2, 2.1 ст. 401.2 УПК РФ).

2. История органов прокуратуры. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/about-the-proc/history> (дата обращения: 15.03.2025).
3. О прокуратуре Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.09.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Ефанова В.А. Прокурор в российском уголовном процессе: проблемы нормативного регулирования и правоприменительной практики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 4 (47). С. 65–78.
5. Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства: приказ Генпрокуратуры России от 30.06.2021 № 376 (ред. от 03.07.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Абдуллина У.К. Деятельность прокурора по поддержанию государственного обвинения в суде первой инстанции // Молодой ученый. 2021. № 24 (366). С. 71–73. URL: <https://moluch.ru/archive/366/82184> (дата обращения: 24.02.2025).

Ключевые слова: прокурор, полномочия, надзор, уголовное преследование, государственное обвинение, досудебное производство, судебное разбирательство.

УДК 343.1

ВНЕДРЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА КАК КЛЮЧ К ОПТИМИЗАЦИИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Чаплыгина Анна Дмитриевна,

*адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

В статье автор отмечает, что в современных реалиях цифровизации уголовного судопроизводства необходимо исследовать вопросы активного внедрения электронного документооборота, вплоть до замены привычного уголовного дела на бумажном носителе электронным уголовным делом. Использование электронного документооборота в досудебном производстве принесет немало преимуществ, которые последовательно описываются в статье.

В современное время наблюдается развитие высоких технологий, влекущих реализацию возможности цифровых инструментов в любой деятельности человека. Кроме того, цифровизацией сейчас пронизана и сфера правоохранительной деятельности, которая также стремится к своей оптимизации и упрощению путем использования электронного документооборота, при этом отказываясь от классической формы движения документов.

XXI век является веком информатизации и активного развития информационных технологий, что находит свое выражение в разных областях общественной жизни. Данный процесс с одной стороны значительно облегчает современную жизнь человека, а с другой, создает дополнительные возможности

для совершения преступлений [1, с. 14]. Информатизация коснулась и взаимоотношений гражданина и государства в лице его органов власти. Информационные технологии внедрены и в деятельность правоохранительных органов, в том числе при использовании электронных средств в доказывании по уголовным делам, что связано с тем, что довольно значимый массив информации, в том числе о частной жизни граждан, хранится на электронных устройствах и передается с помощью сети «Интернет» и содержится в портале Госуслуг посредством применения электронного документооборота.

Современная правоприменительная практика органов предварительного расследования указывает на то, что значительная часть уголовной информации в настоящее время содержится в таких источниках доказательств, как электронные документы. Конечно, нельзя отрицать, что это заставляет пересмотреть определённые положения научной организации труда в сфере уголовного судопроизводства в условиях информационного общества и определить возможности для ее дальнейшей рационализации, оптимизации, временных и материальных затрат. Переход от аналогового способа закрепления доказательственной информации к цифровому возможен лишь при активном использовании электронных документов.

Но не все ученые одобряют возможность «оцифрования» уголовного судопроизводства, в частности С.В. Корнакова указывает на то, что «... электронный документооборот отнюдь не застрахован от утраты, а ... для старшего поколения работников правоохранительных органов до сих пор имеет смысл суждение «что написано пером, не вырубишь топором» [2, с. 60].

Конечно, нельзя не указывать на нравственные основы уголовного судопроизводства, которые не коррелируются с возможностью электронной фиксации некоторых следственных действий (освидетельствование лица, сопровождающееся его обнажением, или личного обыска). Недопустимыми являются и отдельные тактические рекомендации проведения допроса, в связи с затратностью по времени воспроизведения показаний допрошенных лиц, зафиксированных на электронном носителе, по сравнению с зачитыванием показаний из протокола допроса.

Кроме того, возможна проблема обеспечения полноты представляемой в суд информации в электронном виде, т.к. следователем в суд направляются только имеющие отношение к делу сведения, а иногда оперуполномоченные убирают ненужные с точки зрения относимости к предмету дела переговоры или их фрагменты, оставляя только необходимую информацию.

Однако данный критический взгляд на проблему цифровизации уголовного судопроизводства, не учитывает современный уровень развития информационных технологий и преувеличивает достоинства письменной формы фиксации доказательственной информации. Говоря об особенностях письменной формы фиксации доказательственной информации, необходимо указать на ее вторичность, влияние на нее субъективных факторов, прочную связь с громоздким бумажным документооборотом, требующим затрат на хранение, копирование и перемещение, ограничение доступа к данным документам из-за режима работы учреждения. Вторичность проявляется в приобщении доказательственной информации к уголовному делу в виде интерпретации, изложенной, например, сле-

дователем в протоколе следственного действия или секретарем судебного заседания в протоколе судебного заседания.

Развивая тему настоящей публикации, необходимо рассмотреть понятие «электронный документ», которое содержащееся в ст. 3 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [3], как документ, в котором информация представлена в электронно-цифровой форме. Правовое закрепление понятия «электронный документ» в национальном ГОСТ 7.0.8-2013 как информации в электронной форме открыл перспективы электронного документооборота в уголовном судопроизводстве [4]. В то же время ГОСТ Р ИСО 15489-1-20192 [5] были обновлены и основные их положения стали ориентированы исключительно на электронный документооборот. В стандартах признается, что электронные документы являются одновременно свидетельствами деятельности и информационными активами.

Уголовно-процессуальная форма в виде электронного документа позволяет создавать электронные доказательства и обмениваться ими с другими правоохранительными органами, при этом она направлена на создание надежности, адресности доказательственной информации в свободной, менее затратной электронной форме. Кроме того полагаю, что применение высокотехничности в уголовном судопроизводстве должно сопровождаться гарантиями минимизации рисков ущемления прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Законодатель впервые предпринял попытки внедрить в УПК РФ электронные документы в 2016 году, когда предусмотрел возможность применять электронные документы в судебных стадиях [6]. Однако данные нововведения в уголовно-процессуальный закон не получили практического применения из-за отсутствия технической возможности в суде. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 26.12.2017 [7] также указал на возможность внедрения электронного документооборота и как результат этого – на соблюдение прав участников уголовного судопроизводства направлять в суд в электронном виде ходатайства, заявления, жалобы, представления в ходе судебного и досудебного производства по уголовному делу. Кроме того, Концепция формирования в России электронного правосудия [8] определяет реформирование процессуального законодательства в части технологической и правовой основы электронного документооборота.

К сожалению, изменения, внесенные в УПК РФ в 2022 году [9], касающиеся регулирования направления в суд обращений в форме электронного документа, не принесли желаемого результата и перечень документов, представление которых возможно в электронном виде, остается неприемлемо мал. В дальнейшем данное праворегулирование было дополнено ст. 474.2 УПК РФ «Порядок использования электронных документов в ходе досудебного производства», а ст. 474.1 УПК переименована в «Порядок использования электронных документов в ходе судебного производства».

Надежды правоприменителей на быстрое внедрение электронного документооборота в уголовном судопроизводстве не оправдывались, однако Федеральный закон от 25.12.2023 № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [10] установил порядок использования электронных документов в ходе досудебного производства. Порядок по-

дачи документов в электронном виде, требования к их форматам и используемым техническим средствам определяются нормативными правовыми актами Следственного комитета, федеральных органов исполнительной власти, в состав которых входят органы предварительного расследования, Генеральной прокуратуры.

В данном контексте стоит согласиться с О.В. Гладышевой, считающей, что для упрощения процедуры следственных действий существует неиспользуемый внутренний ресурс, а именно внедрение необходимых технических средств, способных упростить и ускорить их производство» [11]. Необходимо проработать возможность правовой регламентации электронного документооборота в досудебном уголовном процессе России, соблюдая при этом критерии законности, нравственности и справедливости уголовно-процессуальной деятельности.

До настоящего времени вопросы правовой регламентации электронного документооборота на стадии предварительного расследования в разное время освещались в трудах С.В. Зуева [12], О.А. Зайцева [13], О.В. Качаловой [14], И.Н. Гимазетдиновой [15] и др., однако концептуально не рассматривались и не обсуждались, например, вопросы электронного документооборота на стадии возбуждения уголовного дела.

Следует согласиться с авторами, что производство досудебного производства в электронной форме существенно упростит деятельность органов предварительного расследования [16] и с высокой степенью защитит права участников уголовного процесса. Однако необходимо учитывать, что разработка правовой регламентации использования «электронного уголовного дела» порождает серьезные процессуальные аспекты, требующие изучения и уточнения. Полагаю, что требуют проработки вопросы электронной фиксации производства процессуальных и следственных действий, приобщения полученных электронных документов к материалам «электронного уголовного дела», создания реестра «электронных уголовных дел» и другие.

Резюмируя сказанное, отметим, что при учете зарубежного опыта, реализующего досудебное производство в электронном формате, а также успешный опыт ведения электронного документооборота в других сферах деятельности государства, любая обеспокоенность в отношении активного введения электронного документооборота в досудебное производство может быть сведена к минимуму. Считаем, что замена классической формы документооборота его электронной версией позволит сократить временные затраты на передачу и обработку документов, а также повысит доступность, прозрачность информации и обеспечит обмен ею между всеми участниками уголовного судопроизводства без угроз для сторон.

-
1. Васюков В.Ф., Волеводз А.Г., Долгиева М.М., Чаплыгина В.Н. Преступления в сфере высоких технологий и информационной безопасности: учебное пособие, 2023. С. 14.
 2. Корнакова С.В. Критическая оценка «оцифрования» уголовного судопроизводства // Библиотека криминалиста. 2018. № 3 (38). С. 60–67.
 3. Об электронной подписи: Федер. закон Рос. Федерации от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. ГОСТ Р 7.0.8-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения (утв. приказом Росстандарта от 17.10.2013 № 1185-ст). М.: Стандартиформ, 2014.
5. ГОСТ Р ИСО 15489-1-2019 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Информация и документация. Управление документами. Часть 1 Понятия и принципы». М.: Стандартиформ, 2019.
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти: Федер. закон Рос. Федерации от 23.06.2016 № 220-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 26 (ч. I), ст. 3889.
7. О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 26.12.2017 № 57 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2018. № 4.
8. Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы: одобрена Советом судей Рос. Федерации 05.12.2019 / Совет судей Рос. Федерации: сайт. URL: <http://ssrf.ru/news/lienta-novostiei/35630> (дата обращения: 14.02.2025).
9. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 29.12.2022 № 610-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 1 (ч. I), ст. 57.
10. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 25.12.2023 № 672-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Гладышева О.В. Об упрощении уголовного судопроизводства, следственных и иных процессуальных действий // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3, № 4. С. 109–115.
12. Зуев С.В. Электронное уголовное дело: за и против // Правопорядок: история, теория и практика. 2018. № 4. С. 6–12.
13. Зайцев О.А. Основные направления развития уголовно-процессуального законодательства в условиях цифровизации // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 18–20.
14. Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.
15. Гимазетдинова И.Н. Перспективы применения электронного уголовного дела в уголовном судопроизводстве: основные тенденции и перспективы применения // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 3. С. 62–67.
16. Проказин Д.Л., Семенов Е.А., Ляпин А.И. Развитие видеотехнологий в уголовном процессе России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 3 (96). С. 171–178.

Ключевые слова: электронное уголовное дело, процессуальная форма, предварительное расследование, предварительное следствие, дознание, электронный документооборот.

УДК 343.1

«ИНТЕРЕС» КАК ОСНОВНАЯ ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Р. ИЕРИНГА

Шаров Денис Васильевич,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры предварительного расследования,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

В статье рассматривается вопрос возникновения категории «интерес» в праве, как предтечи понятия «законный интерес» в современном уголовном судопроизводстве. Обосновывается, что именно Рудольф фон Иеринг во второй половине XIX века положил начало системного исследования в праве такого явления как интерес. Исследуется, в том числе с критических позиций, понятие интереса в творчестве Р. Иеринга. Делается вывод, что именно благодаря усилиям последнего началось формирование научной парадигмы, определяющей интерес в качестве центрального понятия права.

В настоящее время все большее внимания ученых-процессуалистов привлекает категория законных интересов участников уголовного процесса [1; 2; 3]. При этом под правовыми средствами удовлетворения законных интересов частных лиц, прежде всего, понимаются субъективные права граждан и юридических лиц.

Учитывая, что формат данной конференции, посвященной обеспечению прав граждан и юридических лиц в уголовном судопроизводстве, предполагает в том числе исследование становления и развития уголовно-процессуальных институтов, так или иначе связанных с охраной прав человека, позволим себе остановиться на историко-правовых аспектах возникновения самой категории «интерес» в праве, которое, безусловно, связано с именем выдающегося правоведа XIX века, исследователя римского права, немецкого юриста Рудольфа фон Иеринга.

Именно Р. Иеринг во второй половине XIX века положил начало системного исследования в праве такого явления как интерес, именно он одним из первых начал изучение взаимосвязи интереса и права между собой.

Р. Иеринг возвел интерес в ранг основной правовой категории и по праву считается родоначальником теории интересов¹.

Основная идея его учения состоит в том, что формальное «силовое» существо права немыслимо без смыслообразующего элемента – интереса [4, с. 20].

¹ Теория интересов была представлена и развита Р. Иерингом главным образом в III томе его самой известной работы «Дух римского права».

Р. Иеринг решительно, со всей присущей ему энергией, восстал против господствующей в то время в юриспруденции теории воли, и на протяжении всей своей жизни доказывал, что существо и смысл права состоит в защите интересов. «Воля не есть цель и двигательная сила прав; понятие воли и власти не в состоянии дать нам практическое понимание прав. Право, как продукт народной жизни, существуют не только для того, чтобы осуществлять идею абстрактной правовой воли, а для того, чтобы служить интересам, и целям гражданского оборота» [5, с. 522].

Таким образом, не воля, а именно интерес, согласно Р. Иерингу, лежит в основе права.

Суть концепции Р. Иеринга достаточно точно выразил Л.И. Петражицкий: «Не ради формального господства воли и удовольствия совершать волевые акты даются людям права, а ради осуществления и защиты их реальных интересов» [6, с. 352].

Понятие интереса использовалось им, прежде всего, в смысле благ, выгоды или пользы, доставляемых определенным объектом.

Определяя свое понимание интереса Р. Иеринг писал: «Интерес в смысле субъективном указывает на чувство зависимости в жизни (*das Gefühl der Lebensbedingtheit*). Основание, в силу которого меня интересует известная вещь или отношение, лежит в том, что чувствую в моем существовании и благосостоянии, в моем довольстве или счастии от них свою зависимость. Интересы, следовательно, это суть жизненные требования (*Lebensbedingungen*) в широком смысле слова» [7, с. 83].

Причем, эти жизненные условия суть не только условия физического существования, но все те блага и наслаждения, которые, по мнению субъекта, придают жизни его настоящую цену [8, с. 322].

Выводы, сделанные в отношении интересов в субъективном смысле, он распространил и на объективные интересы тоже, при этом, не делая качественного различия между субъективным интересом отдельного лица и интересом целого народа, который по определению объективен.

Согласно Р. Иерингу «понятие жизненных требований принимается здесь преимущественно в значении относительном, что составляет полноту жизни для одного, т.е., входит в условия его благосостояния, то для другого не имеет никакого значения. Это оправдывается как на отдельных лицах, так и на целых народах, даже на одном и том же народе в различных периодах его культуры. С интересами народа также изменяется его право, назначение которого в том именно и заключается, чтобы охранить непреложные жизненные требования общества путем принуждения» [7, с. 83].

Концепт интереса, вокруг которого в значительной степени строилось правопонимание Р. Иеринга выражался им, таким образом, через термины «жизненные требования» или «жизненные условия».

С определением интереса в субъективном смысле тесно связано его представление о субъективном праве. «Субъективное право, – полагал Р. Иеринг, – складывается из двух моментов: момента субстанциального, в котором состоит практическая цель субъективного права, а именно пользы, выгоды, прибыли, которые должны быть обеспечены правом, и момента формального, который отно-

сится к упомянутой цели как средство, а именно – из правовой защиты, иска. Первый есть ядро, второй – охраняющая его скорлупа. Первый, сам по себе, обосновывает лишь фактическое состояние пользы или пользования (фактического интереса) и всегда, без дальнейших последствий, может быть устранен всяким, кто фактически в состоянии это сделать. Такой характер случайности, непрочности это состояние теряет лишь вследствие того, что закон берет его под свою защиту; пользование или надежда на таковое, вследствие этого, становятся обеспеченными, делаются правом. Понятие права покоится на юридической обеспеченности пользования» [9, с. 122].

Подобные рассуждения привели его к сомнительному, на наш взгляд, выводу, что «права суть юридически защищенные интересы» [9, с. 122], который стал квинтэссенцией построенной им теории интересов.

В последующем, в своей работе «Цель в праве» Р. Иеринг расширил понимание субъективного права как юридически защищенного интереса до общего понятия права вообще, согласно которому, право определено им как «совокупность жизненных условий общества в обширном смысле, обеспечиваемых внешним принуждением, т.е. государственной властью» [8, с. 371].

При этом совершенно очевидно, что в обеих формулировках произошло смешение понятий права и интереса, поскольку ни субъективное, ни тем более объективное право никакими интересами не являются, и являться не могут, представляя собой лишь средство их обеспечения.

В другом месте цитируемого выше труда это признал и сам Р. Иеринг: «Я определяю право, как обеспечение жизненных условий общества в форме принуждения» [8, с. 321].

Такая противоречивость, созданной им теории интересов, послужила поводом для ее серьезной научной критики.

Вместе с тем, несмотря на имеющиеся недостатки, разработанная Р. Иерингом теория интересов совершила переворот в юриспруденции второй половины XIX века и приобрела среди современников автора широкую популярность как «истинно-реалистическая и единственно научная» [10, с. 2].

Б.А. Кистяковский подчёркивал, что именно Р. Иерингу принадлежит заслуга первым поставить и реализовать научную задачу обоснования права не только как системы норм и понятий, но и как реального явления [11, с. 584].

«Если мы обратимся к современным ученым юристам и спросим, что составляет основной принцип, двигатель и жизненный нерв права, – в 1899 году писал Ф.В. Тарановский, – то от большинства из них услышим согласный ответ: интерес» [10, с. 2].

Учение Р. Иеринга взяли за основу его последователи: представители тюбингенской школы «юриспруденции интересов» Ф. Хек, Г. Штоль, Р. Мюллер-Эрцбах, М. Рюмелин и др. и основоположник «социологической юриспруденции» Р. Паунд.

В дореволюционной России категория интереса также получила широкое распространение. Ее использовали для выражения своих правовых взглядов многие представители различных направлений юриспруденции. Среди которых были как ученики Р. Иеринга и сторонники его идей (С.А. Муромцев, Ю.С. Гам-

баров, Н.М. Коркунов и др.), так и противники его учения (Е.Н. Трубецкой, Г.Ф. Шершеневич, Л.И. Петражицкий, А.А. Рождественский и др.).

При этом даже противники взглядов Р. Иеринга, считали необходимым отдать должное созданному им учению об интересах, как одному из наиболее значимых направлений современной юридической мысли. «В новейшее время ... сделались весьма популярными теории интересов. Теперь можно сказать, как общая теория права, так и прочая юриспруденция всецело пропитаны теорией интересов», – писал один из главных критиков теории интересов Р. Иеринга профессор Л.И. Петражицкий [12, с. 297].

Таким образом, начиная со второй половины XIX века понятие «интерес» получило мощный импульс своего развития в праве, связанный, в первую очередь, с именем Рудольфа фон Иеринга.

Во многом благодаря усилиям последнего в юриспруденции второй половины XIX века началось формирование научной парадигмы, определяющей интерес в качестве центрального понятия права, последующее развитие которой, позволило ученым-процессуалистам не только оперировать понятием законных интересов участников уголовного судопроизводства, но и предметно исследовать правовые средства их удовлетворения.

1. Гладышева О.В. Теоретическая модель механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013.
2. Коленцова В.В. Реализация принципа обеспечения законных интересов личности в досудебном производстве (потерпевший и обвиняемый): дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002.
3. Чепрасов М.Г. Законные интересы обвиняемого и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2012.
4. Першина И.В. Интерес в праве: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002.
5. Ihering, Geist des römischen Rechts. Т. III. 3-е изд., 1877. С. 339–340. Цит. по: Шершеневич Г.Ф. Избранное. В 6 т. Т. 4 включая Общую теорию права. М., 2016.
6. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. II. СПб., 1907.
7. Иеринг Р. Интерес и право. Ярославль, 1880.
8. Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1. СПб., 1881.
9. Ihering, Geist des römischen Rechts, 1888. III. С. 339. Цит. по: Рождественский А. Основы общей теории права. М., 1912.
10. Тарановский Ф.В. Интерес и нравственный долг в праве. Варшава, 1899.
11. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М.: М. и С. Сабашниковы, 1916.
12. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. I. СПб., 1907.

Ключевые слова: интерес, законный интерес, право, субъективное право.
УДК 340.12

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ОБЛАСТИ ПОРЯДКА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В СУД ХОДАТАЙСТВА ОБ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

Шатов Никита Александрович,

адъюнкт адъюнктуры,

Уральский юридический институт МВД России,

620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66

В статье рассматриваются процессуальные особенности порядка представления следователем (дознавателем) ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в суд. Указывается на отсутствие в законе правовых последствий несоблюдения требований представления данного ходатайства в срок не позднее, чем за 8 часов до истечения срока задержания подозреваемого. Делается вывод о необходимости распространения действия данной нормы также в отношении лица, которому после задержания было предъявлено обвинение.

Мера пресечения в виде заключения под стражу по характеру накладываемых ею ограничений на обвиняемого (подозреваемого) является самой строгой мерой уголовно-процессуального принуждения. Её сущность, заключающаяся в изоляции лица в специализированном помещении в условиях невозможности реализации некоторых важнейших прав и свобод человека, наиболее близка к содержанию одного из видов уголовного наказания – лишения свободы.

В связи с этим порядок её избрания и применения должен быть наиболее подробно регламентирован законодателем с целью недопущения возможного нарушения конституционных прав личности. В то же время подход органов предварительного расследования и суда при решении вопроса о необходимости избрания данной меры пресечения должен иметь индивидуальный характер и способствовать учёту всех установленных обстоятельств уголовного дела, а также личностных особенностей обвиняемого (подозреваемого). Между тем, несмотря на попытки оптимизации законодателем порядка избрания данной меры пресечения, а также на значительное количество теоретических разработок учёных-процессуалистов, комплекс проблем остаётся неразрешённым.

Среди них особую актуальность представляют вопросы, связанные с особенностями представления следователем (дознавателем) ходатайства в суд для решения вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения.

Так, в соответствии с ч. 3 ст. 108 УПК РФ постановление следователя (дознавателя) и соответствующие материалы должны быть представлены судье не позднее чем за 8 часов до истечения срока задержания, если данную меру пресечения предполагается избрать в отношении подозреваемого [1].

Назначение этого положения УПК РФ определяется прежде всего необходимостью предоставления суду, который будет решать вопрос об избрании меры пресечения, достаточного времени для ознакомления с материалами уголовного дела и перечнем доказательств, представленных в суд органами предварительного расследования. Восьмичасовой срок также необходим для возможности под-

готовки и организации судебного заседания, оповещения необходимого круга участников уголовного судопроизводства и обеспечения их явки на процесс. Ввиду возможной загруженности судебного аппарата более поздний срок предоставления материалов в суд не всегда позволяет судье должным образом ознакомиться с ними и принять справедливое решение в отношении подозреваемого по уголовному делу.

Видится, что основная проблема, имеющая большое практическое значение и возникающая при анализе данной правовой нормы заключается в том, что закон не уточняет, какие последствия влечёт за собой нарушение органами предварительного расследования данного восьмичасового срока. В том случае, если следователь (дознатель) предоставит в суд материалы по уголовному делу позднее, чем за 8 часов до окончания срока задержания уголовно-преследуемого лица, то суд, как показывает практика, принимает одно из двух решений: отказать в рассмотрении ходатайства и, соответственно, не избирать меру пресечения в виде заключения под стражу либо же рассмотреть ходатайство, решить вопрос об избрании меры пресечения и вместе с этим вынести частное определение.

Видится, что более правильным и справедливым решением является отказ суда рассматривать ходатайство и решать вопрос об избрании меры пресечения в случае нарушения органами предварительного расследования срока представления материалов уголовного дела в суд. Во-первых, данное решение прямо вытекает из самой уголовно-процессуальной нормы, устанавливающей срок представления материалов дела. Иными словами, представление материалов не позднее, чем за 8 часов до окончания срока задержания согласно закону является одним из условий для рассмотрения ходатайства следователя (дознателя) судом и назначения судебного заседания. Если же данное условие соблюдено не было, то суд должен отказать в рассмотрении ходатайства. Во-вторых, нарушение сроков может негативно сказаться на полноте и всесторонности изучения судьёй материалов уголовного дела и, в частности, доказательств, представленных стороной обвинения.

Вышеуказанная позиция суда в подобных ситуациях, очевидно, является неблагоприятной для органов предварительного расследования, поскольку в случае отказа судом рассматривать ходатайство и решать вопрос о заключении лица под стражу, оно должно быть освобождено, что может поспособствовать осуществлению им противодействия производству по уголовному делу. В данной ситуации представляется возможным избрать лишь ту меру, которую в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством уполномочен избирать следователь (дознатель).

Ключевой проблемой в данных условиях представляется то, что в связи с большим объемом следственных действий должностные лица органов предварительного расследования не успевают собрать характеризующий материал в полном объеме [2, с. 98]. Однако, несмотря на все так называемые «неудобства», появляющиеся у органов следствия (дознания) в случае отказа рассмотрения судом ходатайства, нельзя забывать об одном из назначений уголовного судопроизводства, закреплённом в п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, которое заключается в защите личности от необоснованного обвинения. В данном случае точное соблюдение указанного в УПК срока предоставления материалов дела в суд как раз-таки направ-

лено на обеспечение реализации вышеуказанного назначения производства по уголовным делам.

Следует согласиться с утверждением, что восьмичасовой срок предусмотрен только для избрания меры пресечения в отношении подозреваемого [3, с. 72]. Таким образом, исходя из положения закона, можно сделать вывод, что данный срок не распространяется при заключении под стражу лица, задержанного в соответствии со ст. 91, 92 УПК РФ, которому уже было предъявлено обвинение. Законодатель, таким образом, считает, что избрание меры пресечения в отношении подозреваемого требует более тщательной проверки судом материалов уголовного дела и доказательств для принятия им верного решения. Это обусловлено тем, что подозреваемый ещё не является для органов предварительного расследования лицом, которое совершенно точно совершило преступление. Следователь (дознатель) лишь предполагают, что данное лицо причастно к его совершению, однако его заключение под стражу необходимо для нормального производства по уголовному делу.

Представляется, что отказ законодателя включить в данную норму обвиняемого является необоснованным. Случается, что после задержания подозреваемого органами предварительного расследования в течение предусмотренного законом 48-часового срока задержания ему предъявляется обвинение и его процессуальный статус изменяется. После этого норма, указанная в ч. 3 ст. 108 УПК РФ в части предоставления суд доказательств не позднее, чем за 8 часов до истечения срока задержания не действует. Таким образом, предъявив обвинение, следователь (дознатель) вправе предоставить в суд материалы в любое время течение срока задержания.

Видится, что данная норма требует изменений, поскольку закрепление в законе 8-часового срока только в отношении подозреваемых, задержанных в порядке ст. 91, 92 УПК РФ, нарушает права задержанных обвиняемых и позволяет органу расследования после предъявления задержанному обвинения предоставлять материалы уголовного дела в суд в любое время до истечения срока задержания. Данное положение дел может воспрепятствовать тщательному изучению судом доказательств, принятию им справедливого решения, организации и обеспечении явки участников судебного заседания в зал суда, поскольку следователь (дознатель), предъявляя обвинение лицу, как бы освобождает себя от установленной законом обязанности предоставлять материалы дела в суд заранее.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ст. 4921.

2. Дмитриева Д.А. Проблема заявления и обоснования ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Инновационная наука. 2023. № 11-1. С. 96–99.

3. Семенов Е.А., Золочевская Л.С. Задержание: как исчислять срок и что писать в протоколе // Уголовный процесс. 2019. № 2 (170). С. 70–77.

Ключевые слова: меры пресечения, заключение под стражу, возбуждение ходатайства, судебный порядок избрания мер пресечения.

УДК 343.1

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ОДИН ИЗ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Шафоростова Ирина Алексеевна,
курсант 3 курса факультета подготовки следователей,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Научный руководитель:
Морозова Наталия Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В данной статье дано понятие принципу неприкосновенности в уголовном судопроизводстве, освещена его основная роль как одного из принципов уголовного судопроизводства. Кроме того, в статье говорится об ключевых аспектах упомянутого принципа, его содержания как права человека, принципа и гарантии реализации конституционных прав и свобод. Сущностные элементы этого принципа так же являются предметом рассмотрения в статье.

В условиях современной действительности человек, его права и свободы являются высшей ценностью, в связи, с чем особую актуальность приобретают вопросы обеспечения и охраны прав и свобод личности в разных сферах жизнедеятельности. Не является исключением и сфера уголовного судопроизводства, сопряженная с законным ограничением прав и свобод лиц, участвующих в стадиях досудебного, судебного производства.

Конституция Российской Федерации включает в свое содержание основные права и свободы человека и гражданина. К таким правам можно отнести и право на личную неприкосновенность. Кроме того, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ неприкосновенность личности выделено отдельным принципом уголовного судопроизводства.

Необходимо подчеркнуть, что принципом, относительно уголовно-процессуального законодательства, называется не любая установка, имеющаяся в нем, а лишь та, которая нашла свое закрепление во второй главе Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, ведь не просто же так законодатель выделил отдельную главу в кодексе, которая полностью посвящена принципам, в соответствии с которыми необходимо осуществлять уголовное преследование.

Для того чтобы идею можно было приравнять к принципу в уголовно-процессуальном законодательстве, необходимо ее соответствие определенным критериям (требования), а именно:

1. Идея, заложенная в основу будущего принципа, должна соответствовать демократической, иными словами, признавать человека как личность, приывать человеколюбие и гуманное отношение;

2. Принцип должен регулировать конкретно-определенную сферу уголовного судопроизводства, так как не может совпадать ни с одним из других установленных ранее правил, потому как если будет установлено совпадение, то не будет необходимости в таком принципе;

3. Принцип должен быть закреплён во 2 главе уголовно-процессуального закона, ведь законодатель выделяет основополагающим идеям отдельное место в системе норм;

4. Чтобы принцип выполнял свою функцию, необходима его реализация на постоянной основе, то есть его осуществление не должно зависеть от какой-либо стадии уголовного преследования [1, с. 625].

Принципы уголовного судопроизводства нужно рассматривать как некую базу уголовно-процессуальной деятельности, ведь на их основе необходимо осуществлять уголовное преследование любых лиц, независимо от того, какое деяние ими было совершено [2, с. 215].

В соответствии с ч. 1 ст. 23 Конституции РФ каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Это означает, что каждый человек, его частная и семейная жизнь находятся под защитой государства [3].

Неприкосновенностью личности считается запрет на произвольное, необоснованное задержание человека [4, с. 210] и заключение его под стражу [5, с. 244]. Понятие неприкосновенности личности предполагает ограничение прикосновенности к человеку, рассматривая его как определенную социальную единицу общества. Рассматриваемый нами принцип уголовного судопроизводства обеспечивается не только, как говорилось ранее, защитой со стороны государства, но и защитой со стороны общественных организаций. Кроме того, неприкосновенность личности может обеспечиваться необходимой обороной, личной свободой и безопасностью, защитой в суде, а также неприкосновенностью жилища, которое является неотъемлемой частью человека [6, с. 262]. Кроме того, неприкосновенность жилища является самостоятельным принципом уголовно-процессуального законодательства, который закреплён в ст. 12 УПК РФ.

Полагаем, что рассматриваемый нами принцип необходимо толковать как установленную, гарантированную государством в рамках существующих норм права личную свободу и безопасность граждан, которая состоит в категорическом недопущении какого-либо вмешательства в физическую, нравственную, психическую неприкосновенность и личную безопасность. То есть, раскрывая сущность этого принципа, важно отметить то, что он включает в себя следующее. Во-первых, одной из его составляющих является физическая, то есть телесная, неприкосновенность. Во-вторых, нравственная (духовная) составляющая принципа неприкосновенности личности так же важна для его характеристики, так как с ней напрямую связаны честь и достоинство человека, право выбора действий и рода деятельности и многое другое. В-третьих, развивая мысль о телесной неприкосновенности, стоит отметить, что половая неприкосновенность так же важна для личности, ее нормального, всестороннего развития в социальной среде. Иными словами, принцип неприкосновенности личности подразумевает под собой недопустимость необоснованного вмешательства кого-либо во

взаимоотношения человека с собой, окружающим миром, недопустимость ограничения его духовных интересов и потребностей.

В соответствии со ст. 22 Конституции РФ, в ней закреплена норма, которая гласит нам о том, что каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Часть же 2 этой статьи говорит о том, что арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов. Разумно присоединиться к выводу о том, что право на неприкосновенность личности все же может в некоторых случаях ограничиваться [7, с. 245]. Так в отношении кого это право может подвергаться ограничению?

Отвечая на поставленный вопрос, стоит обратиться к ч. 3 ст. 10 УПК РФ, которая упоминает, что такими лицами могут быть те, кто задержан по подозрению в совершении преступления [8]. Ограничения личной неприкосновенности возможны лишь судом, который принял данное решение опять же в соответствии с законом в исключительных случаях. Если, как говорилось ранее, права и свободы гражданина и человека являются высшей ценностью для государства, то ограничение права на неприкосновенность личности иными органами власти, кроме суда, невозможно. Ранее упоминалось о таком элементе принципа, как физическая неприкосновенность личности. Так какими же способами суд уполномочен ограничить лицо в этом праве?

Ответ прост: физическая неприкосновенность личности может подвергаться ограничению путем производства следственных действий в рамках расследуемого уголовного дела, а также в ходе применения к лицу мер процессуального принуждения, к которым можно отнести задержание подозреваемого [9, с. 102], заключение под стражу, подписка о невыезде, домашний арест, привод.

Несмотря на это, подозреваемый прежде всего остается личностью, права которого необходимо признавать и защищать независимо от совершенного им деяния. Отсюда следует, что подозреваемый, как участник уголовного судопроизводства, не может подвергаться пыткам, насилию и другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению, также, если права и свободы подозреваемого или обвиняемого все же подвергаются ограничению, например, лицо заключается под стражу, то, соответственно, подозреваемый или обвиняемый не может содержать в условиях, угрожающих его жизни и здоровью.

Если орган, осуществляющий расследование по уголовному делу, либо конкретное должностное лицо, его осуществляющее, пренебрегает принципом неприкосновенности личности, а именно, не соблюдает конкретные правила по уважению чести и достоинства обвиняемого или подозреваемого как личности, то у лица, чьи права и законные интересы были нарушены этим органом или должностным лицом, появляется основание для обжалования действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. Кроме того, обвиняемый или подозреваемый вправе подать иск о защите чести и достоинства его личности, а также взыскать компенсацию за причиненный действиями должностного лица моральный вред [10, с. 85].

Значение принципа неприкосновенности личности для уголовного судопроизводства такого, что он неразрывно связан с Конституцией Российской Федерации, так как она отражает в себе основу граждан и, прежде всего, личности.

Итак, значение рассматриваемого нами принципа выражается в том, что неприкосновенность личности, как одна из основополагающих идей уголовно-процессуального законодательства, олицетворяет гарантию соблюдения прав человека и гражданина, а также является одним из способов пресечения возможных злоупотреблений полномочий со стороны органов, осуществляющих расследование уголовного дела. Соблюдение указанного принципа позволяет сохранять равновесие между интересами государства в осуществляемом расследовании и защитой прав и свобод каждого подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления.

Таким образом, уголовное судопроизводство осуществляется на основании одного из указанных в законе принципов, а именно принципа неприкосновенности личности. Этот принцип не подразумевает полную и исключительную неприкосновенность лиц. Ограничение этого права действует в отношении лиц, причастных к совершению преступления. Оно может применяться исключительно в рамках действующего законодательства Российской Федерации.

1. Чаплыгина В.Н., Плетникова М.С. Направления реализации принципа уважения достоинства личности при производстве следственных действий // Теория и практика расследования преступлений: материалы X Международной научно-практической конференции / редколлегия: Э.С. Данильян, И.Г. Башинская, М.Ю. Лакомская [и др.]. Краснодар, 2022. С. 624–629.
2. Панчишко В.И. Принцип состязательности в уголовном судопроизводстве // Проблемы совершенствования российского законодательства: сборник тезисов Всероссийской (с международным участием) научной конференции курсантов, слушателей и студентов. Барнаул, 2024. С. 215–216.
3. Обеспечение прав человека: учебник. 2-е издание, исправленное и дополненное / М.И. Акатнова, А.А. Амирханов, Ю.В. Анохин и др. Барнаул, 2020.
4. Чаплыгина В.Н., Рудов Д.Н., Долженко Н.И. Задержание в уголовном судопроизводстве России: вопросы правовой регламентации и практика применения // International Law Journal. 2024. Т. 7, № 1. С. 209–213.
5. Семенов Е.А., Моругина Н.А. Реализация принципов уголовного судопроизводства при задержании по подозрению в совершении преступления // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 2. С. 244–249.
6. Чаплыгина В.Н., Рудов Д.Н. К вопросу о процессуальных гарантиях прав личности при производстве обыска в жилище // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 3. С. 261–265.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Семенов Е.А. Фактическое задержание как составная часть задержания в уголовном процессе России // Тенденции развития современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации: сборник научных трудов II Всероссийской конференции, Екатеринбург, 21 апреля 2017 года / под редакцией Н.С. Расуловой. Выпуск 2. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2017. С. 107–111.

9. Гришин А.В., Семенов Е.А., Ветрова О.А., Гришина Е.Б., Золочевская Л.С. Уголовно-процессуальные аспекты задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления: учебно-практическое пособие / Сер. Уголовный процесс. М., 2019. С. 102.

10. Воробей С.Н., Чаплыгина В.Н. Соотношение уголовно-процессуального и гражданско-правового регулирования в вопросах возмещения имущественного вреда реабилитированному // Закон и право. 2021. № 4.

Ключевые слова: заключение под стражу, неприкосновенность личности, принципы уголовного судопроизводства, подозреваемый, личная свобода.
УДК 343.1

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В СИСТЕМЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

Шафоростова Ирина Алексеевна,
*курсант 3 курса факультета подготовки следователей,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

Клевцова Светлана Юрьевна,
*редактор научно-исследовательского
и редакционно-издательского отдела,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

В данной статье затрагиваются аспекты такой меры пресечения, как запрет определенных действий. Также, раскрывается сущность новой меры пресечения в российском уголовном процессе, отмечаются ее положительные и отрицательные стороны, касающиеся конкретно лица, в отношении которого применяется данная мера пресечения.

Когда приходится говорить о таком институте уголовно-процессуального права как институт мер пресечения, то следует отметить, что применение мер пресечения всегда напрямую связано с ограничением определенных прав и свобод человека и гражданина, а также – с принуждением [1, с. 462]. Отсюда мы можем прийти к выводу о том, что институт мер пресечения в российском уголовном процессе является одним из противоречивых и дискуссионных [2, с. 95]. Когда дело касается некоторых ограничений, связанных напрямую с конституционными правами граждан, то органам предварительного расследования важно грамотно использовать такой имеющийся у них инструмент, как меры пресечения.

За последние годы в России наблюдается тенденция к смягчению уголовного законодательства. Президент России В.В. Путин неоднократно в своих выступлениях подчеркивал необходимость гуманизации уголовного законодательства и усовершенствования судебной практики. Законодатель каждый год, внося

изменения в УК РФ и в УПК РФ, смягчает наказания для определенных категорий осужденных, закрепляет альтернативные меры принудительного воздействия.

Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» [3] (далее – Федеральный закон № 72-ФЗ) предпринята очередная попытка реформирования уголовно-процессуального законодательства.

Попытка реформирования заключалась в том, что в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации еще в октябре 2015 года был внесен законопроект о дополнении главы 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «Меры пресечения» такой нормой, которая регламентировала бы применение меры пресечения в виде запрета определенных действий. Данное предложение пояснялось тем, что такие изменения в Уголовно-процессуальном кодексе РФ смогут обеспечить положительный экономический эффект, ведь тогда расходы государства на содержание подозреваемых и обвиняемых под стражей могут быть сокращены. Более того, подразумевалось, что сократить будет возможно и выплаты в счет возмещения вреда, связанного с нарушением прав личности при заключении под стражу, а также репутационные потери, связанные с удовлетворением Европейским судом по правам человека жалоб граждан Российской Федерации. Все же, какое бы разнообразие мер пресечения не преследовало органы предварительного расследования, чаще всего предпочтение ими отдается таким, как заключение под стражу или подписка о невыезде и надлежащем поведении.

Итак, одним из главных нововведений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации явилась норма закон, а именно ст. 105.1 УПК РФ «Запрет определенных действий», дополнившая перечень мер пресечения, уже имевшихся в уголовно-процессуальном законодательстве ранее. Но все не так гладко, как хотелось бы, поэтому предлагаем перейти к замечаниям, касающимся новеллы ст. 105.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «Запрет определенных действий».

Конкретно сами действия, относящиеся к подозреваемому и обвиняемому, названы в ч. 6 ст. 105.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: выходить в определенное время за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях; находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них; общаться с определенными лицами; отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»; управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Из названных законом конкретных действий, можно сделать вывод о том, что их перечень является исчерпывающим, ведь иных формулировок в законе не присутствует. Однако если мы обратим внимание на ч. 3 той же, упоминаемой нами ранее, нормы, то можем обнаружить, что законодатель говорит о необхо-

димости «возложения дополнительных запретов на подозреваемого или обвиняемого, в отношении которого применена мера пресечения в виде запрета определенных действий». Исходя из того, как оговорилось нами ранее, перечень действий законом ограничен, отсюда вытекает справедливый и вполне логичный вопрос – «что же можно отнести к этим дополнительным запретам?». И, как мы уже могли понять, высказанным вопросом озадачимся не только мы, но и правоприменители, к тому же, вопрос у органов предварительного расследования будет не один.

Вследствие всего вышесказанного целесообразно выдвинуть предложение касаясь упомянутой нами ранее нормы. Мы считаем, что необходимо либо перечислить конкретные дополнительные действия, о которых говорит законодатель, таким образом сделав список более понятным, точным и исчерпывающим, либо вовсе исключить указание на какие-то ни было дополнительные действия касаясь запрета определенных действий в отношении подозреваемого и обвиняемого.

Также, необходимо высказать замечание к рассматриваемому нами нововведению в уголовно-процессуальный закон, которое касается положения, содержащегося в ч. 8 ст. 105.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ: «...подозреваемый или обвиняемый не может быть ограничен в праве использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также для общения со следователем, с дознавателем и контролирующим органом». Так что же не так в указанной норме? Дело в том, что в перечне лиц, с которыми подозреваемый или обвиняемый может связаться, отсутствует защитник, в связи с чем усматривается нарушение права, предусмотренного ст. 48 УПК РФ [4, с. 102].

Согласно Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи; каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения [5, с. 248]. Безусловно, можно предположить, что в действиях законодателя не усматривается непосредственное вторжение в сферу прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых по уголовному делу [6, с. 211], но и сам факт игнорирования данного конституционного права этих участников уголовного процесса не может оставить нас равнодушными.

Решение указанной проблемы достаточно очевидно – указать защитника в перечне лиц, с которыми подозреваемому и обвиняемому разрешается связываться при помощи телефонной связи без ограничений.

Но стоит выделить и положительные аспекты такой меры пресечения, как запрет определенных действий.

Первый положительный момент – это предупреждение новых преступлений, которые касаются части эксплуатации транспортных средств и транспортной безопасности в целом. Всем нам известно, что автомобиль является одним из источников повышенной опасности, вследствие чего дорожно-транспортных происшествий, в том числе и с летальным исходом, достаточно большое количе-

ство. В связи с этим данная мера пресечения в некоторой степени может помочь снизить процент инцидентов на дороге, так как в случае возложения на подозреваемого или обвиняемого запрета управлять транспортным средством у него подлежит изъятию водительское удостоверение, без которого, соответственно, управление транспортным средством на законном основании невозможно.

Кроме того, еще одним положительным моментом вышеупомянутой меры пресечения является то, что запрет определенных действий предстает как некая альтернатива таким мерам пресечения, как заключение под стражу или домашний арест. Кроме того, случается так, что выбранная мера пресечения не соответствует в полной мере степени тяжести содеянного нарушителем, а возможность выбора в качестве меры пресечения одного из перечисленных в ст. 105.1 УПК РФ запретов – реальная возможность правоприменителя избежать рисков относительно необоснованного ограничения или ущемления прав человека и гражданина.

Таким образом, подводя черту всему вышесказанному, необходимо подчеркнуть факт того, что хоть рассматриваемая нами мера пресечения и имеет свои недостатки, как и любая другая, но все же она является определенной предпосылкой для дальнейшей гуманизации уголовно-процессуального права. Как отмечают А.В. Гришин и В.И. Чувальникова, «...запрет определенных действий позволит в будущем сформировать более четкое направление в сторону смягчения правового статуса подозреваемого и обвиняемого на досудебных стадиях уголовного производства» [7, с. 78].

1. Гришин А.В., Чупахина М.Ю. Актуальные проблемы обеспечения и реализации прав обвиняемого (подозреваемого) в уголовном судопроизводстве и пути их решения // Антикриминальная политика: актуальные проблемы регионов: сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции. Самара, 2024. С. 460–468.
2. Замуруева Е.Ю. Порядок использования общих условий при принятии решения и применении мер пресечения // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сборник научных статей. Орёл, 2024. С. 94–97.
3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: Федер. закон Рос. Федерации от 18.04.2018 № 72-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Чаплыгина В.Н., Калюжный А.Н. Мера пресечения «запрет определенных действия» – конструктор процессуальных ограничений и запретов? // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2018. № 2 (35). С. 101–103.
5. Трифонова К.А., Чаплыгина В.Н. Участие наравне с защитником лиц без статуса адвоката для оказания юридической помощи обвиняемому: критерии и механизм допуска в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 2 (95). С. 242–250.
6. Обеспечение прав человека: учебник. 2-е издание, исправленное и дополненное / М.И. Акатнова, А.А. Амирханов, Ю.В. Анохин и др. Барнаул, 2020.

7. Гришин А.В., Чувальникова В.И. Запрет определенных действий как мера пресечения, избираемая по судебному решению // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 2 (83). С. 72–79.

Ключевые слова: запрет определенных действий, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, законодатель, УПК РФ, обвиняемый, подозреваемый, меры пресечения, институт мер пресечения.

УДК 343.1

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ ПРИМЕНЕНИЯ

Шуваева Мария Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры криминалистики,

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,

117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

В статье рассматриваются некоторые технологические разработки, обладающие большим потенциалом для совершенствования деятельности правоохранительных органов и возможность их использования при производстве уголовного судопроизводства, а также проблемные аспекты их внедрения, которые требуют комплексного подхода, включающего не только технические усовершенствования, но и нормативно-правовую адаптацию.

Вектор научно-технологического развития Российской Федерации определяется как стратегическое направление государственной политики, информационно-коммуникационные технологии внедряются в широкий спектр сфер общественной деятельности, включая управление, медицину, обеспечение правопорядка и другие отрасли. Существенный импульс развитию криминалистической деятельности придало формирование цифровых методов расследования преступлений.

Развитие цифровой криминалистики обусловлено совокупностью факторов, прежде всего, активное расширение киберпространства, формирование информационной инфраструктуры с уникальными системообразующими элементами привели к созданию новых платформ цифрового взаимодействия, включающих компьютерные сети, мобильные системы передачи данных, глобальные системы навигации, интернет-ресурсы и другие технологические компоненты [1, с. 29]. Также возникли уникальные юридические отношения, охватывающие функционирование объектов киберпространства, в число которых входят интернет-платформы [2, с. 16], структуры доменных имен, программное обеспечение, включая вирусные алгоритмы, технологии распределенных реестров, лежащие в основе криптовалютных платформ, а также социальные сети и системы автоматизированного транспорта [3, с. 132].

Динамичное развитие цифровых технологий привело к появлению новых угроз, связанных с правонарушениями в киберпространстве, к числу которых относятся кибератаки с использованием вредоносных программ, фальсификация интернет-контента, незаконный доступ и искажение цифровых данных. В криминалистике добавились новые понятия – цифровые следы и механизмы их слеодообразования, включающие виртуальные цифровые отпечатки, специфические алгоритмы кодирования информации и особенности формирования электронной следовой картины.

В целях совершенствования методов раскрытия преступлений правоохранные органы активно развивают системы управления, хранения и анализа цифровой информации, они используют базы данных и видеорегистраторы для документирования сведений о подозреваемых и лицах, проходящих по уголовным делам [4, с. 174]. Оперативно-справочные, криминалистические и розыскные базы данных применяются для повышения эффективности расследований [5, с. 256]. Программные комплексы, такие как система распознавания лиц «FindFace», интегрируются с системами видеонаблюдения, что позволяет осуществлять автоматизированный анализ потока информации и своевременно выявлять нарушителей правопорядка [6, с. 231].

Современные криминалистические технологии продолжают активно развиваться, внедряя инновационные методы, позволяющие значительно повысить точность фиксации следов преступлений и оперативность их обнаружения. В ближайшем будущем ключевую роль в этом процессе могут сыграть передовые технические разработки, включая высокочувствительные беспилотные летательные аппараты с анализаторами спектрального излучения (далее – БПЛА), предназначенные для осмотра труднодоступных участков местности с целью обнаружения различных объектов: следов преступления, живых лиц, останков человека. В ситуациях, когда имеется обоснованная уверенность в гибели лица, но природные или антропогенные условия существенно затрудняют локализацию места обнаружения или захоронения, стандартные методики поиска оказываются малоэффективными.

Технологическая основа данного метода заключается в анализе биохимических процессов, сопровождающих разложение органических тканей. Человеческое тело содержит большое количество азотистых соединений, которые в ходе разложения трансформируются в аммоний, оказывая существенное влияние на состав почвы, процессы деградации органики приводят к резкому увеличению концентрации токсичных веществ в границах нескольких квадратных метров, что провоцирует активное производство хлорофилла у растений, расположенных в пределах этой зоны. Визуально данный эффект незаметен, однако использование спектрального анализа, встроенного в БПЛА, позволяет обнаружить отклонения в характеристиках растительности и определить местоположение разлагающихся останков [7].

Дополнительными параметрами, влияющими на выявление мест возможного захоронения, являются внешние факторы, воздействующие на химический состав человеческого организма. Загрязнение окружающей среды, употребление табачной продукции, прием определенных фармацевтических препаратов способствуют накоплению в тканях тяжелых металлов, таких как кадмий, высокая

концентрация этого элемента оказывает воздействие на растительность при разложении останков, что приводит к формированию спектральных аномалий, фиксируемых высокочувствительными оптическими датчиками [8].

Таким образом, беспилотные летательные аппараты с анализаторами спектрального излучения способны обнаруживать не только стандартные изменения в биогеохимических процессах, но и учитывать влияние специфических факторов, индивидуальных для каждого организма. Применение подобных технологий в процессе расследования преступлений позволит эффективно анализировать труднодоступные участки местности, устраняя зависимость от сложных природных условий, а в ряде случаев использование таких беспилотников окажется незаменимым при восстановлении полной картины произошедшего.

Доказательства, полученные с помощью высокотехнологичных методов, относятся к категории научных, так как их обнаружение требует использования сложных аппаратных и программных решений, однако для признания подобных данных в качестве допустимых доказательств в суде требуется процедура научной верификации, включающая утверждение методологии и проведение специализированных экспертиз компетентными специалистами в данной области. Современный этап развития науки и техники предполагает появление новых категорий доказательств, не охваченных классической криминалистической теорией, в связи с чем суды должны уделять особое внимание таким инновациям, изучая механизмы их получения и технические особенности задействованного оборудования для обеспечения процессуальной допустимости доказательственной базы [9].

Использование передовых аппаратно-программных комплексов способствует не только фиксации следов преступной деятельности, но и глубокой аналитической обработке собранных данных. Важнейшими элементами таких систем становятся специализированные устройства, алгоритмы обработки информации и автоматизированные роботизированные решения, обеспечивающие точность документирования, анализа и сохранности полученной информации. Рассмотрим некоторые аспекты внедрения инновационных технологий и их потенциал в сфере криминалистики и правоохранительной деятельности.

Осмотр места происшествия является одним из самых значимых следственных мероприятий, ошибки на данном этапе могут привести к неверной интерпретации событий, что отразится на ходе дальнейшего судебного разбирательства. Инновационные цифровые технологии позволяют отказаться от традиционной фотофиксации ОМП, предлагая более точные методы документирования, например, внедрение лазерного 3D-сканирования дает возможность создания объемной модели места происшествия с высокой степенью детализации, специализированные сканеры фиксируют координаты объектов, формируя детализированное облако точек. Встроенные алгоритмы обработки объединяют отсканированные сегменты, создавая целостное трехмерное изображение, которое можно изучать под разными углами.

Такая технология будет весьма востребована при расследовании дорожно-транспортных происшествий, анализе мест административных правонарушений и в рамках следственных экспериментов, но правовая регламентация подобных методик остается недостаточно проработанной [10, с. 102].

Согласно УПК РФ, доказательствами признаются протоколы следственных мероприятий, фиксирующие используемые технические средства и полученные результаты. Электронные носители, содержащие данные лазерного сканирования, прилагаются к протоколу, но 3D-модель не рассматривается в качестве самостоятельного доказательства.

Дополнительным препятствием является отсутствие сертификации используемых устройств, чтобы трехмерные модели получили процессуальный статус доказательств, оборудование должно соответствовать установленным государственным стандартам. В настоящее время в России действует национальный стандарт проверки лазерных сканеров, разработанный преимущественно для геодезических, картографических и кадастровых работ [11], а вопрос об адаптации данного стандарта к криминалистическим задачам остается нерешенным. Сегодня активно используется введение лазерных сканеров для фиксации параметров крупногабаритных грузов в административном контроле, что может стимулировать дальнейшее развитие этой технологии и применение ее в уголовном судопроизводстве [12].

Другим перспективным направлением является разработка технологий смешанной реальности и возможности ее применения в криминалистике. Интеграция цифровых элементов в реальное пространство способна кардинально изменить методы проведения следственных мероприятий, в отличие от традиционных методов, основанных на анализе физических объектов, такие технологии позволяют повысить информативность и детализацию процессуальных действий [13]. Очевидно, что применение систем смешанной реальности в ходе следственного эксперимента обеспечит возможность интерактивной реконструкции места происшествия. Следователь сможет оперативно анализировать вероятные сценарии, изучать механизм образования следов и корректировать модель в реальном времени [14]. Такая технология не только сокращает продолжительность процессуальных действий, но и повышает их наглядность, обеспечивая визуальное восприятие механизма преступления.

Внедрение таких систем требует решения ряда вопросов, связанных с разработкой, правовым регулированием и стандартизацией оборудования. В настоящее время технологии смешанной реальности активно применяются в медицине, где они используются для визуализации процессов, происходящих в организме, и моделирования врачебных манипуляций, высока вероятность того, что в ближайшем будущем аналогичные решения будут адаптированы для нужд российской криминалистики, способствуя усовершенствованию следственных методик и повышению объективности судебных разбирательств [15].

Одним из наиболее значимых достижений стало внедрение автоматизированных систем в область баллистической экспертизы, позволяющих существенно повысить точность и скорость обработки вещественных доказательств. Среди передовых разработок в данной сфере выделяется Интегрированная система баллистической идентификации (IBIS), созданная компанией Forensic Technology WAI, Inc. Такой комплекс предназначен для автоматизированного анализа гильз, пуль, деталей огнестрельного оружия и иных элементов, используемых в преступных действиях, система значительно упрощает процесс сбора, обработки, идентификации и визуального сравнения данных, поступающих с мест про-

исшествий, что делает ее незаменимым инструментом в криминалистической практике.

Применение технологии IBIS позволяет оперативно сопоставлять полученные материалы с базами данных, определять возможные совпадения между стреляными гильзами, пулями и элементами оружия, что существенно ускоряет процесс установления связи между преступлениями и их исполнителями. Искусственный интеллект, интегрированный в алгоритмы обработки изображений, анализирует уникальные метки на баллистических объектах, формируемые при выстреле, и выдает наиболее вероятные совпадения. Более трех десятилетий данная система совершенствовалась, что позволило разработчикам создать сложные алгоритмы корреляции, способные быстро анализировать миллионы единиц вещественных доказательств, в результате следственные органы получают достоверные данные, повышающие результативность расследований.

Судебно-медицинская экспертиза играет не менее значимую роль в раскрытии преступлений, особенно если в ходе преступления имел место физический контакт между участниками или окружающими предметами. Важной составляющей криминалистического анализа становится исследование следов крови, что позволяет восстанавливать картину произошедшего и уточнять детали событий. Одной из инновационных технологий в данной области является программное обеспечение Bloodstain Pattern Analysis Software (далее – ВРА), разработанное для автоматизированного анализа распределения кровяных следов на различных поверхностях, применение которой способствует реконструкции механизма преступления, позволяя определить обстоятельства травмирования и взаимодействия участников преступного деяния [16].

Образование следов крови подчиняется определенным закономерностям, обусловленным физическими процессами. Например, капли крови, попавшие на поверхность, могут формировать различные узоры в зависимости от траектории движения, высоты падения и взаимодействия с объектами, анализируя полученные данные, эксперты могут выявить механизм образования пятен, определить характер ранений, количество ударов, местоположение преступника и жертвы. Программное обеспечение ВРА анализирует траекторию капель крови, моделируя их распределение и определяя причинно-следственные связи между событиями. Такой метод позволяет выявлять важные факты, недоступные при использовании традиционных подходов [17].

Автоматизация анализа следов крови существенно повышает точность судебно-медицинских заключений, исключая субъективные ошибки при интерпретации данных. ВРА обеспечивает возможность сравнения обнаруженных узоров крови с предполагаемыми сценариями преступления, что позволяет определять наиболее вероятные модели произошедшего события. В уголовных делах, где доказательства требуют научной обоснованности, такая технология становится важным инструментом для определения истинной картины событий и выявления несоответствий в версиях сторон.

Несмотря на преимущества, применение ВРА требует дальнейших исследований и тестирования, программное обеспечение должно пройти процесс валидации, подтверждающий соответствие установленным международным стандартам судебной экспертизы. На данный момент задокументированные случаи

использования ВРА в расследованиях остаются ограниченными, что создает необходимость в дополнительной апробации метода. Внедрение подобных технологий в экспертную практику возможно только при наличии научного подтверждения их надежности и точности, а в перспективе автоматизированные системы анализа следов крови могут стать неотъемлемой частью судебно-медицинской экспертизы, обеспечивая объективность и достоверность полученных результатов. Развитие подобных методик откроет новые горизонты в области судебно-медицинских и криминалистических исследований, позволяя совершенствовать подходы к сбору и анализу доказательств.

Искусственный интеллект используется в различных сферах деятельности, но его активное внедрение в судебную экспертизу и криминалистику началось относительно недавно. Достижения последних лет позволили применять автоматизированные алгоритмы в цифровой криминалистике для анализа мест преступлений. В судебных экспертизах системы искусственного интеллекта используются для сопоставления, сравнения следов и проверки объектов, обнаруженных на местах преступлений, с возможными орудиями преступления или личностью подозреваемых.

Еще одно направление развития судебных технологий связано с применением 3D-моделирования для определения физических характеристик вещественных доказательств. Судебные эксперты сталкиваются с задачами восстановления целостности объектов по их фрагментам, что особенно актуально при анализе костных останков или поврежденных предметов. В России подобные технологии применялись при изучении останков, связанных с расследованием обстоятельств гибели царской семьи. Метод 3D-сканирования использовался для восстановления зубочелюстной системы доктора Боткина, погибшего вместе с членами царской семьи, а современные трехмерные модели помогли провести сопоставление с архивными материалами.

Технология 3D-реконструкции лица, несмотря на ее относительную сложность, активно применяется судебными патологоанатомами, судебными антропологами и экспертами-криминалистами. Программные комплексы создают детализированные трехмерные модели лица на основе костных структур, позволяя реконструировать предполагаемую внешность [18, с. 81]. Еще одной инновацией является использование секвенирования ДНК при изучении сильно поврежденных биологических образцов. Такой метод позволяет анализировать древние останки, выявлять последовательность нуклеотидов и формировать уникальные генетические профили для идентификации личности [19, с. 1292].

Таким образом, резюмируем, что рассмотренные технологические разработки обладают большим потенциалом для совершенствования деятельности правоохранительных органов при производстве уголовного судопроизводства, однако их внедрение требует комплексного подхода, включающего не только технические усовершенствования, но и нормативно-правовую адаптацию. Для использования таких инноваций в следственно-судебной практике необходимо своевременное обновление законодательных норм, обеспечивающих их правомерное применение. Взаимодействие науки, информационных технологий и права позволит реализовать потенциал новых технологических разработок и ме-

тодик не только в теоретической плоскости, но и в рамках осуществления уголовного судопроизводства.

1. Сретенцев А.Н. О некоторых аспектах использования искусственного интеллекта в борьбе с преступностью // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2024. № 4 (62). С. 27–30.
2. Васюков В.Ф., Волеводз А.Г., Долгиева М.М., Чаплыгина В.Н. Преступления в сфере высоких технологий и информационной безопасности. М., 2023.
3. Ушаков А.Ю., Чаплыгина В.Н., Хайретдинова М.Д. Искусственный интеллект в обеспечении транспортной безопасности // Современное общество и право. 2024. № 3 (70). С. 131–137.
4. Колычева А.Н. Перспективы внедрения искусственного интеллекта в раскрытие и расследование преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 3 (92). С. 172–179.
5. Сретенцев А.Н. Технологии искусственного интеллекта, применяемые в правоохранительной сфере: современное состояние и перспективы развития // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 3 (100). С. 250–257.
6. Обидин К.В. О роли электронной информации в уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2020. № 10 (74). С. 231.
7. Forensic botanists: the science of using plants to find bodies. URL: <https://www.inverse.com/science/forensic-botanists> (дата обращения: 15.03.2025).
8. Michel Taylor. Using Plants' Spectral Signal to Detect Human Remains: September 11, 2020. URL: <https://www.forensicmag.com/568105-Using-Plants-Spectral-Signal-to-Detect-Human-Remains> (дата обращения: 15.03.2025).
9. FindLaw: Scientific and Forensic Evidence. February 07, 2019. URL: <https://www.findlaw.com/criminal/criminal-procedure/scientific-andforensic-evidence.html> (дата обращения: 15.03.2025).
10. Цифровая криминалистика: учебник для вузов / В.Б. Вехов [и др.]; под редакцией В.Б. Вехова, С.В. Зуева. М.: Юрайт, 2021. С. 102.
11. Государственная система обеспечения единства измерений – сканеры лазерные наземные. Методики проверки. ГОСТ Р 8.794-2012. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200101747> (дата обращения: 15.03.2025).
12. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210302/skaner-1599583359.html> (дата обращения: 15.03.2025).
13. Толстолицкий В.Ю., Борисов Н.А., Кузенкова Г.В. Технология дополненной реальности, обеспечивающая создание психолого-криминалистического портрета преступника и его розыск // Пермский юридический альманах. 2019. № 2.
14. Что такое смешанная реальность? URL: <https://docs.microsoft.com/ru-ru/windows/mixed-reality/discover/mixed-reality> (дата обращения: 15.03.2025).
15. Новая реальность здравоохранения. URL: <https://www.microsoft.com/ru-ru/hololens/industry-healthcare> (дата обращения: 16.03.2025).
16. Forensic Technology. URL: www.ultra-forensicstechnology.com (дата обращения: 15.03.2025).

17. Bloodstain Pattern Analysis Software. URL: <https://hemospat.com/#/0> (дата обращения: 15.03.2025).
18. Преступление века: материалы следствия: документально-архивная хроника событий, связанных с гибелью Российского императора Николая II, его семьи и их приближенных. В 3 т. Т. 2. М.: Следственный комитет России, 2021. С. 81.
19. Гомозова О.Ю. Возможность использования искусственного интеллекта в системе уголовного правосудия // Цифровая трансформация социальных и экономических систем: материалы международной научно-практической конференции / отв. редактор И.А. Королькова. М., 2023. С. 1290–1296.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные технологии, расследование преступлений, цифровые следы, механизм следообразования, цифровая криминалистика, нормативно-правовые аспекты, допустимость доказательств.

УДК 343.9

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ АДИС НА БАЗЕ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Щёголева Екатерина Александровна,
*слушатель факультета профессиональной подготовки,
переподготовки и повышения квалификации,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

Научный руководитель:
Тишков Сергей Александрович,
*кандидат политических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры криминалистики
и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

Статья посвящена вопросам применения современных автоматизированных дактилоскопических информационных систем и их возможностям в деятельности органов внутренних дел, в частности, при работе с отпечатками пальцев рук. Обозначены недостатки и преимущества использования данной системы в практической деятельности.

В условиях стремительного развития науки и техники традиционные подходы к дактилоскопической экспертизе постепенно уступают место инновационным решениям. Одним из решений, основанных на применении цифровых технологий, является создание «автоматизированных дактилоскопических информационных систем (АДИС), использование которых заметно повысило уровень организации и эффективность работы правоохранительных органов» [1].

«На современном этапе автоматизированный дактилоскопический учет МВД России представляет собой четко структурированный четырехуровневый комплекс, охватывающий всю территорию России и состоящий из АДИС районного, регионального, межрегионального и федерального (АДИС-ГИЦ МВД России и Центральная дактилоскопическая следотека ЭКЦ МВД России) уровней» [2, с. 169].

Используемая в МВД России АДИС «Папилон» обеспечивает автоматизацию процесса дактилоскопической идентификации для решения большого круга задач:

- установление личности различных категорий граждан;
- идентификация неопознанных трупов;
- установление причастности проверяемых лиц к ранее совершенным преступлениям;
- объединение преступлений, совершенных одним и тем же лицом.

АДИС «Папилон» регионального уровня, работающая в Орловской области, имеет центральную компьютерную систему и связанную с ней сеть станций удаленного доступа, охватывающих весь регион.

В центральной АДИС, полностью аккумулирующей дактилоскопическую информацию, производятся все проверки и выдаются результаты. На станциях удаленного доступа вводится информация оперативного учета (дактилокарты, следы, словесные описания, фотографии), передаваемая в центр для выполнения проверок. Она сразу же вливается в базу данных и становится доступной всем другим удаленным пользователям [3, с. 110].

Дактилоскопирование лиц, представляющих интерес, может проводиться как традиционным, так и бесцветным способом. «Использование устройства бесцветного дактилоскопирования – сканера «Папилон» позволяет сформировать изображение прокатанного пальца, контрольных оттисков, отпечатков ладоней. Папиллярный узор фиксируется точно, возможна многократная прокатка для получения оптимального результата. Порядок следования и расположение отпечатков и контрольных оттисков контролируется автоматически» [4, с. 27]. Получаемые таким образом высококачественные электронные дактилокарты оперативно передаются для проверки по массиву АДИС по всем следам с мест нераскрытых преступлений или для установления личности задержанного лица. Пересылка дактилоскопических объектов для регистрации их в удаленной АДИС осуществляется, как правило, в полностью автоматизированном режиме и не требует участия оператора.

Во множестве случаев АДИС позволяет установить лиц, причастных к преступлениям, по «горячим следам», что позволяет минимизировать затраты правоохранительных служб на оперативно-розыскную деятельность.

В базе данных АДИС по Орловской области находится 5 483 следов рук, изъятых с мест нераскрытых преступлений. Проверка следов рук осуществляется по массиву, содержащему более 500 тысяч дактилоскопических карт лиц, ранее судимых или представляющих оперативный интерес. По итогам работы за 2024 год в результате проведенных проверок по учетам следов рук установлено более 250 лиц, причастных к совершению преступлений, установлены личности 50 трупов.

Как примеры эффективного использования АДИС в раскрытии и расследовании преступлений можно отметить следующие:

В апреле 2024 года в Заводском районе г. Орла в своей квартире с признаками насильственной смерти обнаружен труп мужчины. При осмотре места происшествия эксперт-криминалист обнаружил и изъяс следы рук с поверхности дверной коробки. При проверке данных следов по базе данных АДИС установлено совпадение с отпечатком пальца гр. Р., который в течение суток был задержан, признался в содеянном и указал на двух своих соучастников.

В январе 2024 года в Верховском районе Орловской области благодаря качественной работе экспертов раскрыта кража имущества из домовладения в особо крупном размере. При осмотре места преступления специалист-криминалист обнаружил и изъяс след руки, оставленный злоумышленником. По базе данных АДИС удалось установить совпадение данного следа с отпечатком пальца руки ранее судимого за кражу, грабеж и незаконный оборот наркотиков 29-летнего местного жителя. После получения информации из ЭКЦ сотрудники уголовного розыска задержали подозреваемого. Мужчина дал признательные показания. Также при дальнейшей проверки было установлено, что задержанный причастен к совершению аналогичного преступления в Краснозоренском районе Орловской области, совершенного в декабре 2023 года.

Актуальность использования автоматизированных массивов дактилоскопической информации существенно возрастает в связи с реализацией Федерального закона от 25.07.1998 № 128-ФЗ «О дактилоскопической регистрации в Российской Федерации», поскольку массивы дактилоскопической информации многократно увеличатся за счет дактилокарт лиц, обязанных пройти такую регистрацию (военнослужащие, сотрудники МЧС России и др.). В ряде случаев именно дактилоскопическая информация позволяет установить личности граждан, по состоянию здоровья не способных назвать себя.

В декабре 2024 года из ИЦ ГУ МВД по Ростовской области в ЭКЦ УМВД России по Орловской области поступил запрос о проверке отпечатков пальцев рук мужчины, который проходил лечение в медицинском учреждении Министерства обороны, после ранения и не мог назвать себя. В 2022 году молодой человек был призван в ряды вооруженных сил на срочную службу и в прошёл обязательное государственное дактилоскопирование в военном комиссариате Орловской области. После окончания службы остался служить по контракту, на связь с родственниками не выходил. Благодаря наличию сведений в базе удалось установить его личность и восстановить связь с родственниками.

Следует отметить, что наряду со своими достоинствами система АДИС имеет и некоторые недостатки.

Одной из проблем является актуализация массива дактилоскопической информации за счет предварительной проверки потерпевших, материально-ответственных и иных лиц, следы которых могли быть оставлены вне связи с преступлением. Система в значительной степени перегружена подобными следами, что зачастую приводит к увеличению времени проверок.

Эффективность использования АДИС напрямую зависит от взаимодействия всех лиц, которые занимаются раскрытием и расследованием преступлений. В ряде случаев сотрудники оперативных подразделений не владеют инфор-

мацией о наличии следов преступника по конкретным нераскрытым преступлениям и по этой причине не используют их при отработке подозреваемых. Вместо этого представляют в экспертные подразделения массу дактилокарт (в основном – ранее судимых) для проверки по всей следотеке «на всякий случай», что, как правило, не дает результата.

К проблемам автоматизированных дактилоскопических учетов также можно отнести качество кодирования следов. Эффективное использование автоматизированных систем в раскрытии и расследовании преступлений невозможно без соответствующей подготовки сотрудников экспертно-криминалистических подразделений. В ряде случаев правила кодирования дактилоскопической информации, закрепленные в соответствующих методиках, не соблюдаются. Для проверки поступают следы, качество кодирования которых свидетельствует о низком профессионализме экспертов или операторов, не имеющих опыта экспертной работы. Поэтому для повышения качества этой работы целесообразно включить в программу дополнительного профессионального обучения в форме стажировки по экспертной специальности «Дактилоскопическая», проводимой на базе ЭКЦ МВД России, лекционные и практические занятия по работе с АДИС, что позволит повысить уровень отдельных специалистов при работе со следами рук.

В настоящее время в связи с развитием информационных технологий имеется необходимость в постоянном контакте с разработчиками программного обеспечения для обновления во всех подразделениях регионального и районного уровня морально и технически устаревшего оборудования, рабочих станций, а также программного продукта до более совершенной девятой версии «Папилон».

Таким образом, значимость АДИС «Папилон» для решения проблем технико-криминалистического обеспечения деятельности по раскрытию и расследованию преступлений не вызывает сомнения. Данную систему необходимо постоянно совершенствовать, применяя с этой целью наиболее современные подходы, что позволит оптимизировать решения многих задач оперативно-служебной деятельности. Дополнительным условием повышения эффективности использования АДИС выступают совершенствование взаимодействия сотрудников органов внутренних дел и подготовка сотрудников подразделений экспертно-криминалистических учетов.

-
1. Кочерга А.А. Актуальность и проблемы использования автоматизированных систем в работе с криминалистическими учетами // Общество и право. 2011. № 2 (34). С. 32–34.
 2. Синеоков Д.В., Тишков С.А. Современное состояние и перспективы развития автоматизированных дактилоскопических учетов на региональном уровне (на примере Орловской области) // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сб. матер. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2015. С. 169–170.
 3. Васюков В.Ф., Зюзина И.В. Проблемы производства дактилоскопических экспертиз на современном этапе развития компьютерных технологий // Закон и право. 2019. № 3. С. 110–111.

4. Дружинина О.О., Кузнецова М.В. Методика кодирования папиллярных узоров в АДИС Папилон: методическое пособие / под ред. Н.В. Розовой, 2016.

Ключевые слова: криминалистика, дактилоскопический учет, АДИС «Папилон», дактилокарты, идентификация.

УДК 343.9

Сборник статей

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

Подписано в печать 18.07.2025. Формат 60х90 1/16
Усл. печ. л. – 17,38. Тираж 22 экз. Заказ № 1000

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2